

Кали Джегутанов

ЗОЛОТОЙ КРЕСТ

Ставрополь
2016

УДК 821.352.2
ББК 84(2=602.1)6-44
Д 40

Джегутанов К.С.-Г. Золотой крест: исторический роман / Перевод с абазинского. – Ставрополь, 2016. – 356 с.

Перевод с абазинского – В.П. Бутенко.
Редактор-консультант – П.К. Чекалов.
Предисловие – А.Х. Дзыба.
Оформление обложки – Н.Г. Крицкий.
Иллюстрации – А.М. Каблахов.
Корректор – И.Е. Пекарская.
Верстка – Б.М. Хасароков.

В основе исторического романа К.С.-Г. Джегутанова «Золотой крест» (1981–1983) лежит многовековая борьба абазинского народа за сохранение своей религиозной и национальной самобытности, противостояние насильственной христианизации и исламизации. Автору удалось ретроспективно воскресить различные стороны национального бытия, осветить их социальную, психологическую, историческую подоплеку в тесной связи с судьбами людей. Знание жизни народа, его обычаев, душевного склада и нравственных представлений составило почву для правдивого живописания национальных характеров. Все эти аспекты взаимосвязаны и придают повествованию эпический размах.

*Издательский проект задуман и осуществлен
Национально-культурной автономией абазин
Ставропольского края «Абаза».*

Национально-культурная автономия
абазин Ставропольского края «АБАЗА»
выражает огромную благодарность за оказание
финансовой помощи в издании книги
«ЗОЛОТОЙ КРЕСТ»

Гумба Михаилу Рамазановичу,
Экба Альберту Георгиевичу,
Ашкацао Руслану Хизировичу,
Малхозову Владимиру Александровичу,
Хуранову Али Шахимбиевичу,
Дагужиеву Шахимби Адамовичу,
Хапсирокову Мухадину Абдуловичу,
Камову Осману Магометбиевичу,
Коцба Ахмеду Карповичу,
Тлисову Назымби Яхьяевичу

ОТ ИЗДАТЕЛЯ

Сразу после выхода в свет романов К.С.-Г. Джегутанова «Золотой крест» (1981) и «Лаба» (1983) стало ясно, что наряду с «Азаматом» И. Табулова, «Горстью земли» Б. Тхайцухова они являются одними из самых лучших творений не только автора, но и всей абазинской словесности. Действительно, до Джегутанова не было такого крупного эпического полотна, столь ярко и выразительно прослеживающего судьбу абазинского народа на протяжении столетий. И сегодня, спустя более 30 лет со времени издания романов, эта оценка не устарела: «Золотой крест» и «Лаба» до сих пор остаются в своем роде непревзойденными памятниками абазинской эпической прозы. Именно этот факт сподвигнул национально-культурную автономию абазин Ставропольского края приняться за перевод и издание этих романов на русском языке.

Но, перечитывая эти произведения сегодня, необходимо иметь в виду, что писались они в советское время, когда господствовал атеизм, вследствие чего в них отразились как авторская позиция, так и мировоззренческие веяния своего времени, которые мы не имеем права подправлять задним числом. Важными для нас остаются воплощенные в художественном слове борьба абазинского народа за сохранение своей религиозной и национальной самобытности, героическое противостояние насильственной христианизации и исламизации, изображение литературными средствами самого трагического процесса, через какие мытарства и страдания, с какими колоссальными жертвами и потерями приходилось прорываться нашим предкам сквозь тьму веков. В этом плане романы Кали Салим-Гериевича не потеряли своего эстетического и исторического значения и не потеряют, покуда абазинское слово будет звучать на этой земле.

Мысль о необходимости перевода произведений Джегутанова возникла сразу после выхода их в свет. Свидетельством тому выступает факт подготовки еще в то время подстрочного перевода «Золотого креста» М. Магажиковым. (Этот подстрочник сохранился в архиве писателя). Но все же на протяжении длительного времени не находилось конкретного лица, кто решился бы сдвинуть с места положение дел. И вот явилась девушка – Алла Ашба, студентка Ставропольского педагогического института, которая составила проект по переводу романа «Золотой крест», летом 2014 г. поехала с ним на молодежный форум «Машук» и выиграла грант. Это событие положило начало длительному процессу по переложению и изданию романов «Золотой крест» и «Лаба» на русский язык. Представители национально-культурной автономии абазин Ставропольского края обратились к известному ставропольскому и российскому писателю В.П. Бутенко, трижды лауреату премии Губернатора Ставропольского края, главному редактору альманаха «Литературное Ставрополье», с просьбой о художественном переводе романов. Он выразил согласие, принялся за работу и представил готовую рукопись. Параллельно шла работа по подготовке предисловия, иллюстраций, оформления обложки будущей книги. Все это свершилось не в одночасье, понадобилось довольно длительное время (около двух лет) кропотливой организационной и творческой работы, чтобы роман «Золотой крест» (в состав которого четвертой частью входит и роман «Лаба»; подстрочный перевод выполнен Б. Хасароковым) увидел свет. И с самого начала – от замысла до воплощения идеи – во главе этой работы стояла Армида Хизировна Чагова, Председатель Совета национально-культурной автономии абазин Ставропольского края «Абаза». Если бы не ее воодушевляющий порыв, если бы не ее организаторский талант, если бы не ее личные финансовые вложения, – сегодня мы не держали бы в руках это замечательное издание. Это факт очевидный. От лица всего абазинского народа выражаем ей глубокую признательность!

Выражаем огромную благодарность переводчику романа – писателю В.П. Бутенко, тактично и бережно переложившему на русский язык сюжет и образную систему романов Джегутанова!

Не можем не выделить и не выразить слова особой благодарности Ашба Алле, с почина которой сдвинулся с места и реализовался проект общенационального культурного значения!

Спасибо всем, кто в той или иной степени был причастен к подготовке и изданию данной книги!

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ТЫСЯЧЕЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ

В истории каждого народа есть свои незабываемые страницы. И память о прошлом – это не только воспоминание о былых подвигах и победах, героических свершениях, легендарных предводителях, это также памятование о неудачах, ошибках, заблуждениях, трагических событиях. Прошлое своего народа нужно знать, чтобы жить сегодня и быть завтра. Появившиеся в 1981 – 83 годах романы К. Джегутанова «Золотой крест» и «Лаба» – факты бесконечной жизнеспособности абазинского народа, его исторической памяти.

Действие дилогии не просто удалено от нас на целые столетия, оно охватывает огромный пласт времени, исчисляющийся тысячелетием. Автор не разворачивает непрерывное бытописание абазгов – абазин на протяжении всего этого временного пространства, а обращается к важным историческим вехам, погружает читателя в переломные, трагические периоды, связанные с насильственной христианизацией и исламизацией, выписывая их подробно, показывая, как проходил процесс обращения в новую веру.

Так, первая часть романа «Джандра и Яфат» повествует о событиях 6-го века, когда византийский император Юстиниан занялся искоренением язычества и распространением христианства. Известно, что в свое время он послал в Малую Азию епископа Ефесского Иоанна, крестившего до 70 тысяч язычников, построил около сотни церквей. Все это делалось во имя и во славу Христа. Но каково было тем, кто желал следовать своей вере, «уходящей в глубину веков, с которой родились и которую исповедовали их пращуры?» Вот главный ракурс первой части романа, одной из центральных

фигур которой выступает Яфат. Под ним подразумевается историческая личность Евфрат, родившийся на территории Абхазии, но выучившийся в Константинополе и посланный Юстинианом в Абазгию для утверждения христианства.

Время действия второй части «Дамхур и Мамхур» приходится, скорее всего, на 16-й век, когда турки завоевали Византию и стали приглядываться к другим близлежащим землям. Первая глава ее и являет собой некую историческую справку, связывающую между собой события, между которыми пролегло почти тысячелетие.

Если местом действия первых двух частей является территория современной западной Абхазии (историческая родина абазин), то действие третьей части («Алхаш и Шабат») разворачивается на северных склонах большого Кавказского хребта, куда абазины вынуждены были переселяться из-за «бесконечных бедствий и притеснений завоевателей». Можно предположить, что между событиями второй и третьей частей протекает более ста лет.

Хотя роман «Лаба» вышел отдельным изданием в 1983 г., по сути, он является прямым продолжением «Золотого креста», 4-ой его частью. Основные герои и персонажи здесь те же, что и в предыдущей части, время действия – вторая половина 17 века. Финал романа приходится на конец русско-турецкой войны 1672 – 1681 гг.

Таким образом, в основе романов К. Джегутанова «Золотой крест», «Лаба» лежат исторические факты, показывающие жизненный путь абазинского народа с древнейших времен, его борьбу против иноземцев и насаждения чуждых религий. По форме изложения диалогия представляет особый вид дневниковой записи, но каждый конкретный факт, образ, событие изображается в общей связи с эпохой, что создает ощущение достоверности. Используя исторические документы, народные предания, переплетая быль с легендой, легенду с былью, автор создает целую панораму жизни своего народа. Ему удалось воскресить ретроспективно различные стороны национального бытия, осветить их социальную, психологическую, историческую подоплеку в тесной связи с судьбами людей. Все эти аспекты взаимосвязаны и придают повествованию эпический размах.

В романе особенно ярко представлены образы народных предводителей – людей с сильной волей, прошедших большую суровую жизненную школу, военную закалку. Так, в первой части романа «Джандра и Яфат» драматизм гибели князя Джандры обретает

мифологический характер. В художественном мире Джегутанова безвременная смерть человека предстает не только как конец жизни, но одновременно и как начало инобытия в памяти живых, в бесконечной памяти народной.

Во второй части «Дамхур и Мамхур» снова изображается жестокая картина столкновения религий, жертвой которого становятся любящие друг друга молодые сердца. Описание взаимоотношений, гибели Дамхура и Мамхур по красоте и пластичности сопоставимо с великими произведениями о любви – «Ромео и Джульетта», «Тахир и Зухра»...

Нравственные правила, представления о чести, порядочности привиты героям через генетическую память, через преемственность, переходящую в традиции. Принципиальность и бескомпромиссность героев поучительны для нас и сегодня: они вобрали в себя лучшие черты этноса. Автору удалось воплотить полноценные художественные образы, сохранившиеся благодаря историко-генетической памяти, фольклору, «молве» в сознании народа. Писатель хорошо осведомлен о событиях описываемой эпохи. Он легко протягивает связующие нити от одного эпизода к другому. У него что ни герой, – то целая история, за которой встает большое и характерное явление.

На авансцену третьей части «Алхаш и Шабат» выходит князь Шабат, чья судьба неразрывно связана с судьбой соплеменников. Он воплощает в себе качества мудрого лидера, отвечающие народным представлениям о типе национального героя. Антиподом ему выступает Алхаш – олицетворение низменных страстей и устремлений. В погоне за богатством он утратил человечность, стыд и совесть. Полное отсутствие нравственных тормозов толкает персонажа на предательство не только своего родного брата, но и всего народа. Образ Алхаша – живое воплощение того кризиса, который охватил верхи в связи с насаждением мусульманства среди племен Северного Кавказа.

Уже в третьей части намечается, а в четвертой («Лаба») реализуется процесс сближения абазинского и адыгского народов с русским. И движение это в романе представлено не только как оптимальное, единственно верное, но и как неизбежное.

В основу романа-дилогии К. Джегутанова «Золотой крест», «Лаба» легли значительные исторические события. Знание жизни народа, его обычаев, душевного склада и нравственных представлений составило почву для правдивого живописания национальных харак-

теров. Автор сумел раскрыть, говоря словами Гегеля, «дух эпохи, дух нации». На конкретных исторических примерах жизни абазин автору удалось показать этническую разобщенность и раздробленность. И субъективное представление писателя не расходится с исторической правдой.

Айшат ДЗЫБА,
*кандидат филологических наук, доцент,
заведующая отделом литературы и фольклора
Карачаево-Черкесского института
гуманитарных исследований*

У СТАРОГО МУДРЕЦА

То, о чем я хочу поведать, сокрыто от нас многими столетиями. Сквозь даль времён прошло оно, но не померкло! До сих пор есть немало людей, слышавших об этом, но рассказать могут лишь единицы. Помню, в детстве я узнал о судьбе далеких предков из уст старика Амина, у ночного костра на сенокосе. А позже слово в слово это повествование повторил молодой чабан Слиман. События и картины, переданные ими, были настолько яркие и волнующи, что навсегда запали в мою душу, хотя не сразу возникла мысль написать о них. Если заходил где-нибудь разговор о моем абазинском народе, я упоминал о Лабе. И, воспринимая мой рассказ с удивлением, многие, однако, сомневались в его подлинности. Впрочем, иной раз и меня самого одолевали сомнения...

Но вот однажды по заданию редакции пришлось добираться в дальний аул. Передо мной стояла довольно простая задача: написать об истории этого селения, соотнося его нынешний облик с прежним. К счастью, в нем нашлось множество коренных жителей, стариков и старух, живых участников прошлого. Мой журналистский блокнот был исписан их воспоминаниями. Этого хватило бы не только на газетную публикацию, но и на хорошую книгу! Между тем собеседники упорно советовали обратиться к старику Жихи Уатауашу, уверяя, что не найти лучшего знатока истории и преданий нашего народа.

Он жил на горке посреди аула. В просторном дворе, куда я вошел, стоял длинный дом, крытый железом, а чуть поодаль ютился под камышовой крышей покосившийся домишко, над которым, точно бы минарет, возносилась старинная горская плетеная труба. Такие строения в ауле были редкостью. Во дворе этом, огорожен-

ном плетнем, было сумрачно, словно в ненастный день. Во всем чувствовалась хозяйская рука. Клеть, сплетенная из ореховых прутьев, золотилась засыпанной кукурузой. Очищенными початками и вязанками красного перца увешан был весь фасад маленького дома, а перед ним, на крыше навеса, красовались ядра горской и русской тыквы. За сквозящими разноцветной листвой деревьями открывался огород, уставленный наподобие пирамидок стожками кукурузянки. Сохлые картофельные стебли, увядшая трава и ботва снесены в кучи. Всё подворье и огород напоминали старинный абазинский двор, в котором хозяйничал беспокойный и работающий человек. Впрочем, никакой живности здесь не оказалось.

Двери и ставни добротного дома были наглухо закрыты. И только тогда вспомнилось мне, что у хозяина, по словам аульчан, недавно умерла жена. «Старика нет дома», – мелькнула в голове догадка. Но открытые ставенки и полуотворенная дверь домика под камышом побудили меня подойти к нему и постучаться. Постояв в тишине, я уже собрался было уходить, когда в дверном проеме появился сгорбленный старик, похожий на заранее составленный мною образ. В его синих глазах, устремленных из-под седых и очень густых бровей, читался несколько недоуменный вопрос. Сквозь белую щетину бородки и щек проступала бледная, болезненного оттенка кожа. Высокий лоб, испещренный морщинами, выказывал почтенный возраст и следы прошлых невзгод. Не знаю почему, но мне он вдруг представился молодым, сильным! Этот человек, подумалось в ту минуту, мог бы вполне быть абреком, бесстрашным партизаном, рассудительным и рачительным председателем колхоза, знаменитым чабаном...

Уатауаш заметил мою нерешительность и заговорил первым:

– Ты что-то хотел? Проходи.

– День добрый! Как поживаете, дада¹? – ответил я поспешно, протягивая руку.

Старик, обхватив мою ладонь своими сильными пальцами, держал ее и пристально окинул меня взглядом, точно желая узнать и получше рассмотреть.

– Живем пока, дорогой. Дай Аллах тебе здоровья. Заходи, будь гостем...

Я по-прежнему ощущал некоторую скованность. И, чтобы не

¹ Дада (абаз.) – Дедушка.

тратить времени впустую, жалея старого человека, рассказал о себе и о цели визита.

— Да ты, оказывается, приезжий! — потеплевшим голосом воскликнул Уатауаш. — А я думал, кто-то из наших парней пришел справиться о моем здоровье. Болезни, будь они неладны, оторвали меня от жизни, люди не забывают мой дом. Пусть душа моя станет крышей над их головами! Заходи, дорогой... Нехорошо получилось, опростоволосился прямо-таки... А писателей я уважаю...

Его слова «нехорошо получилось» прозвучали как укор и, подумав, что, вероятно, нарушил этикет, я поспешил сказать:

— Извини, дада. Я виноват, что нарушил твой покой.

— Нет-нет, дорогой, ты ни в чем не виноват, — возразил повеселевший старик. — Это я... Не подобает встречать гостя вопросом: «Ты что-то хотел?» Не по-горски это. Так намыс² наш поступать не позволяет. Если человек пришел с чем-то срочным, с горестной вестью, тогда и порога достаточно, чтобы объяснить. В других случаях гостя непременно в дом приглашают. Не дело с ним на дворе беседовать, не по обычаю это. Не медли, дорогой! Когда заходит добрый человек, болезни из дома улетучиваются, — так говорят в народе!

Уатауаш, оказывая мне уважение как гостю, открыл дверь, чтобы я прошел в дом первым. Но я наотрез отказался. И лишь вслед за ним попал в полутемную кухню. Ничего подобного я не видел давно! Вокруг очага полукругом было сложено низкое сиденье из глины, а над самым очагом на черной от копоти цепи был подвешен котел. Вдоль стен располагались грубо сколоченные двуножные скамейки, а пониже их — на четырех опорах. Вблизи очага в несколько уровней находились полки с разнообразной старинной утварью. Особенно бросилась мне в глаза деревянная миска тонкой ручной работы. Под полками стоял на трех ножках круглый столик из красноватого дерева. Рядом с ним расположились котлы, медные тазы и кумганы.

Всё это я обежал жадным взглядом, пока возглас хозяина из-за открытой двери: «Проходи сюда!» — не позвал меня в другую комнату. Увиденное мной напомнило убранство нашей кухни в далеком детстве. И вновь подумалось: «Почему он живет в лачуге, когда рядом такой добротный дом? Зачем пользуется старой утварью, годной разве что для музея?» Маленькая комната, смежная с кухней, очевидно, служила спальней. В ней помещались деревянная

² Намыс (абаз.) — воспитанность, уважение к гостю.

кровать с высокими спинками, скамейка и два сундука: на нижнем, массивном, стоял другой, поменьше. Оба они по-старинному были расписаны разноцветными красками. На столе между кроватью и лавкой, внося в обстановку современный колорит, стоял радиоприемник «Рекорд», а перед ним в аккуратных стопках хранились газеты и журналы. «Не совсем уж в плену у старины», — улыбнулся я, заметив это.

— Садись, уважаемый, — предложил хозяин, отодвинув плетеный стул, стоявший в углу. Но сделать этого я не решился и сел лишь после того, как Уатауаш занял подобающее ему, как старшему, место.

— Вот так и живу. Один во всем дворе, точно шайтан, — вздохнул он, будто прочитав мои мысли. — Незаметно покинули силы. А что может быть хуже одинокой старости? Раньше даже самому ненавистному человеку скорее всадили бы кинжал в сердце, чем сказали: «Пусть твоя старость будет безрадостной!» Настолько в нашем народе трепетали перед ней, негодницей. А пожелать человеку счастливой старости лучше, чем, скажем, осыпать золотом! Вот, парень хороший, такая участь и меня постигла.

Слова старика обжигали душу. Несчастье этого человека свинцовой тяжестью клонило мою голову, будто в чем-то и я был виноват пред ним. Однако ничем не мог помочь. И эта безысходность печалила меня еще больше. И никто в мире, к большому сожалению, не сумел бы облегчить его участь. «Неужто этот мудрец оплакивает себя? — размышлял я. — Или, может быть, он уже себя ненавидит и поэтому так терзает свое сердце?»

— Видишь, сынок, я опять с жалобами, — собравшись с мыслями, продолжил он. — Не успел гость выложить, с чем пришел, а я уже со своими бедами... Так случается с теми, кто потерял голову. Так и со мной случилось. Говорю открыто, потому что ты писатель. Вы — народец дотошный. Любите во всё вникнуть и по-умному разобраться. На свете, если сильно захотеть, ото всего можно спастись, кроме одной смерти. Сидящий перед тобой, сторбленный и немощный, не раз смотрел ей в глаза! Тот, кто забирает наши души, говорят, начинает с хороших людей, не трогая до времени плохих. Он много раз обходил меня, пока не довел до такого жалкого состояния.

— Дада, почему так терзаешь сердце, называя себя несчастным? Тебя уважает весь аул!

— Видит Всемилостивый, на людей и на прожитую жизнь мне

грех обижаться. Есть что покушать, одет и обут. Много ли мне надо, дорогой? Ни в чем не нуждаюсь. Не потому я сокрушаюсь, что постарел, слабым стал. На то есть и другие причины. Как говорится, в любом деле не зная начала, не узнаешь конца.

Уатауаш долго молчал, видимо, думал, с чего начать свой рассказ. Но в тот момент, когда, слабо откашлявшись, он собрался было говорить, раздался скрип открывающейся двери, и в комнату вошла молодая женщина с мальчиком пяти-шести лет. По оживленным и веселым лицам можно было легко догадаться, что дом для них вовсе не чужой. Но, увидев незнакомца, оба несколько растерялись. Я встал и протянул женщине руку, а малыш промчался мимо и бросился старику на шею. Уатауаш обнял мальчика и поцеловал. Вошедшая поставила тяжелую корзину на пол и стала объяснять, почему задержалась. Из ее сбивчивого рассказа следовало, что послала Кыну (вероятно, дочку) в магазин, а та долго не возвращалась. И вот даже Мыта (скорей всего, сынишка, что пришел с ней) очень проголодался. Эти трое настолько радовались друг другу, так живо переговаривались, что, показалось, перестали замечать присутствие постороннего. Обрадовался и я, заметив, что у старика поднялось настроение.

— Это — Мыта-Мытатыра. Вот кто любит меня. Он давненько не приходил, и дедушка успел по нему соскучиться, — шутил старик, теребя детские волосы. — Это мой самый любимый внук. Когда вырастет, то обязательно повезет меня на вертолете на Уруп и Лабу. Верно, внучок?

— Да! — отвечает мальчик, полный гордости от обращенных к нему слов.

— А это — моя дочь, — представляет старик красавицу. — Живет неподалеку. Кроме нее, есть у меня еще две замужние дочери, но они в других аулах.

«Как же можно считать себя несчастным, имея столько дочерей? И к чему терзаться? — невольно удивился я, но тут же нашел и объяснение. — У каждой — своя семья. Ашиджем³ из чужого котла сыт не будешь».

Вскоре дочь удалилась на кухню, и оттуда запахло жареным мясом, мамалыгой и еще чем-то весьма аппетитным. Спустя не-

³ Ашидж: абаз. «ашвыджъ» — национальное блюдо из свежего сыра и домашней сметаны.

много мы с хозяином были приглашены за стол. Уатауаш потчевал меня, хваля каждое блюдо и подкладывая мне снова и снова. Так мы с ним славно пообедали, а затем вернулись на прежние места.

– Хотел тебе, дорогой, сказать вот что, – принялся старик не торопясь за свой рассказ. – Наш народ немногочисленный. Ты это знаешь не хуже меня. Но у него богатая история. Да, большая и печальная, если не сказать больше. Если и пострадал кто из-за своей совести и чести, так это наш народ! Натерпелись, скажу тебе, уважаемый Казбек, от этой мусульманской религии больше, нежели от врагов. Почти до корней сгубила она наш гордый и мужественный народ.

Пока Уатауаш говорил, его родные, заглянув к нам и попрощавшись, покинули дом.

– Моя фамилия Жихи. Её на белом свете ношу только я один. Так вот, если выйти из аула и направиться по той дороге, которая повстречается, то придется пройти путь в несколько столетий. Он приведет тебя в Хаты!

– А где находится Хаты? – по-детски перебил я, вспомнив это слово из шутиливой сказки.

– Теперь его не найдешь! Такое государство существовало в незапамятные времена. Слышал я, что мы выходцы из той страны. Люди грамотные должны установить, где и когда это было. Так вот, мою фамилию носил некогда многочисленный воинственный род. Не только абазины, среди которых он жил, но и другие народы называли моих предков, расселившихся вдоль черноморского побережья от Туапсе до Гагры, – Жихи. Это был, без сомнения, могучий род. Суди сам: они обрабатывали железную руду, собственноручно ковали оружие для защиты своей земли.

Старик, воодушевляясь, рассказывал одну историю за другой, удивляя меня познаниями.

– Дада, откуда ты обо всем этом вычитал? – не сдержавшись, обратился я к хозяину.

– Нет, дорогой. Кроме корана я ничего больше читать не умею, да и то не понимая значения. И не встречал ученого человека, который мог бы поведать мне о давнем. То, о чем я говорю сейчас, слышал от аксакалов. Они не раз повторяли: «Кто теряет свою историю, тот теряет и голову». Мудрецы, Казбек, учат мудрецов. Даже устраивались соревнования знатоков истории, сказочников, песельников.

Я видал своими глазами не только отца и деда, но и прадеда. Его отец, только представь себе, знал судьбу семи поколений! Прадед передал свои знания моему деду, а тот – моему отцу. Я – единственный, кто сохранил родовую традицию.

Уатауаш, взволнованный, с румянцем на щеках, встал, извлек из верхнего сундучка несколько толстых тетрадей. Положив их на стол, он повернулся ко мне:

– В них всё записано. Всё, что я знаю, начиная с Жихов.

Я был ошеломлен признанием старика и, вскочив с места, приблизился к столу. На потемневших от времени обложках не оказалось ни одной буквы. Но тут хозяин распахнул лежащую сверху тетрадь, и я увидел вязь арабских букв.

– Ты же утверждал, что не понимаешь арабского! – воскликнул я.

– Я использовал алфавит арабский, но написано всё на нашем языке. Хотя то, что нацарапано здесь, вряд ли кто разберет, кроме меня. Это единственное, чем коран помог мне. – Уатауаш вздохнул и огладил бороду. – Хотя теперь можно писать и на абазинском, раньше ведь мы своей письменности не имели. Здесь я изложил свои воспоминания... Да, человек думает, а время не ждет. Было у меня, кроме дочерей, два сына. Надеялся, что продиктую одному из них, а после доведет он до ума мой рассказ. Но все мои надежды поглотила проклятая война. Оба погибли! Горе поверх горя. И старуха моя отправилась к сыновьям... И, как видишь, во дворе я один. Земля для всех нас – временное пристанище. И душа моя не обернута в железо, – не сегодня, так завтра уйду навек. Но мне жаль лишь одного: предки мои пронесли, бережно храня, историю нашего рода через века, а на мне обломится последняя ветвь некогда могучего древа Жихов. И в такое время, как наше, никого не останется, кто бы носил наше родовое имя. Вот что гложет меня! Поэтому и считаю себя самым несчастным и одиноким...

Хотя по обычаю и не положено соваться к старшему со своими советами, я всё же возразил:

– У тебя три дочери и внуки, разве можно говорить, что ты одинок и совсем без наследников? Свою фамилию ты можешь передать маленькому Мыте или другому внуку. И не стоит переживать за свои рукописи, – найдется множество единомышленников, которые охотно помогут тебе. И имя твое навеки останется в памяти нашего народа!

Глаза Уатауаща на миг озарились радостным светом. Но и его, и мое сердце тотчас заволокла темнота, как если бы в комнате погасла лампа. Мудрец стал сосредоточенно перелистывать страницы рукописи, пока не нашел то, что искал.

– Времена Жихов были жестокие. Роды враждовали между собой. Один у другого воровал скот, оспаривал власть. На наш народ постоянно нападали враги, желая отобрать земли. Это и арабы, и греки, и римляне, и турки, и крымчаки. Словом, захватчиков хватало. Государство абазин, находясь в непрерывных войнах, ослабло и распалось. Из-за того, что народ был стеснен неприятелями, вожди наши стали искать более спокойные места, чтобы сохранить народ. По этой причине им пришлось преодолеть хребет и спуститься по северным склонам гор в низины. Здесь поселились они на плодородных предгорных угодьях, вдоль речных долин. Много-много лет жили они в тех краях мирной и размеренной жизнью, становясь сильными и богатыми, как прежде. Тесно сотрудничали с абхазами и другими племенами, продавая им скот, оружие, изделия из золота и серебра. Что только не исходит из богатства! Когда человек что-то начинает иметь, он не становится лучше. Тут и появились среди завистников и недоброжелателей те, кого принято называть абреками, а попросту – воры. Все абазины, прознавшие о плодородной местности Мшышты, устремились сюда, заполняя свободное пространство вплоть до равнины. Наш аул также состоит из выходцев Мшышты. Последние абазины перебрались через хребет сюда во время русско-турецкой войны. Ты спросишь, сколько минуло с тех пор лет? Несмотря ни на что, народ хранит имена и названия. Вот в этих тетрадах мною многое записано. Как люди наречены именами, так свои наименования имеют горы, долины, реки, даже родники: Санчара, Аджара, Ардзы, Лаба, Уарп, Мара, Маруха, Архыс, Ахсауыт, Пхйа... Сколько их всего?! И каждое из них имеет свою предысторию, несет на себе тавро, отмеченное народом. Наименования эти выступают свидетельством пребывания нашего народа в этих местах, связаны с подвигами героев, обычаями, трагическими событиями, страданиями людскими. Словом, сынок, названия – это вехи народной памяти. А я не оставляю ни одного свидетеля после себя...

Когда Уатауащ завел речь о священных для абазин местах, мне припомнился рассказ о реке Лабе и захотелось узнать об этом из уст знатока старины.

– Ты хоть раз видел Лабинскую долину? – вопросом на вопрос откликнулся хозяин.

Я кивнул.

– Где ты бывал?

Мои скудные знания о знаменитой местности его явно разочаровали.

– С Лабой не стоит шутить! – поднял он на меня свои глаза, в которых читался укор. – В нашем краю ни одна река не сравнится с ней по силе и своенравию. Как пила вонзается в сырую древесину, так и Лаба рассекает скалы, преграждающие ей путь, и сломя голову бросается вниз. Для меня Лаба не только напоминание о предках, – я душой сроднился с ней и ее природой. Этот край не раз приводил меня на край смертельной пропасти, а то спасал удивительным образом. В последнее время я не покидаю аула. А прежде не было года, чтобы не посещал те места, не любовался ими. Э-э, сынок... Законы гор суровы. Наши предки так говорили: «Если ты мужчина – гора под твоими ногами, а если нет – ты в ее руках». Видишь, Казбек, хотел рассказать об одном, а меня понесло в горы, – рассмеялся Уатауац, поглаживая бороду.

Я догадался, что он решал, в какое русло направить дальнейший разговор и поспешил успокоить его:

– Прости, что перебиваю тебя, дада, но ты обещал рассказать о себе, хотя, наверное, очень устал...

– Не жалею меня, дорогой. Мы живем, но и смерть не дремлет, может подкараулить, не спрашиваясь. Если то, что ведомо мне, имеет для нашего народа хоть какое-то значение, – не хочу забирать с собой в могилу. Не только о Лабе есть рассказ, но существует и множество других. Это словесные свидетельства о мужестве и храбрости, честности и благородстве, обычаях и обрядах, о счастье и великих бедствиях наших предков. Желаешь послушать, – пожалуйста...

Обратившись во внимание, больше вопросами я старика не прерывал. И то, что услышал, занес на бумагу.

Часть первая

ДЖАНДРА И ЯФАТ

1

Это произошло на побережье Амшынайка (так называли тогда наши предки Черное море), когда жихи уже утратили не только былую силу и славу, но и численность. Они поневоле стали сближаться с более сильными соседями. Половина жихов примкнула к соплеменникам, которых называли абазгами. Именно владельцы этого большого племени всегда возглавляли объединенные княжества. Но сами себя они именовали «абаза», а земли свои – абазапш.

Другая часть жихов слилась с адыгами, усиливая их собой и одновременно растворяясь среди них, теряя собственные язык и обычаи, сумев сохранить лишь самоназвание: жихи. Другие народы их называли то джихами, то зихами. Так гласят предания.

У нынешних людей больше возможности установить, как всё тогда свершалось на самом деле. Пока не усвоишь историю своего народа, не поймешь и не оценишь преимуществ сегодняшней жизни. Это уж точно.

Как бы кощунственно ни звучали мои слова, но в ужасах и бедах, выпавших на долю моих предков, я виню привнесенные завоевателями и утвержденные мечом религии. Если пришлый навязывает тебе свое верование, ты становишься рабом и всю жизнь вынужден терпеть муки. Разве не хватало нам собственной веры, уходящей в глубину веков, с которой родились и которую исповедовали наши пращуры? Они считали: как у человека есть родители, так и явления природы повелевают боги. Их было множество! Бог души – Псатах, плодородия – Хапш, воды – Дзан, лесов – Бнах, охоты – Запш, моря – Хайт, пчел – Марйан, красоты – Гунда...

Однако у богов, которые делали людям добро, были и враги, творившие зло. Жили в народе поверья, что в воде обитают Алмасты, человекообразные огромные существа женского пола. Людскому

мужеству противостояли Айныжи-великаны, знанию – ведьмы-колдуньи Уйд, мысли путает – Черный джин, а красотой пленяет Джаджа, на самом деле, лохматая безобразная колдунья. Люди не только сторонились их, но даже имена их боялись произносить вслух. А если кто-то невзначай проронит, то тут же поправится: «Пусть имя его помянут за подушкой».

Помимо того, каждый аул, а то и каждый род имел свою ныху. Ныха – тоже божество, вернее – мнимое божество, идол. В такой роли выступали лес или отдельное дерево, река, холм, кладбище, животное или птица, пещера или пропасть... Им поклонялись точно так же, как и богам. Вот абазины до сих пор чтут кузню как место сбора, принятия решения, принесения клятвы. И подобное почитание связано с историей жихов. К примеру: месту захоронения Инала и Кубы поклоняются до сих пор. Точно так же боготворят старую крепость Кайдух. Да, в каждом из нас проявляются отголоски тех времен.

За свою историю абазины пригрели много религий, но ни одна их самих не обогрела. И каждая вырвала свою долю живой народной плоти и проносила сквозь столетия, отмеченная кровью нашего народа. Но на одной из них тысячекратно больше крови и насилия, чем на всех остальных вместе взятых. Она разъединила нас, разбросала, извела, и оттого тяжелый камень не спадет с моего сердца и по сей день.

Я понимаю, что такие речи не подобают моей седой бороде. Знаю, что не услышишь ничего подобного из уст человека моих лет. В таком возрасте люди обычно исламу доверяют больше, чем себе. И потому, возможно, меня нарекут гяуром, оплюют с головы до ног, проклянут и не позволят прах мой предать земле. А если бы я высказал эти мысли раньше? Да меня просто сожгли бы на костре! Вот насколько жестока эта арабская религия! Не для жизни она пришла к нам, сынок, а для уничтожения, для неисчислимых бедствий и страданий.

Не соврал тот, кто сказал: «Укрытый чужой шубой – не согреется». Не согрела наш народ и византийская «шуба», хотя проносил ее целое тысячелетие. Под ней дрожал наш народ сильнее, чем от лихорадки. Кто теперь может точно сказать, какому поколению выпала участь быть поверженному греками? Какое поколение не выдержало натиск врага, кому первому они навязали свой крест?

Как гласит предание, первым восстал против насилия прадед

Инала, князь Джандра. В его владения входили семь аулов между Псоу и Бзыбью. Каждый из них имел крепость, ходы и выходы охранялись часовыми. Главное селение, в котором находилось княжеское войско и правление, называлось Джандрапш. На ярмарки, проводившиеся здесь, съезжались гости из многих стран, не говоря уже о Кавказе. Это было место обширных связей и знакомств. Сюда вела по скальной стене лишь узкая тропа. Посмотришь вверх – шапка валилась с головы, опустишь глаза вниз – бездне не видно конца. На тропе этой двоим было трудно разойтись, а проехать на коне еще опасней. Сама природа, вероятно, создала преграду, которую в народе окрестили Хагош, или Каменные ворота. Благодаря этому, один отважный воин мог противостоять целому войску. А за Каменными воротами, как я уже сказал, находилась главная крепость, к которой не так-то просто было подступиться.

Двор князя был обнесен высоким каменным забором, а главные ворота сбиты так прочно, что преодолеть их было почти невозможно. Кроме главного здания со смотровыми башнями по углам, во дворе возвышалась церковь с золотым крестом на куполе и княжеские покои. Тут же располагались дома приближенных, служителей, различные подсобные строения, а особняком – кузня.

По правде сказать, крепость эту построили сами урумы, то есть греки, для своих начальников и монахов. Нужно было повиноваться им, поклоняться их кресту не только простолюдинам, но и самому князю, хозяину окрестных земель. Византийцы подавляли подданных своей мощью, но при этом побежденные должны были превозносить их, жить по установленным ими законам. Как видишь, у сильного, что ни взбредет в голову, всё получается...

2

Много десятилетий терпели жихи ненавистную религию. Но и терпению бывает предел! Джандра послал в аулы верных людей, которые стали тайно призывать народ отречься от православия, и снова приобщиться к религии предков и постоять за неё. Сам князь понимал, что его войска для этого недостаточно, поэтому решил перетянуть на свою сторону персов, исконных врагов греков, заинтересованных в укреплении своих позиций вдоль черноморского побережья.

В тихой и закрытой от глаз бухте стояли персидские фелюги под предводительством Хисарита. К нему и направился посланник князя Жихи Трам.

— У вас не должно быть никаких сомнений, что наше великое государство возьмет вас под свое крыло, — завершая беседу, пообещал Хисарит. — Но прежде чем направить свое оружие против греков, мы должны убедиться, что вы отвернулись от православия.

— Что мы должны сделать? — спросил Трам.

Перс хитровато отвел глаза и усмехнулся.

— Догадайтесь сами. Через три дня я готов встретиться с твоим владельцем и собственными глазами увидеть доказательства отречения.

С богатыми подарками пустился Трам в обратный путь. Он прекрасно знал, чего стоят люди, любезно принявшие его. Они не лучше арабов, готовых всю землю предать огню. Спаси Бог оказаться под их влиянием!

По возвращении посланника Джандра собрал тайный совет в кузне.

— Это место облюбовано богом огня Афом, который даст нам ум, прозорливость и силу, чтобы сохранить народ и веру предков, — начал он взволнованно. — С нами также боги Дзапш и Псатах, наставители душ. Они не только видят наши лица, но и читают то, что в наших сердцах. Здесь мы принесем клятву верности своим богам! Они ведают, каким душевным мытарствам подвергаемся мы со стороны иноземцев, и, если решим вернуться в свою исконную веру, боги помогут нам одолеть противника! Озаряющий нас огонь могущественного Афа добела раскалит врага, мы уложим его на наковальню, и мощь молота раздавит, уничтожит его!

— Но где он, где наш враг? — воскликнул младший брат князя Абсид.

— Сейчас он явится, — ответил Джандра, взял в руки молот и трижды, гулким звоном наполняя полутемную кузню, ударил по наковальне.

И в то же мгновение, будто свалившись с потолка, в круг людей вспрыгнул безобразный шут.

— Вот он, вот! — крикнул он, подняв над головой блескучий предмет, и исчез с той же быстротой, с какой явился, оставив на наковальне поблескивающее изделие.

Абсид рванулся было, чтобы схватить вещицу, но властный голос старшего брата пригвоздил его к глиняному полу.

– Нет! – с силой в голосе произнес Джандра, неспешно придвинулся, раскрыл ларец, поддел, и на его указательном пальце повис, покачиваясь, золотой крест на золотой цепи из крупных звеньев. – Этот крест носили семеро наших князей, и он истребил их всех. Он чужеземным бременем висел на шее семи поколений нашего народа, принося неисчислимые страдания, он заставил забыть наших истинных богов. Я не дал ему прикоснуться к своей груди, ибо его лучи, словно кончики кинжала, вонзались в мое сердце. Вот оно – наше лихо! С сегодняшнего дня ни один абазг не должен поклоняться ему, несущему чуждую религию.

Действительно, кроме этого раза никто не заметил вблизи Джандры креста, хотя вот уже десять лет, как он достался ему по наследству. И все это время он держал его тайно, никому не позволяя взглянуть на него. С младых лет впитал он ненависть к кресту, хотя его и воспитывали в любви и уважении к нему. И, по его словам, эту неприязнь породило жестокое надругательство, совершенное над несчастным Яфатом.

И в памяти невольно воскресла история, случившаяся с его ровесником и другом...

Они росли в одном ауле неразлучно. Яфат был сыном кузнеца Туты, чьи мужество и мастерство известны были по всему краю. Мальчишки вместе играли, стреляли из лука, джигитовали на конях, занимались борьбой под присмотром опытных наставников, посещали церковь. Но когда им исполнилось по восемь лет, дружба внезапно оборвалась. И не сразу узнал Джандра, что же произошло тогда...

Его отец, князь Батын, вместе с богатыми подарками отослал византийскому царю двадцать мальчиков, самых красивых, умных и сильных. Среди несчастных оказался и Яфат. Прежде чем отправить за море, их кастрировали. В то время у князей-работорговцев ходил такой позорный обычай, поскольку цена оскопленных была гораздо выше. И такое свершалось только с самыми привлекательными из них. Яфат и двое его младших братьев стали заложниками своей красоты. Произвол на этом не кончился: вскоре бесследно исчезли и родители. Это тоже являлось устоявшейся традицией – во избежание возможной мести с их стороны.

Так живого Яфата оторвали от жизни, забросили в чуждую стра-

ну, воспитали в православии и сделали миссионером. И злой ветер судьбы, некогда оторвавший от родных корней, снова забросил его в отеческие края и свел с другом детства. Вернее, даже не свел, а столкнул, противопоставил Джандре в образе епископа Алексея! И по языку, и по характеру Яфат стал греком, преданным слугой императора Юстиниана. Теперь он должен был бороться с религией предков и утверждать ту, которой научили его греки. Яфат был готов на всё, чтобы выполнить свой долг. Но за эти двадцать лет, что выковали и закалили Яфата, Джандра тоже возмужал, обрел опыт и трезвый ум. Также воспламенилась в нем и искра ненависти к чуждой религии, поселившейся в душе с юности.

Судьба распорядилась так, что живя в одном дворе, Джандра и Яфат, один в качестве князя, другой – в роли греческого церковника, не сходились ни в делах, ни в мыслях. Говорят, если сердце не взглянет, глаза не увидят. И Джандра не увидел, не угадал в ревностном слугителе своего друга детства. Но однажды они схлестнулись!

– Ты не носишь крест, который получил по наследству от отца, – упрекнул Алексей.

– Я князь, а не слугитель креста, – возразил предводитель.

– Крест урумов – твоя родовая тамга, – не унимался священник.

– Тамгой клеймят животных, – возражал князь.

– Ты и есть животное высокочтимого императора! – настаивал епископ.

– Животное не носит креста, – не сдавался князь.

– Ты пренебрегаешь великим царем! – выходил из себя священник.

– Я пренебрегаю тобой! – стоял на своем князь.

В таком неколебимом противостоянии и проходило время.

И теперь Джандра на свисающей с пальца цепочке выставил на всеобщее обозрение символ розни, затем поднес и бросил его в огонь, сопроводив словами:

– Пусть бог огня испепелит наше лихо!

– Нет! – крикнул князь Абсид и, словно собираясь броситься на огненно-красные угли, вырвался из круга. Он выхватил щипцы из кадушки с водой и сунул в жар, пытаясь ухватить ими крест. – Нет, брат мой, так не годится. Я вам сейчас покажу, как с ним следует поступить, – говорил он заплетающимся языком, и волнение его выдавали дрожащие руки.

Собравшиеся переглядывались, не понимая происходящего и ожидая, пока Абсид выхватит из огня крест.

– Еще не время, Абсид, – попытался урезонить князя Джандра.

– Нет, уважаемый старший брат, – повторил Абсид, на кончиках щипцов перенося на наковальню раскаленный крест. – Если он нам без надобности, нужно вернуть его туда, откуда он к нам явился...

– Если ты младший, соответствуй своему положению! – гневно проговорил Джандра, левой рукой перехватил у Абсида щипцы, а правой схватил молот и трижды яростно ударил по кресту.

– Вот чего он достоин! Вот так мы будем бить своего врага! Вот это и есть наша клятва!

Повторяя слова Джандры, каждый из находившихся в кузне, трижды ударял по кресту, – сокрушали его до тех пор, пока не расплющили.

– А как дальше поступить с этим куском золота знает один Талалат, – провозгласил князь. – Где он? Талалат!

Тут же возник уродец, схватил с наковальни болванку и, скороговоркой повторяя: «Ладно-лады: пещера китов!», – шмыгнул из кузни.

Абсид, догадавшийся о намерении Талалата, последовал за ним, чтобы проследить, куда он денет изуродованный крест...

3

Принятие клятвы побудило Джандру поднять восстание в своем княжестве. Его войска пленили немногочисленные греческие гарнизоны, арестовали подданных византийского царя и монахов, разрушили церкви, укрепили подступы к своим владениям. Видимо, такие доказательства и имел в виду персидский воевода. Ему же в угоду распяли епископа Алексея на большом кресте, сброшенном с купола главной церкви, и повесили над крепостными воротами. А по сторонам от него поместили предводителя греков и главного стражника, сущего кровопийцу. Народ шумными возгласами, улюлюканьем издевался над ними.

В этот момент и прибыл в фургоне Хисарит. Он ничуть не удивился, судя по надменно-спокойному лицу. Джандра, окруженный свитой, вышел к воротам и, как подобает в таких случаях, с почетом пригласил перса в крепость. Три дня и ночи длился пир в честь

важного гостя, а затем его повезли по княжеству, показывая, как серьезно подготовились абазги к отражению врага.

Перед кем угодничаешь, тот всегда норовит сесть тебе на шею. Перс был доволен тем, что абазги собрали войско. Его расчеты были просты: пусть эти восставшие и греки убивают друг друга, а он со своей армией подождет, а после по ним, ослабевшим в битвах, нанесет решающий удар, чтобы окончательно победить. От радости губы воеводы не смыкались. Он теперь не сомневался, что греки пришлют сюда сильное войско, и абазги вынуждены будут принять сражение. Также не сомневался он и в том, что теперь не может быть и речи о каком-либо перемирии между враждующими сторонами. Стало ясно: лисья миссия могла принести немалые выгоды как ему самому, так и его стране. И он тут же начал выставлять новые требования:

— Чем вы оплатите нашу помощь, желание взять вас под могучее крыло моей державы? С чем подойдете вы к моему великому государю? Чем докажете свою преданность и верность?

Джандра хорошо понимал смысл расставляемых вопросов: ответ предполагал богатые подношения и подарки в виде живого товара. Но это было не все: следовало унижаться, становиться на колени и просить защиты от одного государства у другого. Но такой низости Джандра даже не допускал! Он прекрасно сознавал: персы, если не хуже греков, то нисколько не лучше. И потому, в свою очередь, он вел свою дипломатию: столкнуть греков с персами, подождать, пока они обескровят друг друга, а затем своими силами отстаивать свою государственность. И для достижения этой цели Джандра и его сподвижники вынуждены были терпеть чванство и высокомерие Хисарита, делая вид, будто следуют его советам.

— Мы возьмем абазгов под свою защиту, — объявил он самодовольно. — Но прежде, чем послать эту весть моему великому государю, вы должны уничтожить всех греков в своем княжестве, чтобы духа от них не осталось.

— Как поступить с епископом и наместником? — спросил Джандра.

— Да, начните с них. Делайте с ними, что хотите. И знайте: пока я в состоянии держать оружие, никто не посмеет наложить на вас не то что руку, даже палец! — дотрагиваясь до белой рукояти сабли, сказал перс так, будто абазги уже были обязаны ему своим благодеянием.

И его слова послужили сигналом к началу страшного возмездия. Под босыми ногами распятых на плетнях пленных, уже изможденных нещадно палящим солнцем и тяжелыми цепями, развели костры. Перед ними выстроили лучников. Каждому пленнику предназначалось по пять стрел, отправлявшихся в цель с промежутком счета до двадцати. Остальным греческим воинам привязали камни на шеи и скинули с высокого обрыва.

Для главных посланников византийского императора Джандра уготовил другую кару. Он приказал своим людям совершить на глазах у врагов с их детьми то же самое злодеяние, что и с другом его ребяческих забав. Для этого отобрали шестьдесят мальчиков семи-восьми лет и ждали черного часа. Князь хотел показать епископу, этой бешеной собаке Алексею, как это проделывается, но у того не было детей.

– А почему бы с ним самим не поступить так же, как обошлись с нашими мальчиками? – услышал Джандра совет Трама и согласился:

– Пусть он предстанет перед своим царем столь же несчастным и обещенным, как Яфат.

Среди младших служителей отыскивали оскопителя. Но ужасной мести не суждено было свершиться: через некоторое время вышел прислужник и сообщил, что тот давно уже кастрирован.

От неожиданности Джандра остолбенел. Желая убедиться в правдивости сказанного, он с приближенными вошел в здание. Да, так и есть – оскоплен.

Предводитель абазгов долго не мог вымолвить ни единого слова. Он был захвачен мыслями врасплох и никак не мог отвязаться от них. И дело было не в том, что он узнал вдруг в епископе друга своего детства, нет, он по-прежнему не догадывался о том. Джандра не мог понять, взять в толк, почему человек, над которым произвели такое глумление, изуверство, колебимо стоял на страже той религии, которая его и изувечила. Бедолага, лишенный мужского начала, без которого мужчина и не мужчина вовсе, фанатично оставался предан кресту и, забывая обо всем, нисколько не заботясь о себе, готов был исполнить любое приказание духовных владык, предать весь мир огню и мечу... Нет, это выходило за пределы сознания. И, словно в ответ на мучившие Джандру вопросы, собрав остаток сил, слабым голосом заговорил сам епископ:

– Джандра, у тебя не найдется способа, чтобы сокрушить меня.

– Разрублю на куски и отдам на съедение псам!
– Если твои собаки насытятся этим, – уже хорошо.
– Скормлю рыбам в море!
– Стану холерой для рыб.
– Сожгу на костре!
– Мой пепел ядом впитается в твою землю.
– Твой труп отвезут тому, кто тебя прислал сюда! – потеряв терпение, прокричал князь.

– И это явится свидетельством моей преданности.
– А если я тебя сейчас же отправлю к твоему богу?!
Алексей ответил не задумываясь:
– Ему очень нужны такие, как я...
– Какой же ты кары страшишься, супостат? – не скрыв удивления князь.

– Такая была... Но ты опоздал.
– Развяжите! Развяжите и бросьте его в яму... – приказал Джандра. Его охватили непонятные сомнения. И тут же персидский гость, наблюдавший за происходящим чуть поодаль, чувствуя себя уже хозяином положения, подал самодовольный голос:

– Негоже сильному владельцу колебаться!
– Нет никаких колебаний, досточтимый предводитель славного войска. Но с этим церковником так легко мы не разойдемся...
– Называйте меня другом, – благодушно поправил Хисарит. – А греческих мальчиков кастрировать не стоит, я заберу их такими, какими родили их матери... Своего посла, его сопровождающих и подарки моему царю вы определите сами...

Посланником князь назначил младшего брата, однако Абсид тянул с поездкой, и тому находились причины. Его женой была гречанка, родившая двоих детей и поныне выглядевшая красавицей. Смолоду он, как и отец, держал связи с греческими купцами, не обращая внимания на произвол, чинимый чужестранцами. Принятая клятва и восстание против греков, организованное старшим братом, выбили Абсида из привычной колеи. Его думы простирались дальше, чем у Джандры и его сторонников. Греки обладали несметными силами, и так легко они с братом не отделаются. Абсида не покидало чувство сожаления, что опрометчиво и необдуманно дал тогда, в кузне, клятву. В будущем ему могло помочь одно обстоятельство, способное смягчить гнев греков, – сохранение жизни епископа как

свидетеля. И пока он, посол, будет находиться у персидского царя, греки вернутся в княжество и опять установят свои порядки и веру. Они ни за что не уступят побережье! Но больше всего Абсида мучил вопрос: как быть с женой, прекрасной Вианорой? Она как гречанка не могла оставаться в княжестве, согласно общепринятой клятве. Существовало два выхода: либо она принимала веру абазгов, либо возвращалась на родину. Подошло время отъезда.

– Я не тронусь до тех пор, пока не определится участь моей семьи, – твердо заявил Абсид на званом ужине у брата.

Джандра неопределенно промолчал. А персидский воевода процедил сквозь зубы:

– До тех пор, пока ты не исполнишь данное тебе поручение и не вернешься сюда, твоя жена и дети будут у меня заложниками.

Абсид пытался возражать, но тщетно.

В ту же ночь он помог бежать епископу Алексею и надежно спрятаться.

4

Известие об освободительном восстании абазгов разнеслось повсюду, перелетело через море и разгневало византийского императора. Приближался роковой день кровопролитной битвы. Но персидский предводитель увел свои фелюги и лишь неопределенно пообещал:

– К высадке греков мы вернемся...

Вся тяжесть предстоящей войны легла на плечи Джандры. Народ, больше месяца живший под сенью религии предков, по первому зову своего князя был готов собраться и стоять насмерть.

Огромное греческое войско, прибывшее усмирять восставших, заслонило своими кораблями берег. Увы, грекам никто не дал отпор. Их было в десять раз больше, чем абазгских воинов. Это поработителей воодушевило и с ходу бросило в бой. Джандра со своим войском ринулся навстречу! Целый день продолжалась жестокая сеча. Князь, используя преимущества местности, скалы и уступы, узкие тропы, применял мелкие отряды, нанося врагу значительный урон. День сменялся днем, а греческие командиры так и не продвинулись ни на шаг. А впереди высилась главная крепость Джандры, надежно укрепленная.

Главкомандующий греков Иуан разделил свою армию на три группы. Основные силы он оставил для прорыва в центре, а вспомогательные части отправил на кораблях на запад и на юг, чтобы атаковать с флангов. Правда, западная группировка, встретив мощное сопротивление апсиров, вернулась восвояси, усилив южное крыло греков.

Завоеватели начали штурм с двух сторон, превосходя во много раз абазгских воинов. Ряды обороняющихся стали редеть. Джандра приказал престарелым, женщинам и детям укрыться за крепостной стеной. Но немногие повиновались. Его отважные люди продолжали, не жалея себя, с крыш домов посылать во врагов стрелы, бросали в них булыжники, разили вилами и заточенными тятками. Трое суток продолжались баталии на подступах к крепости. Многие дома были подожжены, и немало абазгов предпочли принять гибель в огне, чтобы не стать вновь рабами греков.

Пали небольшие крепости под натиском превосходящего врага. Кольцо боев сжалось вокруг главной абазгской цитадели – крепости Джандры. Он надеялся на помощь богов и на то, что Абсид будет причислен к войску персидского царя и вместе с ним придет на помощь. Дни проходили, а меньший брат не возвращался.

Греки, окружив крепость, предприняли штурм. Но их лестницы стаскивали со стен, и атакующие летели на землю. Не удавалось врагам также протаранить ворота длинными бревнами. Джандра и его воины держались из последних сил!

Наконец у секретного входа в крепость появился Абсид с полусотней своих отборных ратников. Он дал знать охране о своем прибытии и, оставив свиту во дворе, направился к брату.

– О, ты вернулся живым и здоровым! – радостно воскликнул Джандра. – Говори быстрее, поможет нам персидский царь? Пришлет свое войско?

– Армия Хисарита, которая тут стояла, идет, но...

– Что значит это «но»? Ты не договариваешь. Чем ты подавлен? Придут персы – хорошо. Мы пока и сами есть!

– Ты еще сомневаешься, что нас уже нет? – не сдержался отступник, потупив взор, но быстро поправился: – Как ты скажешь, брат, так и будет!

– Я свое решение уже принял. И народ его поддержал. У меня нет двух клятв, и у них тоже. И у тебя не должно быть! Ты мне

прямо скажи: персы идут на помощь? Если «да», то когда они придут?

Абсид неопределенно пожал плечами и усмехнулся:

– Я на них не очень надеюсь, хотя они и дали обещание, – глуховато проговорил Абсид.

– Я тоже не верю. Да и не они мне нужны сейчас, а их сила!

– Если примешь их силу, придется принять и их законы. Ты знаешь об этом, Джандра. А их законы и религия еще хуже, чем у греков. И об этом тоже ты знаешь!

– Знаю, брат, знаю. Но я не знаю одного: что ты хочешь сказать, но никак не можешь высказать?

– У меня на сердце та же забота, что и у тебя: сохранить народ. Это – первое...

– Если ты не изменил клятве, то ты уже на страже его защиты. А что второе?

Абсид напряженно замер, не решаясь произнести вслух слова, которые могут навсегда разлучить его с братом! Но надо остановить кровопролитие любой ценой. И то, что он действует в угоду грекам, этому способствует. И, может быть, они смилуются над ним за то, что спас епископа...

– Я понял, о чем ты, – ничего не заподозрив, проговорил Джандра. – Не беспокойся о своих детях, они и жена твоя в надежном укрытии. Да пожалеет всех нас бог Псатах! А теперь иди и укрепи охрану ворот!

Абсид поднялся на смотровую башню и обнаружил, что греки штурмуют крепость с такой яростью, точно хотели поднять ее на руки. Заманчивая мысль дать приказ, чтобы открыли ворота, мелькнула в сознании. Но в тот же миг греческая стрела вонзилась ему в левую руку. Телохранители вырвали ее и обработали рану. Жгучая боль отогнала дерзкую мысль. «Замыслившему зло, – недобровать», – вспомнилась народная мудрость.

Сражение вокруг крепости ожесточалось с каждым часом. Все усилия захватчиков были нацелены на ворота. Несмотря на то, что перед ними уже лежало множество трупов, атакующие не останавливались.

Вот тут и наступила развязка!

Абсид, отвечавший за охрану железных, сбитых в два слоя ворот, неожиданно объявил:

– Откройте ворота, впустите часть и закройте снова! Так, маленькими группами, мы перебьем греков!

Лавина врагов хлынула в разверстые ворота, и закрыть их обратно оказалось уже невозможно. Абсид, отдававший себе отчет о последствиях своего приказа, незаметно отступил, скрылся в полуразрушенной церкви. Сеча достигла предельного накала. Под ударами сабель и копий, как снопы, падали воины с той и другой стороны. Но Джандру и это испытание не лишило хладнокровия. Он руководил боем, контролировал, как выводят из крепости через потайной ход стариков и женщин с детьми, и с нетерпением ожидал, когда доставят к нему живым или мертвым его младшего брата-предателя.

– Если я паду, не оставляйте меня здесь, выносите, – объявил он приближенным и выдернул из ножен меч.

Горстка храбрецов во главе с князем бросилась в самое пекло боя. Кровь лилась ручьями, дым горящих домов выедал глаза, ступить было некуда, – столько лежало вокруг поверженных воинов. Огромный меч Джандры сверкал, как молния, разя врагов. Он не заметил, как в смертельном круговороте остался сражаться один, потеряв всех своих соратников-героев, которые полегли, но не показали врагам спину.

Джандра, чувствуя, что силы начали убывать, стал отходить к высокой сторожевой башне. Здесь он мог рассчитывать на относительную безопасность. Узкая лестница, где и двоим не разойтись, станет его заступницей. Один на один он готов драться с каждым из греков до тех пор, пока не рухнет сама башня!

Главкомандующий греков Иуан, узнав, в каком положении оказался абазгский князь, решил не торопить событий.

– Нужно уважать мужество и храбрость врага, – обратился старый воин к своим подчиненным. – Для него самое страшное наказание – это невозможность применить свой меч. Такой смельчак, как Джандра, долго в укрытии не выдержит. Воин остается воином до последнего вздоха. А наложить на себя руки абазг по своей вере не может!

Джандра, обретя силы, прильнул к смотровому окну на вершине сторожевой башни. Перед ним открывалось всё внутреннее пространство крепости. Тут и там догорали пожарища, лежали неубранные тела. Вдоль стен на коленях стоят его соплеменники

с завязанными за спиной руками. Позади них замерли лучники, вероятно, ожидающие команды стрелять. Джандра подошел к восточному окну. С этой стороны двор был занят греками, снявшими доспехи и отдыхающими под деревьями. С севера возвышалась скала, черная, точно надевшая траур по погибшим. Далее, правей, торчали руины разрушенной главной церкви. Вот причина всех страданий и бед! И вдруг взгляд остановился на кузне, уцелевшей вдаль. В ней князь и его воины дали клятву Псатаху, и бог свидетель, что они не нарушили ее, даже ценой своей жизни. Он, Джандра, был бы еще более удовлетворен, если бы и сам пал в неравной и кровавой битве, а не находился в западне, на сторожевой башне.

Князь был отличной мишенью для лучников, но никто не стрелял в него. И он догадался, что враги готовят изощренную кару. Гнев охватил Джандру, он склонился и зычно крикнул:

– Эй, вы, трусы! Что вы там нежитесь в тени? Идите сюда! Я один. Идите десятками, сотнями... Я встречу вас!

Но на его зов никто не откликнулся.

Несколько успокоившись, Джандра попенял себе, что не подобает пререкаться с врагами человеку княжеского рода. Он стал тщательно осматривать крышу, закоулки и обнаружил аркан, сплетенный из конского волоса. Мысль о побеге заставила сердце забиться учащенно, хотя прежде не собирался покидать крепость. Он заранее сознательно отрезал для себя все шансы на спасение. Если бы он, князь, бросил своих на погибель и, спасая себя, оказался способен на такое бесчестие, ему не простили бы не только те из соотечественников, которые оказались в плену у поработителей, но и те, кто сложил здесь свои головы, восстали бы из праха и плюнули ему в лицо.

Не успел Джандра привести разрозненные мысли в порядок, как раздался приглушенный стук по деревянной крышке, закрывавшей проход к нему на смотровую площадку. А чуть погодя донесся вкрадчивый голос:

– Ты меня слышишь, Джандра?

– Было бы лучше, если бы не слышал, – сурово ответил князь, узнав голос – ни мужской, ни женский – епископа. – Остался жив – иди к своим.

– Да, это я – епископ Алексей, которого ты не успел казнить. Иисус помогает правому. Я избежал кары, задуманной тобой.

– Ты думаешь, что уцелел случайно? Меня остановила...

– Человечность?.. Жалость?..

– Я подумал об этом... Но когда я хочу покарать кого-то, – никогда не откладываю. Кто заглядывает слишком далеко, тот отомстить за себя не способен, из него не получится толкового предводителя.

– Как ты можешь не заглядывать вперед, если ты – человек. Это волк никогда ни перед чем не останавливается.

– Мне не надо объяснять, что такое человечность. Я служу своему богу, который дважды одно и то же не повторяет.

– Добро и зло всегда рядом. Когда ты хотел меня покарать, Всемилостивый Христос поставил перед тобой моего защитника. Он сделал так, чтобы вы, родные братья, росли разными: он – защитник православия, а ты его враг.

– Не говори о том, кто предал свой народ и религию! С того мгновенья, как он оказался способен на бесчестье, – он мне не брат больше, – поднял голос Джандра.

Алексей тесней прильнул к деревянной крышке и с расстановкой сказал:

– Ошибаешься ты, ошибаешься. Абсид спас не только меня, но и крест, который ты так безжалостно изуродовал на наковальне. Это свидетельство его верности нашей религии. Иуан лично повесил ему на шею свой крест.

– Пусть повесится на нем! Прекрати проповедь...

– Его судьбу осенил крест! Но я пришел к тебе не спорить. Перед смертью твоей, Джандра, я должен открыть тебе одну тайну.

– Мне этого не нужно перед смертным часом! – с насмешкой ответил князь.

– Тебе это будет приятно.

– Мне не надо ничего от вас.

– Главнокомандующий обещал Абсиду за преданность исполнить три его желания. Выполнение одного из них поручил мне.

Джандра медлил с ответом, а сам концом меча истончал доски, стараясь проделать щель.

– Какие дела могут быть между нами? Ладно уж, говори. Только прильни ближе к крышке, чтобы я лучше разбирал речь.

– Ты в своих речах иногда упоминал имя некого Яфата. Ты хорошо помнишь, что с ним произошло?

– Помню. Потому и сжалился над тобой, что судьбы ваши оказались одинаково злосчастны.

– Но почему ты всегда сопровождаешь его имя словом «бедняга»?

– Неудачник он, потому так и называю.

– Стало быть, ты и меня считаешь несчастливым?

– А кто же ты еще?

– Как божий раб, посланник могучей империи может быть несчастным? Ты же не знаешь, у Яфата судьба могла сложиться гораздо лучше, чем у меня.

– Раб – всегда горемычен. Но если Яфат стал таким же, как ты, не говоря уже о том, чтобы превзойти тебя, он уже не просто злосчастный, для своего народа он превратился в волка.

– И чтобы ты сделал, если бы он оказался на моем месте? Если бы он, как и я, противостоял твоей вере, законам твоих предков, но при этом хотел бы спасти твою душу благодаря заслугам твоего брата?

– Зачем попусту переводить слова о том, кого нет?

– А если Яфат – это я?

– Если бы я был уверен в том, я бы нашел, что ответить.

– Это я, Джандра. Твой отец собственноручно уготовил мне светлую судьбу. А великий византийский император оказал высокую честь – нести в темные народы силу Животворящего креста. Все эти десять лет, не узанный тобой, я боролся против твоей языческой религии. Если бы ты внял моим наставлениям...

На этом завершилась речь Яфата. Он замолк навсегда. Могучий меч Джандры в мгновение ока пронзил доски настила, вошел в рот и вышел через затылок священника...

Ночью, когда охранники забылись крепким сном, князь с помощью аркана спустился с башни. Ступая бесшумно, точно леопард, держа в руке оружие, он пробрался в свои покои. Кровь бурлила в жилах, словно река после дождя, от мысли, что отступник брат уже занял владетельный трон. Для Джандры в таком состоянии не было преград. Застав врасплох охранников, он вмиг уложил их мечом, ворвался в свой кабинет и устремил взгляд на трон. Он был пуст. За стоявшим поодаль круглым столом, служившим для приема советников и гостей, сидели двое: разодетый в доспехи греческий военачальник и Абсид, на груди которого поблескивал золотой крест. Они подскочили от неожиданности, и нельзя было разобрать выражение их побледневших лиц: то ли удивление, то ли испуг, то ли злобу, – то ли всё вместе.

— Это ты, блудодей, предал меня и на крови павших решил высить свое положение? — обратился Джандра гневный взор на брата. — Я пришел за ответом! Но здесь не нужны свидетели. Скажи хозяину своему, раб, чтобы защищался!

Абсид помертвел, заметив в руке князя окровавленный меч. К тому же он знал: его брат не из тех, с кем можно столковаться при нынешних обстоятельствах. Византийский воевода овладел собой раньше и жестом успел остановить ворвавшихся вслед за Джандрой телохранителей. Надменный вид его говорил о том, что и один справится с абазгским князем. Он спокойно вышел на середину комнаты и вынул меч.

Перекошенное злобой лицо князя разгладилось и просветлело, как если бы ему выпал счастливый случай, его охватило воодушевление и, полный отваги, он кинулся на врага. Но и тот — профессиональный военный — был не робкого десятка, уверенно отражал удары Джандры и в свою очередь отвлекал противника ложными замахами и выпадами. Схватка разгоралась стремительно. Комната вмиг наполнилась звоном скрестившихся мечей, и с каждой минутой искры отлетали от них все ярче и крупнее. Князю хотелось поскорей завершить бой, чтобы сберечь силы для поединка с братом. Абсид далеко не криворук, как и Джандра, великолепно владеет оружием, абазгскими и греческими приемами ведения поединка.

Иуан бился храбро и умело, но понемногу меч его отяжелел. На лице заблестел пот, он стал спотыкаться и отступать под ударами соперника.

Грек бросил на Абсида умоляющий взгляд, губы готовы были произнести зов о помощи, но боязнь позора не позволяла сделать это столь откровенно. Абсид сознавал, чем может обернуться против него победа брата, и потому неоднократно порывался вступить в бой, но присущая нерешительность довлела над ним. Когда же он наконец выхватил оружие, блеснувшее широким лезвием, Джандра успел пригвоздить противника к перегородке, обернуться и перехватить руку с занесенным мечом. Он так сдавил запястье клятвопреступника, что тот выронил меч.

— И тут ты не удержался от низменной рабской привычки! Откуда же ты, такой, взялся в нашем роду?!

Воины всполошились, кинулись на Джандру. Началась потасовка. Он и один, и два раза опрокидывал их, кинжалом успел

повергнуть нескольких врагов, но силы были не бесконечны, он исчерпал их, его свалили и связали...

Перед захватчиками, запрудившими крепость, и их военачальниками, перед коленопреклоненными абазгскими пленниками, с любовью и со слезами смотрящими на него, стоял Джандра с высоко поднятой головой и просветлённым взглядом. На его шею было надето ярмо, деревянный хомут, руки и ноги закованы в оковы. Но, судя по выражению лица, настроение у князя было приподнятое, словно ожидало впереди нечто важное и приятное. Преданные ему соплеменники не сводили со своего заступника восхищенных глаз, уверенные в том, что этот человек не дрогнет, не струсит и не станет просить у врагов пощады, какую бы кару они ни придумали.

И настал час, когда глашатай объявил приговор. Абсид перевел его на абазгский язык. Джандра объявлялся изменником христианской веры, обманом поднявший народ на восстание, что породило массовую резню. Его руки обагрены кровью епископа Яфата, главнокомандующего Иуана и других многочисленных греческих воинов. За это он должен быть сожжен вместе с кузней, местом заговора, который дал исток всем несчастьям.

Над кузней, стоявшей поодаль от других зданий, взметнулось пламя. Когда оно охватило строение со всех сторон и языки его поднялись выше крепости, с князя сняли путы, как полагалось по закону, и указали путь. И он пошел. Пошел твердо, мужественно, как доблестный воин, ступающий навстречу заслуженной награде. Сделав несколько шагов, Джандра обернулся к соотечественникам и движением головы попрощался с ними. И, как подобает герою, славному абазгскому воину, смело шагнул в объятую огнем кузню...

По-разному рассказывают эту историю. Утверждают, что князь Джандра не сгорел, поскольку спустившиеся орлы вырвали его из пекла и понесли к вершинам гор, где он стал богом окрестных лесов и зверей. И здравствует поныне! Кто знает, как это было на самом деле. Неопровержимо одно: наутро после страшной казни на месте сгоревшей кузни не оказалось золы с прахом князя. Наверное, поэтому в народе говорят: очаг кузни – очаг божий.

А что случилось с Абсидом? Позорной ценой он сохранил себе и близким жизнь и, служа грекам верой и правдой, сблизился с ними, создал новое княжество.

Часть вторая

ДАМХУР И МАМХУР

1

«Не познав худшего, не оценишь лучшее», – гласит поговорка. Но не стоит истолковывать ее буквально. Человек борется с сегодняшними трудностями не для того, чтобы завтра жизнь стала хуже. Зло приходит по велению судьбы.

Абазины свою религию, доставшуюся от предков, считали суровой. Боги, к которым они так усердно взывали, не всегда являли милость. Помогали они чаще тем, кто был сильным. Но и при этом народ понимал, что его религия значительно лучше, чем та, которую греки привезли из-за моря, навязали и заставили терпеть. Поэтому Джандра и хотел положить конец чужеземщине, призывая народ молиться своим богам. Прошли века, а народ не забывает его мужество и преданность, считая князя божьим посланцем. Кузня в его честь особо почитается священным местом, где принимаются важные решения.

Под защитой сильной державы абазги прошли длинный путь, приросли людьми и землями. Постепенно наименование «абазги» стало вытесняться самоназванием «абаза». Не ведавший войн и притеснений на протяжении долгого времени народ окреп, уверился в свою силу, и это окрылило его, позволило создать собственное государство. Но со временем воодушевление сменилось самодовольством, оно в свою очередь – самонадеянностью, что в конце концов привело к распаду единой страны на мелкие княжества. Так абазины от могущества снова пришли к упадку. И, видя распри князей между собой, соседние правители стали зариться на их земли.

Турки, победившие греков, переплыли море и высадились на побережье. Они покорили крымских татар и, захватывая одно княжество за другим, пленяя народ за народом, продвинулись на восток до самого Понта. Османы нигде не встречали серьез-

ного сопротивления, проливая реки крови и обращая народы в мусульманство.

В те времена абазины имели несколько княжеств, главными среди которых выступали Джандрапц и Чаграпц. Каждое из них состояло из двух – трех аулов. Помимо них, им принадлежали многие прибрежные порты-крепости, некогда построенные греками: Абаза, Арт, Ашагал, Хакока, Падзнай, Бзыбь и другие. В них размещались многоэтажные дома и церкви, построенные умелыми руками греческих зодчих и рабов. И именно церкви турки ненавидели больше всего, видя в них опору христианства, почему и разрушали их безжалостно, ровняя с землей, а служителей-христиан сжигали заживо!

Абазины вначале принимали христианство с боем, но последующие поколения постепенно приобщились к нему. Теперь они брали от греков самое лучшее и полезное, прокладывая себе дорогу к лучшей жизни в будущем. Однако религию предков народ не забывал, сокровенно храня ее в сердцах.

Вместе с турецким войском шла в княжества и новая, еще более суровая и непонятная религия – мусульманская. И хотя жители никогда еще не были под этой религией и имели о ней смутное представление, ислам пугал их, они предчувствовали, что это самое страшное из всего, с чем когда-либо сталкивались. Впрочем, арабы ранее уже пытались насаждать ее. Но абхазы и абазины, народы одного корня, выгнали со своей земли ненавистных проповедников. Если бы мусульманство было таким привлекательным, как хвалили арабы, то его не принесли бы на кончике пик, как флаг, закрепляющий их выгоду. Народ волновался, высказывал разные предположения, но, уклоняясь от решительного действия, вверял свою судьбу правителям да божьему промыслу.

Турки искали своих единомышленников, действуя везде по одной и той же схеме. Сначала они приобщали к исламу по-хорошему, мирно, не скупясь на красивые слова и обещания. Если это не действовало, применяли силу и невиданную жестокость. Зная, что арабская вера несет горести и беды, абхазы и абазины хотели объединиться и противостоять вторжению завоевателей общими силами, но мешали давние обиды и раздоры, а некоторые князья предпочитали выжидать: одни избегали откровенных стычек, а другие пытались заблаговременно установить с турками добрые отношения.

«Черная зараза», как тогда именовали ислам абхазы и абазины, первой проникла в княжество Уардан. Его владетель Хамсад с самого начала искал пути сближения с турками. Он охотно приютил мусульманских проповедников и, как потребовали непрошенные гости, приставил к ним надежную охрану и переводчиков. Он и сам регулярно слушал наставление мулл и приобщал к исламу своих приближенных, которые, в свою очередь, разъезжались по соседним княжествам и убеждали слушателей в достоинствах арабской веры. Многих князей низкопоклонство Хамсада приводило в бешенство, но напасть на турецкого холоуя никто не решался, зная, что османы не оставят его в беде.

Три соседних княжества: Хакарапц, Джандрапц и Гуандрапц были готовы к сопротивлению иноземцам. Их владетели являлись потомками Абазга Абсида, который благодаря дружбе с православными сделал свое княжество могучим и процветающим. Надо сказать, что многими корнями эти князья также были связаны с греками. Большой золотой крест, который Абсиду некогда подарил царь Юстиниан, они по старшинству передавали друг другу. Сейчас крест, как дорогую реликвию, носил Дадал, владетель княжества Хакарапц.

Еще один князь готовился к сопротивлению – Лоу Абазг. Семена, упавшие в землю, дают ростки, а те в свою очередь – плоды. Так возникло и княжество Лоу, далекое ответвление рода Джандры. В тот день, когда князь сражался против греков в крепости и нависла реальная угроза поражения, он дал команду вывести через потайной ход стариков, женщин и детей. Среди них был и его малолетний сын Абазат, от которого и пошел род Лоу.

Все четверо абазинских князей ненавидели религию, которую им хотели навязать турки. Только общая борьба могла стереть все прежние обиды и вражду между ними.

2

Правитель княжества Уардан, неугомонный Хамсад, обладал тяжелым характером. О жадности и ненасытности его ходили легенды, и за глаза называли его «Скотомордый». Он знал об этом, но несколько не обижался.

Порт, доставшийся Хамсаду от предков, был известен в соседних

странах тем, что вблизи него проводились ярмарки, на которых можно было приобрести всё, что угодно. И ни одна из них не обходилась без присутствия алчного правителя. Он кружился в гуще торгующих, расспрашивал, откуда они, что продают и по какой цене. Повсюду совал свой нос и замечал каждую мелочь. Надо отметить, что князь обладал исключительной памятью и запоминал буквально всех, с кем общался.

Еще нетерпимей относился он к своим приближенным, которых воспитал подобно себе: прижимистыми и недобрыми. Шпиона за ними, он часто повторял: «Если поднимаешь щепку, помни, что отпала она не от твоего бревна!»

Вполне осознавая изъяны Хамсада, князь Лоу, тем не менее, настроен был к нему доброжелательно, принимал у себя и не скупился на похвалы. Если бы он решил выстраивать отношения, исходя из соображений морали, не с кем было бы общаться – все таковы: кто в большей, кто в меньшей степени.

Вот взять хотя бы Трамов. Знатный, сильный дворянский род! А посули им полмира – не обрадуются, мало покажется. И это при том, что их собственное состояние превосходило лоовское и не уместалось в Мзыште. И то, что водилось в лесу, – принадлежало им, и то, что плавало в реке, – принадлежало им, и то, что приносил ветер, – доставалось им. А им все было мало! Зарились на близлежащие княжества, и нередко соседние табуны и отары оказывались их собственностью. Но при этом Трамов от Хамсада выгодно отличало одно качество – несомненное мужество!

У абазин слово «мужество» включает в себе многие понятия: силу, стойкость, благородство, смелость и храбрость, ум, несокрушимую волю. Но прежде всего, человек, обладающий мужеством, должен иметь крепкое и доброе сердце, которое не обманет и не подведет. Трамы верно оценивали людей, они способны были лишиться богатства, но не чести и совести. И Лоу, зная это, никогда не становился на их пути. В последние годы, занявшись коневодством, Трамы упрочили свое положение. Лошадей трамовской породы покупали не только кавказцы, но и заморские купцы. Торговали они много и чрезвычайно выгодно, nelaды случались лишь при сделках с Хамсадом, который, не желая упускать своей выгоды, выворачивался на изпод. Но и те были не лыком шиты: азартно отстаивали свои интересы. Никто не хотел уступать, доходило до

распрей! Разгоряченные спором, забывали о предмете торговли, переходили на ор и крики, взаимные упреки, но в конце концов все-таки сходились в цене, потому что, как ни крути, одним нужно было сбыть товар, а другому – приобрести его.

Так они и жили до поры до времени: не друзья и не противники, связанные лишь товарно-денежными отношениями. И когда у Хамсада родилась дочь, он пригласил князя Лоу и Трама Царгича. На званых гостей, по традиции, возлагалось не только подношение богатых подарков, но и исполнение особой почести: дать девочке имя. Лоу и Трам поневоле стали соперниками. С одной стороны, благородный и щедрый до расточительства правитель княжества, потомок Джандры, с другой – скупец Царгич. Вышло по народной поговорке: один тянется к чести, второй – к курдюку.

В назначенный день знатные люди прибыли к Хамсаду с подарками. До начала пиршества их провели в комнату, где находилась жена хозяина и крошка-княжна. Если бы родился мальчик, его бы непременно вынесли и показали мужчинам, а к родившейся девочке должны были входить сами приглашенные: дочь князя выше самого князя! Таков обычай.

– Пусть день ее рождения станет самым лучшим для княжества и всех нас! – взяв в руку кубок с вином, торжественно произнес князь Лоу. – С этого часа она – моя названная дочь, и я нарекаю ее Мамхур. Еще ни одна живая душа не носила такого имени, оно родилось вместе с ней. И да благословит имя и судьбу новорожденной богиня красоты Гунда!

Лоу поклонился малютке и выпил кубок до дна. Вместе с ним осушили бокалы и все остальные. После этого слуги внесли подарок – красиво отделанный сундук и поставили у колыбели.

– Здесь всё лучшее, что мы с Трамом на сегодня имеем. Но если бы обладали еще чем-то более дорогим, то и этого было бы недостаточно для нашей маленькой княжны.

– Уважаемый князь Лоу и дворянин Царгич! – обратился к гостям первый советник хозяина. – Вы оказали нам великую честь, но из-за своей скромности умолчали о других подарках: двадцати рабах, двадцати прекрасных лошадях и множестве скота. Мой великодушный хозяин очень признателен. Да благословит вас бог!

Пир наполнил души всех гуляющих радостью. Приняв щедрые

подарки, хозяин развеселился и развязал язык. Но вот в застолье смолкли голоса. И опять слова попросил князь Лоу.

– Многоуважаемый Хамсад! Пусть счастье твое станет бескрайним! Ты радушно принял нас, соблюдая все правила и обычаи, как подобает отцу и достойному хозяину. Надеюсь, наши встречи будут чаще. Мы проложили сегодня тропу добра.

Хамсад улыбнулся и преклонил голову в знак согласия.

– Абазины говорят, что между девушкой и жар-птицей нет никакой разницы. Когда у них вырастут крылья, неизвестно, куда они полетят. Поэтому наши предки установили мудрый, на мой взгляд, обычай, который и нам надлежит соблюдать. Это – сватовство, чтобы каждый отец знал заранее судьбу дочери.

– За кого же ты собираешься сватать мою дочку, дорогой князь? – полушутливым голосом осведомился Хамсад. – Насколько мне известно, у тебя нет ни сына такого возраста, ни внука.

– Для своей названной дочери я буду, разумеется, искать самую достойную пару, – в тон хозяину ответил Лоу. – Когда я собирался сюда, я еще дома подумал о будущей судьбе маленькой Мамхур. Подумал очень серьезно. И решил, что это будет обоюдным счастьем. Я хочу сосватать ее за сына Трама, с кем я связан узами дружбы и братства. Его, большого дворянина, вы отлично знаете. Он никому не уступает ни в силе, ни в уме, ни в богатстве. И буду рад, если он разделит со всеми нами общую радость.

У Хамсада от волнения запрыгало сердце. Он представил, каким богатством может завладеть, приняв предложение. И в то же время высокомерная мысль закралась в голову, что он княжеского рода, а Трам – всего лишь дворянин.

– Трам Царгич заслуживает большего, – сделав паузу, рассудил он наконец. – Почему же он сам не говорит об этом, если имеет такое намерение?

Трам терпеливо молчал, хотя о его красноречии известно было всем. Он сопровождал своего князя, главного гостя, и перебивать его считал недопустимым. Помимо того, Лоу повел дело лучше, чем удалось бы ему самому. Тем более, что имя его младшему сыну Дамхуру также дал князь. Поймав поощрительный взгляд Лоу, отец подрастающего жениха сказал твердо:

– Сочту за великую честь, если доблестный князь Хамсад изъявит желание породниться со мной.

– Так и принято сватать! – подхватил Лоу. – Слово за слово, а там, глядишь, и договоритесь. Время еще есть. Но я уверен, что во всех отношениях получится великолепная пара.

Разговор о будущем сватовстве продолжился за столом. Долго спорили о калыме. Когда же через несколько дней Трам, как условились, пригнал скот во двор Хамсада и не поскупился на другие подношения, князь дал свое согласие.

Сватовство, благословленное князем Лоу, в дальнейшем сблизило детей. Еще мальчиком Дамхура посылали в гости к Хамсаду, а Мамхур – в дом Абазга Лоу, где они продолжали видеться, вместе проводить время, играть. Но, когда взрослые замечали, что они слишком привязываются друг к другу, их разъединяли. И потом, по мере того, как они входили в лета, встречи им устанавливались реже, а отводимое на них время – укорачивалось. Это порождало в молодых людях чувство неудовлетворенности, мечту о следующем свидании. Так исподволь возникало взаимное тяготение, пробуждалась влюбленность. Когда же в душах Дамхур и Мамхур буйным цветением раскрылась любовь, неожиданно встали между ними суровые обычаи, запрещающие выставлять наружу приязненные отношения, призывавшие к скромности и целомудренности. Не то чтобы обсуждать с кем-либо, даже заикаться о душевных привязанностях считалось неприличным, какие-либо встречи в какой-либо форме – невозможными. Старшие сами рассудят и подскажут, когда настанет срок. А до той поры нужно держать чувства в узде, терпеливо и тактично ожидать свою участь.

Тем временем Дамхур возмужал, превратившись в широкоплечего статного молодого человека с узкой талией и легкой походкой. Он был со всеми учтив, особенно со старшими, – сказывалось воспитание. При этом говорил всегда доброжелательно, негромко, с чувством собственного достоинства. А о красоте Мамхур знали женихи семи долин и всего побережья. Девушка была скромна и приветлива, несмотря на знатное происхождение.

И вот до свадьбы остался всего месяц, но он оказался длиннее всех предыдущих лет! Дамхур, не задумываясь, выложил бы душу за то, чтобы сократить этот безжалостный срок хотя бы на день, но неумолимой стеной возносились обычаи, и будь ты прирожденным борцом с божьей отметиной, но одолеть их не удастся ни за что. Так же растянулась до бесконечности и подготовка

Трамов! Пора уже отправлять калым во двор Хамсада, но Царгич почему-то тянет, ему тяжело растаться с таким богатством. А чего медлить?! Разве Мамхур не достойна этого? Да она стоит вдесятеро больше! Еще немного и Дамхур сам снесет все состояние Трамов к Уардану!..

В таких думах пребывал Дамхур все последнее время. И вот на пути к его счастью непреодолимой преградой встало еще одно препятствие: нашествие турков. Как только известие об этом достигло ушей Лоу, он тотчас отправился к Уардану, но воротился от него с той же быстротой, с какой и направился: ему не понравилось отношение соседнего князя к турецкому вторжению.

– Они сильнее нас, – заявил Хамсад. – Почему я должен противостоять им, теряя голову и богатство? Разве по своей воле приняли мы греческую религию? Если турки не волки совсем, мы сумеем подладиться под них и спастись.

Лоу ничего не оставалось, как немедленно уехать. От окончательного разрыва с малодушным правителем его остановила лишь отцовская любовь к Мамхур и Дамхур. С великим трудом он сдержал порыв гнева, чтобы не навредить дорогим людям, любящим друг друга.

К свадьбе всё было готово. По обычаю, за неделю до нее молодые должны были встретиться. Дамхур точно на крыльях полетел к любимой! Но приезд его был омрачен невиданным доселе приемом: и слова, и рукопожатия отдавали ледяным холодом. Странно и отчужденно держался племянник Хамсада, бывший посредником в любовных делах княжны и ее избранника. Батым, прежде готовый сопровождать двоюродную сестру хоть на край света, отводил глаза и разговаривал неохотно. Даже в доме, куда пригласил он жениха со свитой, беседа не клеилась.

– Почему у вас, брат Батым, такое подавленное настроение? – напрямую спросил Дамхур, заподозрив неладное.

– Это похвально, уважаемый гость, что вы по-прежнему радуетесь жизни. А наши старшие говорят, что вскоре настигнет нас божье наказание, страшный суд. Предстоит большое кровопролитие, которое погубит весь народ...

– Ты говоришь о нашествии турок? Да, эта участь коснется каждого...

– Нет. Война – войной: в ней кому-то суждено погибнуть, кому-

то уцелеть. Я же веду речь о страшной каре, ниспосланной свыше и касающейся всех.

— А откуда вы знаете, что снизойдет с небес? И за что вас подвергать столь безжалостному наказанию?

— Вот то-то и оно, — подхватил Батым с видимым желанием разъяснить всё гостям. — Ходят слухи, что с неба спустился малаик, священный ангел, и предупредил народ. Вы слышали что-нибудь об этом?

— Нет, — с недоумением ответил Дамхур. — А кто его видел?

— Видел посланника небес Чамаг Карап. И ангел наставил его, что нельзя говорить «боги», а следует произносить одно слово «Аллах». Кроме него, не существует больше никаких богов. Это он один сотворил всё вокруг. Наши судьбы в его власти, в его руках. Кто не присягнет ему, того ждет жуткая кара.

Все, кто находился в покоех, слушали Батыма с тревогой и интересом. Племянник князя каждое слово произносил с такой убежденностью и верой в свою правоту, будто небесный ангел говорил именно с ним, а не с Чамагом. Но после его слов долго никто не хотел нарушать тягостную тишину, размышляя: сбудется или нет это неведомое предсказание? Старший в свите жениха, рассудительный и смелый парень, без обиняков обратился к Батыму:

— О том, как воспринимать слова малаика, пусть думают владельцы. Цель нашего приезда тебе известна. Не так ли, Батым?

— Да, конечно, — печально опуская глаза и неопределенно пожимая плечами, отвечал племянник хозяина. Видно было, что ему тяжело говорить, но, преодолевая смущение, вздыхая глубоко, он продолжил: — В том-то и дело всё. Не знаю, как и сказать... Не вовремя это... Как-то неудачно совпало со светопреставлением...

— Если малаик спустился с небес, это же не значит, что жизнь останавливается, — решил перевести в шутку другой товарищ. — Мы приехали, чтобы повидать Мамхур...

— Знаю, — как бы беря себя в руки произнес Батым. — Потому и молчу, что невозможно это. Есть мнение перенести свадьбу на более поздний срок. Дядя сказал: пока не определится предначертанное свыше.

Слова эти ранили Дамхура с такой болью, что он вскочил на ноги. За его спиной, как почувствовал парень, творились черные дела. Пусть есть оправдание тому, что свадьбу нужно перенести.

Но почему так холодно принимают будущего мужа княжны? И хотя по обычаю спросить об этом могли только друзья, он не сдержался:

– Мамхур знает, что мы здесь?

– Должна знать... Но утром ей нездоровилось, – поспешно пробормотал племянник владетеля.

– Уж не заболела ли она серьезно? – воскликнул Дамхур и, заметив ухмылку Батыма, повысил голос: – А, быть может, как и вы, испугалась небесной кары, напророченной ангелом?

– Не могу сказать...

– Тогда, уважаемый друг, разреши проводить больную! – вступил в разговор старший в свите жениха.

– Не подумайте, пожалуйста, что я не хочу оказать вам такую честь. Но на это, как вы знаете, нужно позволение хозяина дома, а его сейчас нет. Он в гостях у одного адыгского князя...

Проводив гостей, Батым повеселел. Он считал, что поступил с ними весьма ловко. Вроде бы оказал гостеприимство, проявил доброжелательность. Даже Дамхура убедил, что нужно подождать, коль отец невесты в отъезде. А на самом деле... Хитрец, довольный собой, чуть не приплясывал.

Пророчество ангела в княжестве Уардан, действительно, вызвало большой переполох. По всему выходило, что нужно отказываться от христианской религии, которую исповедовали на протяжении столетий одновременно с языческим многобожием. Хамсад без колебаний утвердился в этом мнении и велел подданным принять к исполнению волеизъявление посланника неба, чтобы уберечься от уготованной страшной участи. Боголюбивые османы помогут в этом, если держаться их стороны. Потому он и отправился к принявшему новую веру адыгскому князю, чтобы выяснить, что и как следует подготовить?

3

Князь Лоу, узнав, что свадьба, к устройению которой он приложил немало сил, может сорваться, рассвирепел. И, собрав ближний круг, в котором был и Трам Царгич, немедленно отправился к вероломному соседу.

Не в урочный час прибыли они в княжество Уардан. Бросилось в глаза, что на куполах церквей отсутствовали кресты, а на площади из красноватых досок срочно возводилось непонятное здание наподобие шатра.

Гостей с почестями провели в приемную владельца. После поспешных рукопожатий Лоу сдержанно сказал:

– Извини, князь, что отрываем тебя от важных дел и забот. Пусть эта небольшая заминка окупится сторицей.

– Вы всегда желанны нам, – возразил с напускной улыбкой хозяин. – Вы – наши глаза и наша душа. Но, когда приходится решать два дела сразу, нужно начинать с главного. Это я и велел передать вашим парням, когда они приезжали недавно.

– Мы не из тех, кто может помешать в главном, – парировал Лоу. – Но я полагаю, что начинать лучше с той проблемы, которая давно решена. Ты дал слово, поклялся и принял калым, и теперь остается только довести намеченную свадьбу до конца.

– Братья мои, случаются обстоятельства, которые вынуждают и счастливые дела откладывать на другой срок, – с грустной миной на лице проговорил Хамсад и поерзал в кресле.

– По нашим обычаям, ты это знаешь, князь, свадьбу откладывают лишь в том случае, если в один из домов заглянет смерть. Слава богу, ничего такого нет.

– Увы, дорогой князь. Ты прав, сначала провожают прочь смерть, а потом принимаются за веселье.

Лоу с недоумением помолчал.

– Если случилось горе, то извини меня. Нам ничего неизвестно.

– Случилось, случилось! – замотал головой помрачневший хозяин. – Даже страшней, чем можно себе представить. Что может быть хуже, чем погибнуть всем поголовно?

– Ты имеешь в виду близкую войну с турками? – перебил его Лоу. – Но и она не должна быть помехой для создания новой семьи и счастья молодых. Жизнь остановить невозможно.

– Если бы только война, – сокрушался Хамсад. – Даже если она минет абазин, ряды наши поредеют. Погибнут те, кто не покорится всемогущему Аллаху! Он всемогущ.

Тут хозяин пустился в разглагольствование о Караше, о его встрече с ангелом Джабраилом. Кто же мог знать лучше о посланце

Аллаха, как не Караш и сам Хамсад? Никто еще не ведал, что эту историю они тайком придумали вместе с турками, чтобы дурачить народ и убедить его в праведности арабской веры.

– Благонравный Караш каждое воскресенье ночует под тысячелетним дубом, священным местом для абазин, где принимаются клятвы, – убежденно и взволнованно рассказывал Хамсад, точно распахивая перед гостями душу. – Его не раз посещал бог Псатах и с вершины дуба делал наставления, которые старик открывал народу. И вот однажды ночью зашелестели листья дуба, хотя стояло безветрие, и он услышал внятный голос: «Слушай меня, не открывая глаз, иначе забудешь сказанное мною. Я – посланец Аллаха, малаик Джабраил. На меня возложено сообщить тебе, что ты со своими соплеменниками в безумном заблуждении. Вы ошибаетесь в том, что не принимаете веру Аллаха. За это вы понесете небывалую кару. Если ты и твой народ хотите избежать ее, то повторяй за мной: «Нет бога, кроме Аллаха. Он всемогущ, видит всё, может всё. Без Его ведома нет жизни, нет смерти. Заблудшим Он прощает грехи, берет в свое лоно. Да простит Он мне грехи, которые осознаю, веря Его слову. Да поможет мне Аллах!» Кто хочет избавиться от напасти, пусть повторяет эти слова за тобой. А теперь отойди на сто шагов от дерева, а затем оглянись». Караш повиновался. А когда повернулся к могучему дубу, то увидел над ним пламя, вскинувшееся до самого неба, и шагающего в его сторону огромного, седого, как лунь, ангела. Тут сознание его покинуло. Когда же открыл глаза, то оказалось, что лежит на своей домашней лежанке. От испытанного священного страха он затрясся и быстро забормотал, будто кто-то подсказывал, молитву малаика: «Нет бога, кроме Аллаха!» И так – до самого конца, не пропуская ни одного слова. Дом старика озарил с неба священный свет. Караш поведал всё так, как было, и народ поверил ему. И всем он показал обуглившийся дуб бога Псатаха! Вот о чем я хотел сообщить вам, мои дорогие...

Князь Лоу слушал внимательно, но усомнился в том, что дуб мог загореться в эту пору, когда мощный ствол и листья источали живительный сок. Во всем рассказанном чувствовалась надуманность и подвох.

– Пусть всё это будет правдой, – продолжил разговор Лоу. – Меняй веру, если решил. Но почему это должно сделать молодых несчастными?

– Прошу не торопить меня, – упрямо противоречил хозяин. – Посмотрим, что ожидает нас в будущем.

– Мы были абазинами, ими и останемся и сохраним свою религию, – сурово промолвил Лоу. – Чужая нам не нужна!

– Как говорится, у нас душа горит, а у тебя – полы черески, – ухмыльнулся Хамсад. – Ты не хочешь замечать того, что происходит.

– Народ рассудит, кто из нас лучше понимает. Но если ты ненароком окажешься заодно с турками, то, прошу, лучше со мной не встречаться! Я вижу, что ты уже кое-что предпринимаешь.

Хамсад, на удивление, оставался спокойным.

– Я повторю то же, что в прошлый твой приезд. В кровопролитие ввязываться не стану. А в остальном я волен поступать так, как считаю нужным.

– Всё и так ясно. Отдашь ли ты дочь замуж за Дамхура, как клятвенно обещал?

– Если у нас будет разная религия, то... – голос хозяина дрогнул. – То искать счастье ей придется в другом месте...

Молчавший до этого Трам Царгич решительно вступил в разговор:

– Свадьбе, как я понял, не бывать. Но я ни разу не слышал, чтобы над женихом брала верх невеста. На это я никогда не соглашусь. Пусть твоя прекрасная дочь будет счастлива, как ты сказал, в другом месте. Камень с водой не свяжешь...

– Вот я и прошу не спешить со свадьбой, – повторил, теряя самообладание Хамсад. – А за калым не беспокойся, он никуда не денется.

– И я прошу: не иди против счастья двух любящих сердец! – резко произнес Лоу. – Не делай из нас посмешище перед людьми. Мы не дети, которые не могут поделить после игры свои альчики. Я всё сказал!

– Если вы отказываетесь повременить со свадьбой, то и мне говорить больше не о чем, – нахмурился Хамсад, уязвленный мыслью, что придется расстаться с калымом.

– Разговор не имеет смысла, уважаемый Лоу, – обратился к своему князю его верный дворянин, больше радуясь, чем огорчаясь, тому, что не станет родственником алчного человека. – Надеюсь, Хамсад, на твою честь. Когда приедут наши люди, пусть им вернут калым полностью, чтобы не было никаких недоразумений.

– Царгич прав. Не должно быть никакого спора, – требовательно заключил князь Лоу.

Вот так негаданно оборвалась тропинка счастья Дамхура. Узнав, что отец подбирает людей, которым будет поручено забрать калым, он стал неузнаваем и дал волю суровому нраву.

– Не посылай за калымом! – твердо сказал он. – Если пошлешь – перебыю всех!

Трам, пораженный такой бесцеремонностью отпрыска, сдернул висевший на ковре пистолет и взвел курок:

– Если я не смог тебя воспитать, как следует, то не потерплю позора!

Дамхур спокойно смотрел на дуло пистолета, направленное на него, точно с облегчением ожидая выстрела. В этот миг с криком влетела в комнату мать и обняла сына, заслоняя собой. Царгич, понемногу остывая, опустил оружие. Не появившись жена, неизвестно, чем бы все кончилось...

Дамхур выскочил из дома и, заседлав коня, погнал его к усадьбе Лоу. Тот очень обрадовался и пригласил любимца в свою половину. По облику, по тоскующим глазам, по затянувшемуся его молчанию князь уловил состояние парня.

– Не падай духом, дорогой Дамхур, – с особой теплотой и радушием в голосе сказал князь. – Прогоним османов, и всё будет так, как ты пожелаешь. А пока обучай, как можно лучше, свою сотню всадников, чтобы достойно встретить врага.

Парень кивнул и тяжело перевел дыхание.

– Что тебя мучает? Не скрывай от меня ничего, сынок, – потребовал хозяин, пристально глядя в глаза парня. – Тебе, наверное, не по душе, что князь Уардан вернет твоему отцу калым?

– Да!

– Но это не главное. Калым можно заплатить и второй раз. Дело в другом. Я не стану ничего скрывать от тебя! Ты, вероятно, догадываешься, кто всему виной. Да, князь Хамсад взял сторону врага. К тому же, ты слышал, что с неба, дескать, спускался посланец Аллаха?

– Приходилось.

– Он решил приобщиться к исламу и велел своим подданным также принять его. А эта религия не позволяет соединить судьбу девушки с иноверцем. Чтобы Мамхур стала твоей женой, мы должны одолеть турок.

Внешне спокойным уехал Дамхур от князя, хотя в жилах его клокотала кровь. Он даже обдумывал, как можно украсть любимую со своей отчаянной сотней. И решил еще раз осмотреть местность, добраться до селения, где жила Мамхур. Путь его пролегал по долине, вдоль полноводной Мзышты. Обогнув подножье Красной горы, он довольно далеко отдалился от родного дома. Гору эту так называли потому, что склоны ее были покрыты красными цветами, похожими на пятна крови. Ехал он сначала по тропе вдоль долины, затем она поднялась на вершину другой безымянной горы. Справа от него Агур несла свои воды на юг, к морю. На пологом берегу ее, под горой приютился аул Мамхур. Сердце его рвалось вперед! Парень уже собрался было подстегнуть коня, но его остановил зовущий мужской голос:

– Уай, марджья¹!

Дамхур спешился и свел лошадь под уздцы вглубь леса. Тропинка становилась все уже и круче. Неожиданно, в шагах в двадцати от скалы, где высился дуб, он увидел лежащего человека в изорванных грязных белых одеждах.

– Что с тобой? – настороженно спросил смельчак, готовый к любой неожиданности.

Застонав, человек с бледным лицом хотел было приподняться, но снова рухнул. Дамхур подошел к нему. Ложем ему служили длинные березовые жерди, связанные перекрученными прутьями молодого орешника. Парень догадался, что страдалец ранен, и кто-то волок его на плетеных салазках. И этот неведомый товарищ, конечно, скрывается поблизости.

– Эй, приятель! Клянусь именем бога Дзапша, что не причиню тебе никакого вреда. Подойди сюда, помоги! – громко позвал Дамхур.

Но никто не ответил. Парень попытался расспросить раненого, кто он и что случилось, но тот не мог проронить ни слова. Весь избитый, в ссадинах и ранах, являл он жалкий вид. Попытки поднять и положить его на седло увенчались неудачей. Дамхур, решив обратиться за помощью в ближний аул, стал подтягивать подпругу, прежде чем запрыгнуть на скакуна.

– Эй, уважаемый! – раздался позади приглушенный низкий голос. – Человека в таком состоянии не бросают.

Парень повернулся к лесу.

¹ Уай, марджья! – абаз.: клич, призыв, обращение к людям.

– Кто ты?

Из зарослей орешника вынырнул могучий мужчина, с черной взлохмаченной головой, повязанной серым башлыком. На тонком ремешке висел длинный кинжал в черных ножнах с простой косяной ручкой, а рядом – маленький изящный кинжальчик. Приближаясь пружинистыми, несмотря на огромный рост, бесшумными шагами, он левой рукой сдернул со рта край башлыка и проговорил:

– Я – абрек. Но если ты мужчина, то ни о чем не расспрашивай. Я наблюдал за тобой. В нашем деле без осторожности не обойтись. Ты из тех, как я понял, кто слабого не бросит в беде. У горемыки сломана нога, вывихнут бедренный сустав. Душа этого человека во власти бога Псатаха, однако он нуждается в людской поддержке. Берешься ли ты по совести помочь бедняге?

– Я и хотел это сделать, – подтвердил парень.

– Тогда разрежь на равные части свой аркан, что привязан к луке седла. Одним концом привяжи к жердинам, а вторым – к стремянам.

Дамхур сделал так, как ему посоветовали. На прощанье бородач дал совет:

– Лучше веди своего коня под уздцы, а если он умный и пойдет сам, то иди рядом с раненым. Понял?

– Да, конечно. А как его зовут?

Абрек сердито свел брови.

– У несчастного не спрашивают имени, – ему помогают. Мне неизвестно, как нарекли его. Но если душу этого человека возьмет бог Псатах, обещай мне, что предашь тело земле по нашему обычаю, и чтобы его оплакали. Как дальше пойдут дела, дашь мне знать в следующую пятницу, здесь же и в это самое время. До встречи!

Разбойник укрылся в лесной чаще, оттуда вскоре донесся призывный свист. Легко было догадаться, что он подзывает свою лошадь.

Дамхур отвез незнакомца к известному во всей Мзыште врачу-костоправу Бадре, договорился с ним и пообещал хорошую оплату за лечение. Трое суток парень навещал больного. Наконец-то старый знахарь признал, что его подопечному стало немного лучше.

Тяжелые мысли и сомнения не покидали Дамхура даже тогда, когда занимался военным делом со своей сотней. Его добрые дела, как он полагал, должен заметить бог, и, быть может, смиростивится к нему и желанной невесте? Без Мамхур, как ясно сознавал, у него жизни нет и никогда не будет. И в отчаянии даже призывал турок,

своих врагов, чтобы скорей вступить с ними в бой! Когда же возвращалось к нему хладнокровие, молодой ратник понимал, что война легкой не станет. Одни встретят новых захватчиков с оружием в руках, отстаивая свою землю, свободу и собственную честь. А другие – упадут на колени, поднесут хлеб-соль, чтобы ценой предательства предков и их обычаев спасти подлые свои души и имущество. Мало того, они безропотно примут магометанство! Дамхур, не думая об опасности, стремился в бой! Ведь в сражении решится не только судьба народа, но и его личная.

На самом деле, князь Лоу, Трам Царгич и воевода Марчан Мид были заинтересованы в том, чтобы война пришла в их княжество как можно позже. Они занимались укреплением позиций, обучением войска, часто совещались с соседними князьями, которые примкнули к ним для совместной борьбы. А Дамхура раздумья влекли к любимой. И с каждым днем всё меньше оставалось у него терпения, всё больше одолевали грусть и беспокойство за невесту, злым умыслом разлученную с ним.

Новости с побережья по-прежнему приходили неутешительные. Турки хозяйничали вокруг. И абазин, по всему, ожидала братоубийственная война. Что для правителей любовь двух молодых людей? Разве способны они на примирение ради нее? Дамхур, страдая всечасно, при этом также осознавал, что никакая угроза, ни любовь, ни война не заставят его изменить народу, чья кровь течет в его жилах. И снова снедала тоска по Мамхур: «Милая, ты похожа на прекрасный цветок. Тебя даже не показывают мне, хотя для меня нет на свете радости желанней, чем любоваться тобой! Для отца твоего и его людей нет разницы между конем и девушкой. Они продадут их тому, кто заплатит больше. Они следят за каждым твоим шагом... А ты надеешься на меня!»

Но закрадывались в сознание и иные мысли: как поступить, если она скажет, что любит его и в подтверждение ответного чувства попросит принять веру турок? Он с ожесточением отгонял соблазн, помня, что уважающая мужчину женщина не станет настаивать на своем, если это унизит любимого. «Нет! Я такого позора не приму, – окончательно решил он. – Лучше висеть на острие пик неприятеля, чем изменить вере предков!»

С такими невеселыми думами приехал Дамхур в условленный час к Красной горе. Лошадь встрепенулась, почуяв чужака, и тут

же он вышел из леса. Абрек был в прежней одежде, только со спущенным на плечи башлыком. Темная борода, брови и глаза, хрящеватый с горбинкой нос делали его похожим на черного орла, коих во множестве водилось кругом. Весь вид его, осанка, движения и молчаливость выказывали силу, твердость характера и ум.

– Бог в помощь! – приветствовал его Дамхур.

Абрек приподнял голову и обратил взор свой, полный отваги, на него. Их взгляды на мгновение встретились.

– Больше не смотри в мою сторону и только отвечай на вопросы, – распорядился абрек, правой рукой освобождая лицо от башлыка.

– Пусть добро сопутствует тебе, старший. Слушаю тебя, – ответил Дамхур подчеркнуто вежливо, чтобы самым контрастом подчеркнуть, что к нему обратились, пренебрегая обычаем.

– Йау-уай, йау-уай², молодой человек... Не ожидал от тебя такого легкомыслия, – с искренней обидой проговорил бородач. – Ты произнес всего несколько слов, но все они пулями пронзили мое сердце. Возвращайся обратно, не спрашивая ни о чем. Через три дня снова приходи на это же место с осознанием допущенных тобой промахов.

Дамхур оскорбился незаслуженной резкостью незнакомца. Бледные щеки его озарил румянец, губы шевельнулись, тело задрожало. За этим должны были последовать гнев и ответные грубости, но Дамхур понимал непозволительность такого поведения по отношению к старшему и обуздal дворянскую спесь. Не проронив ни слова больше, он взял лошадь под уздцы, провел мимо абрека и повернул.

– Ты допустил еще одну оплошность, – услышал Дамхур вослед. – Жду объяснений и на нее.

Встреча взволновала впечатлительную натуру парня. Он ехал сюда для того, чтобы слышать мудрые речи опытного человека, а вместо этого душу ранили двусмысленные, насмешливые слова. Не посчитался лесной разбойник даже с тем, что перед ним находился дворянин, который по воспитанию не мог никому спустить пренебрежительное отношение. Сто дум сверлили голову, но он никак не мог взять в толк, в чем упрекал его абрек. И вместе с тем этот суровый мужчина вызывал у него расположение и неподдельный интерес. При новой встрече Дамхур, задетый откровенным пренебрежением абрека, решил выяснить отношения. Он не испытывал перед ним никакого страха, но что-то подсказывало, что нужно быть настороже.

² Йау-уай – абаз.: междометие, выражающее крайнее сожаление.

Абазинская поговорка учит: «Если тебя одолевают сомнения, найди себе советчика, а коль нет такого, — посади перед собой папаху и советуйся с ней». Дамхуру не терпелось излить кому-нибудь все то, что накопилось в душе, и он направился к Бадре. Это был мудрейший старик с отзывчивым сердцем ребенка. Всем известен он был как человек дела и слова.

— Что-то не нравится мне твой потемневший вид. Не случилось ли чего? — встретил он Дамхура вопросом.

— Нет, ничего особенного. Просто хотел узнать о состоянии того человека, что привез к тебе недавно.

— Здоровье его как будто не вызывает большой тревоги, надеюсь, он встанет на ноги. Я выполняю свой долг, врачую его, и, поверь, делаю это как можно прилежно. Но кажется мне, что он не такой простак, каким показался вначале. Временами он приходит в себя и начинает говорить. Правда, еще не совсем внятно...

— Что же он говорит?

— Можно разобрать лишь отдельные слова. Не знаю даже, стоит ли им придавать значение. Возможно, он бредит. Так вчера, например, он прошептал: «Я — Джабраил, малаик, посланец Аллаха». Потом снова впал в беспамятство. А когда очнулся, стал что-то бормотать на незнакомом языке. В нашем, как я понял, он не очень силен.

— Он так и сказал: «Джабраил, малаик»? — уточнил, с заколотившимся сердцем, парень.

— Точно так. Хотя я и стар, но на слух и зрение не жалуюсь. Ты от кого-нибудь слышал это имя? Я думаю, что оно арабское, а что означает, — неведомо. А ты как думаешь, сынок?

Дамхур надолго задумался.

— Живи долго, отец. Это не столько интересно, сколько важно, — наконец ответил он. — Да, Бадра, ты не ошибся. Имя это арабское и означает «посланец». Дошла ли до тебя молва, что ангел Джабраил своим явлением одному старцу обратил в ислам княжество Уардан?

— Слышал о таком. Только по-иному. Были слухи, что с запада надвигаются на нас турки. Но непонятно, как мог арабский Джабраил попасть сюда? Клянусь памятью святого Джандры, которого я почитаю, как бога, дело здесь темное. Я бы хотел, чтобы ты сам послушал его. А говорит он всякий раз, когда я перевязываю ему раны.

Дамхур в свою очередь рассказал обо всём, что знал о явлении

мусульманского ангела, о свидетельстве Караша, которое огненной стеной встало между ним и Мамхур.

– Бог мой, ты рассказываешь невероятные вещи, – искренне огорчился старик, узнав, как отнеслись к нему в княжестве Уардан. – Недостойно козни злых людей оставлять без ответа. Надо принять решение. Нам нужен мудрый советчик.

– Что тут непонятного, Бадра? – пожал плечами гость. – Слухи одурачили народ. Если этот раненый настоящий Джабраил, то почему терзается, страдает от ран? Божьего посланца не должна брать ни пуля, ни хворь.

– Нет, дорогой. Тут можно ошибиться. Что ты знаешь о нашем всемогущем Псатахе? Возможно, он таким образом хочет испытать нас. Вот почему я не любопытствую понапрасну, не расспрашиваю больного, а просто спасаю ему жизнь. Да и ты к этому имеешь прямое отношение. Если бы не твоя помощь, то он так бы и погиб в лесу... Идем, послушаешь его. А потом подумаем, как быть.

Бадра начал перевязку. Раненый вздрагивал точно от кошмарного сна и, шевеля бескровными губами, бормотал «Я... я... Джабра... Джабраил... малаик... Запоминай... передай народу...» Дамхур отрешенно смотрел на своего подопечного. Его заунывные повторения состояли в основном из обрывков арабских выражений. Он еще в детстве слышал предания, будто абазины берут начало от арабов, и стал припоминать отдельные слова и названия, которые до сих пор ходили в народе на этом языке. И все же, вслушиваясь в эту чуждую, маловразумительную речь, он не проникался ею, она не вызывала доверия. На ум приходило сообщение Батыма о богопосланнике, явившемся Чамагу. Значит, это тот самый? Но как ангел мог оказаться в таком жалком положении? Загадка требовала разъяснения, и, улучив момент, Дамхур обратился к больному:

– О, дада, если ты и вправду Джабраил-малаик, посланник аллаха, как же с тобой могла приключиться такая земная беда?

Тот, не отвечая, лишь прерывисто и часто дышал. Бадра, промокая платком выступивший на лице страдальца пот, обернулся к Дамхуру:

– Не тревожь его, сынок. Он еще в тяжелом состоянии. Нужно быть милосердным к человеку в такую минуту, если даже он убил твоего отца. Когда выздоровеет, – другое дело.

Они вернулись в другую комнату, и Дамхур приглушенным голосом попросил:

– Посоветуй, как мне быть? Сопоставь его бред и сплетни свихнувшегося Караша, и ты поймешь, что это все неспроста. Здесь проглядывает чей-то злой умысел.

– Что мне сказать, Дамхур? Я никогда не принимал решения за других. К тому же вопрос о вере очень трудный, щепетильный, и один – два человека при всем желании ничего не решат. Это так же верно, как сейчас на улице день и светит солнце.

– Нет, отец, не сомневайся, что он научен и подослан кем-то. Он прямо призывает потушить очаг Джандры, отвернуться от нашей тысячелетней веры! Он поджег священный дуб! Того, кто вторгается к тебе с недобрыми намерениями, нужно встретить соответствующим образом. Я так понимаю! – все более распаляясь, проговорил Дамхур.

– Не горячись так, дорогой мой. Запомни, гнев плохой советчик в любом деле. Если этот человек и замешан в каких-то неблагоприятных поступках, мы ничего не можем против него предпринять, пока он в нашем доме и в таком состоянии. Ради нашего Псатаха, передавшего его в наши руки, мы не можем вершить над ним суд, не нарушая установленных традиций. Пусть это сделают люди достойные и справедливые. Надо посоветоваться с ними. Например, с твоим отцом.

– Ты же знаешь, что он вспыльчив и очень горяч. Иногда он принимает чересчур крутые и несправедливые решения. Было бы разумно узнать мнение князя Лоу, но он уехал к Дадалу в Хакарапш и не скоро вернется. Придется подождать.

– Ты произнес верные слова. Но прежде всего, душа моя, следует поговорить с абреком. Судя по твоему рассказу, он мужчина опытный и неглупый.

– Возможно. Но я больше не хочу встречаться с ним! – резко ответил Дамхур, вспомнив поведение неучтивца.

– Что случилось? Он тебя обидел?

– Не знаю, кто кого обидел. Как раз эти сомнения и привели меня к тебе...

И, ничего не упуская, Дамхур рассказал о последней встрече с абреком, вызвавшей у него столько недоуменных вопросов.

– Все верно, – выслушав, заключил мудрец. – Этот человек хо-

рошо знает наши обычаи и строго следит за их исполнением. Попытаюсь прояснить случившееся. Первая «пуля», насколько я могу судить, связана с приветствием: ты должен был дожждаться, пока он первым поздоровается с тобой. Потом: над старшим не иронизируют. Тебе показалось, что он недостаточно почтительно обошелся с тобой, и дворянская кровь разыгралась в тебе. Далее: ты показал себя дворянином, но не вполне воспитанным человеком. И последнее: тебе хорошо ведомо, что мужество – это терпение, но тебе не удалось выдержать его до конца: видимо, ты каким-то образом выдал свое недовольство.

Дамхур опустил голову, дивясь тому, как всё в жизни сложно и как просто. Его мучила совесть за то, что допустил столько ошибок при встрече с умудренным и смелым человеком.

4

Дамхур в третий раз отправился к Красной горе. На сей раз он хранил хладнокровие, был спокоен, собран, помня о том, что говорил Бадра. Всё это заметил абрек, который снова появился неожиданно, выйдя на этот раз не из леса, а из-за распадка камней.

– Сегодня у тебя, парень, совсем другой вид, – проговорил он, глядя сыну дворянина в глаза. – Мужчина должен оставаться мужчиной и тогда, когда к его горлу приставят нож. Он не должен терять присутствия духа.

– Уважаемый старший, я приехал сюда не для того, чтобы показывать свое мужество. Просто я выполняю долг, который взял на себя. Я участвую в судьбе твоего приятеля. И приезжаю только ради этого.

– Мне нравятся твои слова, – одобрительно промолвил бородач. – Без мужества не бывает порядочности.

– Не совсем так...

– Тогда, как по-твоему?

– Пусть долго продлится твое старшинство! Я не могу сделать замечание по этой причине.

– Говори, с чем ты не согласен. Я разрешаю тебе.

– Сначала – человечность и порядочность, а потом уже – мужество.

– Ты, храбрец, если не сын князя, то не сын ли дворянина? – предположил абрек, устало кладя ладонь на рукоять меча.

– Да, мой отец большой дворянин.

– Ответь, с каких это пор дворяне, благодаря своей человечности, стали добывать себе мужество?

– Ты полагаешь, что я прихожу сюда, чтобы добыть мужество?

– Если бы тебе позволили сделать это. Но...

– Как понимать твое «но»? Не думаешь ли ты, что я выполняю твои приказания из-за трусости?

– Предполагаю, что так. Не может же быть, чтобы ты один выпал из общего правила? Еще не случалось такого, чтобы испугавшийся дворянин признался в этом. Согласен со мной?

– Не согласен, но я вынужден стерпеть твои слова. Да продлится твое старшинство.

– «Глупому отдай свои ноговицы и пройди мимо». Не это ли ты хотел высказать, но не осмелился?

– Такие слова открыто не выговаривают, а исполняют. Если бы я счел их подобающими тебе, я бы так и поступил. А я не только не пренебрег, но пришел и стою перед тобой.

– Потому что ты раб того, кого боишься.

– Нет. Потому, что я чту старшего.

– А если старший враг тебе?

– Тогда обнажу меч против него.

– А если я твой враг?

– Обнажу и против тебя!

– Не успеешь! – вскрикнул абрек, и – на солнце сверкнул его меч. Дамхур почувствовал, как острое уперлось ему в горло. Это произошло столь молниеносно, что для сопротивления не осталось времени. Выпрямившись и подняв голову, Дамхур спокойно смотрел на абрека. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Я не боюсь твоего меча, – сказал он прежним ровным голосом.

– Ты победил меня, – вместо удара произнес абрек и, размахнувшись, швырнул меч в темное ущелье, где шумела река. – Я больше не заслуживаю его! А теперь ты обнажи свой...

– Я не обнажаю меча перед безоружным. А ты, как я понял, не имел разрешения на мою душу от Псатаха.

Абрек едва заметно кивнул и с дружелюбием сказал:

– Теперь я понял, что на тебя можно положиться. Чем мне испугать свою вину перед тобой?

– Старший перед младшим не может быть виновным, – убежденно промолвил Дамхур.

– Все твои ответы верны, и я рад, что встретил достойного сына своего народа!

– Опыт старшего человека должен стать законом для младшего.

– И это правильно. Я бы очень хотел, чтобы моя судьба чему-то научила тебя. Если что хочешь спросить, – не стесняйся. Коль нужна помощь, – сделаю всё, что в силах. Положись на меня как на старшего брата.

– Да благословит тебя бог! – благодарно склонил голову Дамхур. – То, что не скрываю от него, не утаю и от тебя. Да, хотел бы посоветоваться с тобой. Но прежде сообщу обнадеживающую весть. Тот человек, которого я взял под присмотр, похоже, пошел на поправку. Бедняга еще бредит, твердя отдельные арабские слова. Иногда и по-нашему несет какие-то несуразности...

– Если так, то состояние еще неважное. А что можно было разобрать из его речи?

– Он начинает одинаково: «Я – малаик Джабраил...», а затем хулит нашу веру, бога Псатаха, превозносит аллаха.

Дамхур, заметив, как задумался абрек, подробно рассказал обо всем, что впервые услышал в княжестве Уардан.

Горец поднял черные пронизательные глаза и глубоко вздохнул:

– Видишь, что оказывается за душой человека, которого выхаживал, таская по ущельям, грея в пещерах?.. А я считал его необычным, хранящим некую великую тайну...

– Извини, если мои откровения огорчили тебя. Не обращай внимания на пустые слова, – постарался успокоить Дамхур.

– Нет, твои слова, брат, не пустые. Вся эта история придумана и разыгрывается злонамеренными людьми для прикрытия черных дел.

– Если я правильно тебя понял, это тот аркан, который турки хотят накинуть на всех нас?

– Пусть долгой будет твоя жизнь! Ты, к сожалению, прав. Закон дикой природы жесток: если ты ослаб, то на тебя нападают со всех сторон.

– Разве на князя Хамсада аркан накинута из-за его слабости?

– Я называл тебя братом за ум и мужество, в котором, уверен, никому не уступишь. У тебя доброе сердце и крепкое слово. От нас с тобой зависит, как мы расстанемся. Пусть то, что знает бог, узнаешь и ты.

Абрек сорвал с головы башлык, открыл лицо и обнажил голову.

– Такой я есть. Не князь и не дворянин, но и не раб. Раньше я служил в войске Хамсада Уардана, а теперь служу самому себе в этой лесистой долине. Зовут меня Мсыр, я из рода Жихов. Если не чураться, вот тебе моя рука!

– Я никогда не чурался людей, – заметил Дамхур, но руки не подал.

– И на этот раз ты поступил верно: ты должен знать, с кем обмениваешься рукопожатием, – подтвердил бородач, тяжело опуская зависшую в воздухе ладонь.

– Нет, у меня в мыслях не было поступить против воли старшего, да и права у меня такого нет. Просто мне подумалось, что это сейчас лишнее. Я служу в войске Трама Царгича. А зовут Дамхуром.

– А! Значит, ты сын его! Знаю такого. Он потянет любую упряжку и ни в чем не уступит Хамсаду. Князь Лоу знал, с кем его породнить. Жаль, расстроилось это дело, – сочувственно сказал Мсыр.

– Ты считаешь, можно простить тех, кто не дорожит своим словом?

– Нет, так я не считаю. Раз ты хотел посоветоваться со мной, то вот тебе мое первое пожелание. Никогда не делай того, о чем впоследствии пожалеешь. Иначе всю жизнь будешь корить себя. Ты еще молод, и, как говорят у нас, еще не забил тот родник, воду из которого ты должен испить. А мне уже за сорок, и объединяет нас земля и родной язык. Ты с уважением отнесся ко мне, соблюдая приличия, подобающие в таких случаях. Но прошу тебя запомнить: мне придется нарушить клятву, чтобы рассказать об очень важном.

– Не следует из-за меня нарушать слово. Я не смогу клятвопреступника считать настоящим мужчиной.

– Пусть я буду отмечен твоим презрением. На мне и так лежит тяжесть многих грехов, многих... Но ты сам поймешь, какую клятву я нарушаю. И по достоинству оценишь этот шаг. Хотя он может привести нас к разрыву.

– У меня нет такого желания! Наоборот, сердце влечет к тебе, опытному и сильному воину...

– Если бы всё зависело от наших желаний... Жизнь – штормящее

море. Шумит, бурлит, бесится. И каждый спасается, как может и чем может. Несмотря на свое старшинство, я вынужден поведать свою горькую песню обнаженными, грубыми словами...

– Раз доверишься...

– В моем возрасте у человека должны быть такие сыновья, как ты, и дочери на выданье. Но этого счастья мне бог не дал. Вместо того, чтобы сблизиться с любимой женщиной, лучшие свои годы я потратил на княжеской службе. Закон у Хамсада Уардана строг, он запрещает тем, кто в его войске, жениться до сорока лет. Коль принял такое решение – уходи. А на что жить и содержать семью?

– Почему Уардан так поступает? Мой отец и князь Лоу не устанавливают никаких запретов. Даже радуются, когда молодые соединяют свои судьбы.

Мсыр недобро прищурился и съязвил:

– Знаю, как они радуются! Князьям нужны только работники. Для преумножения своего богатства. У Хамсада еще хуже! Он из своих подданных выжимает все соки. А податься им некуда, другие князья их не берут, боясь испортить отношения с владельцем Уарданом.

– Неужели ты не влюблялся, и не было девушки, полюбившей тебя?

– Разве я такой уж урод? – грустно усмехнулся горец. – Я решил обзавестись семьей, когда мне исполнилось тридцать. Моя возлюбленная была лет на десять моложе и работала у Хамсада ковровщицей. Она и теперь там. У нее золотые руки, она умеет делать всё, что присуще женщине. А какая красавица! Глаза моей Шаризы излучают свет... Да, на расстоянии только излучают свет, но не греют. И я видел всё это! Почему-то кажется мне, она и сейчас вянет, сохнет, как цветок, который не поливают. Перенести тоску, впрочем, легче, когда твоя любимая далеко, не перед глазами. А если она совсем рядом, а прикоснуться к ней не можешь, – невыносимо тяжело. И все эти многие годы я мысленно вижу ее и здороваюсь с ней каждый день. Глаза наши и сердца даже вдалеке находят друг друга, а сердца не слышат...

– Укради ее и скройся! – воскликнул Дамхур, хотя сам находился в подобной ситуации.

– Тобой, брат мой, управляют еще юношеские порывы. Пусть в

твоей жизни будет много, очень много светлых дней! Горцы говорят: знал бы, где упадешь, то расстелил бы бурку. Я бы так и сделал, если бы не заверения этого старого лиса Хамсада. «Сделаешь это, выполнишь то, а я тебе помогу», – только и слышал я от этого жадюги. А между тем убывали годы, лучшие годы. На какие гнусные поступки я ни шел ради будущего счастья! Как не скрывал от бога, так и от тебя не скрою об одном таком преступлении. Столь велико оно и ужасно, что, как подумаю, волосы шевелятся. И тогда обуревают злость, и готов пойти на еще более подлое дело, но удерживает меня голос Шаризы, который всегда слышу в тишине. Я всегда смеялся над тем, кто сокрушался: «Любовь заставит сделать всё». А теперь сам стал ее рабом...

– Почему же твоя возлюбленная до сих пор одна? Разве нет способа выручить ее? – участливо спросил Дамхур.

– В тот момент, когда возникли слухи о турках, и Хамсад стал с иноверцами якшаться, как раз приблизилось моё сороколетие, а с ним и долгожданное счастье. Дни представлялись месяцами, а любовь все сильнее брала меня в плен. Вот тут и воспользовался моей надеждой Уардан. Он вовлек меня в одно грязное дело, заявив, что никому больше не доверяет. Целый месяц плавал я на корабле, куда отбирали самых крепких и храбрых, способных и на грабеж, и даже на убийства. После каждого разбоя, богатой добычи князь расхваливал меня, щедро платил. Более того, после очередного удачного нападения на суда одного богача, он пообещал мне даже калым для отца невесты. И я не удержался! – Мсыр перевел дыхание и поправил на поясе кинжал. – Мы провернули дело как нельзя лучше, привезли в порт несметные богатства. По приезде, глубокой ночью, Хамсад потребовал меня к себе. Посыльный прямо-таки танцевал предо мной, точно я из плаванья вернулся князем, не меньше. Несмотря на страшную усталость, я живо собрался и пошел в княжеские покои, думая и страдая о Шаризе, надеясь, что владетель мой помнит данное обещание.

Князь встретил меня в большом зале, где принимал самых именитых и дорогих гостей. Взгляд его точно жег, льстивая улыбка не сходила с узких губ. Он обеими потными руками пожал мою ладонь и пригласил сесть рядом за длинный стол, уставленный разными кушаньями в дорогой посуде, кубками и сосудами с лучшими винами. От них исходил такой ароматный запах, что у меня голова

пошла кругом. Пир длился всю ночь. Наконец он отпустил всех, и мы остались вдвоем. Хамсад стал осыпать меня словами благодарности, точно я один разбил торговые корабли, расспрашивал о житье-бытье, о нуждах. А слуги то и дело подносили кушанья, наливали кубки. Он пичкал меня яствами и винами, подкрепляя их льстивыми речами. А я ждал, что он объявит о своем решении позволить мне жениться. Но вместо этого коварный льстец многообещающе проговорил: «Я поручу тебе такое дело, о котором даже сказать страшно. Только тебе можно доверить его, потому что один справишься с ним. Я знаю, Мсыр, что ты любишь Шаризу, и ничто, даже соломинка не станет на пути вашего счастья. Я бы закатил такую свадьбу, что у завистников глаза на лоб вылезли. И сегодня вечером она была бы в твоём доме. Но случилось непредвиденное! Народу угрожает большая беда». – «Что это за большая беда? И что мне нужно сделать, чтобы отвести её?» – спросил я.

Хамсад еще ближе подался ко мне, и глаза его забегали, как две мыши. Повелев всем выйти из зала, он затараторил: «Ты обязан помочь всем нам. Ты многое сделал для меня, и я не забываю ни о чем. Я ценю твое мужество. Ты долго ждал своей свадьбы, потерпи еще всего три дня и три ночи. Уважь мою последнюю просьбу, и я сделаю для тебя всё, что пожелаешь: построю дом, дам деньги и богатство. То, что я поручу, тебе ничем не угрожает». Он увещевал меня, позабыв, что князь. Уговаривал, а не приказывал. Вот как боялся отказа! А я, не услышав долгожданного разрешения на свадьбу, признаюсь, не сдержал слез... «Не переживай так сильно, – лился его медоточивый голосок. – Ты же мужчина и воин, и три дня промелькнут незаметно. Три дня – не три года. Отбрось прочь все сомнения!» Скрепя сердце я дал согласие. «Перейдем к делу, – изменившимся голосом заговорил князь. – Ты наверняка знаешь дубовую рощу Псатаха. Тропинка, обрываясь за полста шагов от рощи, сворачивает влево и ведет к небольшой пещере. Там и будет твое обиталище, там ты один и будешь караулить. Кроме бога нашего Псатаха, никто и ничего не должен знать! Что бы ни происходило вокруг, ты оставайся в своем укрытии. Твоя задача не спускать глаз с дорожки, что вьется по склону. Главное, не теряй спокойствия и мужества. Когда ты увидишь идущего по склону человека в белой одежде, не раздумывая, прикончи его. Это слабак, который

не будет сопротивляться с оружием в руках. Тебе всё понятно?» – требовательно уточнил князь.

Я ожидал чего-то особенного, а мне предлагают легкую прогулку! «Ладно. Я всё понял», – ответил я, не раздумывая, хотя даже не спросил, кого и за что должен убивать. А этот подлый человек поспешил еще добавить: «Твоя рука спасет от бед княжество. Он из черных джинов, который намерен уничтожить бога Псатаха. Негодяй убил святого человека и, переодевшись в его одежду, ходит и обманывает, мутит народ. Будь смел, потому что этот кудесник, если ты не убьешь его, найдет на тебя страшную болезнь, от которой нет спасения. Так вот, убьешь джина, сбросишь с обрыва и дашь мне знать. Как только я увижу его труп, ты обрешь свободу. Впереди ожидают тебя почет, счастливая и богатая семейная жизнь».

– И ты поверил этому лжецу? – вырвалось у возмущенного парня.

– Поверил, брат. Тропинку нашел я без труда и укрылся в пещере. Я так неотрывно следил за склоном, что от напряжения у меня заболели глаза. Прошел еще день, наступила ночь. И вдруг в мою пещеру проник странный мерцающий свет, какого я никогда не замечал. Я подумал сгоряча, что сверкают молнии. Но свет над землей излучался не прерывистый, а ровный, да и небо было в звездах. Ясное и яркое марево держалось как раз вблизи тропинки, за которой я наблюдал. Следом донесся слабый шум шагов по гальке с той стороны, откуда я пришел. Тем временем свет стал угасать, уступая власть темноте. У меня не осталось сомнения, что приближался тот, кого я ждал. Негаданно взяла меня оторопь, я вспомнил, что джинов не берет пуля. Но перед глазами мелькнуло на миг лицо Шаризы, и страх мой улетучился. Стрелой вылетел я из укрытия и сзади напал на идущего. Левой рукой обхватил его горло и прижал к себе, а правой приставил к сердцу кинжал. Он был ниже меня ростом и тщедушный какой-то. Я чувствовал, как останавливается его дыхание и чуть ослабил левую руку. Он силился что-то вымолвить, но только хрипел. «Не убивай», – еле расслышал я и спросил: «Кто ты?» – «Я человек... Не убивай...» – «Имя!» – потребовал я, ощутив непонятное беспокойство. Дрожь в теле пленника утихла, он медленно приходил в себя, без конца твердя: «Я человек...». Тут меня пробрала злость, я снова прижал его и надавил кинжал: «Ты – черный джин! Сейчас твоя душа вылетит из поганого тела, если не назовешь себя!» Он встrepенулcя и захрипел, пришлось снова

ослабить руку. «Скажу, скажу. Дай только прийти в себя... Только я не джин...» Убедившись, что ни силой, ни оружием, если бы он имел, противнику не одолеть меня, я прижал его к гранитной скале и стал снова спрашивать, кто он и откуда.

– Твой рассказ волнует меня, – проговорил Дамхур, оглядевшись и присев на край валуна. – Что же случилось после?

Чуть поодаль выбрал себе место и Мсыр. Огладив рукой бороду, он помолчал, а затем продолжил свое признание.

– Пленник стал просить оставить его в живых. Меня стали обуравать сомнения. Они в таких делах ничего, кроме вреда, принести не могут. Он умолял меня, убеждал, взывал к богу – и усыпил бдительность. И вот этот хилый болтун внезапно так толкнул меня, что я потерял равновесие. Еще полметра – и рухнул бы в пропасть! Уцепившись за ствол кизила, я подтянулся и опять выбрался на тропу. Не прошло и минуты, а пленника и след простыл. Я погнался за ним по тропинке вверх по склону. Вспомнилось предупреждение Уардана, что джин найдет неизлечимую хворь. Я догнал его и схватил, но он увернулся и, не раздумывая, прыгнул в глубокий каменистый овраг. В том, что он разбился насмерть, я не сомневался ни секунды. Огромная высота и острые камни обрекают на гибель всякого, кто посмел бы поспорить с судьбой. От души отлегло. Мне удалось сделать то, чего требовал владетель. Тут же я решил отыскать труп и спустился в овраг. Но, обшарив все камни и кусты, не нашел его. И снова неведомый страх окатил меня с ног до головы! Мне показалось, что схожу с ума. Теперь я суеверно думал: тот, кто удрал от меня, или черный джин, или малаик Джабраил. Только они с божьей помощью могли спастись, но чтобы уцелел человек – никто не поверит.

– Да, пусть мужество долго не оставит тебя! – с уважением проговорил Дамхур, захваченный рассказом.

– Вот так и рухнули мои надежды. На другой день с раннего утра до самой темноты искал я тело незнакомца, но тщетно. И на следующий день, валясь от усталости с ног, я обследовал весь овраг. Но снова без толку. Когда я думал о возвращении в аул, меня бросало то в озноб, то в жар. Как я мог сказать князю, которому дал клятву, простые слова: «Вот я вернулся, а дела не свершил»? А что будет с Шаризой? В тот день была уже намечена наша свадьба. И она, наверное, ждала меня, ждала нашего счастья...

Я еще раз поднялся по тропинке к тому месту, откуда кинулся этот безумный. Сиял день, и с высоты далеко было видно кругом. В дубовой роще Псатаха заметил я скопление каких-то людей. Здесь я твердо решил не возвращаться в свое селение. И стал абреком.

Долго стоял я на краю обрыва, изучающе смотря вниз. Мое внимание привлек щебень, который скатывается не прямо, а чуть в сторону, как бы по ложбине, проложенной внешним ручьем. Сделав из кизилового стволика посох, я начал спускаться по скату оврага. Пройдя всего немного – о чудо! – я наткнулся на того, кого искал. Он лежал наполовину присыпанный щебенкой возле валуна, который помешал ему свалиться в пропасть. Далее с помощью аркана, крепкого посоха и собственных рук я вытащил его наверх, на тропу. Правда, при этом понес серьезную потерю: неведомо куда пропала моя лошадь, как только я отвязал от седла аркан. Возможно, спугнули волки.

– Так ты без лошади? – озабоченно спросил Дамхур.

– Да... Он был без сознания, весь в крови. Ты сам это видел! Про таких говорят: живого места на нем нет. Зато у меня появилась надежда. Я узнал этого человека из нашего аула! Это был Чамча Ращ, служитель церкви Хамсада. Вот теперь ты многое знаешь! Но меня мучает вопрос: почему князь решил уничтожить священника? Или тот, о котором говорил он, вообще не появился?

– Значит, того, кто лечится у Бадры, зовут Ращ. А не он ли поджег священный дуб Псатаха?

– Вне всякого сомнения. Молва о человеке в белом, об ангеле, – всё это подтверждает его злое дело.

– Прости, Мсыр, за прямой вопрос. Почему ты не расправился с ним, вторично не выполнил клятву, когда нашел у валуна?

– Меня одолели сомнения. И притом, прикончить его тогда, это значило бы убить уже убитого. Не на войне ведь. Да и грех большой...

– И с тех пор ты не показывался в ауле... – сочувственно проговорил парень и неожиданно упрекнул. – Пусть ты старший, и я не имею права поучать тебя. Но почему ты из-за такого ничтожества, как Ращ, оставил возлюбленную на растерзание этих псов?

– Как ты не понимаешь, что я стал на этот путь только ради счастья моей Шаризы! За что же убивать Раща, если он ничего плохого мне не сделал? За ним никогда никаких злодеяний не замечали.

– Кто тогда вершит все эти черные дела, если не Ращ? Я думаю, он заодно с Хамсадом. И князь с твоей помощью решил убрать свидетеля! – твердо заключил Дамхур.

– Выходит так, если сопоставить то, что ты сказал и что я видел, – поддержал Мсыр и замер, прислушиваясь, как встряхивается близ крайних деревьев леса великолепная лошадь дворянского сына. – Этот церковник всегда был против нашей религии.

– Как объяснить, что Ращ, служитель религии Креста, так быстро отрекся от нее и ратует сейчас за арабскую веру? Ради чего преклонился туркам?

– А как же он, предав богов нашего народа, принял христианство? – с укоризной заметил Мсыр. – Такие, как Ращ, если почуют выгоду, примут религию Дьявола! И первый хитрец – Хамсад. Чтобы не оставить главного свидетеля, как ты верно заметил, он решил убрать Раща, дав мне задание. А затем и меня отправил бы на тот свет.

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – кивнул парень. – Но Бадра говорит, что посланцы бога, малаики, могут принять образ любого человека и под этой личиной скитаться по аулам, выведывать то, что им нужно.

– Вот для выяснения этого я и хочу, чтобы наш подопечный встал на ноги.

Незаметно подступил вечер. Из долины потянуло прохладой. Оранжевый отсвет заката расплескался по вершинам гор и верхушкам сосен.

– Что ты, брат, собираешься делать дальше? – поднявшись следом за абреком, спросил Дамхур.

– Мы разойдемся, будто и не встречались. Ты меня не видел, а я – тебя.

– Скажи, чем могу быть тебе полезен? Клянусь: ради тебя выполню все, что в моих силах.

– Ты сердцем улавливаешь чужую боль, Дамхур. Спасибо тебе за это. Оставив свои дела, ты стараешься помочь другим, как истинный мужчина. Я не хочу, чтобы ты рисковал ради меня. Ты, брат, сам нуждаешься в поддержке. Если сказать по правде, дело, которое ты скрываешь от меня, – темный лес. Надо бороться за свое счастье, чужой его тебе не преподнесет. Не так ли?

– Да, мое дело еще в темноте, а твое – в огне, – отрезал парень. – И мне думается, спасти сначала надо то, что горит.

Мсыр, объятый волнением, вдруг шагнул к парню, крепко взял его за плечи и, посмотрев в глаза, отошел и отвернулся.

– Да, огонь горит, – заговорил он отрывистым голосом. – Сейчас Шариза заливают его своими слезами... Но откуда у нее столько слез, чтобы унять пламя? Хватит, брат! Слезами делу не поможешь. Задержал я тебя, поздно уже. Если я тебе не слишком надоел, приезжай сюда через три дня. Тогда, быть может, скажу, чем ты можешь выручить меня. Только ни о Раце, ни обо мне никому ни слова.

Дамхур свистом подозвал свою породистую гнедую лошадку с белой звездочкой на лбу.

– Как ее зовут? – спросил абрек, любясь гривастой красавицей.

– Хакака. Так называют горных орлиц, – отозвался парень, проверяя седло и подтягивая подпругу.

– Пусть она всегда оправдывает свое имя.

– Оправдает или не оправдает, да продлится твое старшинство, в этом ты сможешь убедиться сам. – Дамхур развернул лошадь, за уздечку подвел к Мсыру и взялся за левое стремя. – Прими от меня, пожалуйста.

– Не обижайся, но... Мне не нравится твоя затея, – отказался бородач. – Неприлично старшему обирать младшего. Лошадь – достояние мужчины. Я не сделал ничего такого, за что мог бы получить такой дорогой подарок.

– Разве приличней, когда старший остается пешим, а младший гарцует на коне? – парировал Дамхур. – Если младший сто раз подчинялся старшему, то пусть и тот, хотя бы однажды, прислушается к иному мнению. Если считаешь меня не мальчиком, но мужчиной, пожалуйста, садись на лошадь.

Мсыру нечего было возразить. Он твердым шагом подошел к гнедой, немного опустил стремяна. Затем погладил ее по шее и, вдев носок сапога в стремя, легко вскочил в седло. Дамхур заметил, что его новый приятель, столь же умелый наездник, как и мореплаватель.

– Зови ее чаще по имени, – посоветовал повеселевший парень. – Она это любит.

– Спасибо, брат мой. Попробуем, сможет ли она потягаться с орлами, – пошутил абрек и протянул с лошади мощную руку, которую на этот раз Дамхур крепко пожал.

Последующие дни жителям долины Мзышта ничего хорошего не принесли. У них не проходило подавленное настроение. И стар и млад готовился к кровопролитной войне. Но жизнь не стояла на месте, и каждый был занят своими делами. Князья и старейшины ездили по аулам, призывая народ на борьбу с ненавистным врагом. Князь Лоу, Трам и их сторонники не сидели сложа руки, они делали всё, чтобы достойно встретить турок. В этом смысле выделялось княжество Дадала, который по наследству носил Золотой крест Юстиниана. Им противостояли Хамсад и некоторые другие владельцы, намеривавшиеся любой ценой исключить свое участие в бойне. Они готовы были покориться, беспрекословно принять ислам и заранее вели с турками тайные переговоры.

Самыми заинтересованными в назревающей войне были греки, извечные враги турок. Цель понтийцев была ясна: чужой кровью сохранить земли своего государства на побережье и заодно укрепить в народе христианство. Абазинам они сулили золотые горы, только бы не допустить османского владычества. Распространялись слухи, что вскоре из Греции прибудет огромное войско и поможет местным жителям дать отпор завоевателям. Эти обещания, посулы, угрозы, подкупы и речи отнюдь не спланивали, а с каждым днем вносили в отношения владельцев хаос и споры, мешающие объединиться в одну сокрушительную силу, способную остановить османское нашествие.

Дамхур, с головой ушедший в свои личные проблемы, мучимый тоской по любимой и время от времени помогающий Мсыру, основательно запустил дела, присущие дворянам. В один из дней, ничего никому не сказав, он сел на коня и примчался в селение Уардана. Окольными путями, выбирая безлюдные улицы, он добрался до дома Батыма. Навстречу вышла черноглазая девочка Гога, его давняя знакомая, которая была рада гостю и щебетала, как пташка.

– А я одна сейчас. Всех позвали в мечеть.

– А почему ты осталась дома?

– Я еще маленькая. Туда велели прийти взрослым и тем, кому больше двенадцати лет, чтобы трижды прикоснуться к Корану и сказать: «Нет бога кроме Аллаха. Он сотворил мир и создал нас. Он всё видит, всё может, всё знает».

Невеселый и задумчивый покинул Дамхур подворье приятеля. От одной мысли, что любимая девушка присягнула на арабской книге, изменив своему богу, его бросало в жар, – хоть поворачивай назад и уезжай. Так дошел он до ворот крепости и вошел вовнутрь. Его взгляд жадно устремился на окна Мамхур в двухэтажном особняке Хамсада. И в распаленном воображении промелькнули их счастливые встречи, часы, когда он любовался своей красавицей... Но дворянское воспитание боролось против малодушия, точно неведомый голос твердил ему: «Не смотри. Не иди дальше. Не унижайся!» Он и сам это понимал, но ничего сейчас поделать не мог.

На площади было множество народу. Некоторые обращали на него внимание, чья осанка, одежда, дорогое оружие – всё свидетельствовало о благородном происхождении. Дамхур злился на самого себя, что явился сюда без друзей, без приглашения. И надо было бы незаметно удалиться, чтобы не вызвать кривотолков. Но парень почему-то медлил, машинально шагая с другими к большому строению, возведенному Хамсадом. В этом княжестве мало кто знал сына Трама, и он решил не останавливаться на полпути.

Возле мечети – столпотворение невиданное. Люди спорили, кричали, что-то доказывали друг другу. В этом гвалте трудно было разобрать слова. Грустных женщин с заплаканными глазами успокаивали мужчины, хотя их лица также были мрачными. Дамхур вспомнил слова девочки о том, как проходит «прикосновение к Корану», – слепое насилие.

Долго еще ходил Дамхур среди толпы, надеясь встретить Батыма. Его наблюдательность и острый ум оценили, какую силу уже набрала здесь мусульманская религия, с которой в скором времени ему придется столкнуться с обнаженным мечом. Хамсад полностью подчинился туркам и придерживался их линии. Подлость и хитрость горстки людей – Уардана, Караша Чамаги и Раца Чамча, – и доверчивость бессильной массы привели к трагедии. Да и свадьбы их с Мамхур больше не бывать! Тут, точно молния, пронзила его неожиданная мысль: «А если примкнуть к этой новой религии, которую приняла возлюбленная?» И сам же с отвращением запретил себе даже вспоминать о такой возможности! Никогда, до конца жизни не должен он помышлять о таком...

Дамхур отошел в сторону и стал рассматривать мечеть, послужившую причиной сноса прекрасной церкви. Это новое строение по

величию стен, красоте линий и отделке ничем не уступало бывшему храму. Внешний вид и огромные размеры мечети как бы подчеркивали могущество и силу, всевластие и строгость ислама. С двух углов этого здания в небо вонзались минареты. Их вершины были увенчаны золотыми полумесяцами. И вместе с тем от этого сооружения Хамсада веяло холодом и чем-то отталкивающим. Дамхур пошел было к крепостным воротам, но на пути его встретила группа всадников, среди которых красовался в богатом наряде и Батым. Рядом с ним ехал другой молодой воин, с которым племянник владельца разговаривал, судя по улыбке, доброжелательно. Наездники вели себя бесцеремонно, отпустили поводья, заставляя людей шарахаться от лошадей в стороны. Они бы проехали мимо Дамхура, если бы тот не окликнул давнего приятеля. Батым придержал лошадь и глазами стал выискивать позвавшего. Сопровождающие также остановились. Когда племянник князя во второй раз услышал своё имя, он увидел приехавшего гостя и прыгнул на землю.

– Салам алейкум! – радостно произнес он, протягивая обе руки.

Точно нож ударил в сердце Дамхура: он услышал не абазинское приветствие, а восклицание на чужом языке. Замешательство длилось недолго.

– Рад видеть тебя, Батым! – в соответствии с национальными приличиями ответил Дамхур и по-товарищески принял протянутую руку.

– Э-э! Вы, джандровцы отстаёте от времени! Теперь мы не так отвечаем на приветствие.

– Я не понял сказанного тобой. Быть может, ты обругал меня?

– Как ты, мой друг, подумал такое! – наигранно возмутился Батым и с усмешкой посмотрел на своих товарищей. – Эти слова из Корана означают: «Мир тебе».

– И зачем это? – с упреком проговорил Дамхур. – Сказал бы нашему, и все было бы ясно... Ладно, я приехал к тебе по важному делу. Заехал домой, а там одна Гога.

– Да-да, весь народ здесь, – радостно подтвердил приятель. – Мы устанавливаем новую жизнь. Я теперь, как и ты, команду сотней. А почему ты один? Хамсад знает о твоём приезде? Да и лошади твоей не вижу...

– Она на твоём подворье. Если у тебя есть время, пойдем туда. Здесь не место для серьёзной беседы.

– Как молвят старики, то, что должна была сказать лошадь, проговорило седло, – притворно-радушно подхватил племянник князя. – Для такого уважаемого человека, как ты, найдем время, даже если его нет. Сейчас я распоряжусь, чтобы тебе подали лошадь.

– Пойдем пешком. Здесь рукой подать.

– На виду у всех – пешком? – высокомерно возразил Батым и приказал слуге слезть со своего коня и передать его гостю.

Вдвоем они выехали из крепости, и Дамхур сразу приступил к разговору.

– Как я узнал, Батым, ты командуешь сотней? Но зачем Хамсаду войско, если он полностью отдался туркам?

– Княжество не может не иметь войска, – с недоумением посмотрел брат невесты. – Ты это и сам понимаешь.

– Имея такую силу, вы позволяете туркам садиться на голову. Тогда какая цена такой армии? – сказал Дамхур, сдерживая раздражение.

– Ты ошибаешься. Турки нам не враги. Они носители флага пророка Магомета!

– А кто он такой? – с вызовом спросил гость.

– Не поверю, чтобы такой образованный человек, как ты, не знал этого, – с иронией и затаенной обидой вымолвил Батым. – Он свидетель единственного бога на небесах и земле. Он любимец Аллаха, который с небес ниспослал ему Коран. Он – основатель ислама.

– Ты говоришь, как будто век прожил на Земле, – заметил Дамхур, лукаво посмотрев на приятеля своими черными большими глазами. – Быстро тебя турки обработали. Еще не исчезли мои следы с того часа, когда видел тебя абазинским мужчиной.

– Ты смеешься надо мной, – Батым, сожалея, покачал головой. – Когда новая религия дойдет до вас, ты пожалеешь об этом. Я вместе со всем нашим народом принял эту веру.

– Я нисколько не хотел обидеть тебя, мой дорогой друг, – с теплотой в голосе произнес Дамхур. – Ты не с народом, а с Хамсадом переметнулся к туркам. В нашем княжестве войско для того, чтобы защищаться. Ты говоришь, что и до нас дойдет мусульманство. Что ж, поглядим, как это будет происходить.

– У нас это уже произошло! За то, что не берег свой народ, бог Псатах сгорел. Надо ж доверять собственным глазам! Куда дальше?!

– Бывает ведь и так, что пыль в глаза пускают, – не отступал

Дамхур, знавший правду о сожженном дубе. Напряженно слушая новоиспеченного сотника, он удивлялся тому, как быстро ложь, придуманная Хамсадом и его приспешниками, пустила корни и принимается несведущими людьми за чистую монету. Гнев, накопившийся в душе, заставил говорить прямо и нелицеприятно.

– Чамаг Караш жив?

– Да, храним Аллахом. Это же с ним разговаривал малаик Джабраил. Это он отвел от нашего княжества божью кару. Сейчас пребывает в здравии и покое, не с каждым ведь разговаривает посланец Аллаха. И князь, и люди одарили его таким богатством, что хватит на три жизни. В мечети все, кто посещает ее, кланяются старику.

– А Раща знаешь?

– Попа греческого? Как не знать.

– А где же он теперь?

– У своего бога! Он не захотел снять своего креста, и его сожгли на костре одним из первых. Мусульманская религия суровая, но справедливая. Среди тех, кто проповедует мусульманскую религию, разумеется, не может быть гяура.

– А кто такие гяуры?

– Поклонники креста.

– Так ведь и вы все еще недавно носили крест на груди.

– Кто чистосердечно раскаивается, Аллах милостиво берет в свое лоно.

– Может, ты и Мсыра знаешь? – полюбопытствовал Дамхур.

– Знаю. Мы сейчас ловим этого нечестивца.

– А что же он сделал? Разве он не в войске Хамсада?

– Нет! Он, нарушив клятву, данную моему дяде, сбежал. Точно сквозь землю провалился. Сомнения нет, он один из тех, кто не поверил в единого бога нашего, в Аллаха.

Дамхур взял себя в руки, помолчал и, не скрывая сомнения, заинтересовался:

– Неужели такое бывает?

– К сожалению, иногда случается. Некоторых из них уже выловили в лесу.

– И что же их ждет?

– Тех, кто упорствует, ждет неизбежный костер. А добровольно принявших ислам, – полное прощение. Впрочем, ни земли, ни пособия они не получают.

– А что, вместе с новой религией турки с собой и землю привезли для раздачи? – съязвил Дамхур.

– У Хамсада своей земли достаточно, – сделал вид, что не заметил колкости приятель.

– А какое отношение турки имеют к владениям Хамсада? Другое дело, если бы он сам добровольно отдавал, а так смахивает на приманку для обращения в ислам... Но оставим все это. Тем более, что мы уже у твоего дома. Слушай, а давай пойдем к морю, побродим по берегу. Я соскучился по нему. Да и разговор у меня к тебе другого свойства...

– Ты знаешь, хозяин – раб своего гостя. Я не могу противиться твоему желанию, но все же более приличествует зайти в дом и произнести «бисмиллях».

– А что это такое? Почему я должен так говорить? – удивился Дамхур.

– Прости, это тоже мусульманское слово. Любое дело надо начинать с него. Оно означает: «Во имя Аллаха». Под ним я подразумевал, что нужно зайти к нам и перекусить³.

– Я должен сегодня вернуться домой, да и тебя оторвал от дел, – отклонил гость предложение. – Чем ездить на чужом жеребце, лучше ходить пешком. Раз мы напротив твоего дома, я, пожалуй, пересеяду на своего коня!

Ведя лошадей в поводу, они спустились по узкой тропе к морю. Оно было беспокойным. Куда хватал глаз, ходили гривастые буруны, отливая зеленым стеклом. А вблизи ног с шумом разбивались мутные валы, шурша галькой и увлекая за собой белесый песок.

– Смотри, какая красота перед нами! – не удержался Дамхур. – Эта водная стихия бурлит, плещет, грохочет, точно желает выйти из берегов. Но всё же она величественна! Мудрецы учат, что бушует море тогда, когда люди чем-то досаждают богине Дзан, и она гневается. От этого и наводнения, и проливные дожди, и разливы рек. Если бы люди жили без вражды, то и Дзан была бы спокойна.

– Да, так говорили в прошлом. А теперь люди думают по-иному. Аллах один, он правит всеми стихиями. Нет силы, способной ему противостоять.

– Если ты стал правоверным мусульманином, то позволительно

³ Абазины и сейчас приглашение к трапезе нередко выражают словами: «Пойдем, скажем «бисмиллях».

ли тебе разговаривать со мной? – спросил Дамхур, искоса глянув на приятеля.

– Не только позволительно, но я обязан! – с убежденностью ответил Батым. – С того, кто обратит в ислам семерых иноверцев, спишется семь грехов.

– Скучная оплата. Но ты, на всякий случай, попробуй, – шутливо бросил Дамхур. – Наверное, ты меня имел в виду? Не старайся, уважаемый, не получится.

Они пустили лошадей пастись на редкой прибрежной траве, а сами двинулись дальше, вдыхая соленую свежесть ветра.

– Я не думал об этом, и слова мои так же верны, как то, что перед нами море, – вернулся к разговору племянник князя и как-то странно посмотрел на собеседника. – Но если бы решился на такое, полагаю, тебе бы это не помешало. Даже наоборот...

– В каком смысле?

Батым хитро отвел глаза и вздохнул.

– Ты лучше меня знаешь. Но не подумай, что я великую веру хочу сделать зацепкой для твоего благополучия. Упаси меня Аллах от такого позорного шага – искать свою выгоду в несчастье другого.

– Понял тебя. Надеюсь, твои слова идут от сердца. Ты ни в чем не виновен. Расскажи, что ты знаешь о Мамхуре.

– Какой может быть еще влюбленная девушка? Вы одинаково переживаете. А преграда встала одна – религия.

– Коль веры разные, то и судьбы, по-твоему, должны быть разными?

– К сожалению, да. Но есть выход. Он в твоих руках.

– Я, мужчина, должен принять веру невесты? – возмущенно спросил Дамхур.

– Никто не говорит о подобном! Как ты мог подумать? В нашей новой религии, наоборот, женщина считается рабыней мужчины. Её ни о чем не спрашивают. Мусульманин имеет право даже воровать ту, которая ему понравилась. Ты только прими нашу праведную веру...

– Брось это! Я хочу жениться на Мамхуре не для того, чтобы запрячь ее вместо быка. Она присягала на коране?

– Если отец и мать присягали, то и она обязана это сделать!

– Её обязали, верней сказать...

– Ты не ошибся. Она устроила такой скандал, что отец был в гневе... Я знаю, ты никому не проболтаешься... Трижды подво-

дили сестру к священной Книге, и трижды, касаясь ее, упрямыца повторяла твое имя. Потом только догадались...

– Что догадались? – вскрикнул Дамхур, предчувствуя недоброе.

– Гм, обмануть девушку не так-то трудно. Где угрозой, где лаской, где подарками. Всё же они добились своего. И тогда было сказано, что ты уже принял ислам...

Дамхур остолбенел. По побледневшим смуглым щекам впервые с детства побежали слезы отчаяния. Он не замечал их, задыхаясь от удушливого комка, подступившего к горлу. Парень был уже на грани опрометчивого, безумного шага, который навек бы опозорил его...

– Что же она сказала, дорогой Батым? И что теперь? – схватив за плечи приятеля, взволнованно спросил он.

– По-моему, она любит тебя больше, чем прежде. Всё это произошло на моих глазах.

– Хватит, друг мой. Больше не говори о Мамхур, – прервал приятеля парень и долго смотрел вдаль, на облачный горизонт блесевшими от слез глазами.

Они молча пошли вдоль штормящего моря. Батым, приняв строгий вид, заговорил назидательным тоном:

– Не забудь только, мой друг, что любовь девушки не стоит и капли в дождливый день. Пока ты соблюдаешь старую религию, она может рассеяться, как тучи над горами. Отречься от мусульманской веры, кто принял ее, уже не может. Таков закон. А ты поступай, как знаешь.

– Эх, Батым, ты и радуешь, и огорчаешь одновременно. Правда на столько же горька, на сколько и сладостна.

– Это так. Но я лучше других знаю моего дядю.

– И что говорит Хамсад?

– Ему уже поздно отступать. Да и куда? Только в Турцию, на крайний случай. А насчет Мамхур... Коль не возвращает твоему отцу калым, то надеется... Это каждому понятно! Скажу по секрету: он обещал Мамхур, что свадьба ваша состоится, когда дочь присягала на Коране. А вскоре, думаю, он выедет в ваше княжество на переговоры. Князь, без сомнения, будет убеждать Лоу и твоего отца принять ислам, чтобы избежать кровопролития.

– Пусть тебе всегда сопутствует добро! Прошу напоследок: хоть на мгновенье покажи мне Мамхур.

– Не обессудь, это сейчас невысказано. Возможно, удастся в следующий раз.

– Другого раза может и не быть. Придумай что-нибудь! Пусть выглянет в окно, пойдет на прогулку...

– Ладно, попробуем. Только издали. Свидания не обещаю...

Через полчаса они снова были в крепости. Батым, оставив приятеля в укромном месте, отправился в дом Хамсада. Вскоре он вернулся, довольный удачным стечением обстоятельств.

– Она у себя. Через прислужницу я передал, чтобы сестра вышла на балкон, – и он рукой указал на какой.

От волнения Дамхур побледнел. Его глаза остановились на княжеском доме. Руки стали подрагивать.

– Успокойся, дорогой. А то еще в обморок упадешь, – не без иронии проговорил племянник владельца и, повернувшись, отрывисто шепнул: – Вот же она!

Распахнулась высокая узорчатая дверь, и Мамхур в светло-голубом платье вышла на балкон. Посмотрев вниз и заметив, что брат, от которого ждала вестей, не один, она растерянно застыла на месте. На прекрасном девичьем лице глаза засияли радостью, но, немного погодя, заметно погрустнели. А затем и вовсе стали выражать печаль и безысходность. Светлый тон платья оттенил пылающие щеки. И без слов было понятно, как ей тяжело...

За спиной княжны раздался скрип двери, Мамхур встрепенулась, как испуганная голубка, и подняла голову. Взгляд ее, устремленный на жениха, выражал глубокую, преданную любовь. Уходя на зов опекунши, она взмахнула на прощанье кружевным платочком.

Дамхур стоял неподвижно. Сердце его рвалось из груди. Эти несколько мгновений, которые провел вблизи любимой, дали ему сил больше, чем месяцы разлуки. Он понял, что не только всей душой любит Мамхур и готов умереть за нее, но и любим ею! Батым не торопил приятеля, ждал, пока он сам не пошел к выходу из крепости. У коновязи они попрощались. Дамхур, прежде чем сесть на лошадь, обнял брата невесты.

Поездка в княжество Уардан окончательно выбила Дамхура из привычной жизненной колеи. Его беспрестанно тяготили раздумья и сомнения, а душой он находился рядом с возлюбленной. «Что же

делать? Как разрубить этот узел проблем? – мучительно рассуждал он, оставаясь один. – Для того, чтобы жениться на Мамхур, я должен принять чужую веру и отречься от своего народа. Предать землю, на которой родился, обмануть надежды отца и близких людей. Не только отречься, но и стать врагом! Но так может поступить лишь тот, у кого нет ни чести, ни совести. А зачем Мамхур такой муж?» Он путался в мыслях, противоречащих одна другой. Несомненно, он должен взять в руки оружие и сражаться за веру предков! Но тогда навсегда будет потеряна любимая. А если обратиться к Лоу и отцу, чтобы они приняли религию турок? Это позволит жить спокойно и избежать войны. Но за такие слова джандровцы, люди его княжества, могут забить камнями. В эту минуту снова брал верх рассудок, и он вздрагивал, точно от пощечины. Порою отчаяние толкало на дерзкий поступок: собрать самых смелых воинов, Мсыра и выкрасть невесту! Но ответные действия Хамсада, жестокость его покровителей, турок, принесет великие беды родному народу. Разве может считать себя человеком тот, кто на пепелище народа построил свое счастье? Если бы он пошел к Хамсаду с поклоном и принял ислам, то это означало бы, что не он женится, а на нем женились. Таким позорным шагом он, возможно, оградил бы княжество Лоу от суровой доли. Но жить на правах сиротливого щенка у отца возлюбленной не смог бы и дня!

Смятенные мысли снова привели его к Бадре. После теплого приветствия Дамхур поинтересовался:

– Как чувствует себя раненый?

– Пришел в себя, но лежит и молчит.

– Тогда разреши проститься. Будь здоров!

Бадра покачал головой:

– Ты что-то неважно выглядишь, сынок.

– Немного нездоровится. Пройдет! Я вскоре опять заеду к тебе, и тогда поговорим, – заверил парень уходя.

К месту встречи у Красной горы на этот раз он приехал раньше условленного времени. Абрек вышел к нему из-за ствола вековой липы и, дружески улыбаясь, протянул свою крепкую ладонь. Взаимное рукопожатие было залогом дальнейшей дружбы.

– Рад тебя видеть, Мсыр! – сказал взволнованно Дамхур.

– С этой минуты мы будем разговаривать как брат с братом, – доверительно проговорил мужественный абазин. – Хватит нам держаться чужаками.

- И я так думаю.
- Рассказывай, что видел-слышал за эти два дня.
- Вчера я был у моря и говорил с Батымом.
- Знаю. Потому и спрашиваю.
- Значит, ты тоже там был?
- Да. Но глаза двух людей видят одно и то же по-разному.

Дамхур передал свой разговор с племянником князя и рассказал о том, как состоялась его безмолвная встреча с невестой. Абрек внимал сосредоточенно и заинтересованно. Иногда задавал уточняющие вопросы. И, выслушав молодого ратника, поучительно произнес:

– Война с турками принесет нашему народу невосполнимые жертвы и большое горе. Это понял Хамсад и потому лижет руки туркам. Но это несчастье, которое рано или поздно коснется нас, не минует и самих турок. Османам известно, насколько горд и смел наш народ. Они не глупцы и не хотят смерти своих воинов. Поэтому и пускаются на подлые хитрости, выгодные им, подбивая князей решить всё мирно. Без крови хотят навязать свою веру, а потом – гни на них спину века! С сильным всегда говорить трудно. Признаюсь, я вчера недалеко от берега подкараулил Хамсада, который в одиночку охотился. Увидев меня, он ошалел и выпустил повод из руки. «Здравствуй, Мсыр, – проговорил он дрожащим голосом. – Почему же ты не возвращаешься домой?» – «А тебе любопытно, почему не получилось убить Чамча Раща?» – переспросил я презрительно. Он побледнел, как воск. Всё тело затряслось от страха, а нижняя челюсть отвисла. Долго он не мог вымолвить ни слова. «В ту ночь, когда я караулил тропу Псатаха, никто на нее не ступал, кроме Раща», – продолжил я. Он встрепнулся: «Если никого больше не было, то на это воля Аллаха. Ты подумал, дорогой, что не выполнил задание, поэтому не решился вернуться и сказать мне... Аллах с ним, с Ращем, сбросил бы его со скалы и приехал в крепость. Так или иначе он погиб бы как враг ислама. А теперь скрылся от нас, подлый человек. Кстати, не знаешь, где он?» Я только намекнул, что он жив, и предложил: «Если отдашь мне Шаризу, я привезу тебе Раща». Он моментально согласился и стал упрашивать, чтобы я снова служил у него. Не понял, то ли это просьба от души или ловкое притворство, чтобы в дальнейшем найти повод разделаться со мной. Во всяком случае, он клялся Аллахом, что во всём поможет мне.

– Значит, ты решил принять новую религию? – с разочарованием уточнил Дамхур.

– Если и сделаю это, то ради моей двадцатилетней любви.

– И будешь снова жить у Хамсада?

– Да, временно. Пусть всё, что я задумал, останется секретом, по крайней мере, до того времени, пока Хамсад не встретится с князем Лоу. Но с той минуты считай меня рабом вашей с Мамхур любви.

– Можно ли рассказать о Раще князю Лоу и отцу?

– Просто необходимо! Они должны знать о нем до разговора с владельцем княжества Уардан. Их встреча должна состояться завтра. А до этого ты должен спрятать меня у кого-либо. Лучше всего, у Бадры, чтобы и священник оставался под присмотром.

7

Рано утром в главную крепость княжества Джандрапц въехали два хорошо одетых всадника. Как и полагалось, они оставили скакунов у коновязи и в сопровождении челяди прошли в комнату, где князь Лоу обычно принимал посетителей. Прибывших встретили радушно, подали кубки с пенистым напитком. Они пригубили их, отведали по одному ореху, а после назвали себя и сообщили цель своего приезда. Спустя четверть часа с тем же почетом, с каким встречали, их провели во двор, помогли сесть на лошадей и сопровождали до границы княжества.

К полудню в Джандрапце уже знали весть, разлетевшуюся с быстротой стрелы, о том, что приезжает Хамсад. В ожидании гостей Абазг Лоу и его приближенные заняли условленные места у ворот крепости. Князя в этот час обуревали противоречивые чувства. Долг хозяина обязывал его соблюдать вежливость и обычаи гостеприимства, но в душе он испытывал к соседу чувство, близкое к презрению за то, что принял веру врагов и встал перед ними на колени вместо того, чтобы обнажить меч. Тем не менее, гость ехал с миром, и встречать его следовало достойно. Говорящего выслушай до конца, а только потом держи ответ.

Знал Лоу, что аулы его княжества готовятся к войне. И стар и млад ждали, когда заговорит в их кузнях «наковальня Джандрь». Наверняка всем был неприятен приезд человека, присягнувшего

вере турок. И хотя переговоры еще не начались, некоторые со смутным подозрением относились к своему владельцу, хотя трудно было уличить Лоу в чем-то предосудительном. А он думал о том, как побыстрее завершить эти навязанные ему переговоры, которые могли принести одну единственную пользу. Князь надеялся склонить жадного вероотступника выполнить обещание, – не препятствовать свадьбе Дамхура и своей дочери. Он считал кровным долгом соединить сердца молодых людей, любящих друг друга. Сколько раз еще до принятия Хамсадом мусульманства он отклонял требование Трама Царгича напасть на княжество изменника и разбить его войско. Нельзя в порыве мимолетного гнева решать судьбу народа. «Пусть люди видят золу твоего дома, а не то, как враг забирает твои богатства, – приводил Царгич в подтверждение своих слов поговорку. – Если Хамсад считает ниже своего достоинства, чтобы дочь вошла в мой дом невесткой, то это его право. Пусть только вернет калым. А не желает по-хорошему, то я найду более жесткий способ, который быстрее воздействует на трусливого прихвостня османов, чем любые слова». В ином случае Трам, упрямый и крутой в своих решениях, мог бы послушаться князя, своих многочисленных родственников, но не ведал он, как воздействовать на своего своенравного сына...

Фургон высокого гостя сопровождали сто отборных всадников. После традиционных приветствий Хамсада с почестями провели в просторный зал, где были накрыты столы. Участников встречи посадили по ранжиру. Открывая пир, Лоу поднял кубок и предложил тост за процветание княжества гостей и всего абазинского народа. Двое турок, сопровождавших Хамсада, не понимая слов, ерзали на своих местах и глазели по сторонам, держа в руках наполненные серебряные сосуды. Заметив это, Хамсад поднял свой кубок и подал знак, что можно пить. Но те всё не решались. Тогда Хамсад трижды произнес «Бисмилляхи Рахмани Рахим» и осушил свой кубок до дна. Турки повторили мусульманское восклицание и тоже выпили.

Лоу слушал арабскую речь нахмурясь. Ему припомнился вчерашний рассказ Дамхура, который вызвал в душе негодование. Но гости есть гости, и надо было соблюдать такт и приличие. Пир, впрочем, не затянулся. Хитренько щуря глаза, Хамсад поспешил завести разговор.

– По нашим обычаям гостя ни о чем не спрашивают три дня и три ночи. Но мы таким временем не располагаем. Даст Аллах, еще

погостим у вас. Турецкие посланники находятся в Уардане больше месяца, значит, они уже не гости, а подданные моего княжества, – Абдул-эфенди и Расул-эфенди. Того, что пошлет всемогущий Аллах, не миновать. Никто от турок ничего худого не видел. У них есть поговорка: кто приходит с миром, пусть пройдет по двору, как по дороге. Но для тех, кто встает на пути и говорит «нет», у них – страшный разящий меч. Свою силу, которую даровал им Аллах, они показали всему миру. Магомет-пророк установил ислам на Земле, и его победоносное знамя турецкие друзья держат в своих руках крепко! – Хамсад с благоговением повернулся к туркам, давая понять, что хвалит их.

Воцарилась напряженная тишина. Хамсада никто ни разу не прервал, не поддержал, не услышал он и возражений. И, разбираемый досадой, гость снова заговорил с пафосом:

– Говорят, чем ближе мясо к огню, тем быстрее оно жарится. И поэтому я поспешил к вам. Наши земли граничат. Мы немало съели вместе хлеба-соли. Будет всем лучше, если в дальнейшем нас соединят одна судьба и дорога. Подумав так, я приехал к вам посоветоваться. Вероятно, вы слышали о том, что на нашу землю спустился малаик Джабраил в подтверждение Единого бога на земле и небесах?

– Да, эта молва и до нас докатилась, – с трудом сдерживаясь, подтвердил Лоу. – Но если верить всему слышанному, тогда зачем на плечах собственная голова?

– Ты прав, мой друг. Я тоже так бы ответил. Но дело в том, что вы только слышали об этом, а мы видели своими глазами! И я хочу, чтобы и вы всё узнали из первых уст, – возбуждаясь и поблескивая глазками, заверил Хамсад и вдруг приказал, забыв, что не дома, солидному советнику князя Лоу. – Любезный! Пойди и позови сюда Караша!

– Извини, дорогой гость, но кто такой Караш?

– Иди, они скажут! – раздраженно поторопил Хамсад.

Вскоре перед князьями предстал маленький, тщедушный и трясущийся старичок.

– Подойди ближе, боголюбивый Караш, – обратился Хамсад, поднимая руку. – Вот он, живой свидетель, который видел малаика Джабраила и разговаривал с ним. Расскажи джандровцам, как это было.

Хитрец не стал себя упрашивать. Сразу понес небылицы, набив-

шие оскомину не только в княжестве Уардан, но и в других владениях. Впрочем, его сбивчивая речь, в которой мешались абазинские слова с арабскими, вскоре оборвалась. Князь Лоу, поглядывая на своих людей, которые слушали лжеца с недоверием, был спокоен, и в устоявшейся наконец тишине задал неожиданный вопрос:

— Как выглядел этот Джабраил? Если снова встретишь, узнаешь его?

— Аллах, который все может и знает, не каждый раз и куда попало направляет своего посланца! — поучительно заметил старик. — Малаик был весь в белом. Не только по облику, но и по речи узнаю его. До сих пор в моих ушах звучит его благозвучный голос!

— Джабраил-малаик, направляющий по ложному следу, живет не на небесах, — на земле. К чему эти никчемные детские выдумки? — жестко проговорил князь Лоу. — Ты соврал и сам поверил в свою неправду. А теперь хочешь, чтобы и мы обманывали себя?

Хамсад, слыша это, переменился в лице. Убежденность хозяина смутила его. Заранее приготовленная вязь хитрых фраз рассыпалась. У Хамсада закралось сомнение, но он с притворным добродушием заметил:

— Каждый о своем деле знает лучше, чем другие. Я уже говорил об этом. Но у тебя нет доказательств, чтобы уличить его или меня во лжи.

— Если ты скажешь: «Докажи, что лжешь!», то нам это не доставит большого труда, — многозначительно бросил хозяин.

«Этот упрямый Лоу так уверенно со мной не разговаривал бы, не располагая ничем», — осенила Хамсада догадка, и в голове пронесся целый рой мыслей. Нет на свете ни одного свидетеля, кроме Караша. Он был всё время под наблюдением и не мог проболтаться. Без разрешения своего владетеля и шага не смеет сделать! Может, Мсыр? Но что ему тут делать? Даже если так, то бывший слуга почти ничего не знает об этой истории. К тому же, вчера они ударили по рукам и договорились, что Мсыр привезет Раца в обмен на Шаризу. Ради нее он готов на всё, поэтому опасаться его появления нечего. Хамсад снова обрел присутствие духа и произнес тоном победителя:

— Я должен был сказать и сказал то, что знаю и думаю. И старался сделать это ради вашего будущего. Зря не ищите несуществующего свидетеля. Лучше позаботиться о своем спасении. Если приблизитесь к Аллаху, он поможет вам. И могучая Турция проявит свою

милость. Мои спутники Абдул-эфенди и Расул-эфенди сделают всё, что нужно, если откажетесь от прежней религии и примете единственно праведную – мусульманскую. Так вы очистите души от грязи и предстанете пред Аллахом! Эфенди приехали со мной, чтобы о многом рассказать и дать свои советы, – Хамсад с подобострастием посмотрел на жующих османов.

Лоу дал знак советнику, который направил толмача к Абдул-эфенди. Важный турок обтер лоснящиеся губы и, строго посмотрев в одну и другую сторону, разразился тирадой:

– Наша непобедимая армия, на флаге которой начертано имя Аллаха, не хочет с вами войны. Сочувствует абазинам. Нет на всей земле силы, которая могла бы противостоять ей. Поверьте в единого и всемогущего Аллаха и живите по его заповедям, чтобы не случилось беды. Не давайте неверной религии дурманить вам головы. Кайтесь, и Аллах примет вас в свое лоно!

– Переведи этому эфенди, – обратился Лоу к толмачу, – что мы живем по начертаниям наших богов, и они нас вполне устраивают. Никакой другой религии, новой и лучшей, нам не надо! Если надоест своя вера, мы придем к вам и сами скажем об этом. Мы не турки, не арабы, мы – абазины. Если вы такие сердобольные, как утверждаете, то не навязывайте нам своей религии и не пытайтесь отобрать веру, которую исповедовали наши предки, а также оставьте в покое наши земли. Если это вас не устраивает, то, как говорится, вода и камни не привязаны друг к другу.

Ответ князя вверх турок в недоумение, которое сменилось злобой. Они устали на Хамсада, давая понять, что пора отправляться восвояси. И Уардан заметно помрачнел, раздосадованный и подавленный тем, что миссия его провалилась.

– Не ожидал я от тебя, сын Абазга, такого ответа! – попенял гость, покачав головой. – Я предупреждал. А вы сами роете себе яму...

– Пусть так! Но ляжем мы в нее, в отличие от тебя, неоскверненными! – воскликнул Трам Царгич, давно искавший возможности высказаться. – Ты ничем не поступился: ни соседством, ни прежними отношениями. Привел извечных врагов и хочешь из наших уст услышать, как мы поносим свои обычаи, традиции, оставшиеся от предков\ и богов?! Не видать этого ни тебе, ни твоим хозяевам, ради которых стараешься, пока жив хоть один абазин, способный держать в руках меч. Мы не боимся гибели, – такова участь воина.

Но никогда не примем стыда перед народом своим! И последнее, Хамсад. Если ты дорожишь родством между нами, отдай свою дочь моему сыну, как обещал, или верни калым!

— Кто сделал добро, тот до дома не добрался, — искривил губы и фыркнул новоявленный мусульманин. — Я для вас стараюсь, а вы пытаетесь унижить меня. Как мы можем добрососедствовать, если у нас разные религии? Примите самую лучшую и справедливую религию — и всё обойдется!

Его перебил покрасневший Абдул-эфенди, речь которого тут же перевел толмач.

— Князь Лоу, мы, посланники султана, желаем вам добра! Находящиеся здесь большие дворяне совершают роковую ошибку. Обсудите ваше решение еще раз. Мы готовы ждать до завтрашнего вечера. И если вы заупрямитесь, то... Потом будет поздно!

— Мы сказали всё, что хотели, — отрезал князь Лоу.

— Только Аллах говорит один раз! — включился в беседу и второй турок. — Не обижайтесь, но ваше княжество против Турции, это всё равно, что цыпленок перед орлом!

— Мы и не горим желанием биться с орлом, — раздумчиво произнес Лоу. — И не отнимаем у тебя, Уардан, твою новую веру, которой ты присягнул. Это твоя воля и право. Но давай уладим спор и будем по-прежнему добрыми соседями. Дай, Хамсад, возможность соединиться сердцам Дамхур и Мамхур, которые любят друг друга. Осчастливь молодых!

— Я здесь ни при чем. Мешает делу только ваше упрямство. Моя дочь стала мусульманкой. И обручиться с женихом она может только по традициям этой веры. Выход прост. Пусть ваш парень примет ислам — и дело с концом.

— Князь Уардан, если не хочешь позора, то не будь помехой для молодых, — внушительно предостерег хозяин.

— У меня совесть чиста. Если же вы вынашиваете злой умысел, он обернется против вас же! — с угрозой в голосе проговорил Хамсад.

— Ты жестоко ошибаешься! Перед тобой, если хочешь, сейчас предстанет, — Лоу дал знак толмачу, чтобы не переводил речь туркам, — тот, кого ты сжег на костре, — Чамча Рац! Ты хочешь увидеть его собственными глазами?

Хамсад вскочил с задрожавшей челюстью. Минуту-другую он не мог ничего сказать, точно язык приклеился к нёбу. Отталкивающим

и жалким был вид прежде высокомерного владетеля княжества Уардан.

– П-п-п-рошу... не доводить до этого! – вдруг пискляво изрек гость.

– Напротив, обещаю показать этого воскресшего человека всему Кавказу, как ты повсюду таскаешь за собой нечестивца Караша, – возразил Лоу. – Если ты не желаешь разоблачений, то по-честному породнись с Трамом. Подумай, и послезавтра дашь окончательный ответ.

– Двум смертям не бывать, – попытался приободрить себя Хамсад, отводя глаза в сторону. – И то, и другое для меня лихо... Но довольно на сегодня с меня! Вечером... вслед за нами... пришлите людей. И прибавьте к калыму...

– Вполне понятно, – кивнул Лоу, переглянувшись с Трамом. – Мудрость не оставляет тебя. Давно бы так! Только, прошу, без всяких подвохов. И можешь поверить, что в отношении Мамхур я также выполняю долг названного отца.

– Только тот, кого ты назвал, должен быть в моих руках! – взвизгнул злобно Хамсад.

– Как только Мамхур окажется здесь, ты получишь его.

Хамсад тяжело вздохнул и, точно показывая, что от судьбы не уйдешь, развел руками...

Он всячески скрывал от соплеменников, что в семье его, внешне благопристойной, принявшей мусульманство, по этому поводу вспыхивали ссоры и неурядицы. Когда Мамхур присягала на Коране, она трижды повторила не имя Аллаха, а своего возлюбленного. «Без ведома и разрешения Дамхура я не буду принимать ислам», – твердила девушка, сколько ей ни угрожали и как ни упрасивали. Однако слухи о принятии дочерью новой религии Хамсад поощрял и подтверждал лично. Верная каждому своему слову, Мамхур через советников передала отцу, что другой судьбы, как только с Дамхуром, она не желает и не представляет. Её поддерживала мать, идя мужу наперекор. Княгиня вырастила, выхолила свою дочь-красавицу и считала, что выбор ею был сделан правильно.

Хамсад из расчета или в пылу гнева и согласился бы отдать свою упрямую дочку за кого-то другого, но ни один достойный ее молодой человек в последнее время не переступил порог княжеского дома. Те немногие, которые интересовались Мамхур, узнав об уже состоявшемся сватовстве и о величине калыма, даже четвертой части

которого не могли выплатить, быстро исчезали с глаз. Когда у него стали бывать турки, Хамсад воспылил намерением отдать дочь за кого-нибудь из именитых чужестранцев. Как говорят: с одной лисы содрать две шкуры. И тут его окатывала двойная радость: если Трам со своим князем ввяжется с турками в войну, ему можно будет не возвращать калым. А с нового жениха-турка содрать подношения еще больше!

После возвращения из княжества Джандрапц Хамсад понял, что одну «шкуру» уже потерял. Да и на вторую напрасно рассчитывать: не родился еще тот турок, который за невесту отдаст богатство. Женищина для них ничего не стоит. При желании османский воевода или начальник бесплатно возьмет его сокровище, дочь-красавицу. А если при этом еще придется возвращать Траму калым, то вообще что останется у него, Хамсада? При таких мыслях у князя Уардана мурашки пробегали по спине. Пугало его и то, что однажды дочь пыталась отравиться. Но если уступит ее Траму, то простят ли турки, так как мужем ее станет неверный?

Долгие раздумья Хамсада так и не привели ни к чему путному. На совещании, где он раскрыл свои карты, ничего утешительного не услышал и от советников. Но один из них попросил вдруг личной беседы.

– Уважаемый господин, если ты решил всё-таки отдать свою несравненную княжну за сына Царгича, то нельзя ли это совершить по мусульманским традициям?

– Говори, болван, каким образом?

– Парень должен похитить девушку.

– Хм, что-то в этом есть...

– Как говорит мулла, мужчина имеет право взять, похитить ту, которая ему нравится. Ничего зазорного в том мусульманский священник не видит.

– Прочь с глаз! Да позови ко мне Мсыра, – грубо прикрикнул Хамсад.

Когда пришел не оправдавший его доверие слуга, князь заулыбался и пригласил его сесть рядом.

– Я простил тебя за то, что нарушил свою клятву. Но все прежние дела ты доводил до конца, и я благодарен тебе. Скажи, где этот Рац?

– Дорогой князь, если ты исполнишь данное тобою мне обещание, он предстанет перед тобой, где бы ни был.

– Всемогущий Аллах! Почему люди только и норовят урвать с меня что-нибудь, ищут для себя выгоду? Теперь я сам знаю, мой друг, где скрывается этот негодяй!

– Если знаешь, тем лучше.

– Расскажи, Мсыр, как он очутился у безбожников?

– Этот вопрос задашь ему самому, он лучше знает.

– Я тебя спрашиваю.

– Если человеку не верят, то его словами и кость не посолишь.

– Еще верю, потому и спрашиваю.

– Мы с тобой уже говорили о Раще. Я его отпустил по недоразумению. Ты ведь не сказал мне прямо: убей Раща. Вот и получается, сам помог ему спастись. Я так думаю.

Хамсад подался к слуге и заговорил просящим медоточивым голосом:

– Ладно, Мсыр. О твоём деле мы договорились. Всё остается в силе. Ты получишь Шаризу в жены... А теперь слушай внимательно. Джандровцы сами отдадут мне Раща. Но он не должен живым доехать до нашей крепости. Ты должен умертвить его на том самом месте, откуда он от тебя сбежал, и сбросить со скалы по дороге к роще Псатаха. Но это еще не всё! Сегодня люди от князя Лоу приезжают ко мне для переговоров. А завтра вечером они должны увезти Мамхур. Будь они прокляты! Нужно сделать таким образом, чтобы моя дочь осталась в нашем княжестве. Соппротивление поручаю тебе. Делай, как знаешь. И если провернешь это дело, я снова буду доверять тебе.

– Ты можешь поверить мне тысячу раз, а я тебе не поверю и единого раза! – насмешливо заключил Мсыр. – Двадцать лет я верил твоим словам, а что толку? Даже кость не «посолил».

– На сей раз «посолишь», – твердо пообещал Хамсад, давая понять, насколько серьезна его просьба. – Мы же с тобой давние соратники. Джандровцы со своими «завтра-послезавтра» всегда нарушают планы. Если бы не их необязательность, мы бы уже сегодня гуляли на твоей свадьбе!

– Дорогой князь, у нас говорят: половина сегодняшнего чурека лучше целого завтрашнего. Нам с невестой не нужны ни подарки, ни почести. Только объяви: «Сегодня свадьба!» Мы не доставим тебе никаких хлопот, обо всём позаботимся сами. Только прикажи, чтобы свадьба была сегодня, уважаемый Хамсад!

– Лишнего богатства не бывает, – усмехнулся князь. – Если уж так настаиваешь, то пусть ваша свадьба состоится сегодня вечером. Но уговор наш остается в силе. Надеюсь, ты понял! А жить вы останетесь у меня. Таковую мастерицу, как Шариза, я никуда не отпущу.

Он вызвал советника и дал указания о подготовке свадьбы. Мсыр, не веря своему счастью, вышел из величественных покоев.

Вскоре прибыли посланцы из княжества Джандрапц. На этот раз они не пригнали ни дорогих лошадей, ни скот. Прибавкой к калыму было совсем иное. И когда Шарах, младший брат Царгича, поставил перед Хамсадом сундучок и открыл его, алчный хозяин от удивления и восторга чуть было не потерял рассудок, забыв все обиды. Он плохо слушал, о чем говорили будущие родственники, и лишь кивал головой, со всем соглашаясь.

– Обещанных сто рабов вы привели с собой? – вспомнив, уточнил князь.

– Они придут с теми, кто будет забирать невесту. Таков обычай, – ответил Шарах.

Переговоры кончились раньше, чем предполагал сам Хамсад. Ему не терпелось остаться один на один с сундучком. И когда гости отведали хлеб-соль, он даже для приличия не стал их удерживать.

– Теперь осталась самая малость, – шутливо заговорил он, когда гости стали собираться. – Завтра вечером приезжайте за невестой. И, если сможете забрать, как велит обычай, она – ваша. И напомним про рабов! Да... Чуть не забыл сказать. Расставание с единственной дочерью меня может огорчить... Я могу не справиться с таким горем... А мои люди любят меня как отца, и тогда не миновать столкновения. Это допускает наша вера. Понятно?

Шарах переглянулся со своими спутниками.

– Насколько я понимаю, такие стычки добра не принесут. А нередко они кончаются кровопролитием. Трампы всегда готовы постоять за себя, но оружие может омрачить радость.

– Мужчина, конечно, может не допустить этого, – назидательным тоном произнес Хамсад. – Если и случится какая-то мелочь, то не стоит из-за нее вешать головы. Для меня будущие родственники дороги и бесценны, я их уважаю и люблю, коль доверяю им свою единственную дочь. Коль было предначертано Аллахом, чтобы она стала вашей, так и будет!

Солнце не дошло до зенита, а Мсыр был уже в Джандрапше и разыскал Дамхура. Парень, как и предполагал абрек, находился у Бадры. В небольшом дворике знахаря, под сенью дуба вместе с приятелем было еще несколько молодых людей, окруживших покойника. Он лежал на плетнёвой подстилке под буркой. Мсыр догадался, что умер Рац. Высокий седой старик, сохранивший стройную фигуру, давал распоряжения, где и как хоронить преставившегося. Это, как понял приехавший, делал хозяин двора, Бадра. Отпустив мальчика-проводника, Мсыр присоединился к группе мужчин. Он колебался: обычаем какой религии придерживаться? Сам он только вчера принял ислам, в котором ничего еще не смыслил, равно как не разбирался и в христианстве. Но эта последняя вера принесла пользу: любимая Шариза стала его женой, и они связаны клятвой на Коране. А всё остальное в этой религии его не интересовало, пусть занимается ею, кто хочет и кому это надо.

– Душа его принадлежала Псатаху, и он забрал ее к себе, – произнес Мсыр, подошел к усопшему, приподнял край бурки, посмотрел и трижды свободной рукой ударил по своему лбу в знак скорби, как требовал обычай. Присутствовавшие на похоронах люди не обращали на незнакомого человека внимания. А Дамхур наблюдал за своим старшим товарищем с чувством гордости и благодарности. Между тем Мсыр хранил молчание и со всеми вместе вынес покойника со двора. Процессия двинулась по окраине аула. На повороте к кладбищу, лежащему на пригорке, он попросил всех на короткое время остановиться. Щит из плетня вместе с телом опустили на землю.

– Пусть долгими будут твои годы, отец, – обратился Мсыр к старому лекарю. – Этот человек должен быть похоронен не здесь, где живут абазины, соблюдающие религию своих предков. Умерший давно принял другую веру, которой служил преданно. Прошу отдать его мне, чтобы я мог отвезти несчастного туда, где он проживал и где похоронят его по новому обряду.

– Нет, сынок, – возразил Бадра. – Свою смерть он нашел на нашей земле. Так было предначертано свыше. Могилу уже вырыли, и открытой ее не оставляют. Ни в одном ауле его не ждут, нет у него семьи. У таких людей родина там, где их настигает смерть.

Не подобает над телом мертвого человека спорить, лучше предать его земле. Так будет правильно, сынок!

— Я и не думал спорить, отец. Я хорошо знаю, как он попал к вам, сколько трудов вы положили, чтобы он выздоровел. Но ему не место на кладбище, где лежат достойные люди, — не отступал Мсыр. — Я был его первым опекуном. Я его хорошо знал, оба из одного аула. Это может подтвердить Дамхур!

— Я мог бы тебе, уважаемый, поверить, если бы не слышал его слов! — не соглашался мудрец.

— Вот поэтому и нельзя его хоронить здесь! — подхватил Мсыр. — Он в чуждых словах ничего не понимал. Злые люди использовали его в своих целях, в гнусных и черных делах.

Дамхур и его друзья положили конец недолгому спору, поддержав Мсыра. Они подняли тело Раца и помогли донести до границы двух княжеств. Потом с большим трудом Мсыр и Дамхур смогли доставить покойного на заранее выбранное место и укрыли его ветками и голышами, чтобы не добралось зверье.

Они двинулись дальше.

— Посмотри на возвышающиеся впереди горы, Дамхур. Над ними в спешке собираются большие и малые тучи. Ты знаешь, чем это кончится?

— Бог грома, Адыд, заставит их греметь. Бог огня, Аф, придаст им молний и устремит огненные стрелы вниз. А в довершение всего Дзиуара, богиня дождя, обрушит свои потоки на землю! — отвечал парень, глядя на идущего рядом приятеля.

— Вот такие же несчастья принесут нам события, происходящие вокруг нас, — со вздохом проговорил Мсыр. — Хотел сказать «брат», но не стал...

— Я тебя чем-то обидел? — встревожился Дамхур.

— Нет, дорогой, ты ничем меня не обидел. Ты чист, как детская слеза. И эта твоя душевная чистота не позволяет мне называть тебя «братом». Поспешил я тогда пожать твою благородную руку, хотя и знал, что не достоин этого.

— Ты говоришь лишнее. Извини, что перебил. Что случилось?

— Вчера я присягнул новой вере на Коране, — подавленным голосом ответил абрек.

— Тебя заставили?

— Меня заставила так поступить любовь.

Дамхур сердечно поздравил горца с женитьбой:

– Это замечательно! Но чем твоя женитьба может помешать нашему братству?

– Разве может человек, сменивший три веры, быть твоим братом?

– Я не имею права осуждать тебя. Мне-то что? Меняй еще, но начиная с конца. Главное, брат, что ты ни разу не променял сердца своего.

Мсыр растроганно приобнял парня за плечи и признался:

– Спасибо за твое отношение ко мне. Спасибо, брат Дамхур! Действительно, корана коснулась моя рука, но не сердце. Оно принадлежит памяти предков. И об этом знает Хамсад.

– Пусть знает...

– Если бы он только этим ограничился!

– А что ему еще нужно?

– Моя душа. Те красивые слова, которые он сказал нам с Шаризой, не больше, чем приманка в капкане. Я не боюсь за свою голову, и давно бы от него ушел, если бы не Шариза. Когда я скрывался в лесу, он истязал ее, заставляя работать днем и ночью, не давая даже пот с лица стереть...

– Забери ее и уйди от него, – посоветовал Дамхур. – Ваше устройство я беру на себя.

– Если бы у меня была такая возможность! За ней ходят по пятам, считая шаги. Она как бы в плену, а я привязан к ней.

– Надо найти способ, чтобы выручить Шаризу.

– Способ есть, нет времени. А теперь послушай, что он задумал против тебя и Мамхур.

– Он предупредил, что...

– Вашим людям он сказал одно, а мне – другое! – перебил Мсыр.

– Если до вечера не прибудет турецкое войско, на которое он возлагает большие надежды, отряд, которым я командую, должен отбить у вас невесту. У него останутся тогда и калым, и дочка. Соберите силы, Дамхур, и приезжайте как ни в чем не бывало. Он ждет рабов, а вы вместо них приведите сто воинов. Фургон, в котором будет ехать Мамхур, пусть не отрывается далеко. А погоню я смогу задержать, это в моих силах. Ворота крепости я также открою сам. Коль не удастся избежать стычки, береги себя, не лезь в пекло. Ты всё понял?

– Да. Но ведь Хамсад обещал, что скандала не будет...

– Ты помнишь, как я дал слово выручить тебя в трудную ми-

нуту? Настал час, чтобы исполнить сказанное. Даже если явятся османы, я буду с тобой. Словом, готовьтесь. Отдельный твой отряд пусть расположится неподалеку. Я скажу: «Еще прислали новых рабов», – откроют крепостные ворота, а твои люди должны точно знать, как действовать...

9

Воины, которые отправлялись в княжество Уардан, были готовы ко всему. Недаром так упорно и длительно Дамхур обучал их ратному делу. Они были спаяны не только выучкой и волей командира, но и глубоким уважением к нему.

В сумерки сто рабов и двадцать сопровождавших всадников приблизились к воротам крепости Хамсада. Это был отряд для первой атаки, если таковая потребуется. Их опередили два фургона. В первом находился князь Лоу, а второй был предназначен для невесты. На окраине леса также затаился сильный и многочисленный отряд конников во главе с Шарахом, дядей жениха.

Один из телохранителей Лоу подъехал к часовому, караулившему ворота, и объявил:

– Пожаловал князь Джандрапца Абазг Лоу к уважаемому князю Хамсаду Уардану! От больших дворян Трамов приведены сто обещанных рабов. Он привез также для названной дочери Мамхур дорогие подарки в честь замужества, чтобы вручить лично. Передай мои слова хозяину!

Услышав о прибытии Лоу и о новых подарках, Хамсад снова заметался, как лучше поступить, и тут Аллах послал ему одну идею. Надо гостя хитростью поставить на священный коврик, чтобы он принял мусульманство, а за ним – и всё его княжество. Тем более, что турки подоспели вовремя, и они ждут его обращения за помощью. В том, что османы помогут отбить дочь, Хамсад не сомневался. Всё шло, как нельзя лучше! «К месту удачливого охотника олень прибегает сам!» – подумал он с радостным возбуждением.

– Откройте ворота и окажите князю и всей его свите самые высокие почести! – приказал Хамсад, отправляясь в особую комнату, где его должны были нарядить в богатую одежду.

Во двор въехали фургоны, всадники, вошли рабы. Лоу в сопровождении двух плечистых телохранителей проследовал в княжеские покои, куда его с почестями провели слуги хозяина. В большом зале за богато накрытым столом Хамсад сидел рядом с незнакомцем в длинном, радужно переливающимся одеянии и в яркой красной остроконечной феске. «Вероятно, это предводитель турецкого войска», – сразу же догадался Лоу. И, не обращая внимания на османа, обратился к хозяину:

– Пусть счастливым и добрым будет этот день замужества нашей несравненной дочери, мой друг Хамсад! Под небом нет другой такой красавицы, как Мамхур. Пусть ее жизнь будет долгой и красивой, как она сама!

– Да возблагодарит тебя Аллах, мой славный друг! Ассалямуналлейкум! Ты приехал, дорожа обычаями, дорогой князь, – сладкоголосо заливался хозяин, употребляя в речи турецкие слова и указывая на турка. – Этот человек – избранник Аллаха и мой дорогой гость. Он – представитель непобедимой армии Османа-паши. Поздоровайся с ним!

Лоу сдержанно кивнул воеводе и прошел к отведенному для него месту за столом.

– Если потребуется, пожму и его руку, – с усмешкой проговорил Лоу, сразу приступая к главному. – Пусть он и начальник, от которого ты зависишь, но к тому делу, ради которого мы приехали, не имеет отношения. Я хочу видеть любимую дочь, преподнести ей подарки и поздравить.

– Успеется! Отдохни с дороги, дорогой князь.

– У названной дочери я не гость! Да и лишним временем не располагаю.

Хамсад дал знак, чтобы позвали Мамхур, а сам стал знакомить между собой важных гостей.

– Многоуважаемый Мустафа Абдурахман-эфенди, разреши представить моего соседа, князя Джандрапца Абазга Лоу. Ради нашей дружбы он дал имя моей дочери и стал названным отцом.

Переводчик быстро дублировал речь Хамсада.

– Какая у него вера? Гяурская? – набычившись, бросил турок, перебиравший толстыми пальцами костяшки агатовых четок.

– Скажи, нехристианская у него вера, – велел хозяин своему толмачу.

– Я исповедую веру предков-абазин, – поправил Лоу и тяжелым взглядом окинул османа, желая показать, что совершенно не зависим.

– Мусульманин не имеет права выдавать свою дочь за иноверца, – перевел слова турка тонкоголосый толмач.

Князь Лоу не обратил на это никакого внимания, зато хозяин с упреком протараторил:

– Вот! Поэтому я и приезжал к вам так спешно. А теперь не вини меня.

– Ты отдашь дочь сегодня, – жестко и внушительно сказал Лоу. – А если не так...

Его слова прервал приход княгини и Мамхур. Обе в белых одеяниях, стройные и большеглазые, с легким румянцем на смуглых щеках, они были необыкновенно красивы и грациозны, напоминая лебедушку и ее дитя. Улыбчивость и скромность, с которой держались прелестницы, вызывали у всех мужчин доброе расположение. Князь Лоу встал и обратился к ним с короткой сердечной речью, назвав девушку «доченькой».

– Пусть вам всегда сопутствует добро, счастье и мир, – благодарно сказала в ответ княгиня. – Пусть рождаются дети красивыми и благополучными. Пусть всегда будет у вас хлеб и меч, чтобы были сыты и могли защититься. Ваш приезд – большая радость для меня и дочери. С нашей стороны нет никаких преград...

– Не говори, что не положено, – перебил муж.

– Я никогда не говорю лишнего, – спокойно возразила княгиня. – Уважаемый князь Лоу, поручаю тебе мою единственную дочь, которую ты так же любишь, как мы, родители. Очень прошу: береги её!

– Ты согласна поехать с нами, Мамхур? – ласково спросил Лоу у девушки, которая от волнения зарделась и опустила голову. Собравшись с духом, Мамхур взглянула на своего названного отца и кивнула, что означало: «Да!»

Лоу мгновенно оценил обстановку. Зная, что уготовано ему и его людям, он решил опередить задуманное коварным соседом. С одного взгляда его поняли телохранители, стоявшие у дверей. И, в свою очередь, дали знак ожидавшим у крыльца своим товарищам.

– Принесите подарки для Мамхур! – зычно приказал Лоу.

И тотчас в зал ворвались его воины. В мгновение ока слуги хозяина были разоружены.

– Не пугайтесь, Мамхур и княгиня. Иначе нельзя, – объяснил названный отец, грозный взгляд которого пригвоздил на месте вскочившего хозяина. – Пусть Мамхур сядет в фургон. Так будет удобно и безопасно. А тебе, Хамсад, и твоему новому дружку-осману советую не касаться оружия. Так для вас будет лучше.

Княгиня и Мамхур покинули зал, в котором царила могильная тишина. У Хамсада дрожала от негодования челюсть. В капкан, приготовленный для джандровцев, он угодил сам. И притом на глазах у турка! Вслед за женщинами вышел и князь Лоу, оставив хозяина и его турецкого приятеля под охраной.

Между тем погрузкой приданого распоряжалась сама княгиня, наблюдая, как укладывали сундуки в фургон, в который наконец забралась и ее дочь. Находившиеся поблизости воины Хамсада и янычары с недоумением наблюдали за происходящим, так как ранее их предупреждали, что должны напасть на приехавших. Не веря своим глазам, они следили за сборами и неспешным отъездом джандровцев, которые почему-то обратно угнали приведенных прежде рабов. Никакого сигнала об атаке не поступало. И только Дамхур знал, что его задерживает, давая князю Лоу и его соплеменникам удалиться как можно дальше, верный Мсыр...

Когда порыв ветра распахнул снаружи окно, князь Хамсад что есть мочи закричал, обращаясь к стоящим во дворе своим слугам: – Стража, закрой ворота! Не выпускайте никого!

Но князь Лоу и его люди были уже за пределами крепости...

10

Оказия с выдачей дочери замуж не сильно опечалила Хамсада. Не удалось, правда, одним выстрелом подстрелить трех зайцев, но двоих он уж точно уложил!

Во-первых, вырученный за дочку калым, хотя и не досчитался сотни обещанных рабов, был баснословный. Во-вторых, Мамхур он отдал не добровольно, никто не слышал его согласия, а её увезли силой, похитили. И это – на глазах у турецкого воеводы. Лучшего свидетеля и быть не могло! Хамсад мог передохнуть и успокоиться, но беда подступила с другой стороны.

– Эти разбойники так обесчестили нас, что за это им придется поплатиться собственной кровью! – объявил турецкий военачальник. – Сегодня же от их княжества не должно остаться и колышка!

Хамсад стал искать виновных среди приближенных. Их набралось немало. Перед строем янычар и княжеских воинов многих по его приказу казнили отсечением головы, других высекли, третьих бросили в темницу. Первым виновником Хамсад считал, без сомнения, Жихи Мсыра, затянувшего команду об атаке и погоне, но трогать его не стал, поскольку только этот своеволец знал, где спрятан труп Раща.

После того, как турецкое войско двинулось на княжество Джандрапц, Хамсад вместе с Мустафой Кемалем Абдурахманом выехал со двора, сопровождаемый Мсыром и охраной. Они направились в священную рощу Псатаха. Все еще мощное, но черное, безжизненное тело сожженного дерева служило лучшим доказательством безоговорочного отречения Хамсада и его людей от прежней, ложной, как понимал турок, веры. Потом посетили место, где покоился Ращ. Наконец-то Хамсад удостоверился в смерти главного соучастника и свидетеля подлога. Он брезгливо и в то же время удовлетворенно взирал на мертвого старика.

Турок поинтересовался, кто это.

– Гяур из гяуров, – с дрожью в голосе ответил князь. – Он ходил по белу свету и порочил имя Аллаха, надеясь спрятаться от него. Но гнев Всемогущего и Всемилоственного настиг его!

– При жизни утверждал, что он малаик Джабраил! – не без умысла вставил Мсыр.

– Чтoб язык у тебя отвалился! – крикнул, свирепея, Хамсад. – Кто тебя просил вмешиваться?!

Турок, не слыша перевода последних слов, сам спросил, о чем говорят эти люди. И когда узнал, посоветовал сжечь гяура.

Хамсад желал того же и без промедления приказал:

– Возьми людей из моей охраны и сожгите этот смердящий труп!

Мсыр выдержал паузу и с расстановкой проговорил:

– Мертвого не судят. Похороним, как положено.

– Замолчи и делай то, что тебе велено! Ты не умней нас!

Первый раз в жизни Мсыр попытался перечить хозяину. Не лежала у него душа к князю с тех пор, как стал абреком и познакомился с Дамхуром. Сердцем чувствовал опытный воин, что и князь

проявляет к нему притворное участие. Но что он мог изменить, если превыше всего была для него любовь, а дороже всего – Шариза?..

Уардан и турецкий военачальник в сопровождении толмача повернули в сторону аула, а с ратником оставили четверых янычар и столько же княжеских слуг. Хамсад издали обернулся, и в его глазах Мсыр уловил враждебный блеск, точно старый лис прикидывал, справятся ли с послушником доблестные воины? Уже не первый день отважный горец ощущал острие кинжала на своей спине, не знал только, когда оно вонзится...

Мсыр спокойно присел на большой валун. Он был сосредоточен как никогда, и со стороны могло показаться, что он погружен в глубокое раздумье, но на самом деле он ни о чем не думал. Похоже было и на то, что он вслушивается в беззвучную тишину окружающего леса, но и это впечатление было обманчиво. Казалось, он наблюдал за нависшими над дальним морем облаками, но он не делал и этого. Все его мысли, зрение, слух обращены были к тем, кто волей-неволей выступали сейчас охотниками за его душой.

Мрачные вояки все еще собирали дрова для костра, искоса поглядывая в его сторону. Наконец Мсыр встал и положил руку на эфес меча. Ничто не ускользало от его взгляда! Многоопытный ратник вовремя вступал в разговор, быстро поворачивался лицом к подходящим к нему туркам, следил за движением их ладоней. Вдруг молодой односельчанин, видимо, желая проявить рвение, выхватил кинжал и занес над головой. Мсыр перехватил его запястье левой рукой и сжал с такой силой, что пареньё закричал, а оружие упало на землю.

– Кто трусил хоть раз, тому руки не подчиняются, – жестко сказал Мсыр и, подняв кинжал, сильным броском вонзил в ствол бука. Османы и подручные Хамсада остоленели. Этот абрек, сломив волю, вселил в них неведомый страх.

– Соорудите снова для усопшего каменный шатер, чтобы звери его не достали, – строго приказал Мсыр.

Они нехотя подчинились, выложив из камней и небольших валунов надмогильный склеп. Никто из них не забывал, для чего был оставлен своим начальником. И когда Мсыр, окинув недругов суровым взглядом, стал подниматься по тропинке, один из охранников Уардана не удержался, бросился следом и схватил его за ноги. Но Мсыр был готов к нападению и сокрушил противника ударом

кулака! С гвалтом, точно ожидая, кто решится первый, остальные бросились на единоборца, подобно стае волков. Мсыр неслучайно выбрал тропинку вблизи обрыва и скалы. Применять здесь холодное оружие уардановцам было опасно, – кинжал мог настичь в пылу сражения своего же...

Благодаря недюжинной силе, Мсыр то кулаком, то мощными пинками отбивался от наседавших врагов, разбрасывал их по сторонам. Видя несгибаемое сопротивление, большинство нападавших отступило к лесу. Лишь трое янычар, злобно сверкая глазами от бессилия, остались на тропинке. Мсыр повернулся к ним спиной и двинулся дальше по крутому склону. Момент для атаки представился как нельзя выгодным, но гордый горец, хотя и был напряжен, как натянутая тетива, ни разу не обернулся. И враги, пораженные его бесстрашием, так и не тронулись с места...

На широкой поляне, куда поднялся Мсыр, стояли Хамсад, турецкий воевода и толмач, поджидая телохранителей с вестью о выполненном приказе. Когда же увидели Мсыра, – остолбенели!

Турок потянулся было к пистолю, но воин, не останавливаясь, сделал знак рукой: не стоит. Они переглянулись, сообразили – он не собирается выяснять отношения.

Пройдя к мирно пасущимся лошадям, Мсыр вывел из табунка коня Хамсада, турка, подвел к хозяевам, спокойно подтянул подпруги, подал стремя одному, второму, а затем и сам уселся на свою гнедую.

Хамсад, глядя исподлобья, с трудом выговорил:

– Эти... негодяи... наверно, неудачно пошутили?

– Живому могилу не роют, – был ответ Мсыра, и это означало, что у него нет никаких иллюзий относительно произошедшего.

Мустафа пристально посмотрел на толмача, и тот поспешил перевести сказанное. «Всемогущий Аллах дал этому мужественному человеку большое и бесстрашное сердце», – подумал воевода, когда из лесу как побитые псы вышли телохранители, не справившиеся с единоборцем.

Отряд двинулся обратно к аулу, и снова повел его Мсыр. Он ехал впереди, обращенный спиной к Хамсаду, Мустафе и их телохранителям, и убить его сейчас близким выстрелом было проще простого. Но Уардан, хотя и нельзя его отнести к трусам, в душе был прирожденный торгаш и авантюрист, но не воин. Все черные дела он ловко проворачивал чужими руками.

Турок был противоположностью князя. Испытанный боец, он обладал сильной волей и бесстрашием, не терял самообладания в самых трудных ситуациях, вследствие чего и в других уважал проявление этих качеств, преклонялся перед чужим мужеством и достоинством, что редко встречается у людей его положения. И сейчас он думал о Мсыре: «Таких людей с львиным сердцем и холодной головой надо не только беречь, но и привлекать на нашу сторону».

Но на следующей день после неудачного похода на княжество Джандрапщ Мустафе Кемалю Абдурахману пришлось изменить своему хладнокровию. Он собрал командиров и, не выбирая выражений, гневно обличал:

– Вы опозорили армию, завоевавшую полмира! Вы не смогли покорить княжество, которое меньше левой полы бешмета! Мой приказ непреложен: завтра до обеда я должен увидеть пепел, который останется от аула абазга Лоу!

Хамсаду слышать такие слова было тяжело. Что ни говори, теперь там находилась его дочь. Но он присягнул на Коране, и его воины со вчерашнего дня сражаются на стороне турок против своих же братьев – абазин. Джандровцы, используя преимущества местности, отражали один натиск за другим. Они укрепили единственную дорогу, ведущую в долину Мзышты, и воевали не числом, а умением: пропускали небольшие отряды неприятеля, а затем, перекрыв им путь к отступлению, разбивали наголову.

Прошли полдня, отпущенные на исполнение приказа, истек и весь день, а за ним – и второй, и третий, но захватить непокорное княжество так и не удалось. Джандрапщ превратился в ошетилившегося ежа, над которым возвышалась собака: и ухватить ни с какой стороны нельзя, и с дороги не убирается. Можно попытаться сдвинуть с места, да иглы больно остры. Герои Абазга Лоу точно вросли в отчую землю и скалы, от которых ничем нельзя было их оторвать.

Тогда весь свой гнев и всю ярость подданные султана обрушили на небольшие абазинские селения, разбросанные вдоль моря. Ближайшим было княжество Дадала. Оно уже несколько веков служило верой и правдой Золотому Кресту Юстиниана. Христиане бились отчаянно. Но как может противостоять маленькое княжество, уместяющееся на ладони одной руки, такому колоссу, как Османская империя, под пятой которой уже распластаны были

почти все адыгские племена? Княжество Дадала стояло насмерть, постепенно теряя людей и земли. И тем не менее не дни, не недели, а целые месяцы понадобились туркам для того, чтобы сломить сопротивление. И тогда на захваченных территориях всё беспощадно предавалось огню, истреблению, разрушению. Весь край искупали в крови, не оставили камня на камне!

11

Носители флага мусульманства, однако, не оставили в забвенье княжество Абазга Лоу, атаковали неустанно, пытаясь нащупать слабые места, пробить брешь в обороне, вторгнуться и во всю развернуть свою мощь. Несмотря на то, что количество защитников заметно поубавилось, восемь месяцев джандровцы стойко защищали подступы к своим землям, пока князь Уардан не отыскал тайную тропу и обходным маневром не ударил объединенными с турками отрядами в тыл заклятых соплеменников. Силы были неравны. Янычары превосходили обороняющихся в несколько раз. Но и теперь джандровцы сражались бесстрашно до тех пор, пока не пал последний воин. С безумной жестокостью и безо всякой жалости сожженные аулы Мзышты были затоплены кровью безвинных людей, а тех, кто был моложе и посильней, захватчики погнали в порт, на невольничий рынок Уардана. Сам князь и его телохранители повсюду искали в разоренном княжестве Мамхур, но её не только не удалось найти, но даже напасть на след.

Ни от кого Хамсад не смог выведать, что в последний день сражения Лоу приказал снарядить караван, который должен был отправиться через перевал на новые земли. Среди тех, кто мог спастись, была и Мамхур. Но она наотрез отказалась уходить, как ее ни уговаривали. Отважная красавица рядом с мужем и его воинами противостояла врагам, метко разя их стрелами. Когда же и Дамхур стал настаивать на ее отъезде, она непокорно ответила: «Я буду там, где ты. Если и придется умереть, то лишь с тобой вместе». Узнав об этом в самый трудный час атаки турецкого войска, Трам Царгич безоговорочным тоном обратился к сыну: «Ты, Дамхур, снискал звание бесстрашного героя и сильного воина. И никто не упрекнет тебя в том, что ты покидаешь княжество.

Приказываю тебе и твоей беременной жене немедленно покинуть крепость и догнать караван. Я не позволю угаснуть нашему роду. И вы должны его сохранить!».

Дамхур и его жена мчались на лошадях, пока было возможно, а затем повели их в поводу, преодолевая склоны и безымянный хребет. Тут, похоже, редко ступала нога человека. По осыпающейся галечной тропе они двинулись дальше, хотя силы были на исходе. Дамхур с волнением поглядывал на свою возлюбленную, но она не роптала, не жаловалась, — стойчески следовала за мужем. И это только придавало сил ему, взявшему на себя ответственность и за безопасность Мамхур, и за жизнь будущего ребенка.

В горах расстояние кажется небольшим, но когда движешься, то намеченная точка отдаляется, отодвигается от тебя. Стоит только немного ошибиться, и можно потерять свою цель. Путники шли вдоль ущелья, ориентируясь на большую гору, накрытую белой папахой снегов. Туда, как знал Дамхур, можно попасть двумя способами. По первой тропе, более удалённой и петливой, Мсыр, будучи абреком, ходил к адыгам. Но осилить такую дорогу ни его жена, ни уставшие лошади, не отдохавшие почти сутки, не смогли бы. Второй вариант был более приемлем, но опасен. Он был известен и Уардану, который мог сделать там засаду. Оставалось искать третий путь.

Покинув ущелье Мзышты, путники достигли устья реки Дзыхра, которая пересекала княжество Айыбга, принадлежащее абази́нам-ашкаруанцам. Дамхур знал, что местному народу раньше других пришлось испытать все ужасы мусульманского нашествия. И точно в подтверждение этому ветер донес издали гарь пожарищ. Вскоре Дамхуру и Мамхур удалось напасть на след каравана. Сколько рек и речушек, сколько ущелий и крутых склонов пришлось преодолеть им, пока вышли к горе под старинным названием Аходара! Каких трудов и страданий стоило им добраться до этого места за десять суток пути, питаясь чем придется, спасаясь от зверей и обходя заставы недругов. Дивился Дамхур, откуда только силы брались у его жены, выросшей в княжеском доме, в тепле и достатке? Но она с честью делила его судьбу!

Взгорье, куда они добрались, было пустым и голым, да еще тянуло от дальних снежных вершин холодом. Идти дальше к перевалу не позволяло ни состояние Мамхур, ни усиливающийся холод, ни близкая ночь. Спуститься обратно вниз — еще рискованней. Они могли

столкнуться с теми, от кого убегали. Вдали открывалась долина реки Бзыбь, которая вела к морю. По ней попадешь в княжество Хакарапш, или по-другому – Гагрипш, которое также долго сражалось с османами. Восточнее его лежали земли княжеств Макалрипш, Чагарипш, а западнее – Багрипш, Гуандрипш, Сандрипш, Садзрипш, Шаш и другие. Все они захвачены мусульманами, которые огнем и мечом насаждали свою веру. Ближе других находилось княжество Псху. Но, чтобы попасть туда, нужно было одолеть гранитную громаду горы Аходара и спуститься к подножию, где вдоль берегов Бзыби расположилось это княжество.

Дамхур, обследовав окрестность, нашел пещеру, где можно было переночевать. Затем собрал хвороста и дров, принес из ледникового ручья кувшин воды. Как мог, поудобней устроил жену. Они оба сознавали, что положение их намного сложнее, чем у караванщиков, которых заранее подготовили и снабдили всем необходимым в дороге. А они, схватив в самый разгар боя только то, что попало под руки, оказались малозащищенными от дорожных невзгод.

Укрывшись в пещере, беглецы попытались уснуть, но мысли снова и снова возвращались к пройденному пути. Во-первых, он потребовал времени гораздо больше, чем предполагалось. Во-вторых, если бы не оружие, с помощью которого Дамхуру удавалось охотиться, дела их были бы совсем плохи. Выручали и поздние плоды ягод, орехов, айвы, которые еще попадались. Тем не менее они так отощали, ослабли и выбились из сил, что однажды Мамхур, не сдержав слез, предложила мужу оставить ее, чтобы спастись хотя бы одному. Дамхур взял ее руку в свою, улыбнулся и попросил любимую немного потерпеть, поверить в то, что всё окончится благополучно. Когда думаешь о трудностях, становится вдвойне тяжелее. Дамхур это хорошо понимал, и каждый раз, когда жена спрашивала: «Далеко ещё?», он вместо ответа награждал ее нежными, красивыми словами. Вот и минувшим вечером, когда жарил на костре козлиное мясо, отдавая жене лучшие кусочки, он рассказывал смешные истории, обсуждал с ней дела счастливого будущего. И Мамхур точно зарядилась его оптимизмом, ответно шутила и выглядела бодрей, чем прежде.

Ранним утром, взяв в руки длинные палки, заранее приготовленные Дамхуром, они стали подниматься вверх по едва различимой каменистой тропе. Мамхур было очень нелегко, – она шла

в продырявленной обуви, и мелкие камешки, попав вовнутрь чириков, изрезали ее ступни. От боли и переутомления ноги молодой женщины опухли, их сводило судорогой. Дамхур положил руку любимой себе на плечо, а своей левой рукой обхватил ее талию и повел, медленно ступая, рядом с собой. Только великая любовь к мужу и жажда жизни заставляли ее шагать, хотя, казалось, к ногам были привязаны пудовые гири. Несмотря на непреходящие страдания, Мамхур продолжала идти, глядя на мужа преданными глазами и отвечая порой на его шутки. Дамхур не терял присутствия духа, и это помогало ей преодолевать головокружение и боль во всем теле...

Кончился один подъем и – круто взмывал в небо следующий! Сделав короткую передышку, они смотрели друг другу в глаза и снова соединялись руками. Так по невидимой лестнице они поднимались в поднебесье. Гряда облаков осталась под ними. Здесь, на высокогорье, перед глазами встали радужные круги, ноги налились свинцом, голова закружилась еще сильнее от нехватки воздуха, а язык будто прилип к небу. Ко всему, солнце слепило и пекло нещадно! Они уже не шли, а едва брели вперед.

– Вот это – последняя преграда, – проговорил взволнованно Дамхур, кивнув на очень крутой и скользкий подъемчик. – С вершины мы увидим долину, куда спустились наши по ту сторону хребта.

– Как хорошо! Если осталось только это, то, считай, мы дошли, – слабым голосом ответила возлюбленная, и лицо ее осветилось улыбкой.

Он снял со спины скрученную бурку и постелил на землю. Когда Мамхур прилегла, он положил ее голову на колени и позволил выпить немного воды из кувшина, дал несколько ягод кизила, придающих бодрость. После передышки они двинулись дальше. Солнце встало в зенит, паля землю. Мамхур окончательно выбилась из сил. Он снова сделал небольшую остановку, вспомнив поговорку Мсыра: «Кто в трудную минуту уронил сердце, – пропадет и сам».

Но черные разрозненные тучи, собравшиеся на западе, встретили их.

Эта мглистая наволочь напознала навстречу, приближаясь к солнцу. В народе в таких случаях говорят: «Солнце пошло на водопой». Дамхур отлично знал, что это означает. Столкнутся клубящи-

еся облака, расколют их молнии, — и начнется дикая свистопляска, безудержная гроза! Стихия эта в горах вовсе не то, что на равнине. Если нервы у тебя слабые, можешь сойти с ума! Бог Адыд непредсказуем, если он гневается на грешных землян, то разразится громами и молниями, градом и ураганами, всё сметающими на своем пути! А ежели смилостивится ради богини Дзиуары, которая ответит ему обильным и тихим дождем, — очистится воздух, вздохнет после зноя и поднимется растительность, утолит жажду иссушенная земля.

Их жизнь, как понял Дамхур, сейчас зависела от воли богов. Он встал на колени, воздев руки к небу, и обратился громким голосом: «О всемогущий и великий Адыд! Уйми гнев и помоги нам. Отведи беду от нас и дай нам легкой дороги. Во имя нашего светлого Псатаха!»

И словно в ответ на его молитву с горы, покрытой побуревшим летним снегом, сорвалась молния и, на миг осветив всё, угасла. Следом вдаль загремело небо. Поминутно перекличка громов приближалась, и через короткое время раздался такой удар, что содрогнулись горы. Задрожала и Мамхур, прижавшись к мужу и спрятав лицо в отвороте его бурки. Потом подняла голову и, оттолкнувшись от земли руками, встала.

— Пора, любимый! За меня не беспокойся. Куда поведет нас мудрый Псатах, туда и придем.

Преображение, случившееся с женой, ее бодрый голос, вселили в Дамхура надежды. И они пошли так, будто только что пустились в дорогу. За короткое время большая часть крутого склона осталась за плечами, и до вершины уже было подать рукой. Но ноги вновь подвели Мамхур, она с трудом преодолевала каждый шаг. И тогда муж взял ее на руки и с упорством обреченного нес до тех пор, пока хватило сил.

До вершины оставалось не более ста шагов, когда обрушился ливень. В горах он бывает долгим и обильным, а тут вдруг внезапно оборвался. И вслед за этим стало непривычно тихо, пасмурно, точно осенним днем. Посвежело. «У разозлившегося мощь утраивается», — вспомнилась Дамхуру поговорка. Он сам бы не смог объяснить, откуда нашлись силы, чтобы дотащиться до вершины, волоча жену на бурке по мокрой каменистой тропе.

Эта трудная победа окрылила их, по-новому открыла мир. Прояснилось небо. Выглянуло солнце, озарившее горы и ущелье. Отсюда, с вершины, перед ними распахнулась такая панорама, такая величавая

красота, что невозможно было оторвать глаз! Они стояли, обнявшись, и радовались, как дети, поверившие в то, что мечта их сбывается...

Когда одежда их высохла на солнце и, подкрепившись мясом, обрели силы, Дамхур с женой решили спускаться по тропе, петляющей между двумя невысокими хребтами и справа примыкающей к основной дороге на равнине. Но там, внизу, они заметили цепочку людей, – по мере того, как пешие выходили из-за поворота, их становилось всё больше и больше. Дамхур напряг зрение и глухо воскликнул:

– Отряд!

– Какой отряд? Чей? – замерла от недоброго предчувствия возлюбленная.

Дамхур молча приглядывался. Предстоящая встреча с воинами, идущими навстречу, ничего хорошего не сулила. По всему, предстояло еще одно, труднейшее испытание...

Мамхур и без слов поняла мужа.

– Нужно укрыться от них, кто бы они ни были, – твердо сказала она. – Если эти мужчины рождены женщиной, ничего дурного со мной не сделают.

– Поздно, да и где уберечься? Они идут сюда за моей смертью и твоей жизнью.

– Если они идут с такой целью, то им это не удастся, – непреклонно возразила Мамхур, и ее прекрасные глаза потемнели. – Не для этого я поднялась с тобой на вершину, душа моя, Дамхур!

После раздумий, когда тучи вдруг снова застлали солнце, и похолодало, Дамхур проговорил с нежностью в голосе:

– Любимая моя, это воины твоего отца. Они не твои враги, а мои...

И в первый раз за всё время их знакомства и совместной жизни, жена перебила его:

– Твои враги – и мои враги, Дамхур.

Он обнял жену за плечи и попытался утешить.

– Бог весть, этих людей не так уж и много. Не более полусотни. Может, это абреки. Или еще неведомые нам воины. Постараемся договориться с ними, если это не враги...

Увы, за несколько сот метров худшее подтвердилось. Это была погоня Хамсада. И ни о каких переговорах не могло быть и речи. По мере того, как уардановцы приближались, воинственный дух Дамхура поднимался от сознания, что предстоит борьба, пусть и неравная, но он ни за что не отступит, не склонит голову. Ведь в

его жилах течет кровь гордых и мужественных дворян Трамов. Неизвестно, как бы повел он себя при других обстоятельствах. Быть может, это и безрассудный шаг, но сейчас Дамхур должен был воспользоваться последней возможностью доказать свое мужество и презрение к предателям родного народа. И поступить иначе он, сын Трама Царгича, не имел права, потому что позор пал бы и на того, кто был в утробе матери, его жены Мамхур.

— Не бойся ничего, свет сердца моего, — ласково сказал Дамхур любимой. — Коль наш бог послал по этой дороге нас с тобой, значит, такова его воля, и никто не имеет права оспаривать ее. Спрячься за тот дальний валун, что на краю пропасти. Я проверял, там есть ниша. И никому из воинов твоего отца, думаю, не взбредет в голову залезть туда.

Она, с глазами полными слез, долго всматривалась в лицо любимого, точно старалась запомнить каждую его черточку. А затем, с горьким вздохом, повиновалась и побрела к укрытию.

Зарядив пистолет и проверив в ножнах кинжалы, которые могли понадобиться в бою, Дамхур взял в руки обнаженный меч и двинулся навстречу врагам. В месте, где сужалась тропа вблизи пропасти, сойтись могли лишь двое. Оно было очень выгодным, поскольку это не давало возможности уардановцам легко окружить его.

И раздался лязг скрестившихся мечей! Шедший впереди отряда детина, обезглавленный, полетел в бездну. Со вторым мороки оказалось больше. Он всячески пытался выманить Дамхура на широкое место, чтобы товарищи пришли на помощь. Но храбрец понял замысел, и вместо того, чтобы наседать, сам попятился. Враг принял этот маневр за трусость и бросился с занесенным мечом следом. Но Дамхур резко присел, меч просвистел у него над головой. И в тот же миг атакующий рухнул, пронзенный насквозь.

Дамхур держался хладнокровно, понимая, что надо беречь силы, перед ним очень, очень много врагов. Со следующим схватка была короткой. Дамхур ударом меча обезоружил его, и трус со страха сам прыгнул с обрыва. И снова стонала сталь, и на узкой тропе потомок Трамов отстаивал честь своего народа. Дамхур бился, не ведая пока ни усталости, ни чувства страха. Он только осознавал, нападая и отступая с веселой усмешкой на лице, что сегодня суждено ему пасть на поле брани, а сзади нет никого, кто бы впоследствии взял в руки меч и отомстил бы за него. Да и любимая Мамхур снова угодит в звериные лапы своего отца...

На узкой тропе уже лежало множество вражеских трупов, а сколько улетело с обрыва в пропасть, никто не знал. Дамхур сражался, как разъяренный лев, забыв обо всём на свете. Растерявшиеся от умелого сопротивления одинокого ратника уардановцы решили подобраться к нему сзади и стали искать обход, а часть из них вскарабкалась на скалу, стреляя оттуда из луков и пистолетов. Как ни уворачивался от них Дамхур, но пуля подбежавшего врага всё же попала ему в бедро. Он вздрогнул от боли и мощным ударом успел пронзить грудь стрелка!

Подступившая слабость заставила Дамхура покачнуться и стать на колени. Увидев это, уардановец, находившийся ближе других, с ликованием кинулся добивать поверженного. Но сын Царгича и теперь не уступил: взяв кинжал за кончик острия, он метнул его навстречу врагу. Удар был настолько точен, что оружие вошло в сердце врага по самую рукоятку.

Силы Дамхура стремительно убывали, он понял, что настала последняя минута. Хотел позвать любимую, но не смог произнести даже слова. Но и тут мужество не покинуло ратника. Собрав в кулак всю свою волю, он вытащил из-за голенища сапога маленький кинжальчик с позолоченной рукояткой – подарок жены. Уперев его левой рукой в землю, он повернулся и сильно налег на него грудью. Подоспевший враг отпрянул в испуге и услышал то ли стон, то ли тихое имя «Мамхур», произнесенное умирающим героем...

Воины князя Уардана нашли Мамхур в укрытии, и по тому, как они вели себя, она поняла, что любимого больше нет... Жизнь вмиг утратила смысл. Увы, для исполнения возникшего решения необходимо было оружие. Правда, в сумке для еды хранился небольшой ножичек в кожаном чехле. Но эти, окружившие нелюди, не дадут добежать и выхватить его. А прикосновение чужих рук сейчас было для нее хуже лютой смерти.

– Случилось то, что должно было случиться, – произнесла она удивительно ровным голосом. Но ее поднятое лицо, прямая фигура, черные отрешенные глаза, бусинки слез на щеках, – всё говорило и о безутешном горе, и о властном характере.

– Если у вас есть сердце, покажите мне его труп, – потребовала Мамхур.

– Неужели ты еще хочешь видеть эту собаку, из-за которой погубила себя? – с раздражением спросил коренастый бородач, вероятно, командир отряда.

– Это для тебя он такой. А для меня нет на свете человека прекрасней!

И даже не взглянув в сторону врагов и не ожидая от них позволения, Мамхур побрела вниз по тропе, которой раньше шел любимый. Она едва двигалась, отрешенная и величественная в своем горе. Остолбеневшие воины провожали ее взглядами, и никто не догадывался, что у княжеской дочери на уме. Их долг был найти ее и доставить отцу. И это удалось, – пусть немалой ценой. За дочку обещал Хамсад каждому богатые подарки. И своевольница уже была в их руках!

Обойдя убитых врагов, Мамхур подошла к мужу. Он лежал боком на белом как снег мелком щебне. Видимо, женское любящее сердце оледенело. Ни стона, ни крика не вырвалось из ее груди. Мамхур опустилась на колени рядом и долго всматривалась в неподвижное лицо мужа. Затем попыталась повернуть за плечи на спину, но не хватило сил. И вдруг снова за черными тучами исчезло солнце, и раскатился по всему небу гром. Адыд начинал гневаться! Мамхур медленно и тихонько провела ладонью по холодной щеке возлюбленного и, наклонившись, быстро осыпала ее поцелуями. Воины, призывно окликаая, стали приближаться. Обуреваемая ненавистью к ним, Мамхур вновь взялась за пояс мужа, рванула на себя и освободила рукоять запасного кинжала, который так и не пригодился в бою. Рывком вытащила его из ножен, радостно и пристально посмотрела на лезвие, – точно бы получила самый драгоценный подарок. Затем прошептала имя любимого, закрыла глаза и из последних сил вонзила кинжал в сердце...

12

Прошел дождь, отгремел по гранитным скалам град. И над горами стал подниматься пар, точно от раскаленного железа, опущенного в воду. Воины Хамсада, которых так коварно постигла неудача, понуро и молчаливо готовились в обратную дорогу. Трудно было предугадать, как поступит с ними князь, увидев труп дочери.

Но, как говорится, человек предполагает, а бог располагает. Не успели они одолеть и полверсты, как увидели идущий им навстречу по склону многолюдный караван. Сопровождавшие его воины вели

лошадей в поводу, по численности их было значительно больше.

— Это — Мсыр! — испуганно заключил наблюдатель, поворачиваясь к старшему в отряде уардановцев. — Скарб. Дети. Старики.

— Не болтай чушь! Чтоб ты головой в костер угодил! — сердито ответил тот. — Откуда в горах взяться Мсыру? Это обыкновенные беженцы.

— Может быть, и так, — с оттенком сомнения произнес один из воинов, горбоносый верзила, приглядываясь к растянувшейся веренице людей и лошадей. — Мсыр давно не слуга Хамсада. И разве такой смельчак, как он, не мог воспользоваться возможностью увести свою жену?

— Кто изменил князю, тот изменил и нам! — возмущенно выкрикнул командир отряда. — Его тело, как и врага Дамхура, мы покажем Хамсаду.

— Если Дамхур положил столько наших воинов, то с Мсыром и подавно связываться не стоит. Никто из нас не уцелеет, если столкнется с абреком, — сурово предупредил пожилой воин.

— Да, это Мсыр! — уже без сомнения промолвил тот, кто первым узнал бывшего слугу Уардана.

— Он или не он, — нападём и пленим конвой, — грозным тоном пресека все разговоры командир. — Его я беру на себя, а вы — остальных.

Между тем караван и отряд Хамсада сблизились настолько, что стали хорошо различимы лица. Мсыр рассмотрел тех, с кем не раз встречался в княжестве. Он приказал людям укрыться за скалами, а сам подтянул подпругу седла, приготовил к бою оружие и вскочил на выносливую Хакаку — орлицу, подарок Дамхура. Та понесла его вперед неторопливой рысью. Увидев это и поминутно слыша призывы отступить, не принимать бой с отважным абреком, командир истошно завопил:

— Что же нам делать? Куда идти?!

— Отступать! Уходим, пока он не добрался до нас! О Аллах, прони неси несчастье стороной! — раздался в ответ хор голосов.

На ровной площадке Мсыр спешился, поправил доспехи, взял в руки огромный меч и, толкнув лошадь, пошел позади нее по тропе, чтобы не стать легкой мишенью для шальной пули или стрелы. Но с каждым шагом расстояние, отделявшее его от врагов, увеличивалось. «Удирают, бедолаги. Трусят!» — с презрением подумал бывалый воин о недругах. Вдруг жеребец его всхрапнул и остановился. Впереди, на каменистой тропе, лежал убитый, по сторонам — еще

несколько вражеских трупов. Приглядевшись, он узнал в лежащем перед ним мертвеце одного из лучших воинов Хамсада. «Неужто они дрались между собой? – засомневался Мсыр. – Нет, скорей всего, их перебили абреки».

Ясную картину случившегося он установил, когда наткнулся на трупы Мамхур и Дамхур. Мсыр, о силе и мужестве которого ходили легенды в горах и на берегу моря, стоял неподвижно, бледный, как мел. Сердце сжалось от страшной боли, а подступивший к горлу комок душил его. Слезы катились из глаз. Первый раз за всю свою жизнь он растерялся, долго не мог взять себя в руки. Если бы все несчастья и невзгоды, перенесенные им, сложились воедино, то и они не обескуражили бы его так, как это горе, с которым он столкнулся сейчас. Голова предательски закружилась, и чтобы не упасть, Мсыр сделал несколько шагов назад и прислонился к скале. Он стоял, не зная, на что решиться, а действовать надо было без промедления, как трудно это ни казалось. Он мотнул головой и крепко сжал зубы. И, обретая прежнюю силу воли, пристыдил себя: «Дурак, раскис, как баба, и отпустил этих гадов без возмездия. Нельзя больше терять ни одного мгновения: месть, месть, месть! Дорого же вам обойдется смерть дорогих мне людей!»

Мсыр перенес трупы княжеской дочери и своего друга на траву, положил их рядышком. Затем встал, чтобы обратиться к небу и дать клятву отомстить врагам, покарать их беспощадно. Но увиденное заставило его содрогнуться. Мсыру показалось, что Мамхур дышит, и он решил проверить это, чтобы не осталось сомнений. Он выдернул из ножен кинжал, отер его полый бешмета и несколько раз поднес его к губам Мамхур. Но, к великому сожалению, лезвие кинжала нисколько не запотело. Он провел рукой по лицу и – ощутил холод. Пропала и эта надежда...

Он поднялся и с трудом выпрямился, но видение повторилось: сердце Мамхур билось. Что за чертовщина? Мсыр снова опустился на колени и внимательно присмотрелся к телу Мамхур. Оно едва заметно... вздымалось. Догадка обожгла огнем! Нужно проверить. И эта проверка рассеяла все сомнения. Живот женщины был теплый настолько, что ладонь почувствовала это сквозь одежду. «В утробе ребенок. Он живой», – безошибочно понял он.

Опытный, повидавший на своем веку многое, Мсыр острым кинжалом взрезал живот и вытащил живого ребенка, мальчика,

который тут же заревел, словно говоря своим плачем: «Зачем ты меня вытащил в этот грязный и беспокойный мир?» И этот крик новоявленного на свет живого существа заставил ратника забыть обо всем на свете, даже о мести. Завернув его в башлык, он поспешно двинулся к каравану, в котором находилось немало женщин.

Новорожденного поручили немолодой княжеской повитухе, понимавшей толк в таких делах. Принесли и нагрели на костре воду, искупали младенца. Но и купание не уняло его плача. «Дайте мне материнскую грудь, накормите молоком!», – требует его охрипший голосок. Но как выполнить здесь в горах это требование? Пожилая женщина и Шариза по очереди дают грудь, пытаются успокоить ребенка, но зачем ему пустая грудь.

Мсыра мучает бессилие. Муж повитухи решает сняться с места и поскорее спуститься в долину, не теряя времени:

– Раз бог доверил его нам, то даст ему пищу.

Эти слова вывели Мсыра из оцепенения. И тут его взгляд упал на молодую кобылку, которая паслась неподалеку. Глаза ратника заблестели, озаренные надеждой. Он стреножил лошадь арканом и, хотя она потеряла жеребенка уже две недели назад, стал разминать затвердевшее вымя. Возился он долго, однако его труд не пропал даром. Ему удалось надоить шесть-семь наперстков молока.

Только после того, как малыша покормили, спутники узнали правду о том, каким образом появился на свет этот божий младенец. Не утаил Мсыр и об участии его родителей, которых караванщики до захода солнца предали земле.

– Теперь надо дать имя новому человеку, – обратился Мсыр к старшему из мужчин, когда были готовы два могильных холмика.

– Я предлагаю дать ему твое имя, – ответил мудрец. – Ты столько сделал для его родителей и для новорожденного, что заслуживаешь такую честь.

– Нет, уважаемый. Я всего-навсего исполнил свой долг, – возразил Мсыр. – Он должен носить имя, которое соответствовало бы его появлению на свет.

– Малыш вступил в мир из страдания, из аджара, – подумав, рассудил старейшина. – Будет лучше, если мы его так и назовем. Когда повзрослеет, это ему напомнит об отце и матери. Пусть растет таким большим и сильным, как эти горы, среди которых он появился на свет. И да прославится имя его благородными и мужественными

делами во славу нашего народа! О Псатах, могучий бог наш! Ты унес много жизней, а взамен дал одну крохотную. Пошли ему жизнь долгую и счастливую, да прибавь ему еще столько лет, сколько не дожили его родители. Сохрани, великий Псатах, его нам, Аджара Трама!

Старейшина говорил с таким жаром и таким усердием, вознеся руки и глядя в небо, что окружавшие его соплеменники также устремили взоры ввысь, точно надеялись узреть там самого Псатаха. Так они воздали скорбные почести умершим и приняли в свои ряды нового человека.

После преодоления последнего перевала идти оставалось недалеко, но Мсыр спешил, как никогда. Поручив руководство караванщиками старейшине, он, взяв на руки младенца, ринулся вниз по склону. Трудные дороги привычны для абрека, но не для грудного ребенка, который подолгу плакал. Мсыр понимал, что не время сейчас обращать на это внимание. Он, переживший столько горя и невзгод, привыкший находиться под прицелом стрелы и пули, никогда не терял хладнокровия, а крик беспомощного мальчика разрывал его сердце.

«Жизнь заставляет идти на всевозможные выдумки», – говорят в народе. В этом пришлось убедиться и Мсыру. То, о чем вчера он вообще не знал, сегодня уже освоил, то, что никогда не делал, сегодня выполняет умело и со сноровкой. Он часто думал о своей судьбе. На всем белом свете не найти человека более алчного, хитрого и безжалостного, чем Хамсад, которому он служил долгие годы, а затем был вынужден, взяв с собой верных людей, вместе с любимой Шаризой искать счастье и свободу в других краях. Тогда, в кровавый час войны с османами, он двинулся по следам Дамхура и Мамхур, желая поскорее присоединиться к ним. Но этому не суждено было случиться, и все светлые надежды рухнули навсегда. Главной целью его жизни теперь стал – Аджар. Если бы Мсыр точно знал, что ценой его собственной головы можно сохранить мальчику жизнь, он бы не сказал «нет». И теперь, держа новорожденного на руках и покачивая в такт своим шагам, он подбадривал его веселыми и ласковыми словами, но что может понимать человечек в трехдневном возрасте?

Мсыр торопливо, но осторожно спускался по склону, а Хакака покорно следовала за ним позади. Наконец путник добрался до на-

хоженной тропы, что свидетельствовало о близости человеческого жилья. На вершине невысокой лысой горы он заметил огромного дикого козла, обзревающего местность. Наверняка этот круторогий часовой оберегал свое стадо. Мсыр положил младенца на траву, достал из седельной сумы кувшинчик, вооружился луком. В стаде, он знал по опыту, козлята ходили вместе с матерью. И ничего сейчас не было лучше для Аджара, чем козлиное молоко. От радости охотник забыл даже, как нелегко бывает доить козу.

Мсыр незаметно подобрался к стаду, скрываясь от глаз грозного стража за выступами валунов. Глаза его сразу выхватили козу, подле которой резвился уже довольно рослый козленок. Он прицелился в него, но плач Аджара наполнил душу неуместной жалостью, и руки сами опустили лук. Не смогли выстрелить в резвого прыгучего козленка, в белой курчавой шерсти. Однако стадо вдруг встревожилось, и Мсыр поспешно выпустил стрелу, которая уложила козу на месте. Он бросился к ней, спугнув козлиное семейство, и надоил почти полный кувшинчик молока.

Недаром говорят в народе: «Кто появился на свет со ртом, для него и пища найдется». Хотя Мсыр и не был богом, но сохранил для рода Трамов их потомка Аджара. Когда он догнал караван у Мшышты, то окончательно убедился, что мальчик – жилец на этом свете. Ребенка отдали одной из снох Абазга Лоу, которая кормила его грудью, а сам Мсыр остался при нем жить вместе со своей любимой Шаризой.

Часть третья

АЛХАШ И ШАБАТ

1

Земли абазин изначально лежали южнее больших Кавказских хребтов, простираясь вдоль моря, которое тогда и называлось Абазгским, а не Черным. Бесконечные бедствия и притеснения завоевателей из соседних стран заставили предков искать другие, более недоступные и спокойные земли на северных склонах. И абазины, рискуя жизнью, преодолели малодоступные горные перевалы и поселились на плодородных свободных землях, заняв плоскогорья, ущелья и долины. На первых порах они были равны и одинаковы: и князья, и дворяне, и работники. Вместе обустраивались, работали. Но поскольку сильны были традиции, с князьями и дворянами, имевшими в жизни больший опыт, простые люди советовались, проявляя дань уважения. И благородное сословие отвечало тем же, на добрых началах помогало заботливым словом и не лезло пока не в свои дела, зная наперед, что рано или поздно придет их время, и они возьмут верх.

Владетелей не подвела их прозорливость. Вольные поселенцы, освоив богатые и урожайные угодья, избавленные от опустошительных набегов неприятеля и войн, обжились довольно быстро. Чужая нога не ступала на их землю, получившую название Мшышта. Всего образовалось шесть аулов. Каждый из них, как правило, носил имя своего князя или влиятельного большого дворянина, и жители беспрекословно выполняли волю старшего, ходили, как говорится, вокруг его пальца. Так велось испокон веку.

Мшышта жила, в целом, размеренной и сытой жизнью. А страна эта находилась под защитой высоких гор и между двумя стремительными, как стрела, и шумными реками, тогда еще безымянными. Может быть, они и носили какие-то названия во времена походов Батыя и Тамерлана, но абазины их не знали, поэтому окрестили Ардз и Уардз. С начала весны, когда под солнцем тают снега и

ледники, и до самой осени реки эти, вбирая в себя потоки более мелких речушек, мощно неслись среди скал, ворочая валуны и с корнями вырывая деревья, все сокрушая на своем пути. С горы Аходара берут свой разгон еще две реки – Дамхурдз и Мамхурдз. Силы у них также огромные, нрав – своенравный и буйный. Если бы они встретились на своем пути с Ардзом, то верх был бы за ними. Но Ардз стоит особняком. Однако и у него есть достойный соперник – река Урыштандз. Она давно прославилась своим неугомонным характером и особенно страшна, когда после дождя или в половодье выходит из берегов и, пенясь, с диким ревом мчится вперед, пока не пересечется с Ардзом, который и вбирает ее в свое лоно.

После этого Ардз и Уардз несут свои воды в гордом одиночестве, пока не сливаются в одно русло, замыкая северные ворота Мшышты. Если не набредешь на случайную козлиную тропу, проникнуть в абазинские земли, окруженные скалами, невозможно: перед путником встают неприступные склоны, глубокие ущелья и непроходимые дремучие леса. А уж зимой, когда в рост человека выпадает снег, весь внешний мир совершенно ограждается от этих мест!

Бог или сама природа позаботилась о том, чтобы здесь было всё, что необходимо: вода, растительность, лесные и горные звери, рыба, топливо. Только поспеши, протяни руку – и возьмешь то, что нужно для жизни. Хочешь, – обрабатывай землю. Желаете развести скотину и пчел – кругом пастбища и тучное разнотравье. И для охотников страна эта – рай. Если не столкнешься с бурым медведем или кабаном, то обязательно встретишь диких коз, тура, оленя, не говоря уж о зайцах и пернатой дичи. А леса? Каких только пород деревьев и кустарников не водилось тут! Богаты они строительным материалом, дубами в три обхвата и буком, изобильны кизилом, яблоками, грушами, малиной и земляникой, а орехами можно питаться круглый год!

Однако законы гор суровы. Если ленишься, и упавший орешек – не твой. Пока зазевался и целишься в тура, – в спину может вцепиться рысь. Всякий зверь ждет твоей оплошности, трусости, неумения. На каждом шагу подстерегают лавины и бураны, река в считанные минуты может стать препятствием на твоём пути. Одним словом, в горах человека сопровождают немалые опасности. Но для человека расторопного и работающего они – сущий клад.

Абазины, испокон веку связанные с кавказским краем, научились

не отступать перед трудностями и превратностями судьбы, укрощать суровый нрав гор и быть их хозяевами. Так, в благоденствии и согласии, прожили в этих шести аулах три поколения поселенцев, умножилось их число, сильнее и дружнее стали княжества. Расширились их связи с оставшимися по ту сторону перевалов, у моря, соплеменниками и адыгскими владельцами, дружелюбными и приветливыми. Долина Мшышта, эта прекрасная горная страна, стала для них родиной.

Но когда добро радуется, говорят, худо гневается. Зло накинуло свой аркан на богатую и счастливую жизнь долины. Оно появилось одновременно в разных лицах: как князь-холуй, как жадный торгаш-проходимец, как абрек-грабитель и как эфенди-врун. Чужеземцы, вынудившие абазин уйти с прежних земель, снова стали смотреть на Мшышту алчными глазами, чьим флагом и орудием насилия был ислам, не раз приносивший этому народу несчастья и страдания.

Случилось это в ауле Басках, названном так по имени мудрого князя Абазга, прямого потомка Абазга Лоу, некогда преодолевшего перевал и переселившего сюда своих людей. Сами жители именовали себя абазгами или абасками. Княжество лежало на северной окраине абазинских земель, вдоль берега Уардза, за которым тянулись горы, непроходимые леса и ущелья.

Абазг Шабат был последним князем третьего поколения Абазга Лоу. Как и прославленные предки, он не притеснял людей, а жил с ними дружно, нисколько не кичась своим происхождением. За это его уважали люди из соседних княжеств и приходили за добрым советом и помощью, и никогда он не отказывал страждущим. Однако и у него нашлись недоброжелатели.

Вот как это произошло.

Когда еще Абазг Лоу переправлял своих людей через перевал на северные склоны Кавказского хребта, вместе с ними пришли в долину и представители дворянского рода Трамов, которые поддерживали князя во всех делах и начинаниях. На их стороне всегда была сила, они могли увлечь за собой других и постоять в трудный час за себя и за князя. Чтобы укрепить княжество на новом месте, Трамы пришли сюда одними из первых. Однако втайне они лелеяли мечту о создании в здешних местах своего княжества, но время поначалу им не благоприятствовало. Когда появился подходящий

момент, Трамы рьяно взялись за осуществление задуманного. Старший из них, Алхаш, из кожи вон лез, чтобы осуществить давние планы своих горделивых предков. Если бы для этого потребовалось зубами разгрызть гранитную скалу, то он бы сделал это, не задумываясь, — лишь бы видеть себя могучим князем, перед которым все становятся на колени и падают ниц. Что за князь этот Шабат? Ни большого богатства, ни жесткой власти над людьми!

Алхаш повел дело по-иному, нежели его предки. Обдумав всё, он решил привлечь на свою сторону народ, если не весь, то значительное большинство. Для этого, прежде всего, нужно иметь крепкую голову и богатство. Пусть будет кто-то умней, но любой умник ничего не сделает против богатства, а богаче Алхаша нет человека в долине. Об этом он думал днем и ночью. Наследства, доставшегося ему, хватило бы, чтобы купаться в золоте. Но он не только не остановился на том, что получил от отца своего, Тамраза, но преумножил богатство его в десятки раз. Потомок Трамов был упорен в достижении своих целей, изворотлив, хитер, когда надо — сметлив и удачлив. Про таких говорят: из пасти змеи вырвет жемчуг! Алхаш разведal и проторил несколько выходов к морю, где его люди торговали ценными шкурками, чистопородными лошадьми и даже людьми, переправляя их через море на турецких кораблях. На вырученное золото он приобретал и завозил на вьючных лошадях в долину всё необходимое в повседневной жизни и хозяйстве, начиная от соли и заканчивая оружием. Про таких неугомонных дельцов говорят в народе: он объезжает семь долин и успевает быть на семи поминках сразу.

Без видимого насилия и нажима народ стал стекаться к нему со всей Мшышты, приобретая предметы первой необходимости. И, хотя цены на них были завышены в несколько раз, люди не только не роптали, а благодарили его так, словно Алхаш раздавал им свой товар даром. И сам дворянин, и братья его, и родственники, и наемные работники трудились изо дня в день в поте лица. Как и замышлял Алхаш, на южной стороне аула Басках был построен огромный двухэтажный дом с подсобными помещениями и мастерскими, а широкий двор обнесен крепкими каменными стенами. Получилась неприступная крепость!

Однажды он обошел свое немалое хозяйство и убедился в том, что каждый из его людей, будь он скотник, мастеровой, прислужник или охранник, занимался своим делом, не поднимая головы в ожидании

данных им обещаний. Довольный увиденным, Алхаш направился в свой дом. И тут всё радовало его взгляд: дорогое оружие и ковры, золотая и серебряная утварь, заморская посуда из фарфора и фаянса. Домработницы при виде его замирали, боясь шума своих шагов, и кланялись, готовые исполнить любой его каприз. Через дубовую двустворчатую дверь он вошел в свои покои, в большую солнечную комнату. Тут и осенила его мысль, что он достоин быть не просто князем, а князем над князьями! «Мшышта должна жить по моим указаниям и законам!» – решил он, садясь на широкую тахту, покрытую персидским ковром. Огонь тщеславия опалил его сердце, и он, встав, торопливо отомкнул два сундука, набитых золотом, жемчугом и драгоценными камнями, стал ворошить их руками. Долго, долго не мог он расстаться со своим богатством, сверкающим под дневными лучами. Жажда власти и ощущение собственного величия привели его к выводу, что одного княжества для него слишком мало! «Куда Лоу тягаться со мной! – думал он с усмешкой. – Я богаче их не только на целую золотую гору, но еще на один золотой холмик. Можно ли сравнить богатство Лоу и всего аула Басках с моим?!»

Но по коже его пробежал холодок, когда неведомый голос как будто шепнул ему в ухо: «Кто бы Лоу ни были, но ты в их подчинении. Чтобы стать князем, им нужно родиться».

Алхаш метнулся по комнате, остановился перед зеркалом в серебряной оправе, висевшим на стене. Оттуда глядело на него бледное лицо немолодого человека, с серебриющимися, точно под инеем, бородкой и усами. Вокруг глубоко посаженных глаз и на лбу лучились морщины. Одежда, хотя и была под стать любому князю, висела на нем неприглядно и мешковато. Как он сдал всё-таки за последнее время! Не бережет себя нисколько. Куда делись осанка, силы? И неведомый зыбкий голос отвечал ему:

– Они стеклись в эти сундуки, стены дома, сараи и хлевы!

– А куда делась молодость?

– Ушла вслед за дурными думами и делами. Нечестно заработанное никогда не идет впрок. Тот, у кого на сердце зло, добра не встретит.

– Что мною заработано нечестно? Кому и что я должен? Чей пот не оплачен мною? И разве это преступление, что хочу стать князем?!

– Послушай: кончай со всем этим по-хорошему...

Усилием воли Алхашу удалось отстраниться от странного раздвоения, которого раньше за собой не замечал. Но, сколько помнил

себя, никогда не засыпал он со спокойным сердцем. Постоянно в седле, обвешан оружием, то в лесу, то по семи долинам рыскал, точно голодный волк, воровал, грабил, торговал всем, чем можно и нельзя, копил, умножал свое богатство...

Поначалу всему этому учил отец, но когда его убили при набеге, Алхаш сам выбрал такую участь, стал верховодом. Он брал всё, что попадалось на пути, никогда не задаваясь вопросом, можно или не стоит? Если не удавалось нажиться обманом на первом встречном, он применял силу, забирал у него и продавал скот, превращал человека в раба, а в случае сопротивления – убивал безжалостно. Он не помнил, когда с кем-либо говорил по душам. Он даже не знал точно: сколько ему лет? Где-то за сорок, но так и не женился, не создал семью...

Алхаш, обуреваемый гневом, отогнал все сомнения и твердо решил не останавливаться ни перед чем, сколько бы это ни стоило, до тех пор, пока враги не вылижут его подошвы!

2

В глухую темную ночь на морском побережье был угнан табун лошадей. Конокрадами руководил Камай, брат Алхаша. Он своими меткими выстрелами задержал погоню. Многих сразил насмерть, остальных обратил в бегство. Но и сам получил ранение! Теряя кровь, он скрывался до темноты в лесу, а затем окольными тропами добрался до безопасного места.

Когда на вершине перевала Алхаш дождался своих абреков с табуном и узнал, что случилось с братом, он приказал им спрятаться у входа в ущелье реки Дамхурдз, а сам поехал на поиски брата по единственной тропе, чтобы не разминуться.

Едва рассеялась предрассветная мгла, Камай показался на тропе, выступив из-за уступа скалы. Алхаш, таившийся за валуном, пропустил постанывавшего от боли брата и прицелился ему в спину. Но тут некстати заржала лошадь, привязанная за кустарниками. Камай обернулся и машинально выстрелил туда, откуда донеслось ржание. И в тот же миг раздался ответный выстрел. Раненый узнал стрелявшего в него брата.

– О Алхаш! Это я! – выдохнул несчастный и, завалившись на-

бок, бессильно рухнул на придорожную траву. Пистолет отлетел в сторону. Преодолевая боль, Камай приподнялся и простонал: – Не стреляй, родной мой...

– Чтобы ты провалился! – обозленно крикнул Алхаш. – Подстрелил мою любимую лошадку...

Пуля пробила лошади лоб, отчего она скатилась в неглубокий овраг. Расстроенный хозяин спустился на самое дно, пнул гнедую ногой – она уже испустила дух.

– Чтоб пуля не минула тебя! Смотри, каким стрелком стал, подлец. Уложил такую красавицу! – снова поднявшись наверх, обрушился Алхаш на брата, который сидел, истекая кровью.

– Не ворчи! Ну, не поняли друг друга... Те ранили мне руку, а ты продырявил ляжку. Разорви башлык и перевяжи меня! – попросил Камай, еле шевеля обескровленными губами.

– Ты в рубашке родился, – ответил брат, разрывая башлык на ленты. – Первый раз у меня рука дрогнула...

– Это был мой последний поход, – со стоном проговорил Камай. – Если мы хотим быть счастливыми, то пора бросать этот грешный промысел. Пока в теле теплится душа, я больше не возьмусь за грязные дела. Даю зарок. Получу от тебя то, что мне причитается, и буду жить спокойно.

Алхаш гневно покосился на брата и поспешил перевести взгляд. «Ага! Так и получишь! Я помогу... Только повремени немного. Никто и никогда не сможет урвать из моих рук! Не только ты, родной братец, но и сам бог, вселивший в меня душу!» – подумал Алхаш, а вслух бросил:

– Если не хочешь стать князем, поступай, как знаешь.

Долгие мучения окончательно обессилели Камая. Он закрыл глаза и прилег на траву в свежих пятнах крови. Но брат не спешил ему помочь. Бросив изорванный башлык в сторону, он зарядил пистолет и отступил на несколько шагов. С налитыми злобой глазами он прицелился в голову страдальца.

– Брат мой, дай воды... – слышался стон раненого.

Алхаш невольно опустил оружие, поймав себя на мысли, что в сердце его, наверно, еще осталось немного жалости.

– Дай глоток воды! Куда же ты делся? Меня...

Пуля, попавшая в затылок, навсегда оборвала речь Камая.

Алхаш, однако, смиловился. Положил тело убитого на лошадь,

привез в Мшышту и с почестями похоронил. Со слов опечаленного Алхаша, все узнали, каким героем был его брат, как он задержал погоню ценой своей жизни. Но еще красочней рассказывал он о том, как в упорном бою «отбил» раненого храбреца, — и молва о мужестве и благородстве Алхаша разлетелась по всей долине с быстротой молнии.

Вскоре Алхаш прознал, что в княжество садзов должен прибыть издалека фургон с людьми, сватающими княжну за сына хана, а стало быть, и везущий для князя Чачуа Дамдада и его красавицы-дочери золото, богатую одежду и редкое оружие. Алхаш выведал, по какой дороге будет двигаться фургон в сопровождении вооруженного отряда всадников. Впрочем, об этом ему проболтался сам глава княжества Садзрипца, куда Алхаш привозил на продажу товар, и пригласил принять участие в торжествах по случаю сватовства.

Торговля пушниной удалась, и Алхаш вернулся домой с немалым золотом. И тут вышла ссора с младшим братом Камашем, который, как и погибший средний брат, хотел отделиться. Раздоры между ними продолжались давно. Каждый считал, что делает больше другого для преумножения родового богатства и положения. На этот раз ссора переросла в жесткое противостояние. По праву старшего и неписаному закону гор Алхаш считал себя полным хозяином и, доведенный спором до белого каления, сурово воскликнул:

— Раздел имущества ослабит наш род. Если ты намерен отделиться и — такой смельчак! — я дам тебе полезный совет, как быстро разбогатеть. В Садзрипц направляется на сватовство фургон с золотом и драгоценностями. Возьми с собой десятка два всадников, лучших воинов, напади на него и заberi всё себе. Хватит не только тебе, но и на несколько поколений. Вот это и будет твоя доля.

Камаш так и поступил. Разбив ничего не подозревавший конвой, превосходивший его отряд вдвое, он очистил фургон и укрылся в лесу с добычей столь же стремительно, как и появился. Разбойники точно сквозь землю провалились, не оставив никаких следов.

Известие о дерзком ограблении путников застало Алхаша у князя Дамдада, у которого гостил по случаю предстоящего сватовства. Такая удача брата лишила злоумышленника на время дара речи. Его мысли были заняты одним. Камаш, истребивший со своей ватагой многочисленный ханский конвой, при желании может и с ним разделиться точно так же!

Мрачный, дрожа от страха и предчувствия беды, Алхаш вернулся домой. Однако настроение его значительно улучшилось, когда узнал, что ханцы всё же захватили в плен одного из разбойников, который держится и под пытками не выдает своих. Увидев богатство, награбленное братом, Алхаш застонал, опаленный завистью.

– Да, ты проявил большую отвагу и находчивость, брат мой. Но дело не довел до конца. Если ты не выручишь своего человека, попавшего в плен, то уподобишься чудаку, решетом крадущему муку. «Смерть курицы влечет за собой жизнь утки», – говорят в народе. Твоя оплошность может обойтись нам ценой не только всего состояния, но и жизни. У хана большая армия и, если он нападет – упаси бог! – на твой след, то поголовно истребит всех: и правых, и виновных. Это так! Если у тебя осталось мужество и здравомыслие, не доводи нас до гибели. Ты должен вытащить пленника. Если не ошибаюсь, его зовут Ларс. Сделать это намного легче, чем то, что ты уже совершил. Если это получится – забирай всё золото себе.

Младший брат надел лучшую одежду, легко вооружился и, взяв с собой двух надежных воинов, пустился в путь. Алхаш, хотя и напутствовал их, а на уме у него было совсем другое: «Вам нет возврата назад! Золото должно достаться мне!»

Когда Камащ и его друзья въехали в княжество Садзришц, им повстречался нищий, у которого они расспросили о последних новостях.

– О, у нас большое несчастье! Фургон с несметными богатствами, присланный ханом по случаю сватовства княжны, опустошили разбойники. Их повсюду ищут, а взятый в плен нечестивец молчит. Вершить над ним суд будет сам хан, приезд которого ожидают со дня на день. Говорят, случившемуся рада лишь княжеская дочь Даримас, которую выдают за ханыча насильно, против воли. Правда или нет, но, слышал, она взывала к богу с молитвой: «О Всемогущий! Сделай так, чтобы цена, за которую меня продают, не принесла радости ни одной из сторон. Преврати мои слезы в море, чтобы чужие люди не смогли его преодолеть». Похоже, что бог принял слова невинной девушки и исполнил ее просьбу. Теперь отец в печали, а народ в недоумении. Вдобавок ко всему, Даримас влюбилась в пленного разбойника и заявила, что его смерть станет смертью и для нее. Боясь, что и эти слова станут вещими, почему-то тянут с казнью похитителя.

– Где же пленник содержится? – уточнил Камаш.

– Его заточили в подземелье, куда охрана никого не допускает. Лишь раз в день по настоянию Даримас его выводят на свидание с ней.

– А как ты попадаешь во двор князя? – снова поинтересовался всадник, переглянувшись с друзьями.

– Дорога туда закрыта не только для меня, но и для многих почище, чем я. По злой судьбе я вынужден побираться, где придется: когда на улице, когда – близ княжеских ворот. Стражники привыкли ко мне и не обращают внимания... Я вижу, ты, уважаемый, из благородных. Если хочешь попасть к Чачуа Дамдаду, дай знать ему об этом, и он примет тебя...

Камаш развернул своего коня и вместе с сопровождающими вновь затаился в лесу, где они стали обдумывать план освобождения своего товарища. Это оказалось гораздо сложнее, чем предполагалось: крепость охранялась бдительно, проникнуть в нее не было никакой возможности. И прямо вступать в сношения с самим князем опасно: нельзя обнаруживать себя, тем более – разглашать родственные связи с Алхашем...

В томительных поисках решения прошла неделя. Но так как получить какие-либо сведения можно было только от нищего, пришлось снова обратиться к нему. И он с готовностью поведал:

– Тому, кто найдет украденное в Садзрипше золото, Дамдад обещал целое княжество. Большая награда ожидает и того, кто вынудит пленника сознаться, навести на след. И многие добровольцы со всей округи уже заполнили княжеский двор. Для них будет устроен большой турнир – скачки, борьба, стрельба по мишеням... Ах, если бы мизинцу моей ноги удалось оказаться в вашем положении, я не преминул бы воспользоваться этим случаем и никому бы не уступил! Но минуло мое времечко! Одна моя половина осталась во дворе князя, а другая сейчас просит милостыню у его ворот.

– Чем же ты опечален так, уважаемый? – спросил сочувственно Камаш. – Посвяти нас в свою тайну, если таковая есть. Слово чести, никому и никогда не выдадим ее.

– Хотя ты и дворянского рода, но вижу, что настоящий мужчина. По глазам твоим заметно, что гложет тебя какая-то тревога. Если откроешь ее, брат, то и я свою скрывать не стану.

– Человеку, сказавшему «брат», будем верить, как брату.

— Одни сухие слова не годятся для этого. Впрочем, душа распознает родственную душу... Еще семь лет назад я и не помышлял, что буду побирушкой. Меня зовут Жихи Мамат, и я был лучшим конокрадом князя Чачуа, у ворот которого теперь прошу подаяния. Когда князю приходилось воевать, он брал меня специально для разрушения крепостных стен. А в мирное время я был неизменным участником соревнований по стрельбе из лука и ружья, борьбе, скачек. И ни разу не посрамил чести своего рода. Хотя не знал своего отца, как и не приходилось видеть деда, Жихи Мсыра, который, как говорят, был очень известен. В то время, в молодые годы, не было мне равных во всем княжестве. На различных турнирах я прославил не только фамилию, абазинский народ, но и своего князя. Он радовался каждой моей победе, казалось, больше меня. Так продолжалось лет пятнадцать...

Однажды на свадьбе у убыхов я познакомился и влюбился в девушку по имени Аица, дочь раба. Я тайком навещал ее, и она так вошла в мою душу, что жить без нее стало невозможно. Она тем же отвечала мне. Я хотел жениться и создать семью, но князь, узнав об этом, был в своем решении непримирим. «Или ты навсегда забудешь о своей невесте, или твой труп отдадут на съедение шакалам, — заключил он. — Что женатый раб, что старая беззубая собака — никакой разницы! А такой ты мне не нужен!» Я вышел из терпения и наговорил князю много грубостей, вспомнив о судьбах деда и отца, которые пострадали точно так же, как и я. Немного погодя, собравшись, я прорвался вместе с Аицей через заслон часовых и укрылся в лесу. На некоторое время пришлось стать абреком. Потом в далеком княжестве Самырзакан у большого дворянина пас табун. Всё это время меня разыскивали люди Дамдада. Наконец нашли мой дом, когда я был с табуном на пастбище. Прискакал мой друг и сообщил об этом. Я знал, что если они не найдут меня, то от жены уж точно не отступятся. Я подобрался к своему дому окольным путем и напал на княжеских воинов. Несмотря на то, что одолеть их одному было не по силам, я всё же вступил в бой и уложил несколько ратников. Видя, как сзади крадутся ко мне, Аица криком предупредила: «Эй, Мамат! Берегись!» Я снова бросился на ненавистников, не обращая внимания на их многочисленность и забыв о смерти. Уложил еще пятерых или шестерых. Я хотел во что бы то ни стало освободить жену и, несмотря на град пуль и стрел, в третий

раз кинулся напролом! Но тут меня ранило. Отстреливаясь одной рукой, я пришпорил коня и оторвался от погони. Так я опять стал абреком, а жена – работницей в доме князя. Прошло уже семь лет. Меня, заросшего бородой и поседевшего, мало кто узнаёт. И я до сих пор не могу вырвать Аицу из крепости этого подлого пса Дамдада. Мой сын тоже в крепости, но его разлучили с матерью, как только ему исполнился год. Им даже не разрешают встречаться! Вот уже много месяцев я нищенствую, не сводя с ворот глаз...

Выслушав печальный рассказ бывшего абрека, Камащ подробно изложил ему свою историю.

– Если так, – подумав, проговорил Мамат, – вам будет нелегко добиться цели. Давайте договоримся. Я помогу вытащить пленника из этой чертовой ямы. Беру это на себя. Но задуманное могу осуществить только при вашем участии. В крепости у меня надежный друг. Вы не сомневайтесь, я не подведу. А у меня не остается ничего иного, как положиться на вас. И если придётся умереть, то с вами вместе, – нищий вздохнул, помолчал и продолжил: – По разрешению моего друга вас проведут к Дамдаду. Вы представьтесь посланцами из далекого... например, уже не существующего княжества Чанбы. Мой князь хорошо знал этого владельца лет десять назад. В знак уважения друг друга они обменялись верховыми лошадьми и позолоченными кинжалами. Тогда Чанба подарил моему князю из числа своих пленных двадцать рабов, мастеровых и умельцев редких специальностей. Такое нескоро забывается. Грозные времена разлучили их. Подумай, как это лучше использовать при встрече с Дамдадом. Особенно запомни следующее. Если князь предложит в подарок Чанбе рабов, постарайся, чтобы в их число попала моя жена и сын. Надо найти причину, какую-то убедительную уловку, чтобы не вызвать подозрений. Прежде чем вас пригласят за стол, в комнату для приветствия войдет княгиня. Та женщина, что будет держать подол ее платья, и есть моя жена. Передай ей поклон от жены Чанбы, и она должна в подарок отправить ей кого-то из своих прислуг, скорей всего, ту, что в эту минуту с ней, на глазах у гостя. Если что-то пойдет не так, смотри по обстановке... А сына моего готовят вместе с другими мальчиками к воинской службе. Как рассказал мой друг, он не по возрасту крепкий и рослый. Кроме того, у него на левой щеке, ближе к уху, продолговатая родинка, такая же, как у меня. Дамдад любит похвастаться, и он может показать

борьбу ребят. Сам он, между прочим, хорошо разбирается в борьбе и любит наблюдать за схватками питомцев. Мальчики, как заведено, не имеют еще имен, их вызывают просто по какому-нибудь определенному слову. У моего сына – «Хайт». Когда он выйдет на борьбу, будет знать, что первую схватку надо проиграть. Мой друг передаст ему это. Он предложит противнику побороться еще раз. Попроси Дамдада, чтобы он подарил этого мальчика твоему владельцу. Он может предложить победителя, но ты стой на своем. И, конечно, будь готов и к разговору о похищенных ханских драгоценностях.

Камащ и его друзья внимательно выслушали опытного человека, стараясь запомнить каждое слово.

3

Когда владельцу Садзрипша доложили о том, что прибыл посланник князя Чанба, он распорядился немедленно принять его с подобающими в таких случаях почестями. Приехавшим помогли слезть с лошадей, а затем Камаща провели в княжеские покои. Вместительная комната ослепила гостя золотым светом, а сам князь в дорогой парчовой одежде, положив руку на позолоченные ножны, гордо восседал на тахте, устланной ковром. Камащ, войдя, также принял надлежащую позу, поклонился и, как требовал обычай, остановился на почтительном расстоянии.

– О, я рад, что ты счастливо пересек порог нашего дома, посланец моего друга! – воскликнул Дамдад и, поднявшись, протянул руку.

Камащ, поклонившись еще ниже, мягко ответил рукопожатием. Выражая своё дружелюбие улыбкой, он с расстановкой проговорил:

– Светлейший князь! Я рад передать слова горячего и сердечного приветствия моего славного князя Чанба и пожелать тебе, твоему дому и всему княжеству благоденствия, здоровья, мира и процветания. Разреши представиться! Зовут меня Рауан, я сын Шаш Хамыша.

Дамдад положил свои ладони на широкие плечи гостя и трижды поцеловал его в высокий лоб.

– Я высоко чту моего друга и очень польщен тем, что князь Чанба не забыл меня по истечении столь длительного времени, – с этими словами хозяин снова занял свое тронное место, изучающе рассмат-

ривая Камаща. Немного погодя, он и гостя усадил напротив себя на высокое с резной спинкой кресло и повел неторопливую беседу. Однако с каждой минутой его вопросы становились всё серьезней и каверзней. Поначалу это смущало Камаща, который отвечал порой невпопад, сбивался. Но вовремя взял себя в руки и сам перешел в наступление, желая ускорить конец беседы.

— Мой многоуважаемый князь женит своего сына, уже состоялось и сватовство. Свадьба намечена на начало осени. Сейчас все заняты приготовлением к этому замечательному событию. Для подарка княжичу мы покупаем рабов. Чанба направил прямо к тебе!

Дамдад сделал вид, что несказанно обрадовался счастью друга, долго разглагольствовал, что не пожалеет ничего, чтобы доставить ему удовольствие. Потом хозяин заговорил о неприятности, случившейся недавно в княжестве. Ограбление фургона унизило его перед ханом, который лично приехал сюда и снаряжает большой отряд для поимки злоумышленников.

— О бог наш! Князь Чанба ничего не знает об этом. Он бы немедленно явился на помощь, — с неподдельным сожалением промолвил Камащ. — Да я и сам бы охотно вступил в твоё войско, имей на это разрешение моего владетеля.

— Хорошо, — согласился князь, решительно вставая со своего места. — Я вижу, с тобой, Рауан, можно не только серьезно говорить, но и иметь дело.

Дамдад хлопнул в ладоши, и тут же в комнату вошли два воина с кривыми турецкими саблями на боку, головы которых обвязаны были башлыками, и застыли по обе стороны широкой двери лицами друг к другу. Немного погодя, в покои вплыла княгиня, грациозная и статная, в темно-синем шелковом платье и парчовой шапочке. Она приветливо посмотрела на гостя и протянула руку. Камащ в знак уважения преклонил голову и, став на колени, поцеловал ее ладонь, чудесно пахнущую снадобьем. Шлейф платья хозяйки придерживала молодая красивая служанка, с печальными черными глазами. «Жена Мамата», — догадался Камащ. Следом вошла девушка невиданной красоты, и нетрудно было понять, что это княжна. Слуга внес в комнату поднос с кувшином и двумя высокими бокалами. Хозяйка сняла один из них и подала мужу, а затем вручила дорогой серебряный сосуд гостю со словами:

— Пусть бог всегда одаривает нас счастливым гостем! С князем

Чанба в нашей семье связаны только добрые воспоминания. Пусть будет счастлив тот, от имени которого ты сегодня переступил наш порог. Ты – наш гость, душа наша и глаза.

После этого женщины удалились, и началось застолье. Три дня и ночи представителю дружеского княжества оказывали самый теплый прием. За это время он увидел и услышал всё, что его интересовало, осмотрел крепость. Удалось познакомиться с воинами, готовящимися к поискам пропавшего богатства хана и с участниками будущего турнира. Но тревожили Камаша глаза князя, в которых таились недоверие и настороженность. Между тем традиции гостеприимства не давали ему права торопить события. «Добрые слова выманивают змею из норы», – говорят мудрецы. Он рассчитывал на свое умение сходитья с людьми, располагать их к себе и трезво оценивать обстановку, чтобы принять верное решение. А хозяин горделиво водил его по княжеству, показывал свои владения и всё повторял: «Расскажешь Чанбе».

Дамдад, все более воодушевляясь, решил показать воспитанников. Мальчики, стоявшие на краю лужайки, при появлении князя и его гостя вступили в единоборство. Мид, наставник юных бойцов, вызывал пары условленными выкриками. На зов «Кси» из строя выбежал крепыш и принял стойку, подав туловище вперед и крепко расставив ноги. Своего первого соперника он уложил на лопатки без особого труда. Такая же участь постигла еще восьмерых неудачников. После перерыва юный богатырь легко справился и со следующим противником, приглашенным выкриком «Хайт». Однако побежденный упрямо вскочил и потребовал новой схватки! Камаш вышел на лужайку, ободряюще потрепал вихры упряма, убедился, что на левой щеке его действительно имеется родинка. В том, что это сын Мамата, не оставалось сомнения.

– Дорогой Дамдад, подари этого отважного мальчугана моему князю.

– Чанба заслуживает победителя! Садзы не дарят отставшую лошадь своим друзьям, это не в их правилах, – с достоинством произнес Дамдад.

– Но и у моего князя не в правилах просить лучшее даже у самых близких друзей. Если дарят то, что просит, будь это хорошим или плохим, он возвращает сторицей!

Дамдад ухмыльнулся и промолчал. На предложение заплатить

за мальчика, князь витиевато возразил: «Взять с Чанбы плату – всё равно, что поджечь крышу его дома»...

Приезд хана вынудил Чачуа Дамдада предоставить гостя самому себе, и этим Камащ поспешил воспользоваться! Трезво оценив обстановку, он понял, что обойтись своими силами ему не удастся, нужны были помощники из обитателей крепости. Зная об увлеченности княжны заключенным, можно было попытаться склонить ее на свою сторону, и Камащ решился действовать через нее. Встречаясь с Даримас, доверительно беседуя с ней, он расположил ее к себе, открылся, поведал цель своего приезда и попросил помощи в освобождении Ларса, Аицы и ее сына. Глаза княжны радостно заблестели, голова склонилась согласно, и они обсудили возможные варианты предстоящего побега.

Между тем в честь приезда хана князь Дамдад организовал турнир для пожелавших вступить во вновь формируемое войско. Камащ стоял и со стороны наблюдал стрельбу по мишеням. Одному удалось сбить расшитый кисет, другому – кинжал, третьему – пистоль. Зрители рукоплесканиями и одобрительными возгласами приветствовали победителей. И тем не менее основное внимание всех приковано было ко второму, более сложному этапу соревнований: не причиняя вреда самим предметам, нужно было сбить одним выстрелом обшитое бисером яйцо, двумя – золотой наперсток, тремя – золотую иглу. Но, как ни старались воины, счастье никому не улыбнулось.

Князь глянул на лучшего своего стрелка. Тот спокойно вышел из толпы, приладил стрелу к тетиве и выпустил по цели. Яйцо полетело вниз, но не успело оно коснуться земли, как удачливый стрелок подбежал и подхватил его на лету. Единослитный гул восторга вырвался из груди восхищенных зрителей. Дамдад удовлетворенно кивнул и глянул на хана. Ободренный лучник склонился в благодарном поклоне и встал напротив подвешенного наперстка, но – ни первая, ни вторая стрелы своей цели не достигли. Толпа раздосадованным разнобойным восклицанием сопровождала каждый выстрел...

Глашатай еще приглашал желающих попытать счастье, но охотников больше не находилось. На этом Чачуа собрался было закрыть соревнование, но в последний момент выступил вперед и попросил разрешения на участие Камащ.

– Пожалуйста, дорогой Рауан, – охотно отозвался князь. Ему было бы приятно, если б посланник друга отличился в присутствии

хана. В душе он благословил смельчака, который, больше ничего не говоря, отошел на несколько шагов, достал из-за пояса два пистолета, зарядил и, держа в обеих руках, прицелился и выстрелил одновременно. И наперсток, и золотая игла были сбиты! Камащ еще успел заткнуть пистолеты за пояс, подбежать под перекладину и в две руки принять падающие золотые призы.

И устроители, и участники соревнований, и приезжие наблюдатели стояли с раскрытыми от изумления ртами, не проронив ни одного звука. Тем временем стрелок подошел к хану, поклонился и протянул обе ладони:

– Великий хан, наше уважение к тебе¹ беспредельно. Мы знаем твое благородство, мужество и человечность. Не откажи в милости принять в подарок для твоей дочери, несравненной Арумаржан, то, что бог вложил в мою руку.

Хан присмотрелся к широкоплечему молодому мужчине, стоявшему перед ним. Открытое лицо, высокий лоб и твердый взгляд темно-карих глаз, крепкий подбородок – весь его облик свидетельствовал о недюжинном уме и сильном характере. Хан, улыбнувшись, принял дар. Толмач быстро перевел его слова, обращенные к воину: «Я ценю твою меткость и благодарен за внимание к моей дочери. Я отвечу тем же: проси, что хочешь».

– За подарок, идущий от сердца, не требуется платы, – преклонив голову, сказал Камащ. – Для княжества Чанбапц, которое я представляю, самое ценное то, что ты не погнушался принять этот скромный дар для Арумаржан, о чьей красоте слышаны семь долин. Мне ничего не надо. Благодарю от всего сердца, прославленный хан!

Свиты владык и остальные участники турнира, выехав из крепости, переместились на площадь, где должны были состояться скачки. Камащ, ведя лошадь в поводу, отправился к отведенному ему жилищу. Но тотчас за ним был прислан гонец. При появлении Камаща хан не без иронии заметил:

– Разве воины из Чанбапца умеют только стрелять и больше ни в чем не преуспевают?

Камащ ничем не выказал, что слова задели его самолюбие, и уважительно промолвил:

– Мужчины из нашего княжества не раз побеждали и в скачках.

¹ У абазин нет формы обращения на Вы.

Но мой князь прислал меня не для этого. Первым делом я должен выполнить его поручение.

– Не сомневайся, Рауан. Мы не забыли о деле, – отозвался Дамдад. – Но мне было бы приятно твое участие в соревновании лучших наездников.

Камащ согласился и велел, чтобы подвели его лошадь. Невысокая, с обвисшими, как у осла, ушами, выглядела она неказисто. Окружающие подшучивали и переглядывались с недоумением: на что этот всадник рассчитывает? Во-первых, стартовал он позже всех. Во-вторых, пока его коняга разгонялась, основная группа удалилась довольно далеко. И в-третьих, на таком иноходце не призы брать, а воду возить...

Когда же до финиша осталось полкруга, Камащ пустил лошадь во весь опор. Она догнала остальных участников и, опередив их, стала приближаться к наезднику хана. У наблюдавших за скачками зевак снова отвисли челюсти. Неприглядная лошадка чанбовца, пластая над самой землей, мощно держала аллюр, с каждой минутой сокращая отрыв от лидера. Вот она уже сравнялась с красавцем-жеребцом, вот уже опередила его на полкорпуса, на целый корпус, на два, на три!.. Ханский всадник что-то злобно кричал в спину, но вот и – финиш! Победил гость из княжества Чанбы!

Но на этом триумф его не завершился.

Таких чудес не могли припомнить даже старожилы! Выйдя бороться, Камащ положил на обе лопатки ханского богатыря. Затем бросил на траву лучшего борца княжества Садзрипц и еще четверых, вызвавшихся померяться силами. Можно было предположить, что он специально приехал сюда, чтобы никому из других княжеств не досталось ни одного приза. Хан, князь и их приближенные, восхищаясь «Рауаном», хлопали в ладоши, одобрительно восклицали, а в душе испытывали зависть и презрение к своим людям, уступившим человеку из какого-то далекого княжества.

Как бы там ни было, на турнире кто-то проигрывает, а кто-то побеждает. Героем ратоборств стал Камащ, которого хан не преминул пригласить в свои покои, чтобы познакомиться поближе.

– Я не привык повторять. Но всё же ответь мне, в чем нужна моя помощь? – поинтересовался хан, испытывая к мужественному и красивому воину расположение.

– Спасибо, уважаемый владыка. Лично мне ничего не надо. Но я должен выполнить поручение своего князя.

– Видимо, твой хозяин достойный человек, если имеет преданного посланца. Если так, то рассчитывай на мою поддержку. Но, прежде всего, будь желанным гостем моего дома. После торжеств в ханстве договоримся и уладим все дела.

– Твои слова, о мудрый повелитель, милостивы и справедливы, – положив руку на грудь, благодарно произнес Камащ. – Твое приглашение – несказанная честь для меня. А побывать в ханстве и увидеть его своими глазами – небывалое счастье. Но я не могу нарушить данное мне поручение. Срок для выполнения его подходит к концу. Всё зависит от решения Чачуа Дамдада, большого друга моего князя. Как только я узнаю о нем, тотчас отправлюсь в обратный путь. А твои лучшие пожелания и слова я с великой признательностью передам Чанбе, высокоуважаемый хан! Если мой владетель не станет возражать, я с большой радостью приму участие в твоём празднике и посчитаю великой наградой любое твоё поручение.

Хан выслушал толмача и, видимо, несколько разочаровавшись, вскинул бровь. Помолчал, а затем заговорил деловитым тоном.

– Мы станем с вашим князем большими друзьями, если поможете мне в трех делах. Через месяц, в первый день после курмана, я для своего народа устраиваю великое празднество. Беру в снохи луноподобную Даримас. Посчитал бы за честь, если бы с тобой приехал и князь Чанба. Вторая задача – это найти богатство, похищенное из фургона. И выполнение ее я хотел бы возложить именно на тебя. Ты должен возглавить отряд для поимки разбойников! И, наконец, самое важное. Я собираю войско, чтобы через два-три месяца напасть на гяуров, поселившихся на Дону. Уважающие себя абазинские и адыгские князья присоединятся ко мне. Кто не пожелает, того заставим мечом! Этот поход – приказ самого турецкого султана! Кроме того, за горами, вдоль равнинных рек, остались непокоренные османами княжества, которые надо усмирить. Если Чанба под твоим командованием пришлет большой отряд, я удесютерю могущество его княжества. Мы должны разбить неверных! Эта, пожалуй, самая сложная задача.

Камащ с большим вниманием и серьезным лицом слушал толстяка, отрастившего длинные висающие усы, а в душе смеялся над ним. Он понимал, что ложное положение завело его и так слишком далеко, а неосторожное слово может привести к непредсказуемым последствиям. А тут еще эти призывы. Его имя разнесли участники по всей округе. Пора кончать со всем этим, пока не поздно. Разве

не может найтись завистник, который узнает всю правду и донесет Дамдаду, что уже нет ни княжества, ни самого Чанбы? Риск слишком велик, и по возможности надо ускорить отъезд из крепости...

— Досточтимый хан, зная моего князя лучше себя, могу поклясться, что он немедленно придет со своим отрядом, чтобы служить тебе. А теперь, чтобы не тратить драгоценного твоего времени, позволь отправиться к Чачуа, чтобы выслушать и узнать его волю.

— За свой ум ты достоин уважения. Я отправлюсь с тобой. И, если князь не удовлетворит твою просьбу, я не останусь в стороне.

Вскоре в зале для приемов собралась княжеская семья. В церемонии прощания с посланником Чанбы присутствовал и хан. Уезжающий гость приветствовал поклонами и по именам перечислил всех, кто провожал его, а затем поблагодарил за самый радушный прием, гостеприимство и добрую память о его владельце.

— Кланяемся нашему другу, уважаемому князю Чанбе! Передай от моего имени большой привет и пожелание процветания его землям! — Дамдад встал со своего места и, положив руку на сердце, поклонился. Его примеру последовали княгиня и Даримас.

— Ты, Рауан, прославил своего владельца. Мы были рады познакомиться с тобой. А теперь послушай, что мы сочли достойным нашего друга. Ты просил продать двадцать рабов и выбрал тех, кого хотел. Ты их получишь. А сколько платить, решай сам. А того маленького богатыря, победителя, прими в подарок.

Сидевшая до этого неподвижно княгиня поймала взгляд мужа и позвонила в серебряный колокольчик, висевший на запястье левой руки. В залу вошла молодая красивая женщина и сразу же бросилась к ногам княгини, осыпав их поцелуями, а затем попыталась свою преданность и покорность выразить и Камащу. Но он подхватил ее под мышки и поставил на ноги, а затем подтолкнул к двери. Растерявшаяся княгиня кивнула, позволяя служанке выйти.

— Мужественный Рауан, почему ты отказываешься от моей лучшей рабыни, которую отрываю от себя и дарю уважаемому Чанбе? Как это понимать?

Камащ замер, точно человек, у которого случайно выстрелило ружье. Сердце упало, но отступать уже поздно и некуда. Мысли лихорадочно мелькали в голове: «Нет стыда больше, когда хозяин не выполняет желания гостя. Такой человек становится притчей

во языцех. О нем идет дурная молва. Почему не воспользоваться этим абазинским обычаем?»

– Светлейшая княгиня, прости меня. Но лучшую служанку при тебе я видел в первый день своего приезда. Пусть я не так силен в знании обычаев, но, если мой владетель не заслуживает той, которая понравилась мне, это уже другое дело.

– Ну что ты! Наш друг достоин самого лучшего и дорогого! – возразила княгиня потеплевшим голосом. – Та, которую ты видел, больна. Зачем она вам? Я дарю мастерицу с золотыми руками!

– Если нет возможности получить то, что хочешь, лучше ничего не иметь. Извини, княгиня. Пусть она больна, но выбор сделан.

Княгиня переглянулась с мужем. Нарушить обычаи народа в присутствии хана и гостя непозволительно, – в таком случае твое имя навек покроется позором.

– Однако дареному коню в зубы не смотрят, дорогой Рауан, – раздраженно бросил Дамдад. – Ты заставляешь напомнить: подарки не выклянчивают. Их просто получают!

– То, что нельзя получить в подарок, можно купить, – настойчиво сказал Камащ и раскрыл сумку, висевшую у него на плече. – Это за двадцать рабов.

Вместительный хурджин² с ласкающим ухо звоном лег на сундук, вблизи князя.

– А эти два хурджина за рабыню и того мальчика, которых я выбрал, – твердо сказал Камащ. – Я был бы удовлетворен таким решением. Но, если вас что-то смущает, разойдемся без обид: я уйду с тем, с чем и пришел.

Дамдад долго не мог оторвать глаз от набитых кошельков, невольно ощущая на себе и пристальный взгляд хана. Рука потянулась к золоту, и он с трудом удержал ее, схватившись за рукоятку кинжала. По-прежнему не забывалась обида, нанесенная ему негодником Маматом, чью жену и сына требовал этот упрямец, но и богатство перед глазами не хотелось терять так просто! Мысли в голове путались...

– Я плачу за рабыню гораздо больше, чем она того заслуживает, – напомнил Камащ. – Стоит ли лишать моего князя приятной сделки?

– Нет! Не получится! – громко выкрикнул хозяин. – Бывает в жизни такое, что дороже золота!

– Раз нет, значит – нет. Главное, чтобы между нами не возникло

² Хурджин – сума, котомка из ткани или кожи.

непонимания. — Камащ приблизился к сундуку и снял все хурджины, которые только что возложил на него.

Князь и княгиня, как заворуженные, следили за его действиями. Неужели и вправду заберет? Возможно, сам хан не привез столько золота для выкупа их дочери...

Хан, молчавший до этих пор, через толмача поинтересовался у князя, чем тот недоволен.

— Мой высокочтимый гость, — стал взволнованно объяснять Дамдад. — То, о чем мы не столковались, не стоит и выеденного яйца. Та рабыня, что приглянулась Рауану, жена моего кровного врага Жихи Мамата. Он ее выкрал и, завернутую в бурку, увез к убыхам. Мне с трудом удалось ее забрать обратно. Мамат собрал вокруг себя головорезов. Они нападают на мирные княжества, грабят, убивают, угоняют скот. Этот нечестивец подбивает простолюдинов восставать против своих владетелей, чтобы уничтожить их, а богатства разделить. Я не сомневаюсь, что ограбление фургона это дело их рук! Вот что меня гложет и мешает выполнить просьбу посланца Чанбы.

Хан, до сих пор хранивший молчание, вникал в каждое слово, переводимое толмачом, и гладил редкую козлиную бородку. Подумав немного, он посмотрел своими умными глазами сначала на Камаща, затем на хозяина.

— Зачем же ты скрывал, князь, что у тебя есть вор на примете? — хитровато прищурился хан. — Притом, есть у тебя надежный капкан и отличная приманка! Правда, за много лет в него зверь так и не угодил. И это, дорогой Дамдад, случилось по твоей вине. В одном и том же месте волк не попадает в западню дважды. Почему бы тебе не переставить капкан? Скажем, к твоему другу, князю Чанбе? Или ты не доверяешь ему?

— Упаси меня бог! Разве можно такое даже подумать о Чанбе! — возразил повеселевший хозяин. — Преклоняюсь пред твоим умом, великий хан! Я как-то раньше не догадывался об этом...

Камащ, воспрявший духом, радостно заверил:

— Князю Чанбе не было известно то, о чем ты сейчас рассказал. Твое горе — это и наше горе, твоя болезнь — наша болезнь. В прошлом году у нас пропал табун лошадей. Наверняка, это дело рук твоего кровника. Если это подтвердится, то он и наш кровный враг. Я верно говорю?

– Да, верно, – неопределенно ответил Дамдад. – Но, у кого пропало что-то, готов обвинить в воровстве даже родителей... – Его не отпускало недоверие к Камашу, возникшее с первого дня его появления в доме. Он все еще колебался.

Хан, будто догадавшись о терзавших князя сомнениях, строго спросил:

– Ты, Рауан, не лукавишь перед князем Дамдадом?

– У меня совесть чиста! – непреклонно заявил Камаш. – Если князь Садзрипца подозревает меня в чем-либо, я тут же покину его дом. То, что не нашел здесь, возможно, отыщу в другом месте.

К скуластому лицу хана прилила кровь, он потребовал ответа суровой интонацией:

– Говори, почему из всех людей Чачуа ты выбрал жену и сына гнусного абрека? И почему так настойчив в своей просьбе?

– Если я нарушил какие-то традиции, то пусть скажет сам князь. Я выполняю поручение своего владетеля, говорю и действую от его имени. И готов взять свои просьбы назад, если они невыполнимы.

В зале снова установилась напряженная тишина. Каждый, думая о своем, не смотрел на другого. Поразмыслив, хан требовательно возвестил:

– Дорогой Дамдад! Если ты хочешь уважить князя Чанба и сделать его нашим сторонником в борьбе с гяурами, яви милость и сделай всё возможное для этого. Но коль он ответит обманом, то обещаю, что от всего его княжества останется только пепел! Согласен ли со мной?

– Да, мой мудрый друг.

Хан повернулся к Камашу:

– А ты?

– Я покорен мудростью великого хана, – преклонив голову, благодарно ответил Камаш. – И готов хоть сейчас выполнять три условия, в которые был посвящен.

– Этого, Рауан, уже мало. Есть и четвертое! При выполнении его даю слово, что княжество Чанбапц ждет процветание и могущество. Я приложу к этому все свои возможности. Но тот, кто попытается выставить меня глупцом, примет жесточайшую кару огнем и мечом.

– Чанба никогда не строил дом на обмане. Тот, кто делал ему

добро всего лишь раз, получал в ответ десятикратно больше. Если в моих силах, я согласен выполнить и четвертое условие.

Пожелание хана хозяин выполнил нехотя, дав в придачу ко всему и рабыню Аицу. Но за это взял с посланца Чанбы слово, что тот поймает Мамата и привезет его в крепость.

Наконец настала очередь одаривать князя Чанбу через его «посланца». Эту миссию родители заблаговременно возложили на Даримас. Для просватанной, будущей невестки, о которой рассказывал Камаш, она приготовила сундучок, хранящий золотой пояс, дорогой нагрудник и другие украшения, необходимые для свадьбы.

– Но этого, я считаю, недостаточно, – повысила голос княжна. – Как говорят у нас: «Если смеются не оба глаза, – радость неполная». Прощу вас, любимые родители, не перечить мне и позволить одарить и жениха.

И князь, и жена его насторожились.

– Скажи, золотце, что ты хочешь. Для тебя нет невыполнимых просьб, – обратился Дамдад к дочери. – Если я пожалею что-либо для тебя, пусть оно станет достоянием морского дна!

– Говори, умница, говори, – поддержала и мать. – Лучше золота – золотая совесть.

– Тогда подарок сыну князя Чанбы позвольте собственноручно передать у крепостных ворот. Я очень хочу этого!

На том и сошлись. Сборы гостя были недолгими. Когда Камаш в сопровождении князя и княгини приблизился к выходу из крепости, все они увидели Даримас, ведущую за руку сына абрека. Он выглядел насупленным, то и дело озирался по сторонам. Зато глаза княжны сияли, как две жемчужные бусинки! Камаш, окинув ее благодарным взглядом, обернулся к князю. Если бы Дамдад кинжалом, на ручке которой застыла рука, заколол собственную дочь, которую любил и лелеял, не позволяя даже палец окунуть в холодную воду, он и тогда не испытал бы подобного потрясения! Как она могла выбрать из сотни воспитанников сына Мамата? Мальчишку не знала в лицо даже княгиня! Похоже на то, что с Дамдадом обходятся бесчестно. Но теперь предпринять что-либо, отменить слово, данное при всех, князь уже был не в состоянии. Даримас было позволено поступить так, как она посчитает нужным...

– Да-а... Ты, Рауан, добился своего, взял верх, – сквозь зубы вы-

давил князь. – И этот раб, как и его отец, пропал для меня. Всё это ты устроил...

– Почему так считаешь, уважаемый Дамдад? Я сюда приехал с важным поручением, как посланник, а не как бездельник. Если тебе не хочется отдавать питомца, выбранного прекрасной Даримас, оставляй его себе, – возразил Камащ беспечным тоном, как будто не узнал того, кого сам же выбрал. – Надеюсь, хоть кошелек улучшит твоё настроение. Не такой уж он легкий...

Дамдад на секунду задумался, брать или нет из рук коварного гостя хурджин. «А! Чем совсем ничего!..» – с досадой подумал он и схватил кошелек, зазвеневший золотыми монетами.

– Ладно! Ты, Рауан, хитрей, чем я предполагал, но подождем... Больше не стану задерживать, твой путь далек... Но помни о клятве, данной хану! Вместо сорванца ты привезешь мне Мамата! Я не хочу, чтобы мы с твоим хозяином стали врагами...

– Милостивый князь, Чанба даже на соломинку не унижит твоё достоинство и честь. Если это, на самом деле, отпрыск разбойника, то, считай, его отец в твоих руках. Тебе, Чачуа Дамдад, моя благодарность и поклон. Счастливо оставаться, светлейшая княгиня! – раскланялся Камащ и повернулся к Даримас. – Спасибо за всё! Пусть бог одарит тебя великой радостью и благодатью, добрейшая княжна. До встречи!

4

Всю ночь, невероятно волнуясь, Даримас не могла сомкнуть глаз и только под утро немного вздремнула. Она ворочалась в постели, порой бессильно плакала. В такие минуты она негодовала на своих родителей, которые, не пожалев ее, позарились на богатый калым. Её мольбы, отчаянные просьбы не дошли до них, бывших рядом, тем более – до бога. Она даже мысленно не могла представить, как будет жить с ненавистным скуластым и узкоглазым ханычем и его отцом, постоянно теребящим свою козлиную бороду. И нет на белом свете человека, который пожалел бы её, спас от уготованной судьбы. Лучше умереть, чем замужество с нелюбимым и грубым мужчиной, чужим по духу, по языку и вере. Она не раз уже пыталась покончить с собой, но морские волны вытолкнули ее наверх. Кинжальчик,

украденный у отца, не достал до сердца. Не помог и яд, добытый у старой рабыни... Ах, абреки, абреки, почему вы вместе с золотом не взяли его душу? Даримас всю бы жизнь благодарила вас, кланялась и молилась. Но адские дни вы, милые разбойники, хоть на немного отодвинули. И живет она только ожиданием новой встречи с Ларсом, своим возлюбленным. Но к его горлу приставлен кинжал смерти, который в любой час может оборвать его жизнь. Для этого достаточно приказа козлобородого хана! И тогда – всему конец. И при мысли об этом Даримас леденеет и готова войти снохой во дворец хана, чтобы только спасти милого, сохранить ему жизнь... Но ей пообещали выволить Ларса из подземелья. Неужели посланник Чанбы обманул ее? О боже, как медленно и долго тянется ночь! Куда так далеко спряталось солнце?

Даримас отбросила одеяло и села на постель. И, точно ей навстречу, из-за крепостной стены проблеснули предрассветные лучи, слегка осветив бледное прекрасное лицо. Девушка вскочила и подбежала к открытому окну. Солнце с трудом вставало, пробиваясь сквозь темные вороха туч, плывущие со стороны моря к остроконечным заснеженным вершинам. Её на миг пронизал холод, от которого сжалось сердце. Она невольно представила, как в глубине неведомого ущелья разжигают для казни любимого огромный костер, который полыхает всё выше и выше, обжигая её и озаряя весь мир огненно-желтым отблеском. Душегубы бросают в пламя связанного Ларса. Но, о чудо! Тело его не горит. Он смотрит на неё своими влюбленными карими глазами, такими печальными и умоляющими, что Даримас, задрожав, вскрикнула и метнулась от окна. И тут же на голос в комнату вбежала ее служанка и, встревоженная, запричитала:

– Что случилась, милая госпожа? На тебе лица нет! Не заболела ли ты, моя крошка?

Княжна бросилась ей на шею, еще больше пугая сердобольную девушку. Так, обнявшись, они стояли довольно долго. Немного успокоившись, Даримас снова села на кровать и спросила:

– Скажи, Джаджа, не взошло ли солнце? Я хочу встретить утро!

– Оно взойдет еще нескоро, прекрасная госпожа! Небо хмурое. Когда прояснится, я скажу тебе.

– Как я хочу видеть солнце! Если бы ты раздвинула эти тучи и показала его мне, то твою доброту я оценила бы во сто крат больше! С тех пор, как ты со мной, я полюбила тебя и ничего от

тебя не скрываю. И после скажу, почему так жду солнца и утра.

— Когда всходит солнце, моя очаровательная Даримас, я чувствую сердцем. В этот час я обычно расчесываю твои чудесные шелковистые волосы, и лучи придают им силу и помогают мне. А утро приносит тебе новые мечты и желания, которые сбываются. Я привыкла и никогда не просыпаю рассвет! Успокойся, моя милая госпожа, отдохни еще немного.

— Хорошо, Джаджа. Но, попрошу, ни словечка не говори старшей служанке, этой болтливой Даду. Тебе известно, что я полюбила того, кто заточен сейчас в темнице. Я тебе уже говорила об этом. Мне больше ничего не нужно, как только в полные глаза увидеть его при свете солнца, чтобы образ сохранить в своем сердце навсегда. Ступай и занимайся своими делами, а заплетусь я сама. Когда потребуется, — позову.

Даримас перед зеркалом тщательно расчесала свои темные волосы, заплела их в две толстые и длинные косы и, нарядившись, вышла во двор. В нем хлопотали слуги, каждый выполняя свое дело. Со стороны кузни, построенной в дальнем углу усадьбы, до слуха девушки донесся душераздирающий крик. Когда она глянула в ту сторону, то увидела своего отца, ходившего взад-вперед с заложенными назад руками. «Как он может быть таким безжалостным! — с горечью подумала княжна. — Какая низкая привычка мучить людей!»

Действительно, Дамдад отличался жестокостью к своим подданным. Не раз они поднимались против князя, а восстание, связанное с Маматом, едва не разрушило княжество. Он беспощадно усмирил рабов с помощью войска крымского хана. А теперь, собираясь породниться с ним, совсем озверел. За золото и дружбу с ханом князь готов единственную дочь отдать на растерзание иноземным псам!

Даримас, не медля, пробралась в спальню отца и выкрала ключ от цепных пут на ногах Ларса. Спрятав в платочек, она засунула его в рукав платья и, незамеченной, выскользнула в покои матери.

— Что так рано поднялась, моя радость? — удивленно спросила княгиня, не покидая свое ложе.

— Не спится... Всю ночь думала о парне, которого должны сжечь.

— Чтоб я увидела его пепел! Это он, рожденный собакой, со своими дружками отобрал у тебя счастье!

— Пусть с ним делают то, что считают нужным. Но мне приви-

делся сон, где люди говорили: «Рано утром, когда восходит солнце, сделай доброе дело!» И это не дает мне покоя!

— Ему уже ничего не нужно. Он обречен. Лучше накорми собаку, будет больше толку.

— О мамочка! — Даримас бросилась к ней и, обняв за шею, осыпала ее лицо поцелуями. — Я не хочу, чтобы вместе с ним бесследно исчез ханский калым. Только дайте срок, и я выужу у него, куда он дел золото, предназначенное вам.

— Легче заставить говорить камень, чем этого паршивца!

— Нет, любимая мамочка, я сумею развязать его язык. Только не говори об этом отцу. Я попытаюсь в последний раз!

— Вот упрямец... Ну, ладно. Возьми с собой Джаджу, охранника Шоту и, никого больше не посвящая, поговори с пленным.

Даримас распорядилась собрать для узника еду и захватить медный кувшин с питьем. Через несколько минут они уже были в строении, куда на встречи приводили Ларса. Когда охранник пошел за пленником и был накрыт стол, княжна услала служанку до поры, когда взойдет над крепостью солнце. Затем подсыпала в кувшинчик порошок, полученный от Камаща.

Раздался лязг кандалов. Вошли Ларс и Шота, рослый мужчина с обвислыми усами и басистым голосом.

— Луноподобная княжна, ты зря так стараешься. Этому человеку недолго осталось жить. Для него уже разжигают костер. Жалей не жалей, — никакой пользы. Поэтому прошу поторопиться. Иначе мне влетит!

Даримас, точно замороженная, до краев наполнила глиняную кружку пенящимся ароматным напитком и протянула Ларсу, смотревшему на нее влюбленными глазами. Парень двумя руками принял посудину, соприкоснувшись с длинными и тонкими пальцами княжны. Сердце учащенно забилося. Чашу протянула ему самая красивая на белом свете девушка, Даримас, которая впервые в жизни зародила в его сердце любовь, подобную бурлящему морю, лесному пожару. Он догадывался, что это безмолвный ответ на его любовь, похожую на росу, на несбыточную мечту. Он всю жизнь согласен быть в оковах, только бы видеть ее лицо, слышать этот нежный воркующий голос. Разве может быть счастье на свете больше, чем это?

— Пей, несчастный! — прикрикнул верзила. — Такого напитка ты никогда не пробовал. И больше не придется...

И слова охранника как будто отрезвили Даримас, она с ужасом вспомнила, что подсыпала в кувшин снотворное, и побледнела. Глаза ее выражали крайнюю тревогу. И Ларс мгновенно понял: что-то неладное... Он поставил кружку на стол и продолжал стоять, надеясь услышать хоть еще одно слово возлюбленной.

– Он прав, – проговорила девушка, и ее голос прозвучал в ушах пленника, как тысяча серебряных колокольчиков. – Сначала хозяин должен отведать кушанье, прежде чем гость начнет трапезу. Если бы я сидела за одним столом с мужчинами, то поддержала бы этот обычай. Роль хозяина прошу исполнить тебя, Шота.

Охранник не стал себя упрасивать. И с маху опустошил ковш, наполненный девушкой. Хмельной напиток был столь вкусен, что он заурчал и прищелкнул языком. И, вытерев усы рукавом чекменя, стал расхваливать на все лады:

– Такой бахсымы я никогда не пил! Какая крепкая и душистая! Клянусь богом, после этакого удовольствия и смерть смертью не покажется!

Даримас подала и второй ковшик, и охранник, рассыпая похвалу, снова осушил его в один миг. После этого глаза его подернулись дремотой, лицо ословело. Он с трудом раздирал слипающиеся веки. Однако не преминул еще раз обратиться к щедрой княжне:

– Налей-ка мне напоследок. Пусть этот гордый гость посмотрит, как нужно пить мужчине. Может, и научится...

– Конечно! Кто не хочет меда, тот не облизывает пальцы. А ты пей, уважаемый!

Шота с еще большей жадностью налег на ковшик, стал громко цедить чудесный напиток. Буза стекала по подбородку, капала на грудь и колени. В эту минуту вбежала в комнату Джаджа и сообщила, что взошло солнце. Охранник, что-то пробормотав себе под нос, стал клониться набок. Служанка подхватила его под мышки, но удержать не смогла, – детина упал на пол, точно чувал, набитый просом.

– Оставь его. Иди и занимайся своими делами, – проводила девушку Даримас. И как только та, нахмурившись, будто предчувствуя неладное, вышла, выхватила из рукава ключ и протянула пленнику, взглянувшему на нее удивленными, непонимающими глазами.

– Вот твое спасение! Ларс, поторопись. Еще несколько минут – и будет поздно. Ты должен немедленно покинуть крепость, слышишь? Ты мужчина, и должен быть решительным!

– Как тебя зовут, солнце души моей?

– Даримас... Прошу, не медли!

– Я не хочу уходить... Мне достаточно твое участие и добрые, идущие от сердца слова. Как я могу позволить, чтобы ты рисковала из-за меня, подставила свою голову под удар? Будь, что будет. Они ничего не добились и никогда не добьются от меня. Свой долг и клятву я выполню до конца.

– За меня не бойся. На рассуждения нет времени. За стеной крепости ждут твои друзья. Скорей! Моя радость – знать, что ты жив.

Говоря это, княжна с трудом отомкнула трясущимися руками замки кандалов и распутала цепи. Ее возбужденное лицо и большие глаза были прекрасны.

– Переоденься в одежду охранника, – торопила она. – Иди вдоль крепостной стены влево, где грушевый сад. Ступай, пока не увидишь переброшенную через стену веревочную лестницу. На другой стороне – твои друзья и свобода!

– Моя жизнь принадлежит только тебе, Даримас, – восторженно глядя на возлюбленную, сказал Ларс. – С этой минуты я живу ради тебя. Разреши мне взять этот ковшик. Из него я буду пить за тебя!

– Вместе будем пить из него счастье! Пусть бог пошлет тебе везения и мужества. Об остальном узнаешь от своего верного друга. Прощай...

– До скорой встречи, Даримас!

Девушка сопровождала Ларса до тех пор, пока он не перебрался через крепостную стену, как было условлено. А затем вернулась в комнату, где храпел охранник, выплеснула из кувшина бузу и, не замеченная никем, положила ключ в сумку отца. Через минуту она уже нежилась в своей постели, где одолел ее радостный и крепкий сон...

5

То, что удалось проделать младшему брату, потрясло Алхаша, повергло в уныние, лишило сна и покоя, довело до умопомрачения. «Человек, проявивший такое безрассудство, не побоявшийся реальной смерти, способен на что угодно, – размышлял он, нервно прохаживаясь по комнате. – Подумать только: как мальчишек, обмануть Дамдада и крымского хана! Он никогда не уйдет с моей

дороги. Не позволит быть первым. Как же убрать этого сорвиголову с пути? Что делать?» В конце концов, он пришел к выводу, что если и убирать брата, то чужими руками. Иначе он ничего не добьется. С этими тяжелыми мыслями и пожаловал он к Басках Шабату, с кем давно не виделся и не советовался.

Алхаш ничего не стал скрывать от князя, выложил о брате всё как на духу и заключил свой рассказ гневным восклицанием:

– Он погубит нас и принесет всем нам вечный позор! И не только позор, но горе и несчастье всему народу. Я очень прошу, дорогой Шабат, противопоставить этому безумцу свой глубокий ум и богатый опыт. Выручи наш аул, и все мы будем пред тобой в неоплатном долгу! У князя Чачуа столько силы, что за один день может нашей кровью смыть Мшышту! За него и крымский хан, чья мощь не знает преград. Если у человека голова хоть немного соображает, будет он связываться с ними?

Потомок великого Лоу спокойно смотрел на пришедшего своими умными глазами и, выслушав до конца, рассудительно сказал:

– Первым связался с Дамдадом ты сам, уважаемый. И все невзгоды, посещающие нашу долину, связаны с твоим именем. Ты сдружился для вида с владельцем Садзрипша, а потом его облапошил. На невинный аул не накликай бед, не черни его позором. Сколько крови и пота ты грел в своем золотом чане! Кто вкусил много соли, тот тянется к воде. Чачуа и хан, если у них хватит сообразительности, додумаются до того, кто во всем виноват, и чей дом обратить в пепел. Они это сумеют. Не так ли?

Алхаш вскочил с помутневшими, безумными от гнева глазами и выхватил из ножен кинжал. Но взгляд князя, жесткий и насмешливый, точно пригвоздил его на месте и заставил опустить руку.

– Зря бряцаешь оружием, шут, – с убийственным спокойствием сказал Шабат, на лице которого не дрогнул ни один мускул. – У меня нет ни малейшего желания сражаться с таким несдержанным человеком, как ты. Не позорь кинжал свой, он умнее тебя, не в каждого вонзается, в кого направляют.

Алхаш в смятении не мог собрать сумбурных мыслей. Пусть Шабат и не деспот, но предводитель целого княжества, слава его и честь. Кроме того, если горец, вынуженный из ножен оружие, не трус, то не вложит его обратно, не пролив крови. Алхаш, мелко дрожа, приставил острие кинжала к своей груди, целясь в сердце.

– Ты – посмешище! – остановил его князь. – Не в правилах абазин губить душу, которую сам себе не вкладывал. Это – во-первых. Даже тот, кто повинулся пред богом и заслужил его прощение, не смеет пролить кровь в невинном доме. Это – во-вторых. И, наконец, вот что я тебе скажу: гнев – плод куцега ума. Дай сюда кинжал!

Алхаш, с недоумением посмотрев на князя, стал приходить в себя. Что могли означать последние слова? Он решил осмелить его перед всем аулом? Если выйти с пустыми ножнами, то такого позора уже ничем не смыть! «Убить себя или Шабата, – нет никакой разницы, – лихорадочно мелькали мысли. – Если прикончу его, то и сам до обеда не доживу. Разрубят на куски и выбросят шакалам. Как бы ни было, а кинжал придется отдать...»

Алхаш больше не стал утруждать себя раздумьями и протянул хозяину свое оружие. Шабат подержал его в ладони, как бы взвешивая, и вернул гостю.

– Возьми и спрячь в ножны. И больше не делай подобных глупостей. Запомни, кинжал можно убрать в ножны, не пролив крови, только в том случае, если человек, которому он угрожал, старше тебя. К тому же, если он простил тебя без посторонних, что много лучше. На сей раз, слава богу, обошлось. Я не обижаюсь на тебя, и давай забудем произошедшее...

Алхаш повиновался, трясущейся рукой задвинул кинжал в ножны. Внешне он выглядел успокоенным, а в душе не унимался огонь! Они надолго умолкли. И с каждой минутой гость злился всё больше, точно мучась от долготерпения князя. А Шабат думал вовсе не о взбалмошном своем соплеменнике, а о тех известиях, что принес его старший брат. Да, крымский хан давно зарится на абазинские и адыгские княжества, лежащие вблизи Мшышты. Он хочет одурманить их исламом и поставить на колени, а затем использует воинов покоренных народов против русских в намеченном походе на донские земли. Пока хан выжидает. Ему не раз пришлось испытать на себе стойкость и мужество абазин, когда дело касалось защиты их земель. Расчет крымчака строился на том, что нападет врасплох, а прежде разожжет между абазинами междоусобицу. И при подготовке этих коварных планов он всячески усыплял бдительность князей, вбивал между ними клин, вызывая обоюдное недоверие. Посланники и ближайшие сподвижники хана рыскали по долине, привлекая на свою сторону князей и влиятельных

дворян, кого посулами и щедрыми подарками, кого обещаниями, а где не получалось, – в ход пускались подкуп, хитрость и угрозы. Но познавшие «доброту и дружелюбие» греков и турок, княжества держались подальше и от татар.

Сказать по правде, армия у хана сильная, только сабель более полтораста тысяч, да еще в любое время им на помощь могут прийти турки. Здесь прав Алхаш: крымчак способен силой захватить княжества. Способен, но не хочет, потому что понимает: захватить и покорить – это не одно и то же. Абазины и адыги не покорятся, их можно только привлечь, склонить на свою сторону по-хорошему. Еще два препятствия стояло перед ханом: война турок с Ираном и сближение княжеств с Россией. К тому же, часть его воинов воевала в турецкой армии, что подрывало силы. Всё это и прежде хорошо понимал Басках Шабат. А теперь?

Теперь черные тучи скорой беды надвигаются на Мшышту. Хан и Чачуа никогда не смирятся с позором, постигшим их. Несмотря ни на что, они могут привести в исполнение свои коварные замыслы, ибо для этого появился серьезный повод: ограбление фургона и обида на Камаща, который так ловко одурачил их.

Шабат сомневался в том, что Алхаш столь озабочен судьбой долины. Скорей всего, это очередная его лисья уловка, чтобы избавиться от брата, настаивающего на разделе родового имущества. Положиться на Алхаша, как убедился князь, никак нельзя. За золото и свое благополучие он готов продать весь народ. И, возможно, он в тайном сговоре с Дамдадом! Этого исключать не стоит. Впрочем, предположения – плохие помощники в решении важных дел.

– Как думаешь, любезный, какой у нас наилучший выход? – спросил, поразмыслив, Шабат у гостя.

– Ответа на этот вопрос джамагат ждет от тебя! – уклончиво промолвил Алхаш. – Ты – мудрость и надежда нашего аула. От меня ты узнал, какая сложилась обстановка. Как решишь, так и будет! И от твоих слов мы не отойдем ни на шаг.

– Говоришь, ни на шаг... – повторил князь и огладил свою, тронутую серебром, бороду. – Рад слышать от тебя такие слова. Но было бы еще лучше, если б обратился за советом ко мне в тот час, когда благословил своего братца на преступление.

Вновь смешанное чувство гнева и стыда залили лицо Алхаша краской.

– Я не приказывал ему ничего! Он не из тех, кто слушает меня. Чтоб такой брат валялся в крови! Я понятия не имел, куда и зачем он уехал.

– Не к лицу тебе врать. Ты не только знал обо всём, но и боишься его. А он победил, и бог ему в этом помог.

– Поверь, я и понятия не имел о его намерениях. Вдруг ни с того ни с сего объявляет, что хочет отделиться. Отвечаю ему, что это приведет наше состояние в упадок. Он будто бы согласился. Но мои слова воспринял как унижение, загорячился и заявил: «То, что добуду, будет мое. А что остается – твое». И с этим пошел вершить свои неблагоприятные деяния.

– Перестань обманывать себя, Алхаш, – пристыдил князь. – У тебя не получается. Как говорят мудрецы, куда река течет в начале, туда же потечет и конец. Случилось то, что случилось. Узел может развязать только тот, кто его завязал. Что можешь предложить, чтобы избавить народ от бед?

Алхаша этот вопрос не застал врасплох, он собрался с мыслями.

– Разве могу я быть умней тебя, глубокоуважаемый Шабат?! Но, если настаиваешь, – отвечу. Во-первых, Камац не посвятил меня в свои дела. Я только видел награбленное богатство и пригнанных рабов. У кого пропажа, тот пусть ее и ищет. Хан и Чачуа так и станут делать. Они всё перевернут вверх дном, чтобы найти золото. А чтобы поймать грабителей, могут в любой час напасть и на наши земли, доставшиеся нам от предков, и не оставят камня на камне. Я возьму сотню всадников и поеду к нему под предлогом, что кто-то угнал мой табун. Дескать, не знаете ли, кто мог это сделать? Дамдад, думаю, поделится своими мыслями и планами. У него нет никакого повода не доверять мне. Если потребуется, я присоединюсь со своим отрядом к их общему с ханом войску и уведу из Мшышты.

Князь в этом предложении усмотрел благоприятную возможность отвести беду, если Алхашу, действительно, доверят командовать розыскным отрядом. Он далеко не дурак, когда дело касается его самого. Алхаш, как говорится, может соединить берега одной реки. А за свое богатство и дворянское звание готов сложить голову, в этом нет сомнений. Богаче его вряд ли в абазинских княжествах найдешь человека, даже среди именитых князей. И вот теперь его хитроумие, дворянская спесь, алчность, подлость – всё, вместе взятое, пущено в ход, чтобы спасти свою шкуру и сохранить богатство,

добытое столь бесчестным и коварным путем, чужим потом и ценой несчастья сотен людей. Однако Алхаш сдул бы всё это богатство с ладони, как пушинку, заложил бы, не задумываясь, если бы за это ему предложили княжеское звание. При этом даже на секунду не сжалось бы его жадное сердце. Он точно рассчитал: займей титул, то за короткий срок не только восстановил бы потерянное, но удесятерил. И не за счет своего народа, а наоборот. Он со временем прибрал бы к своим рукам и соседние мелкие княжества и стал бы таким же могущественным владельцем, как Дамдад! И для этой цели Алхаш приложит все усилия. Вот почему он хочет обвести вокруг пальца хана и Чачуа, сохранить долину целой и невредимой.

Но князь лучше других знал продажность Алхаша. Верить ему – преступление. Чего доброго, пообещав одно, он может за спиной своих сговориться с Дамдадом, а то и с самим ханом. Такие опасения не исключены. И, размыслив, Басках неторопливо ответил:

– Пожалуй, ты прав. Брат есть брат, куда его денешь? Но когда благополучие целого народа может пошатнуться из-за одного человека, то выбора не остается. Пусть Камашц забирает то, что нагребил, и убирается на все четыре стороны. Пусть оставит Мшышту в покое!

– Я понял тебя, Шабат. Но есть и другой выход. Можно добровольно вернуть хану и Чачуа их имущество. Это нас очистит от подозрений и вызовет с их стороны доверие. Я сам возьмусь за улаживание конфликта, поеду посредником на переговоры.

– Надо подумать. Хорошо, если ты восстановишь добрососедство. А как быть с обидой? Насколько мне известно, честь для них дороже богатства. Да и то, что украдено из фургона, для хана мелочь. Они с князем могли бы этого и не заметить. Но гордыня их столь велика, что никогда не позволит забыть обиду. Мы не в состоянии оплатить ее. Для каждой обиды своя цена. Отдельная...

– Вот и пусть отвечает тот, кто принес им неприятности. Я не хочу из-за брата лишаться земли предков. Вернем им всё и станем просить прощения.

– С этого и надо начинать. Думаю, это возможный путь к спасению, – Шабат испытующе взглянул на гостя. – Но волк, ощерившийся во время схватки, не закроет пасть, покуда не вцепится в добычу зубами. Ты знаешь не хуже меня, что крымский хан давно держит камень за пазухой, давно зарится на наши земли. И теперь представится повод, которого не было прежде. И если всё раскроется, хан потребует

не одной головы! Мало того, что закабалит Мпышту, он назначит нам такую цену, которую не сможем выплатить во веки веков. И тогда народ наш, вырванный из огня большой кровью, будет жить в долгих страданиях и погибнет, а с ним исчезнет наше прошлое и будущее. В таком случае лучше всем погибнуть в бою, чем терпеть вечный позор. Мы, абазины, хорошо знаем, что представляют собой турки и татары. Они загубили много, очень много наших людей. И необходимо сделать так, чтобы и духа их не было в нашем княжестве! Запомни это и придумай более надежное средство.

— Тогда — только война! — выпалил большой дворянин, принимая серьезный вид. — Но они ведь превосходят нас и числом, и вооружением. Мы намного слабее их...

— Народ, который бьется за родную землю и свободу не может быть слабым.

— Ошибаешься, князь. Двум тысячам всадников не противопоставишь пятьсот.

— Наши предки противостояли и большему числу недругов! — воскликнул Шабат, охваченный волнением. — Чтобы на нашей земле не было ни турецкой, ни татарской власти, наши предки отправились далеко, туда, где небо смыкается с землей, к русскому царю. Путь их был долг, но увенчался успехом. Русский царь прислал сильное войско, которое помогло нашим предкам отстоять свою землю и разгромить иноземцев. Среди тех, кто ездил к царю, был и мой отец Алкыч. Как видишь, он с товарищами не зря проделал такой длинный путь. И сейчас существует это могучее царство. Не тысячи всадников у русского государя, а миллионы. Мы, чтобы сохранить себя, должны не терять эту дружбу. Вот единственно верный путь для нашего спасения!

От этих слов Алхаш даже пошатнулся, — так было ненавистно ему даже упоминание о русских. Он брезгливо поморщился, точно от зубной боли. На то были причины. В то время, когда Басках Алкыч вместе с видными адыгскими князьями отправился в далекую Москву, род Трамов был против дружбы с русскими. Дед Алхаша Чамаг выступил ярым поборником ислама, чтобы заслужить уважение крымского хана, а заодно претендовать на княжеский титул. Он собрал вокруг себя таких же приверженцев новой веры и подался в Крым, не дожидаясь возвращения послов из России. Чамаг обратился к хану с жалобой, что, дескать, абазинские княжества обман-

ным путем присоединены к владениям адыгов, которые с помощью русских замышляют уничтожение Крымского ханства, и просил спасти Мшышту от адыгов и гяуров. Крымские полчища напали на княжества, дружественные России, опустошили их и установили ханскую власть. Отца Алкыча, доблестного Танаша, взяли в плен с многочисленным семейством, как заложника. Чамаг, принеся в жертву Мшышту, скрыл от всех свое звериное лицо и продажное сердце, тем самым завоевав почет у чужеземцев.

Но пребывание татар в долине было непродолжительным. Вскоре мшыштовцы при поддержке русских полков наголову разбили крымчаков и выгнали со своих земель. А Чамаг притворился, что глух и нем, дожидаясь лучших времен.

В этом рассказе всё было правдой. О минувшем Алхаш знает лучше всех, но скрывает. Это таившееся в памяти отцовское назидание заново открылось перед ним в ту минуту, когда Басках вспомнил о помощи русских. И вот снова по вине Трамов над долиной нависла смертельная угроза. Алхаш ценой жизни брата готов остановить кровопролитие и, заручившись поддержкой хана, верховодить всем. Слова Шабата ломали все его планы. Он всей душой ненавидит русских, а князь с ними связывает будущее своих соплеменников.

– Ты напомнил о наших дедах... Но в наследство они оставили нам религию татарскую! Ислам соответствует нашим вековым обычаям и традициям. Почему мы должны отбросить всё это и принять незнакомую и непонятную религию гяуров, покориться им?

– Русские никогда не навязывали нам своей веры, как это сделали мусульмане – мечом и пожаром. Не религия сближает нас с русскими. В союзе с ними мы найдем то, чего не дали нам ни греки, ни турки, ни татары – братское отношение и добрососедство. Они никогда не позарятся на Мшышту, так как своей земли у них много, без края и конца.

– Да, но чужая шуба плохо греет, – ухмыльнулся Алхаш и бросил презрительный взгляд. – Если мы залезем под их шубу, то поневоле придется всё делать по-ихнему, подчиняться. Тебе это известно на примере твоего отца. Он поехал как один из лучших абазинских мужей, а вернулся крещеным и с именем Иван. На его шею повесили крест, против которого сражался и погиб великий Джандра. И также поступили все, кто с ним ездил к русским! Наш народ понял, что эта религия не приносит счастья, и отверг ее. Не так ли? Если

гяур переступит твой порог, то обязательно отберет и твоего бога.

— Какой же ты, право, наивный. Или прикидываешься таким? — улыбнулся Шабат. — Мой отец вернулся с новым именем, но привел с собой еще силу, которая спасла абазин от уничтожения, а твоего отца от позора. Я не только приму их религию, повешу на свою шею крест, но и поцелую его, если буду знать, что он принесет нашему народу спасение и спокойную жизнь. Кроме этого, если гяур переступит мой порог как надежный друг, я отброшу свой молитвенный коврик в сторону и обниму его. Пойми, русские несравнимо богаче и сильнее крымчаков. А что самое важное, они крепко держат свое слово. В Мшыште не перевелись умные, дальновидные люди, как и в других наших и соседних адыгских княжествах. Они должны собраться все вместе и обсудить, как быть. Отдадутся на милость хану или же с оружием в руках будут сражаться за свою свободу и независимость, призвав на помощь русских. Это дело всех наших соплеменников и решать его следует сообща.

Алхашу нечего было ответить. Он пожал князю руку и направился к двери. Но прежде чем открыть ее, гость суетливо обернулся и сделал несколько шагов назад.

— Народ народом, но кто же будет просить русских о помощи, не боясь для себя неприятных последствий?

— После рукопожатия неудобно снова начинать разговор, — уклончиво заметил Шабат. — Ты — частица своего народа. Его судьба и твоя неразделимы. Подумай хорошенько, — пригодится...

6

Алхаш и Камащ начали разговор с малого — раздела имущества, а затем ожесточенный спор едва не довел до поножовщины, что в конце концов и привело их к полному разрыву. До этого дня Камащ слушался старшего брата, никогда не перечил и если б тот велел прыгнуть с обрыва, то исполнил бы это не задумываясь. Сколько раз он по велению старшего брата пускался в самые опасные дела, сколько раз смотрел смерти в лицо, но ни разу не огрызнулся, не возразил. Однако всякое терпение имеет свои границы. Камащу перевалило уже за тридцать, и пора было обзавестись семьей. С детства он был влюблен в Сакану, дочь князя Шабата, которая отве-

чала ему взаимностью. Они ждали, когда взойдет солнце их счастья. По обычаю младший брат не может жениться раньше старшего, и младшая сестра не имеет право выйти замуж первой. У Саканы в этом смысле помех не существовало: ее старшая сестра стала женой храброго князя Сарлапа, а средняя была замужем за бесленеевским князем из соседнего адыгского княжества. Брат Танаш – младше Саканы на три года. Он был посредником в их любовных делах и тайнах. Если бы перед отроком встал вопрос: кого выбрать, сестру или Камаща, то он без колебаний указал бы на последнего. А Сакана, чей ум, красота и человечность известны и за пределами княжества, была в самом цвету и готова отдать сердце любимому. Многие джигиты приезжали в княжеский дом и просили ее руки, но девушка отвергала всех.

И, действительно, Камащ оставался самым достойным женихом. Видный, умный, мужественный, он отличался от своей многочисленной родни человечностью. Его знали во многих абазинских и адыгских княжествах, не одна юная красавица сохнет по нем, но для Камаща нет милей и желанней Саканы. Князь не одобрял выбор младшей, самой любимой дочери, хотя в душе ничего не имел против ее избранника. Просто Шабат не уважал чванливый и гордый до спеси род Трамов, не признававший ничего, кроме богатства, и отличавшийся жадностью и стяжательством. Черты эти у них в крови, а воровство, грабеж, убийство, обман – все средства обогащения для мужчин трамовского рода одинаково приемлемы.

В те времена неумеющего воровать и грабить за мужчину не считали. При этом существовали неписанные правила мужества, чести, благородства, соблюдать которые требовалось беспрекословно. «Не позволю, чтобы моя дочь вошла в дом, где всё построено на вероломстве», – говорил Шабат. Вместе с тем в характере и поведении будущего зятя он находил много добрых примет. Камащ беззаветно любил свой народ и готов был пожертвовать собой ради него. Он уважительно относился к людям, был скромен и снисходителен к ним, какого бы происхождения ни были, хотя вырос в семье, где это не являлось первостепенным. Камащ мог последнее отдать нуждающемуся, что и стало причиной ссоры с Алхашем, у которого зимой ковшика снега не выпросишь. Словом, у избранника дочери было всё, что должно быть в мужчине, что

хотел видеть в молодом абазине мудрый князь Шабат. Впрочем, замечалась у Камаща и слабина, которую трудно было объяснить. Этот мужественный до безрассудства человек, отчаянный и сильный, зачастую терялся перед старшими. «Надо поговорить с ним и узнать его мысли и желания», – твердо решил князь и искал подходящего случая. Но Камащ, точно зная об этом, сторонился князя, как будто не желал пока сближения. Да и разница в возрасте, глубокое уважение, которое питал к отцу любимой, дальновидному и опытному предводителю целого княжества, заставляли его держаться подальше.

Прежде Камащ почитал Алхаша как отца, и все его приказания выполнял без пререканий и оглядки. Как говорится, начинал выполнять еще до того, как повеление достигало земли. А поручал старший брат далеко не благовидные дела, откровенно постыдные, порой и кровавые, связанные с грабежами и насилием. У Алхаша одна цель в жизни – золото, богатство, титулы и почести. А для этого все средства хороши, даже незавидная участь родного брата. Когда Камащ заводил речь о разделе имущества, брат бесновался, становился зверем! И не только кричал на него, но и строил козни, оттягивал решение спора, надеясь, что сможет смести младшего брата со своей дороги. И надежда это стала реальной! Дамдад, разумеется, не простит нападения на фургон и оскорбления, нанесенного ему злоумышленником. И надо устроить это таким образом, чтобы никто не догадался о причастности самого Алхаша. И всё было бы давно кончено, если бы не упрямство Басках Шабата...

А Камащу надоело всё: и приказы, и угрозы, и назидания старшего брата, которые рано или поздно принесут дурную славу, выставив его посмешищем. И он решил покончить с прошлым, навсегда отрубив его одним ударом. И, женившись на Сакане, обзавестись семьей и жить как все нормальные люди. Но каким образом это сделать? Старший брат непримиримо против того, чтобы в их доме появился еще кто-то. Уехать и бросить сорокалетнего брата в одиночестве тоже не в правилах Камаща. Этого не позволит воспитание и обычаи предков. Он, решив отказаться от наследства, попытался еще раз поговорить с братом, чтобы тот разрешил жениться.

– Пока не поздно, ты должен уладить с Дамдадом все проблемы, – не ответив на приветствие, раздраженно начал Алхаш. – Иначе мы лишимся не только состояния, но и своих голов. Если не можешь

этого, то скажи мне, и я сам возьмусь за улаживание дел. Только выложи всё начистоту, что натворил там.

– Я сделал только то, что ты приказал. И обо всём ты знаешь, – напомнил Камащ. – Какое это имеет значение?

– А то, что это затрагивает интересы, судьбу всего народа и княжества. Это пахнет кровью, уничтожением наших людей. Если ты мужчина, не доводи до этого. Расскажи мне подробно, как всё случилось, и кто тебе помогал, и я поеду к садзрипшскому князю и постараюсь уладить все неприятности.

– Ни в коем случае! Ты погибнешь, а народ не спасешь. Я сам разберусь во всём.

– Каким образом?

– А уж это мое дело. Да и то, что я взял у хана, капля в море по сравнению с тем, сколько он награбил. А что касается рабов Дамдада, то я не из рая их увел, а вызволил людей из ада. Они только у нас ощутили себя людьми.

– Родившихся рабами ты хочешь сделать людьми? Ничего себе... Ради их жизни ты хочешь рисковать своим народом? В рассудке ли ты? – с ехидной улыбкой взглянул Алхаш на брата. – Или ты такой благодетель?

– Нет, дорогой брат. Все люди для меня равны. А мои грехи не коснутся других. За всё я отвечаю сам.

– Что же ты собираешься делать? Ума не приложу, – всплеснул руками Алхаш. – Неужели ты один надумал воевать против двух войск сразу?

– Да. И разобью их! – отрезал Камащ. – Не удивляйся. Каждый знает свои возможности лучше других. Если моему народу, как ты сказал, грозит беда, которую я навлек на него, то предотвращу это любой ценой.

– О, тогда всем нам нечего морочить головы, коль ты такой умный и сильный, и один защитишь Мшышту. Скажи хоть, каким оружием будешь бороться против неисчислимых войск хана? Это будет очень интересно...

– Ты решил, что я беру на себя слишком много, – спокойно ответил Камащ, не желая посвящать брата в свои тайны. – Никакого нового оружия у меня нет. Но есть сила, которая не пустит хана с его ордой в Мшышту. И можешь этому поверить.

– Говори же, если начал. Откуда у тебя такая сила?

– Я считаю, что нам помогут русские.

Алхаш, побледнев, вскочил как ужаленный. И срывающимся от волнения голосом переспросил, желая удостовериться в том, что не ослышался:

– Русские? Ты сказал: русские? Вон отсюда! Чтоб глаза мои тебя не видели... Чтоб болезнь гяуров скосила вас с твоим будущим тестем! Это от него всё...

Обычай требует, чтобы младший брат подчинился старшему. Грубость Алхаша заставила Камаща опустить голову. Нет, он не обиделся на него, таков его нрав, и его не переделаешь. Он очень сожалел, что раскрыл перед ним свои потаенные мысли.

– Где ты связался с гяурами? Какой дьявол заставил тебя нарушить вековую клятву нашего народа?

– Хоть ты и старше, но, пойми, я уже не ребенок. Если виновен в том, что моему народу угрожают невзгоды, то должен думать, как отвести их. Это мой долг, – сурово проговорил Камащ.

– Брось болтать впустую. Говори как мужчина. Чем гяуры лучше других?

– Ты вспомни турок и татар, и тогда сам найдешь ответ. Наши предки, сдружившиеся с гяурами, наверное, знали, что делали. И почему-то остановились на русских!

– Кого ты считаешь предками? Деда своего Чамага?

– Я преклоняюсь перед памятью деда, но у нас много достойных людей в роду. И мне хочется тебя предостеречь, чтобы ты не повторял его ошибки. Превратности судьбы научили наш народ мудрости. И какую сторону принять решит только он. А пока пусть будет по-твоему.

Алхаш не совсем понял, что этим хотел сказать младший.

– Ты был у Дамдада и всё видел собственными глазами. Он скоро породнится с ханом. Кругом почет и уважение. Скажи, разве плохо ему живется? А когда-то он был таким же дворянином, как мы с тобой. А теперь – князь из князей! И помогли ему турки и татары, которых ты презираешь. Выкинь все мысли о русских и постарайся найти повод, как сблизиться с ханом. Тогда будет спасен наш народ, а мы с тобой получим княжеский титул. Мы не беднее Дамдада!

Камащ пристально посмотрел на брата и усмехнулся.

– А я не завидую ему. Пусть он сильный князь и ценится ханом. Но нет у него человечности. Народ, который создает ему почет и

славу перед ханом, лижет собачьи кормушки. Так легче, конечно, снискать ханское расположение. Сам мед из золотого рога пьет, а тому, кто добыл тот мед, остается лишь заглядывать ему в рот. Но я не могу и не желаю следовать его примеру. Я хочу жить честно и своим трудом. Только тот, кто трудится сам, может понять нужды народа, а в лихой час встать на его защиту.

– Да, хватка у тебя есть, и мозги шевелятся, – с издевкой похвалил брат. – Только признайся, кто читал тебе эту проповедь. Не Басках ли?

– Жизнь, – вздохнул Камаш.

– Тебе не нравится, что в золоте купаешься? Чудесно! Давай всё раздадим вшивым чекменям. Этого ты желаешь?

– Никто этого не хочет. И никто насильно не отберет твое богатство, – снова сдержался младший брат. – Не лучше ли просто поделиться с теми, кто помог нажить его и преумножить? Вспомни князя Шабата, которым ты меня напрасно попрекаешь. За ум и прозорливость его почитают во всех княжествах. Если бы он захотел, то давно стал бы богаче, чем мы, в десять раз. Но его заботы – о народе, на котором держится наше благополучие. За это и любят его люди, и готовы поддержать в любую минуту. У него достаточно ума и силы, чтобы возобновить дружбу горцев с русскими. Адыгские княжества также за него. Я сам поддерживаю его.

Лицо Алхаша покрылось мелким потом. С затаенной обидой в голосе он воскликнул:

– А меня во внимание не берешь? Всё, что я сделал для тебя, ты втоптал в грязь. А я, глупец, заменял тебе отца и мать. И вот награда за то, что вывел тебя в люди!

– Нет. Это ты меня не только за брата не считаешь, но и за человека. Я для тебя вроде палки для битья и – больше ничего. Между мной и рабом, который бегают вокруг твоего пальца, нет никакой разницы. Моя просьба разрешить жениться тебя бесит, хотя на это я имею право.

Алхаш побагровел. Гнев мешал ему говорить. Он то выкрикивал, то принимался бормотать, брызжа слюной.

– Если бы у тебя была совесть, ты бы не посмел даже заикаться о подобном. Я на много лет старше тебя... Боже, что творится!

– Ты должен был давно создать семью для продолжения нашего рода. До сих пор тянешь... Будь я рабом Дамдада, то

промолчал бы. Только он не разрешает своим рабам жениться. Я – твой брат и большой дворянин, но не могу поступать так, как велит душа.

– А-а... Ты прослышал про Мамата, поднявшего в Садзрипще мятеж, и решил пойти по его стопам? – набычился Алхаш. – Лесной зверь всегда смотрит в чашу. Безумные поступки лишили его райской жизни у князя, и он, как голодная собака, рыскал по долине. Вот что принесла ему женитьба! Из-за женщины обрек себя на скитания, потеряв честь и совесть. Один бог знает, в каком ущелье стал этот болван добычей шакалов!

– Заблуждаешься, брат. Мамат не из тех, кто даром сложит голову. И огонь, зажженный им, не под силу никому потушить. И настанет день, когда в нем сгорит и Дамдад, и те, кто под стать ему.

– По твоим словам, он жив и подстрекает других рабов? И ты его оправдываешь? Ты рубишь сук, на котором сидишь, – захохотал Алхаш и вновь принялся подтрунивать. – Неужели он предпринял всё это лишь для того, чтобы потом его жену вернули, и она стала мыть ноги Дамдаду и его жене? Такой человек не достоин звания дворянина. А ты даже стал подражать ему. Если ты мужчина из рода Трамов, то обязан его найти и отвезти Дамдаду, чтобы состоялся суд над ним. Сделай это – и я буду твоим вечным должником. Тогда не только богатство останется с тобой, но ты уладишь все недоразумения и отведешь войну от Мшышты. За голову Мамата обещал Дамдад целое состояние.

– В этом на меня можешь не рассчитывать, – наотрез отказался Камащ. – Жертвовать невинным человеком ради себя – не в моих правилах.

– Прекрати! Лучше лишиться такого брата, которому не втолкуешь истины!

– И с меня довольно! Когда возвращаюсь с добычей, я – хороший, а если с неудачей – ни брат, ни сват. Года идут. Пора мне и о себе подумать.

Алхаш вскочил и положил руку на рукоять кинжала.

– Прошу именем всех живых и мертвых нашего рода, – уйди с этого двора. Не позорь род Трамов! Иди, служи Мамату, с чьего змеиного языка вещаешь, или русским...

– Согласен и на одно, и на другое... Это будет верней, чем жить с тобой под одной кровлей.

– Уйди, пока я не пролил твою кровь...

– И у меня есть оружие, – твердо бросил Камащ. – Но чем угрожать им брату, лучше всажу в собственное сердце...

Алхаш лихорадочно соображал, вспоминая слова князя. Пожалуй, он перегнул палку, полез напролом... И, вдруг улыбнувшись, точно оправдывая свою вспыльчивость, он с упреком проговорил:

– Твои безумные разговоры могут вывести из равновесия кого угодно!

– Теперь ничего не поправишь. Если в этом дворе я имею какую-то долю, то укажи мне на нее. И я займусь своими делами.

– Ты не из тех, кому нужно богатство. Иди к Мамату – он обогатит тебя. Или к Шабату, а еще лучше – к твоим будущим друзьям, гяурам. Они помогут. А мое богатство ты знаешь для чего припасено. Тому, кто не умеет им распоряжаться, и бог не дает...

– Согласен и на это. Держи его крепче. Я не оспариваю и не претендую. Будь счастлив...

Выпроводив брата, Алхаш еще долго не покидал свою комнату. Он скупуплезно перебирал в памяти разговор с князем Шабатом и перепалку с братом. Кто же прав: два этих сторонника гяуров или он? Как найти безошибочное решение? Для этого необходимо всё взвесить. А рассудит, конечно, только время...

7

За всю свою жизнь Камащ столько не думал и не переживал, как теперь. На какое только преступление ни шел он, подстрекаемый старшим братом! Отправлялся, даже если это было связано со смертельным риском. И ни разу не возражал ему, хотя и был не согласен. Слова старшего – закон. И так случалось, что ему почти всегда везло.

Целый день Камащ бродил по двору, не находя пристанища, и мысли его постоянно возвращались к необходимости посетить крепость Терсакан, где находился русский начальник. Он должен предупредить его о готовящемся нападении ханского войска. Крымчак готовит опустошительный поход на Дон, уже известна дата и численность армии. Это поможет русским подготовиться к сражениям. А присоединившиеся к ним абазины Мшышты и адыгские князья сумеют при этом отстоять свои земли от бесчинств завоевателей.

Он распорядился оседлать лошадей для себя и Ларса. И пока слуги возились, обдумывал свой шаг. И пришел к выводу, что необходимо посоветоваться с Шабатом. Но были препятствия, мешавшие сделать это. Во-первых, его, младшего, сам князь не приглашал. Во-вторых, мужчинам, не создавшим свою семью, не подобает вмешиваться в общественные дела, которые решают старейшины. И в данном случае с князем мог бы поговорить Мамат, но он с женой и сыном скрывается в далеком ущелье, мало кому доступном. Камащ оставил их там с трехдневным запасом воды, рассчитывая на то, что старший брат согласится на раздел имущества, и он вместе с бывшим слугой Дамдада обоснуется в убыхском ауле до лучших времен. Пребывать в долине Мамату было опасно, потому что его повсюду искали люди Чачуа, которым обещали не только за поимку, но даже за указание местонахождения большое вознаграждение...

— Поехали, — оторвал Ларс друга от размышления и, подождав, пока тот сядет в седло, также взобрался на лошадь.

Алхаш увидел в окно выезжающих всадников, и мысль выследить их мгновенно пришла ему в голову. Он схватил серебряный колокольчик и затряс им, что означало: «Ко мне, быстреей!»

Выехав из аула, Камащ и Ларс пересекли речку Ардз, углубились в лес и, развернув лошадей, поехали в обратную сторону, чтобы запутать следы. Потом их путь лежал через множество оврагов и ручьев, лесистых ущелий и гор, и они посчитали, что стали вовсе недоступны любопытному глазу. Они достигли глубокого темного ущелья, точно накрытого буркой. Оно носило имя Барсов, поскольку эти звери нередко встречались здесь. У подножья отвесной скалы, с южной солнечной стороны, находился вход в пещеру, где приютился Мамат с семьей.

Спешившись, путники оставили лошадей в дубняке, и с трудом пробились сквозь лесную чащобу к пещере. Неожиданно из укрытия выскочил Мамат с двумя пистолетами в руках, очевидно, следивший за ними.

— О Камащ! Рад тебя видеть, — воскликнул он и, засунув пистолеты за пояс, обнял гостя.

— Я не один. Со мной Ларс.

Втроем они вошли в пещеру. Она оказалась довольно вместительной. Гранитные стены и всё пространство озарял огонек лучины. Аица поздоровалась с приехавшими за руки. Ее бледное лицо выражало волнение. Заметив это, Камащ спросил:

– Сын, наверное, уже спит?

– Да вот же... – вздохнул Мамат. – Нашему парню не повезло немного. Сегодня я пошел на охоту, и он увязался за мной. Пока я добывал дикого козла, потерял его из виду. Туда, сюда – нет нигде. Зову – не откликается. Слава богу, нашел в густом кустарнике, всего исцарапанного, рядом с задушенным барсенком. Лежит и стонет...

– Разве можно ребенка оставлять без присмотра! – встревожился гость. – Как он сейчас?

Камащ прошел мимо слабо потрескивавшей лучины и склонился над буркой, на которой лежал мальчик:

– Как себя чувствуешь, маленький герой? Сильно покусал зверюга?

– Не очень, – отозвался со вздохом мальчик. – Их было два барсенка. Один был тихий, а другой укусил за руку, когда я тронул его палкой.

– Ты, видно, неудачно поиграл с ним? – пошутил Ларс.

– Я не хотел его душить, – оправдывался юный охотник, пытаясь сесть. – Я только хотел его поймать и привести сюда.

Ларс уже серьезно обратился к Мамату:

– Чем ты лечишь его? Как я знаю, раны от когтей барса долго не заживают.

– Присыпал пеплом шерсти барса. А теперь прикладываю подорожник. На наше счастье барсиха, что редко бывает, оставила детенышей одних. А то до беды было рукой подать.

– Ничего, до свадьбы заживет. А там, глядишь, он и саму барсиху на аркане приведет, – улыбнулся Камащ и обратился к Аице, молча внимавшей разговору. – Извини, сестра, что приходится вам скрываться в диком лесу. Потерпите немного. Скоро это кончится.

– Мы и не таких зверей на своем веку повидали! – ответил за жену Мамат. – Для нас это сущий рай по сравнению с тем, как приходилось жить.

– Я согласна остаться в этой пещере навек, только бы не слышать голоса садзрипщской княгини. Чтоб ее имя произносили за подушкой! И сейчас дрожу, когда вспоминаю о ней. Моего ребенка оторвали от меня, словно щенка, и целых семь лет я не видела его, хотя находились так близко, как два глаза на одном лице. Это вы дали мне возможность соединиться с ним... Желаю вам долгой, счастливой жизни! Я и предположить не могла, что настанет день, когда буду жить вместе со своей семьей... – Аица говорила, а из

больших черных глаз текли слезы счастья и благодарности. Она хотела бы позабыть черные дни своего рабства, но не получалось. Об этом каждый день напоминал маленький сын, который не испытывал теплых чувств к родителям, чурался их, а порой смотрел как прирученный волчонок. И когда был чем-то недоволен, угрожал матери, что сбежит к Дамдаду или к отважному Камашу. Но, правда, в последнее время он стал привыкать к отцу.

Выслушав ее признания, произнесенные вполголоса, Камаш ответил:

– Не вешай голову и не переживай так сильно, милая сестра. Всё обойдется. Он еще мальчик, да и не знал о вас ничего. Подрастет – всё поймет. Он еще отомстит князю-извергу за ваши беды и принесет столько радости, что позабудете о прошлом.

– Я не хочу тут оставаться, – неожиданно жалобным голосом отозвался мальчик. – Поиграть не с кем. Нет ни пистолета, ни кинжала. Ваш отец не разрешает стрелять...

Камаш и Ларс переглянулись, оба поняв, что не случайно мальчик произнес «ваш отец».

– Ничего, наш отважный герой, – вновь нагнулся Камаш и погладил раненого по голове. – Я заберу тебя к себе домой, где ты найдешь немало друзей, подарю кинжал и пистолет. Но у меня есть подарок еще лучше: быстроногий жеребенок, белоножка с звездочкой на лбу. Всё у тебя будет, ты только поправляйся.

– Зачем мне жеребенок? Когда я находился у отца, то сидел на коня, который всегда побеждал на скачках.

– Хорошо, – кивнул Камаш. – Пока он подрастет, я дам тебе отменного скакуна, лучшего, чем тот, на которого ты сидел у садзрипцкого князя. Но он вовсе не твой отец, дорогой. Твой отец – Мамат, а ты его сын. А мать – Аица, которую ты и должен так называть. Никто на белом свете не может любить тебя сильнее, чем они. Чтобы вырасти и стать хорошим человеком, ты также должен любить их. А нам с Ларсом ты – брат, и мы тебя очень любим. Запомни это хорошенько.

Мальчик, забыв о своих ранах, слушал Камаша как замороженный, многое в жизни открывая для себя впервые.

Мамат расстелил бурку на слое душистого сена, наваленного поверх плетеного из лозы настила, и обратился к жене:

– Накорми нас, Аица, чем бог послал. Гости только что с дороги, и наверняка проголодались.

Несмотря на отговорки приехавших, что они сыты, Аица раздала гостям деревянные тарелки с горячим бульоном, поставила на низеньком столике миски с жареной козлятиной и просянными лепешками. Вслед за хозяином, первым взявшим кусок мяса, гости принялись за еду.

Трапеза была недолгой. И Камаш, не трата времени, рассказал о своих планах товарищам, которые слушали, не перебивая. В пещере устоялась тишина. Мамат молчал, очевидно, далеко забрасывая аркан своих мыслей.

– Алхаш – твой брат, – наконец произнес он сурово. – Он меня отлично знает... И молву обо мне... Но как быть, если взгляды у вас разные? Дамдад заручился полной поддержкой хана и потому ведет себя так нагло. И если он с овцы снимает шкуру один раз, то хан с людей – дважды. Чачуа – человек одной с нами крови, хан – враг всего нашего народа. Это так. Мы знаем, что русские не раз спасали от него и адыгов, и наших предков. И при этом русские не помыкали нами, не требовали возмещения понесенных затрат. Полностью поддерживаю тебя в том, что хочешь искать пути сближения с ними. Но мы должны знать мнение тех, ради которых ты стараешься. Делать это одному, втайне от всех, не следует. Необходимо посоветоваться со старейшинами, князьями и другими умными людьми. Если твои мысли и дела принесут пользу народу, не надо стесняться того, что ты младше годами. Возможно, то, что ты предлагаешь, – это ключ для спасения нашего народа от черной ханской беды. Тебе с Ларсом нужно немедленно повидаться с Шабатом. Он поймет вас и примет дальновидное решение. Одно ясно, что крымский хан и Чачуа прежде, чем идти на Дон, нападут на княжества, чтобы подчинить себе адыгов и абазин. Поэтому никто из нас не должен сидеть сложа руки. Только объединив войска всех наших княжеств, мы можем дать отпор врагам. В любом случае, друзья мои, мы должны быть достойными мужчинами!

Шабат радушно принял гостей. За почетным столом он собственноручно разлил бузу по кубкам и настоял, чтобы молодые люди, отказывавшиеся от этого, выпили вместе с ним за добро и процветание

Мшышты. Вначале Камаш сидел точно на раскаленных углях, и беседу с князем вел, главным образом, Ларс. Поняв состояние жениха дочери, Шабат велел позвать ее. Сакана показалась на пороге и, увидев, кто в комнате, зарделась и прикрыла лицо руками.

– Поддай гостям чем вытереться, – попросил отец, поддерживая ее улыбкой.

Девушка вынула из дубового комода белое полотенце, украшенное вышивкой, и, нерешительно подойдя к Ларсу, подала ему. Тот встал, принял и передал его Камашу.

– Сегодня с самого утра палит солнце, и в доме душно. Вытирайся, – спокойно предложил князь, хотя прекрасно понимал истинную причину волнения гостя. – Если бог привел вас по доброму делу, то выкладывайте. В таких случаях стеснительность не лучшая помощница: старший, раз усадил, то не осудит.

Камаш привстал, отер испарину одним концом и, передавая полотенце обратно, мельком взглянул на Сакану и заметил выступившие и на ее лбу бисеринки. Мимолетный взгляд успел уловить сладостный свет, исходивший из очей любимой. Они были спокойны, выразительны, надежны. И сколько ласки источали при этом!..

Сакана, словно молодая невестка, приняла полотенце, повесила его на спинку кровати и, не оборачиваясь, спиной вышла из комнаты. Камашу полегчало, как возу, с которого свалили копну сена. Взволновавшееся сердце радостно зашлось: «Нет на земле милей ее и краше! Напрасно находился я в плену предрассудков и так долго мучил себя».

– Не в наших обычаях спрашивать гостя о цели приезда, – заговорил Шабат, давая понять, что настроен доброжелательно. – Вижу, что приехали по неотложному вопросу, и это сдерживает вас. Мы из одного аула и, думаю, пойдем друг друга.

– Дай бог, чтобы ты стоял во главе аула еще многие годы! – преклонив голову, ответил Камаш, приходя в себя. – Мы приехали за советом, уважаемый отец. И рассчитываем на твое благословение и помощь. Нас также волнует дело, о котором недавно ты говорил с моим старшим братом. В княжестве Садзришц мы с Ларсом совершили неблагоприятные поступки, которые могут иметь пагубные последствия для всего народа. Мы жизнью не пожалеем, чтобы хоть как-то искупить свою вину пред тобой и людьми.

– Мне известно об этом, – негромко произнес князь, морща свой

высокий лоб как обычно, когда о чем-то сосредоточенно размышлял. – Но прежде всего вы должны были посоветоваться со старшим в роду Трамов. Пренебрегая им, вы наносите ему обиду, а себя ставите в неловкое положение.

– Я всегда относился к Алхашу как к старшему, не перечил и не унижал его достоинства. Так было и на этот раз. Но, не обессудь князь, мы не нашли общего языка. Всему есть предел.

– В чем ваши разногласия? Слова старшего должны быть для младшего законом. Так у нас принято.

– Ты прав, князь. Я бы так и сделал, если бы это касалось только меня. Скажи он: вынь душу, – и я, не колеблясь, послушался бы его, – с твердой уверенностью в голосе возразил Камащ. – Но я не могу принять сторону человека, будь он брат или отец, который родную землю, свой народ готов бросить в пасть чужеземного волка. Я говорю о крымском хане.

– А какой же стороны будешь держаться? – с хитрецей в карих глазах поинтересовался Шабат. – Кому доверяешь?

– Русскому государству, которое не обманывало абазин.

– А пойдут ли русские тебе навстречу? Наши предки сделали им немало добра, и они ответили сторицей. Воевали рядом с нами. А мы? Растеряли то, что было передано старшими.

– У нас есть то, что снова объединит! – с жаром воскликнул Камащ, всё больше воодушевляясь. – Это турки и татары, чей злой дух витает над нашими, адыгскими и русскими землями.

– В чем может заключаться наша помощь русским? – спросил князь.

Камащ подробно рассказал обо всём, что узнал, находясь в княжестве Дамдада, о своем разговоре с ханом, делившимся планом захвата донских рубежей. Шабат слушал очень внимательно, время от времени поглаживая свою бороду. Когда Камащ умолк, он поднялся и в раздумьи стал ходить по комнате, заложив руки за спину. Затем остановился и обернулся к гостям.

– Молодцы, что пришли. Ты сообщил мне, Камащ, очень важные сведения. Всегда поступайте так, если речь идет о судьбе народа. Считайте, что вы выполнили свой долг. А теперь простите: не подобает хозяину выпроваживать гостей, но дело не терпит отлагательств. Мне срочно нужно в дорогу! Когда вы понадобитесь, я дам вам знать.

Сакана, стоя у окна, провожала гостей радостным взглядом, пока они не вышли со двора и плетенные ворота не скрыли их от ее глаз. Она не могла перебороть небывалое, охватившее всю душу волнение и сладкое предчувствие счастья от мысли, что Камаш с другом приходили сватать ее. Но какой ответ дал им отец? Согласился или нет?..

9

Шабат без промедления приказал оседлать коня и отправился в дальнюю поездку по княжествам Мшышты, взяв с собой только Алхаша. На встречах с владетелями, главами влиятельных родов, старейшинами, военачальниками шел разговор о том, кому довериться и с кем связать дальнейшую судьбу народа. О планах хана было всем известно, и оставалось решить: покориться крымчаку или воевать с ним? Нужно было выбрать одну из двух дорог. Шабат убеждал, что спасение народа в союзе с русскими, а Алхаш главный упор делал на ислам, который, по его мнению, наиболее близок абазинам, и призывал отдаться во власть хана.

Подавляющее большинство тех, кому доверял народ, поддержало Шабата, хотя нашлись и те, кто принял сторону Алхаша. В итоге долгих обсуждений предводителем абазин был выбран князь Басках Шабат. А что было в душах поборников дружбы с ханом, — осталось известно одному богу...

— Нельзя тратить времени даром, — напутствовал Шабат представителей княжеств и всех аулов Мшышты, съехавшихся к нему на совет. — Каждый, кто присутствовал здесь, вернувшись к себе, должен рассказать людям всю правду. Не будем уподобляться княгине, упавшей в костер и сгоревшей, пока дожидалась помощи рабыни. Собирайте воинов и укрепляйте крепости. Пока всё не прояснится, въезд и выезд из долины необходимо закрыть. Мы должны быть готовы ко всему. О своем решении мы сообщим адыгам. Они вольны поступить так, как им заблагорассудится. А мы свои слова сдержим, и на переговоры к русским в крепость Терсакан поедут Алхаш Трам и Сарлап Лоу. Да поможет им бог!

Дальновидный князь отлично понимал, что посредником в связях

с русскими должен быть именно Алхаш, человек честолюбивый, мстительный и обидчивый без всякой меры. Все эти качества он использовал против общего задуманного плана. Кроме того, он становится покладистым, когда дело, за которое берется, оборачивается в его пользу. Дескать, видите, что я делаю для народа! Русские всегда гостеприимны и доброжелательны. И после удачных переговоров, как правило, вручают щедрые подарки, и это может сыграть важную роль в отторжении его от турок и татар.

Как только послы уехали, князь Басках вызвал к себе Камаша.

– Ты хотел искупить свою вину, не так ли, дорогой? – без лишних слов обратился к гостю Шабат.

– Поручите любое дело.

– Хан доверил тебе свои секреты, а ты пообещал ему помочь в их осуществлении. Верно? И свое слово ты должен сдержать! Не побоишься поехать в Садзрипц?

– Готов отправиться немедленно.

– Ты и так уже немало преуспел, но способен и на большее. Одно только меня удерживает. Как считаешь, они догадываются, что побег Ларса – дело твоих рук?

– Ответить можно по-разному. Всё это удалось благодаря дочери Дамдада, которая неоднократно спасала от костра нашего парня, а потом помогла ему сбежать. Она не постеснялась сказать родителям, что не выйдет замуж за ханыча, если с головы пленника упадет хотя бы волос. Поэтому они, наверное, не сомневаются, что без её помощи Ларс не смог бы совершить побег. Да и кричать об этом на весь мир им невыгодно. В одном я совершенно уверен, что она и под пыткой не выдаст нас. Впрочем, у Дамдада я замечал какие-то косые взгляды, точно он о чем-то догадывался. Я это чувствовал...

– В чем же он мог тебя подозревать?

– Он хорошо знает Алхаша и то, что у него есть младший брат. Говорят, мы внешне похожи. Возможно, после нашего отъезда ему стало известно и то, что княжества Чанба больше не существует.

Князь в раздумье долго молчал, поглаживая бороду, точно выверял степень риска задуманного предприятия.

– Как думаешь, успел ли Дамдад выяснить то, в чем сомневался?

– Пожалуй, нет. Прошло совсем немного времени. В прошлый раз, уважаемый Шабат, я упустил одну деталь, которая, судя по твоим вопросам, имеет немалое значение.

– Кому не удалось выпить с первого раза, делает вторую попытку. Говори, дорогой, я слушаю.

Камащ был польщен тем, что столь уважаемый человек пригласил его снова и беседует с ним как с равным товарищем. Это ему придавало сил и уверенности. Он забыл даже, что перед ним отец его любимой девушки, которого прежде обходил десятой дорогой, – так был поглощен разговором.

– Мы увели у Дамдада не только Ларса. Может, ты слышал о человеке по имени Жихи Мамат?

– Да. Что ты можешь знать о богатыре Мамате? – с нетерпением спросил Шабат. – Где он? И что с ним?

– Он в Мшыште со своей семьей. Извини, князь, что привели его сюда, не спросив твоего позволения. Об этом я говорю только тебе. Если ты или кто-либо из князей возражает, он найдет другое пристанище.

– Ничего плохого в этом нет, – одобрительно промолвил Шабат. – Того, кто остановился у твоих ворот и взывает о помощи, ты должен принять и уберечь от опасности даже ценой своей жизни. Все мы некогда произошли от знаменитого рода Жихов, и, если остался единственный представитель этой гордой фамилии, мы не можем оставить его в беде. Народу он показал поучительный пример. Пусть придет к нам, станет частью нашей души. Пусть поживет у меня, пока не соорудит себе жилище.

– Дорогой князь, спасибо на добром слове. Мамат за добро всегда готов платить добром. Меня самого он спас от верной гибели. То, что я соединил его с женой и сыном, наверняка не осталось незамеченным Дамдадом. К тому же, я обещал хану его поимку.

– Если у них подозрение, то не исключено, что за вами следят.

– Вполне возможно. Но, прежде всего, нужно узнать ближайшие намерения Чачуа и хана.

– Да, любой ценой необходимо выяснить, что в ближайшее время они намерены предпринять против нас. И если готовят вторжение, то его нужно оттянуть до того дня, пока послы не вернутся из русской крепости. Также постарайся, чтобы свадьбу хан перенес на более позднее время. А коль назначат тебя, как обещали, предводителем их войск, то, думаю, ты сможешь увести их подальше от Мшышты. А мы тоже не будем сидеть без дела!

– Всё понятно, – взволнованно ответил Камащ и вскочил так

резко, точно готов был немедленно выполнять пожелание Шабата. – Только разреши мне взять с собой Мамата. Он три года сидел под носом у Чачуа, а отряды искали его по медвежьим берлогам. Будто шапка-неведимка на нем. И твое поручение посчитает за честь!

– Хорошо, поговори с ним. Согласится – пусть едет с тобой. Но не спеши уж так рьяно. Сначала привези его семью сюда, а затем отправляйтесь в Садзрипц...

Как и было сказано, князь Басках приютил в своем доме семью Мамата. Хозяину был по душе легендарный абрек, с кем он говорил как с младшим братом, отсутствовавшим долгие годы. Они так сошлись, что дали твердое слово помогать друг другу в беде и радости.

Мамат, чье имя приводило в ужас многих князей и именитых дворян, не был сказочным богатырем. Силой и мощью, бесстрашием и мужеством, как и светлым улыбчивым лицом, его одарила не слепая природа, а земные родители. От них же он унаследовал и нестигаемый дух. Вернее даже, не от них, а от естественной среды обитания, которую они создавали вокруг себя. И с духом этим связано было все, что окружало сызмальства, он витал везде – в доме, во дворе, в кузне, в лесу, на поле, сенокосе – как самый обычный воздух, который мы вдыхаем, не замечая...

Отцом Мамата являлся потомок бесстрашного Мсыра из рода Жихов, всегда поступавших по кодексу чести и достоинства, свято хранивших лучшие традиции, идущие от абазгов. В прежние времена Жихи обладали такой известностью, что название абазин нередко заменялось их родовой фамилией. Многие поколения Жихов сложили свои головы на полях сражений, отстаивая свободу своего народа. Вступая в бой первыми, никогда не отступали: сражались до последнего воина. Они не держали рабов, полагаясь только на себя, и при этом были гостеприимны и скромны. Все в их роду отличалось трудолюбием, были искусными кузнецами и оружейниками, чьи изделия славились и по морскому побережью, и в далеких странах.

Большую часть жизни Мамат провел в лишениях и скитаниях. С детских лет он познакомился со всеми бедами сиротства, когда его похитили и несколько раз продавали из рук в руки. Испытал

он и рабство, когда безжалостно секли розгами, и темницу, и удар кинжала, и пламя многих войн. Был борцом и конокрадом, служа Дамдаду, пока тот не разлучил с женой и сыном. Абреком заставила стать судьба. И за все эти годы на долю потомка Жихов выпало столько горя и невзгод, что хватило бы на несколько жизней. Но он не согнулся, выстоял, вынесся из всех испытаний прожитого – ум, мужество, уважение к людям.

Князь Шабат перенял от отца одну незыблемую жизненную установку: если твой народ пребывает в несчастье, то и тебе не видеть добра. И потому в меру своих сил он, прежде всего, отстаивал интересы людей. И для этого не приходилось указывать пальцем свысока, помахивать плеткой над головой, грозить кинжалом. Ему был знаком не только вкус свежее испеченного хлеба, но и вкус соленого пота. Он умел не только красиво восседать в седле, но при необходимости самостоятельно оседлать скакуна; он ведал не только то, как смотрится посеребренный кинжал на поясе, но и остроту его, где и когда следует вынимать его из ножен. Неукоснительно следовал он и завету платить добром за добро. Все это он воспринимал не как дань формальности, а сутью той жизни, которую строил для себя и своих людей. И с тех пор, как отец его покинул мир, а он стал главой аула, Шабат не давал себе ни сна, ни покоя, когда поднимался вопрос о благе народа. Понадобится, – он встанет во главе войска и поведет его на врага! И люди ощущали эту сопричастность и готовы были идти за князем. И потому не случайно, что соседние владетели, некогда именовавшие абазин жихами, теперь начинали называть их басками.

Шабат умел реализовать возможности, которые предоставляли жизнь и положение в обществе. Совсем другое дело – Мамат. До сих пор, считай, ему ничего не удалось в жизни. Вся его удаля, сила, воля, смелость, сметливость ума работали на обогащение только одного человека, отплатившего черной неблагодарностью. За три последних года, что попрошайничал он у ворот Дамдада, тело его и дух ослабли. Лицо избороздили морщины, а волосы стали отливать серебром. И только после встречи с Камащем и вызволения семьи из неволи он снова воспрянул сердцем. А в доме князя Шабата, среди друзей, жизнь показалась ему раем, хотя счастливым он считал и пребывание в той пещере, где соединился со своей семьей.

За трое суток, что князь Басках чествовал Мамата, Камащ време-

ни зря не терял. Он не раз виделся с прелестной Саканой. И за эти часы они сказали друг другу больше, чем за все годы знакомства, объяснились и наметили срок своей свадьбы, будто это зависело только от них двоих...

10

В княжестве Садзрипщ было тревожно. В самой крепости Дамдада и в окрестных аулах сновали конные отряды, заходили во дворы, выводили мужчин от пятнадцати и до преклонных лет, отбирали скот и зерно. Тех, кто оказывал малейшее сопротивление, избивали плетками, топтали лошадьми. Отовсюду доносились причитания женщин и плач детей.

Что за смятение? Может, напали разбойники? Нет, Мамат видит воинов князя Чачуа и головорезов хана, которых знал в лицо. Что заставило их грабить народ и рыскать, как голодные шакалы?

Мамат в одеянии нищего следил за одним из отрядов, спрятавшись за углом крайней ограды. Вот в ближайшем дворе спешился один из всадников, деловито растворил воротца хлева и, нахлестывая плеткой, стал выгонять мирно жевавшую корову и двух старых кобыл. Доносившиеся из низкой, покрытой камышом хижины придушенные крики, перемежавшиеся глухими ударами, скрипом сталкиваемой с места мебели, разлетающейся во все стороны утвари, убеждали, что там происходит жестокая потасовка. В какой-то момент из резко распахнувшейся двери вылетел мужчина средних лет. В горячке борьбы он задел порог и, опрокинувшись, тяжело хрястнулся о твердую землю. Вслед за ним одного за другим вытолкали из дома двух молодых людей и седобородого старца. Но это было еще не все. Два воина выволокли еще одного юношу вместе с матерью, цеплявшейся за его одежду. Она надрывно голосила, посылала проклятья на головы незваных гостей, а те, не церемонясь, отталкивали ее, заламывали парню руки назад и связывали.

Мамат понял: семья чем-то не угодила Дамдаду и попала в немилость. Он еле удержался, чтобы не выхватить из-под рваного зипуна кинжал и не броситься в схватку.

Воины повели пленников по узкой извилистой улочке, а вслед им безутешно причитала несчастная. Жуткую картину дополнили

четверо детей, – один меньше другого – с громким плачем жавшихся к матери.

Первым в себя пришел старик.

– Идите в дом, души мои, идите. Скверные времена настали. Чтоб в огне сгорели эти проклятые злодеи! Во все дома аула заглянула беда. Веди, сноха, детей в дом. Да покарает бог этих злыдней!

Женщина, с трудом унимая рыдания, охватила жилистыми руками прижавшихся к ней малышей и побрела к крыльцу.

Мамат, прихрамывая, подошел к старику, стоявшему у ворот и смотревшему в ту сторону, куда увели сына с внуками.

– Будь я твоей защитой, дада ! Чем же ты провинился перед богом, что он так жестоко наказал тебя? Я чист перед ним и готов помолиться за то, чтобы в твой дом вернулся покой.

Старик сердито взглянул на сгорбленного нищего с пустой сумой и вновь перевел взор на дорогу, не обронив ни слова.

– Эх, дада, дада, тяжело твое горе, только зря ты так строго ко-
сишься на меня.

Старик обернулся, ладонью заслонил глаза от солнца, внимательно оглядел собеседника, оперевшего крупную ладонь о длинный посох из боярышника.

– Мне не впервой видеть нищего, – спокойно отвечал он. – Весь наш аул уподобили тебе, так что ничего интересного ты для меня не представляешь. И молитвы твои – что собачий лай после того, как волк съел мясо овцы и принялся за кости. И помолись ты хоть на семи коранах, ничего не изменится. Потому что бог, чью веру ты принял, помогает только сильным и богатым. Чужой остается чужим, будь он человеком или богом.

– Разве можно так говорить, уважаемый? – покачал головой Мамат. – Сегодня у тебя горе, а завтра будет радость. Пасмурный день сменяет солнечный. Бог один и принадлежит всем.

– И солнце принадлежит сильным! – настаивал старик. – Оно во власти Чачуа Дамдада, если хочешь знать, но он и одного луча не даст тебе даже в долг.

– Помимо этого мира, существует и потусторонний. Нуждавшемуся и претерпевшему здесь стократ воздастся там.

– Да что ты говоришь?! – съязвил старик и снова, будто впервые, оглядел побирушку с головы до ног. – Ладно у тебя все получается. Только одно не понятно мне: отчего это Всесильный, перед которым

ты преклоняешься столь самозабвенно, отобрал у тебя все, гонит из аула в аул, оборванного и несчастного? Не от сильной ли любви к тебе, горемычному?

– Наверное, за что-то обиделся на меня...

– Пусть так. А эти плачущие дети и их мать? Чем они могли его обидеть, чтобы так жестоко наказывать? – выкрикнул хозяин.

– Когда ты бессилён, то и волчью веру примешь.

– Может быть, ты и прав, – ожесточился старик. – А чем эта вера лучше волчьей? Источает кровь, порождает голод, будь она неладна. Кроме обещаний счастья на том свете, ничего в земной жизни не даёт. Куда же деваться бедным магометанам?

Слова аульчанина глубоко задели Мамата. Кто как не он испытал на себе прелести этой религии? И к тем, кто ругает ее, она становится еще свирепей. Желая предостеречь старика, он снова обратился к нему:

– Не боишься, когда так ругаешь бога?

– Боялся, мил-человек, а теперь и боязнь кончилась. На молитвенном коврике я протер не только штаны, но и коленки до крови. И что получил? Да и больше тебя, скитальца, никто его так не просит о благодеянии. И что? Дал тебе Дамдад, которому не до бога, хоть ковшик проса на ужин?

– Верно говоришь, дада, – подхватил Мамат. – Чужая религия – чужая воля. Но ее мы получили от вас, старших.

– Да, сынок, и ты сказал правду. Но что теперь можно сделать? Половина из нас обманута, другую половину взяли испугом, а те, кто пошли против, убиты или сожжены на кострах. Не смогли противостоять силе, вот и сейчас грабят нас и разоряют людоеды, свои и чужие правители.

– С чего началась сегодняшняя беда?

– Наш князь Дамдад и хан сдружились и хотят породниться. Но свадьба откладывается со дня на день из-за того, что княжна отказывается наотрез стать женой ханыча. К тому же ограбили фургон хана с подарками, а пойманного грабителя вызволили из темницы его друзья-абреки. Откуда ни возьмись, объявился в крепости пройдоха и увел семью храброго Мамата... А недавно собрали весь аул и объявили, что с этого времени мы будем жить по законам хана и ежегодно выплачивать дань, пока не восполним стоимость украденного золота. Всю вину за чинимые злодеяния переложили

на Мамата: дескать, это он и его абреки обообрали фургон, а вы покрываете их... За поимку его обещали полкняжества. Да мало ли сболтнут растерявшие честь и совесть люди! Приказали также в течение трех дней выставить всех мужчин, способных держать оружие. Срок истек, а вызвавшихся – кот наплакал. Вот они и решили силком пополнять ряды воинов. Но зачем тебе все это, странник?

– Зря, дада, ты так говоришь? Разве я не человек? Если вы сыты и спокойны, то и мне перепадет немного, а если наоборот, – мне же хуже.

– Тоже правильно, – кивнул старик, согласившись с бродягой. – Но где сыщешь Мамата, который у них под носом творит такие дела?

– А если б знал, где он, выдал бы его Дамдаду?

– Разве так шутят, уважаемый? Даже ребенок такое не скажет, – с укоризной взглянул старик.

– А люди? Как они относятся к тому, что из-за одного человека страдают целые аулы?

– Чудак-человек! То, что этот человек умеет отомстить за невинно пролитую кровь, увеличивает их силы в десятки раз. Ты, я догадываюсь, что-то задумал? Если доброе, то пусть бог помогает тебе!

Мамат направился в сторону крепости, чтобы найти Мида, столь много сделавшего для него. Если он, как прежде, учит своих маленьких «богатырей», то встретиться с ним будет нетрудно. Достаточно подождать его на площадке для тренировок, чтобы он сам увидел нищего и подошел к нему, подавая медяки.

Однако вся прилегающая к крепости местность была запружена людьми, всадниками и согнанным скотом. Сплошная суматоха и неразбериха. Ни пройти, ни проехать. У входа в цитадель было еще тесней. Несколько раз Мамат приближался к воротам, но ничего разглядеть не смог, – людская волна отбрасывала его прочь. В этой суеде никто на него не обращал внимания. Только лишь какой-то всадник злобно окликнул: «Кой дьявол тебя тут носит?»

Целый день он бесполезно провел в поисках. Нигде Мида не было. Жаркий день угасал, и Мамат уже собирался уходить к месту ночлега, когда его ожгла мысль, мучившая весь день. «Я должен пойти и предстать перед Чачуа, чтобы отвести беды от аулов. Пусть знает, что для своего народа мне собственной головы не жалко».

Он подошел к воротам, охраняемым вооруженными часовыми, и как бы увидел себя со стороны: нет, таких сюда не пускают.

И точно в подтверждение его мыслей, из распахнутых ворот выехали два всадника в богатых одеждах, чьи лица были закрыты белыми башлыками. Мамат посторонился, прижавшись к каменному забору. И узнал направленный на него сверху сердитый взгляд Мида. Нищего заметил и его напарник, который презрительно бросил:

– Откуда взялся этот бродяга? Его давно не было видно.

Мамат не расслышал ответа, но понял, что приятель на него в обиде. «Я сам виноват. Обещал его отблагодарить, а не удалось, как хотел. Заодно и думал посоветоваться: на каких условиях сдать Дамдаду? Но, видно, уже поздно...»

Мамат двинулся по дороге в ту сторону, куда направился Мид с товарищем. Вскоре он заметил большой конный отряд. Воины, спешившись, заняли всю ширину улицы, о чем-то говорили. Он предположил, что Мид с другими слугами князя нападут на него, и готов был в любой момент выдернуть из-под края зипуна кинжал. Но его никто не тронул, даже не заметил. И абрек убедился, что друг его и теперь остался другом.

Вскоре Мамат углубился в редкий лес и за спиной услышал перебор подков. Его догнал Мид.

– Не нравится мне твое поведение! – вместо приветствия с упреком выкрикнул приятель. – Ты что, решил раскрыть себя? Куда только делась твоя хромота? Еле на коне догнал. Возьми левее и жди меня в молодом орешнике вон там, на краю дальнего аула.

Не дожидаясь ответа, Мид взбодрил коня плетью и поскакал дальше.

Солнце скрылось за высокой лесистой грядой, и прохладная тень, точно бурка, накрыла долину. Мамат шел легким размашистым шагом, в этих местах редко кого встретишь в такое время. У ветвистого дуба, вблизи дороги, он увидел Мида рядом со своей лошастью.

– Долго же ты шел! Наверное, опять хромота появилась? – шуткой, вполне миролюбиво встретил Мид приятеля.

– Нет, я ждал наступления сумерек, чтобы не подвергать тебя опасности. Рассказывай, как обстоят дела?

– Хуже не бывает. Ваши действия привели князя и хана в бешенство, что принесло и еще принесет множество бед народу. Я никогда не думал, что всё обернется так серьезно. И, по правде сказать,

не догадывался, что ты связан с тем красавцем, что рассказывал сказки о князе Чанбе.

– Ты о ком говоришь?

– О том, кто освободил Аицу и твоего сына, а пленнику помог бежать.

– Ошибаешься, дорогой. О жене и сынишке знаешь ты один.

– Ты это брось, Мамат, – резко возразил приятель. – Никогда ты не умел притворяться. Если бы в душе у меня было что-то недоброе, то я связал бы тебя еще у крепостных ворот. Как бы там ни было, всё, что произошло, Чачуа и хан связывают с тобой. Все свои меры они считают лишь ответными, – им это выгодно, да и народ, представь, верит. Хотя какие доказательства? Впрочем, давай не терять времени. Если я нужен тебе, говори.

– Что творится в княжестве?

– Я же объяснил: ответная мера на то, что вы натворили. Или ты считаешь, нет причин для ярости у хана и Дамдада? Ты – кровный враг владельца, и у него был резон связать случившееся с тобой. Если это даже не так, то все уж слишком хорошо сходится.

– Получается по поговорке: злой собаке достается и за то, что съела, и за то, чего не перепало.

– Я был среди тех, кого отправили к Чанбе. Там уже давно забыли про такого князя.

– А я-то причем? Никогда с ним не был связан.

– Брось прикидываться! Не ты, так твои дружки представлялись от его имени. И давай не тратьте времени даром. Говори, если я тебе нужен.

– А нельзя ли остановить этот произвол?

– А как ты его остановишь? И кто на это способен?

– А если я сдамся?

– Возможный ход. Но только в том случае, если ты совсем свихнулся.

– Нет, Мид. Тут же простой расчет: я отдам себя в их руки, и они перестанут тиранить людей.

– Ты волен поступать, как заблагорассудится. Тем самым ты даже упростишь их задачу: для тебя у Дамдада все двери всегда открыты, и веревка для твоей шеи припасена... Пусть даже они распустят людей и вернут скот. Но после того, как расправятся с тобой, кто запретит им снова согнать их под другим предлогом? Подумай

хорошенько, Мамат. Народу ты пригодишься больше на воле. И не нужно попусту рисковать головой!

– Хорошо, мой друг. Я высоко ценю твою верность и дружбу.

– Я тоже. Будь осторожен, – готовясь сесть на коня, предупредил Мид.

– Спасибо за всё! Если чем обидел, прости. Всего доброго! – с улыбкой напутствовал Мамат и на прощанье протянул руку.

11

Вскоро Мамат возвратился к Ларсу, который с лошадьми скрывался в лесу неподалеку. Подложив седла под головы и завернувшись в бурки, они устроились на ночлег. Мамата одолевали тяжелые мысли. Они неслись, подгоняя друг друга, как нескончаемые морские волны. А Ларс спал рядом молодым беспробудным сном. «Пусть хоть он отдохнет», – с теплотой пожелал Мамат и сам незаметно забылся в коротком тревожном сне. Но раздумья вновь заставили его подняться, вслушаться в окрестную темноту. Об увиденном сегодня он уже рассказал Ларсу и велел ему возвращаться в Мшышту. Над головой раздался шум крыльев пролетающих птиц. Значит, близок был рассвет. Мамат оседлал коня и разбудил товарища.

– Жди меня здесь до вечера. Я поеду в крепость Чачуа и постараюсь разузнать о Даримас. А если не вернусь, немедленно поезжай домой и обо всём, что я тебе рассказал, доложи Шабату и Камашу. Если случится так, что не дождешься меня, то, скорей всего, я буду в лапах у Дамдада.

– Как это, у Дамдада? – Ларс вскочил и долго не мог говорить. – Нет, нет. Так не пойдет! Хотя ты и старше, но я не согласен. Ты ни с кем не советовался.

– За меня, дружок, не беспокойся. Ведь я иду к нему не на службу наниматься. Я знаю, где Мшышта, где моя семья, где вы.

И, больше ничего не сказав, абрек вскочил на коня и ветром метнулся в предутренний сумрак. Ранний багряный рассвет он встретил у въезда в знакомый аул. Теперь это был не хромоногий попрошайка, с обвислой и грязной бородой, длинной палкой в трясущихся руках. На рослом сером коне сидел уверенный в своей силе воин. На нем – серая каракулевая шапка, короткий до колен

архалук с черными газырями, на серебряном пояске висят в ножнах длинный кинжал и удобная кривая шашка. За поясок задвинуты два пистолета, а на передней луке седла укреплены на ремнях два ружья. Карие глаза под черными бровями смотрят смело, но настороженно. На коне восседает он свободно и непринужденно, — доказательство того, что этот воинственный горец в седле проводит времени больше, чем на земле.

Аул в утренний час был спокойным, вокруг стояла тишина. Но Мамат помнил, что происходило здесь вчера, и это окончательно привело его к решению пойти на смертельный шаг, чтобы эти ужасы больше не терзали людей.

Солнце стремительно поднялось и сразу же раскалилось, суля жаркий день. Мамат решил найти вчерашнего старика и направил коня в проулок. И на удачу именно тот, кого искал, попался ему навстречу.

Мамат спешился. Остановился и старик, пристально разглядывая статного и солидного воина, точно вспоминая, не видел ли где его раньше?

— Всего тебе хорошего, сын мой. Не обижайся на старого человека, — проговорил он. — Мне кажется, я с тобой встречался.

— Пусть доброе не покидает и тебя, дада. Поэтому я и остановился.

— Да ты — Мамат! — глаза аульчанина заблестели неподдельной радостью. — Чтоб твой путь всегда был прям и свободен! Мы даже боялись произносить твое имя, а ты...

— Кто до сих пор вспоминает мое имя, дада?

— Зови меня Чарасан. Да ходил тут вчера один нищий. Поделился с ним своим горем. Теперь такие времена, что надо оглядываться при разговоре.

— О! Вчера ты откровенничал со мной, а сегодня не узнаешь? — весело улыбнулся Мамат.

— Как это? Не понял. Я его больше не встречал.

Мамат вытащил из свернутой бурки и подал красную палку.

— Этот посох был у бродяги?

— Ну да.

— Возьми его. Он больше не нуждается в посохе, и он больше не нищий.

— И куда ж он подевался? Что-то не пойму.

— И вчера, и сегодня ты видишь перед собой одного и того же

человека. Прошу, отец, пойдй к Дамдаду и потребуй за мою голову полкняжества.

– Э, Мамат! Лучше бы ты не произносил эти слова. Как ты мог такое предложить? – не на шутку обиделся старик. – Пусть проклятый Чачуа усадит меня в свое кресло, а татарин даст в придачу все свое ханство, и тогда я не дам им потрогать твой мизинец.

Мамат долго извинялся, затем пояснил:

– Я это произнес не ради того, чтобы обидеть или испытать тебя. Почему должно пропасть полкняжества, ведь это богатство может пригодиться народу. Подумай сам, Чарасан.

– Если ты хоть когда-нибудь слушался человека, то береги свою голову и немедленно покинь аул! – повелительно проговорил взволнованный старик. – Поезжай вон той верхней дорогой, чтобы княжеские псы не заметили тебя, указал Чарасан подаренным ему посохом.

Они пожали друг другу руки. И Мамат вскочил на коня. Когда перебор копыт стал стихать, старик обернулся. Его опасения оправдались: абрек ехал прямо к группе всадников, толпившихся у дальнего двора. «Эх!.. – с горечью подумал старик. – Счел постыдным для себя проехать окольной дорогой... Как только они узнают его, набросятся, как на золотую птичку!»

А перед Маматом предстала такая картина: четверо воинов сгоняли с пути женщину и юношу, пытавшихся вернуть арбу с запряженной парой волов, а еще два всадника гарцевали перед мужчиной, скорее всего, хозяином, размахивали плетками, не давая ему пойти на помощь жене и сыну. С разных сторон за сценой насилья печально наблюдали несколько сельчан.

Когда Мамат поравнялся с арбой, тяжелые взгляды всадников перекинулись на него. Воин натянул повод и остановил коня.

– Почему вы, храбрецы такие, не даете людям жить спокойно? Они должны вам или что-то отобрали у вас? Что вы пялитесь на меня своими совиными глазами? Отвечайте! – строго обратился Мамат к обирателям.

Не веря своим ушам, всадники переглянулись: кто, мол, это корчит из себя героя? И схватились за пистолеты. Но не успели навести их, как плетка Мамата, просвистев, выбила из рук оружие, ударившееся о каменистую дорогу. Они, опешив, с искривившимися от боли лицами, посмотрели на свои ладони, до крови рассеченные тяжелой плетью.

– Сейчас же уймите своих дружков-крохоборов, – приказал Мамат властным голосом, а затем обратился к хозяину арбы. – Поставь свою повозку во двор и спокойно занимайся делами.

Мамат тронул коня и подъехал к тем, кто стоял у арбы.

– По какому праву забираете чужое добро? – жестко спросил он у рыжего всадника, находившегося к нему ближе прочих.

– Не твое дело, – огрызнулся тот, вырвал из рук юноши налыгач³, замахнулся плеткой, но летучий удар возмездия, нанесенный Маматом, заставил его охнуть и согнул в бараний рог. Архалук на спине мародера лопнул.

Те двое, что первыми отведали нагайку абрека, всполошились – один выхватил турецкий ятаган, другой – пистолет, но снова воспользоваться оружием грабителям не удалось: плеть Мамата, точно змея, вмиг оплела их руки, ранив до крови, а затем исполосовала спины!

Между тем один из нападавших на хозяина арбы подхватил с земли пистолет и выстрелил в Мамата, но пуля просвистела над самой головой. И второй прицелился было в обидчика, да не заметил подоспевшего сзади Чарасана. Удар старика оказался столь искусен, что не только выбил из руки оружие, но и лишил сознания. Все остальные, пришпорив лошадей, бросились наутек. Мамат – за ними вдогон!

Чарасан и невольные участники дорожной стычки, взволнованные произошедшим, обсуждали увиденное.

– Кто этот герой, Чарасан? – спросил хозяин арбы, восхищенно покачивая головой. – Может, я и узнал бы его, но не успел заглянуть в лицо. Так поступить мог только Мамат. Других, кто отважится на такое, я не знаю.

– О Катра, не спрашивай. Придет время – сам узнаешь. Но я боюсь, что он воинов Дамдада «проводит» прямо до его двора.

Так и случилось. Абрек погнал мародеров мимо опешивших часовых. Ничего не поняли и люди, находившиеся в крепости. Сам Чачуа Дамдад с недоумением взирал на происходящее под своими окнами. Всадник остановил коня и гордо поднял голову.

– Это я. Не гадай долго, князь, – проговорил Мамат.

Дамдад встрепнулся, будто его пронзила молния. Лицо онемело, язык точно распух, мешая вымолвить слово. Обезумевшими от

³ Налыгач – ремень или веревка, надеваемая на рога запряженных волов и служащая поводом.

страха глазами смотрел он на своего врага. Казалось, еще немного, – и от ужаса лопнет сердце.

Мамат видел это и, улыбнувшись, успокоил:

– Владелец Садзришца, не бойся. Я приехал не для мести. Бог свидетель, если б я хотел этого, то ты не стоял бы сейчас передо мной. Во-первых, я пригнал к тебе твоих же воинов, которые бесчинствуют и грабят народ. А второе, самое главное, я приехал поговорить с тобой по совести.

– Получается, ты как бы на правах князя, а я что-то навроде абрека. Так следует понимать твой поступок? – проговорил Дамдад, понемногу приходя в себя и косясь на охранников. – Говори, что ты хочешь?

– Я добровольно явился. И это сохранит тебе полкняжества, которое обещал за мою голову. Много я требовать не стану: отпусти людей и верни им скот, а после поступай со мной так, как вздумается.

– А если не соглашусь? – с затаенной тревогой уточнил Чачуа.

– Ни на какие другие условия я не пойду. Решай. У меня мало времени...

– Я согласен, – поспешно проговорил Дамдад после короткого раздумья.

– Тогда прямо сейчас прикажи, чтобы всех мужчин, захваченных в ауле, отпустили вместе с их скотом.

– Подойдите сюда, – обратился князь к всадникам, но голос его был столь тонок и слаб, что вряд ли он сам себя расслышал.

– Это не твой голос, досточтимый князь, – не без иронии заметил Мамат. – Смелее! Я ведь помню, как ты умеешь повелевать.

– Я к вам обратился! – повысил тон владетель, но все же не было в нем характерной властности, чувствовалось, что говорит он и действует не по доброй воле.

Всадники спешили и, держа лошадей в поводу, с опущенными головами подошли под раскрытые окна.

– Выпустите людей и верните им скот. Ступайте!

Воины взглянули на Мамата. Были среди них и те, кто узнал его, но безропотно принялись выполнять приказание.

– Ты выполнил мое условие, и я готов сдержать свое слово. Я – твой пленник. Уведи меня от лишних глаз. Покажи мое место и назови, кому сдать оружие.

– Иди вперед, – бросил, задыхаясь от злорадства князь. – Тебе тут многое знакомо...

Мамат неторопливо прошел туда, куда указал князь. Когда Дамдад увидел подвластную ему спину абрека, он точно протрезвел и вновь обрел прежнюю уверенность. Что ж, теперь он мог выхватить пистолет и выстрелить в упор или всадить меж лопаток нож... Всё теперь было в его власти! Но торопиться с расплатой уже не стоило...

12

Двое суток Ларс не покидал условленного места, ожидая возвращения Мамата. И это вынужденное безделье его не на шутку взбесило. Он чувствовал себя даже хуже, чем в княжеской темнице. Тогда он знал, за что терпел и принимал муки, а теперь – сиди и жди, не ведая ни о чем. Он сам упросил Камаща, чтобы тот разрешил ему сопровождать абрека, надеясь проникнуть в крепость и повидаться с Даримас. А теперь, по всему, планам не суждено сбыться. Ларс отлично знал, что у Мамата слово с делом никогда не расходятся. И, вероятно, как и предупреждал, он попал в лапы Чачуа или, чего доброго, сам пожаловал к душегубу.

Когда стемнело, он, выбирая самые потаенные тропы, пробрался к аулу, который посещал прежде. Было еще не так и поздно, но улицы и дворы окутала тишина, – ни шагов хозяев, ни огонька в окнах. Только в отдаленье раздавался редкий лай. Ларс, проехав по безлюдным улицам, никого не повстречал. Он уже собрался было тронуться в обратный путь, когда услышал в темноте колесный скрип. Ларс напряг зоркие глаза и различил подростка, ведущего за налыгач волов, впряженных в арбу. Она была загружена свежим благоухающим сеном.

– Что так поздно, нана⁴? – спросил Ларс мальчика, ставя своего коня поперек дороги и озираясь по сторонам, чтобы не пропустить внезапного нападения.

– Далеко косить ездил, – ответил погонщик волов.

– Ты из этого аула?

– Да.

– А как зовут?

⁴ Нана (абаз.) – обычное обращение взрослых к детям.

- Мушна Батба.
 - Что же не смажешь колеса?
 - Не успел. Нам волов только сегодня вернули.
 - Вернули? А почему? – спросил Ларс, предчувствуя что-то неладное.
 - Мамат заставил.
 - А людей?
 - Всех мужчин отпустили. И моего отца.
- Всё стало понятно Ларсу. С болью в душе он рванул повод, разворачивая скакуна, и грустно бросил:
- Пусть бог всегда помогает тебе, нана. Будь счастлив!

Известия, привезенные Ларсом, холодом обдали сердце Шабата и заставили его на время опустить голову. Как ни тяжелы были думы, но князь ясно понимал, что не мог такой мужчина, как Мамат, бегством спасти свою шкуру, оставив в беде людей, пострадавших из-за него. Он долго молчал, глубоко переживая случившееся.

– Вот почему я был против его поездки, – наконец произнес он, устремив свои печальные глаза на Ларса. – Он хотел найти и – нашел у нас приют. Но не успел разжечь огонь очага, как пострадал из-за беды, которая угрожала всем нам. Мы кинули его в пасть врага.

– Прости меня, уважаемый Шабат, – не вытерпел Ларс, принимая слова князя как упрек в свой адрес. – Я не только не имел возможности помочь ему, но и был им остановлен. «Если я знаю, куда сую свою голову, – должен знать, как ее оттуда вытащить, – сказал он мне. – У меня одна дорога назад – Мшышта. Пусть никто не переживает. Где Аица и сын, там и моя душа». Раз он говорил так, значит, на то были основания. Мамат слов на ветер не бросает.

– Да, это так. Он пострадал за общее дело, но успел передать тебе ценные сведения. Теперь подождем, что привезут через несколько дней наши послы. А пока не теряйте времени, занимайтесь с воинами, тренируйте их.

– Мамат кое-что передал на словах жене и сыну. С твоего решения, уважаемый князь, нельзя ли повидаться с его семьей?

– Успеется. Ты после дальней дороги проголодался. Сейчас нам накроют.

Но обед не задался, ел и выпивал Ларс только из приличия, охваченный беспокойными думами. Вскоре они вышли с князем из его покоев. Им на глаза попался сынишка Мамата, один игравшийся с маленьким кинжалом. Он с расстояния в несколько шагов вонзал оружие в столб, вытаскивал и снова бросал, стараясь попадать в одно и то же место.

– Видишь, какая у него игра? – Шабат любовно посмотрел в сторону сорванца. – Из него выйдет настоящий воин. Еще совсем маленький, а держится, как взрослый.

– Его так воспитали с младенчества. А как он стреляет из лука!

– Этого я не знаю, зато видел, как держится на коне и борется. Мало того, он и всех аульских мальчишек легко переборол! То, чему научился в Садзрипше, пусть развивает в себе и дальше. Я помогаю ему в этом.

Заметив старших, мальчик подбежал к ним.

– Дада, разреши отвести мне лошадей на речку, – попросил он князя, засовывая кинжальчик в ножны.

– Дорогой, а меня ты не узнаешь? – наклонился Ларс и обнял мальчика за плечи. Но тот ловко крутнулся, обхватил воина за колено и дернул на себя, заставив Ларса всплеснуть руками, чтобы не упасть. Выходка мальчишки не понравилась Шабату, он прикрикнул:

– Разве так можно со старшими! Ты посмотри на него!

Пострел пристыженно замер, округлив свои доверчивые черные глаза.

– Я больше не буду.

Взрослые улыбочиво переглянулись.

– Ну, тогда прощаем, – смиростивился князь и приказал: – Поскорей беги и позови мать.

Через минуту из двери женской половины дома вышли Аица вместе с Саканой. Ларс обрадовался, увидев их вместе. Теперь для Камаща у него будет приятная новость...

С этого Ларс и начал, встретившись с Камащем. Тот зарделся, услышав, что любимая передавала привет, и, чтобы скрыть приятное волнение, перевел разговор:

– О чем ты говоришь? Ты ездил к ней по делам или в Садзришц? Рассказывай, видел ли Даримас?

Ларс изменился в лице, глаза его потемнели.

– Я не видел там ни одного человека, кого надеялся увидеть. Я уже обо всем поведал Шабату. Все эти дни я находился в Тихой лошине, а сведения получил от Мамата.

– А где же он? – встревожился Камащ. – Ты приехал один?

– Он... он обещал присоединиться ко мне. Но, когда не появился, я отправился на поиски его. И знающие люди в ауле сообщили, что он у садзришцкого князя...

Дальнейший рассказ Ларса воспринял Камащ как личную беду.

– Как ты мог оставить друга и возвратиться? – обрушился он с обвинениями на человека, который, по правде говоря, сделал всё, чтобы переубедить абрека.

– Я не имел и не имею права возражать ему! – уверенно ответил Ларс. – На моем месте ты поступил бы точно так. Он старше, опытней и умнее. И лучше меня разбирается в подобных ситуациях.

– Пожалуй, ты прав, – успокаиваясь, проговорил Камащ. – Интересы Мшышты он поставил выше своих. Но надо найти любой способ, чтобы вытащить его оттуда!

– Боюсь, это не в наших силах...

– А в чьих?

– В его собственных. И брата твоего.

– А причем тут Алхаш?

– Он хозяин положения и богатства в вашей семье.

– Наоборот, все несчастья связаны с ним. Для него добывалось золото... И Дамдад не о выкупе твердил, а сам обещал полкняжества, чтобы расправиться с Маматом. Деньги тут бессильны. А что сказал тебе Басках?

– Он считает, что Мамат попытается оттянуть момент нападения хана на Мшышту, по крайней мере, до тех пор, пока не выпадет снег. Удастся ли это, сказать трудно. Но все наши надежды связаны с возвращением послов из русской крепости.

– Ты хоть что-то выяснил о Даримас?

– Когда Мамат со мной прощался, он сказал, что едет и ради нашего благополучия... – Бог свидетель, я не хотел, чтобы он из-за нас лез в пасть зверя...

– Я знаю. Но что может быть лучше и благородней на свете, чем поступок, помогающий сохранить любовь двух сердец!

– Не преувеличивай. Между нами нет такой любви, как у тебя и Саканы. Окажись на моем месте другой, она поступила бы так же. Даримас посчитала, что я помог расстроить свадьбу с ханычем, которого ненавидит. При расставании она призналась, что и в дальнейшем надеется, что мы защитим ее от посягательств ханского сынка. Я так понял.

– Уж точнее и понять было нельзя! – на лице Камаша появилась озорная улыбка, что случалось нечасто. – А ты не подумал, почему обратилась с этим именно к тебе?

Ларс растерянно умолк.

– Потому что любит тебя! – с улыбкой заключил Камаш. – И ты её любишь.

– Нет, ошибаешься, – заупрямился Ларс. – Откуда тебе это известно?

– То, что у тебя на сердце, я вижу, как на своей ладони.

– На сей раз ты не разгадал моего сердца, – со вздохом вымолвил товарищ. – Я отдам жизнь за то добро, что она сделала для меня. Если в мое тело душу вдохнул бог, то ее сохранила Даримас. Дальше...

– Говорить дальше нечего, – перебил Камаш, принимая серьезный вид. – Ты готов умереть за нее. Я верю. Но лучше не отдавать жизнь, а счастливо прожить ее вместе с Даримас. Не так ли?

Ларс явственно вспомнил, как девушка открывала замок его пут, шепча: «Ларс, милый...», как он попросил у нее на память ковшик и принял его из нежных рук Даримас, как сказал ей на прощанье: «Я всегда буду вспоминать о тебе, когда буду пить из него...»

– Ты, Камаш, всегда прав, – с благодарностью в голосе произнес Ларс. – И верный друг, каких больше нет на свете. Мы любим друг друга. Но она княжна, а я кто? Не пара я ей...

– Самое главное, вы любите взаимно. И будете вместе, дай только время. А за любовь надо бороться, чтобы она стала еще крепче. Легкой любви, если она настоящая, вообще не бывает. А теперь – ступай и хорошенько отдохни с дороги.

До князя Шабата дошла молва, что послы вернулись из русской крепости, однако никто из них к нему не пожаловал. Это не на шутку взволновало князя. Наконец прибыл Сарлап.

– Напрасно мы ездили, – отводя глаза в сторону, сокрушенно

проговорил он. – Хотя мы явились к русским с открытыми сердцами, они приняли нас холодно.

– Может быть, их постигло какое-то бедствие? Или беспокойно в стране?

– Они не посвятили нас в свои дела. Что могут сказать люди, отличающиеся укладом жизни и религией? Ни начальник крепости, ни военачальник даже не выслушали нас толком. Когда узнали, кто мы и с чем приехали, объявили, помочь нам у них нет возможности. Ничего не пообещали и в дальнейшем. Я помню рассказ отца о том, с каким почетом принимал нашу делегацию русский царь. Мы до сих пор пользуемся его подарками. – И в подтверждение своих слов Сарлап показал массивную золотую цепочку и висевший на ней крест с самоцветами, выступающий из-под ворота нарядного кафтана.

– Вот надел это в первый раз с тех времен. Тогда царь Иван взял под покровительство абазин и адыгов. Ты знаешь, как он обрадовался, когда ему показали крест греческого правителя?! Много лет прошло, как наш народ общался с русскими, но не перенял их веру. А теперь мы снова взялись за это. Вот почему я надел крест и показал военачальнику. Но никакого впечатления это на него не произвело. Я уже не говорю о подарках...

– Что же могло случиться? Это так не похоже на них, – раздумчиво сказал Шабат, переживая неудачу миссии, как свою собственную.

– Алхаш был прав, хотя мы с тобой и считали по-другому.

– Если они не в состоянии оказать нам поддержку, то хотя бы протянули руку дружбы, – с укоризной заметил Шабат. – На одной крепости не кончается Россия. Нужно ехать к самому царю. Он-то выслушает посланников, поймет и поможет нашему народу.

– Извини меня, уважаемый князь! – вспыхнул Сарлап. – Но я больше не хочу связываться с русскими. Хватит с меня одной поездки.

– Нельзя рубить сплеча, – с расстановкой проговорил Басках. – Рано или поздно придется обратиться к ним. И, возможно, не раз! Пойми, нам нельзя обойтись без их силы.

– Пусть твое старшинство будет долгим, Шабат. У нас говорят: «Кто упал в воду – сухим на берег не выйдет». После того, как вернулся с позором, мне стыдно смотреть в глаза своим людям. Оставь, Шабат. У нас ничего с ними не получится. Побеседуй об этом с Алхашем.

– Поговорю и с ним, если пожелает. Но пусть первая неудача

вас не остановит. Дело это серьезное, и так просто его не решить, – настойчиво говорил князь, по привычке прохаживаясь по комнате. – И не стоит кричать на всех перекрестках о том, что русские не оправдали наших надежд. Поспешные выводы к добру не приводят. Нельзя из-за неудачи первых переговоров впадать в малодушие, помня, что крымский хан смотрит на Мшышту, как волк на ягненка. Мы должны, помимо всего прочего, своими силами готовиться к отражению нападения врагов.

– Уважаемый князь, ты – потомок великого Лоу. И по всей долине известно о твоей мудрости, – упрямылся Сарлап, время от времени ерзая на кресле. – Но я не могу согласиться с тобой. Наш народ уже жил с христианской верой, однако отверг её, как только ослабло греческое государство. Если бы нас было много и обладали мы могучей армией, то, конечно же, могли сохранить нашу собственную веру, завещанную предками. Но такой возможности у нас нет.

– Итак, ты предлагаешь принять ислам? – жестко спросил Шабат. – Но ты никак не поймешь, Сарлап, что у русских мы хотим не религию перенять, а ищем помощи! Помощи, чтобы отстоять свою свободу, веру и спасти народ.

– Да, магометанство ближе нам по смыслу, по духу и, если хочешь, ближе территориально.

– Что ты говоришь?! Разве не привезли его из-за моря, как и христианскую веру?

– Ислам проповедует, что князь должен быть князем, раб – рабом, а это в правилах нашего народа...

– Почему же твой отец вместо того, чтобы принять эту «хорошую» религию, надел на шею крест, подаренный русским царем, который сейчас и у тебя на шее? Неужели он был глупее и слабее нас с тобой? – с усмешкой спросил Шабат.

– Я так не говорил, – пошел на попятную Сарлап. – Поступки старших не всегда дано понять. Возможно, мой отец не познал ислам?

– А ты?

Сарлап задумался, но, очевидно, не мог найти вразумительного ответа. Пристальный вопрошающий взгляд князя заставил его заговорить:

– Зачем мне знать глубину арабской религии, если от нее мне нет пользы?

Шабат остановился напротив гостя и, помолчав, слегка улыбнулся, с теплотой в голосе сказал:

– Эх, Сарлап! Откуда у тебя и Алхаша этакая близорукость? Пусть вы сомневаетесь в том, чего никогда не видели. Почему же не верите и тому, что видите собственными глазами? Ислам – религия сильных и власть имущих. И попробуй молвить хоть одно слово наперекор им – и тебя ждет костер. Её приверженцы любят выпячивать свое «я», чтобы им поддакивали, чтобы за их веру посылали людей на войну, на гибель, – ведь им принадлежат твоя честь и богатство. Они посулят с твою голову, отдадут, в лучшем случае, – с глаз, а себе возьмут – с лошадиную голову. И прежде, чем именем пророка прикажут идти и погибнуть ради них, тебя лишат права рассуждать, – ведь ты только послушная скотина. Эта религия вытягивает силы у народа, как тяжелая болезнь. Одним ее навязали силой, другим – обманом, а третьи одурачили сами себя, – с горечью, порывисто проговорил Шабат. – Те, кто читил прежде наших богов, не приняв ни христианство, ни ислам, теперь вынуждены делать выбор. Сколько бед перенес наш народ, верно храня заветы и религию предков! А теперь нет другого выхода. Когда я так говорю, то это не значит, что Россия и царь принесут нам полное и безмятежное счастье. Но это – сильная и огромная держава. Если мы сблизимся с русскими, то враги будут смотреть на нас совсем другими глазами. В таком единстве наше могущество и спасение. Важно и то, что они, как и встарь, не станут навязывать нам свою религию. И самое главное, царь не обложит нас поборами, потому что и сам богат. Об этом я подробно толковал Алхашу. У него иной подход к общему делу... Недели через две-три, по моим сведениям, хан вторгнется в нашу долину. Вот почему я настаивал на поездке в Терскан, к русским. Теперь нам остается одно – объединиться, чтобы спасти себя и защитить землю отцов.

Сарлап слушал князя внимательно и с большим доверием. У него точно открылись глаза! И хотя он был полностью согласен с мудрым человеком, убедившим его в своей правоте, вырваться из пут прежних мыслей и суждений оказалось не так-то просто.

– А почему бы, уважаемый князь, нам не обратиться к турецкому султану или к тому же крымскому хану и попробовать провести с ними переговоры. Посмотрим, как они отнесутся к нашему предложению...

Шабат метнул строгий взгляд и нахмурился.

– Старики говорят: «Не дразни спящего медведя». Подумайте о народе, который смотрит и надеется на вас. Принимайте решение, пока не поздно...

14

Настроение Алхаша напоминало осеннее ненастное небо. В голове путались недобрые мысли, которые после возвращения из крепости стали еще ожесточенней. Он никого не пускал к себе без приглашения, да и не хотел никого видеть. Сидит днями на тахте. Злая ухмылка не сходит с его тонких губ. Сегодня ему особенно несносно и мучительно. И не на ком выместить накапливающую злобу. Каждый в усадьбе старательно занимается своими делами, зная, чем могут обернуться придирки разъяренного хозяина...

Снедаемый скукой, он вышел за ограду своего подворья, на пригорок, где велось каменное строительство, и стал околачивать среди работников, без конца делая им замечания, хотя они и так трудились, не разгибая спин и обливаясь потом. Он начал это строительство без особой надобности, просто назло Шабату, чтобы показать себя, а теперь уже подсчитывал барыши. Алхаш и сейчас винил князя в неудачных переговорах с русскими, в том, что вернулся с ветром в кармане.

За всю свою жизнь он и дня не провел впустую. «Так бывает, когда к своим делам подходишь с чужой меркою, – раздраженно рассуждал он. – Нагло обманул меня князек! Не только подарков и обещанного золота, а медного гроша гяуры не пожаловали. Лучше бы поехал к хану или к туркам, в Азак, и мы бы договорились!»

И он окончательно убедился, что верно поступил, переманив на свою сторону многих влиятельных людей после неудачной поездки в Терсакан. Они пообещали примкнуть к туркам и крымскому хану, которые крепко обосновались на юге и севере Кавказа, и принять их веру. Лучше сделать это добровольно, чем под мечом и огнем. Тогда нарушатся все планы Шабата, и поэтому нужно, ничего ему не говоря, опередить события, самому ехать к Дамдаду и его единомышленникам.

Через три дня Алхаш уже с приподнятым настроением взи-

рал на фундамент огромного здания. Самодовольство распирало грудь. Еще бы! Множество людей снуют перед его глазами на строительстве, у него сила и неограниченные возможности, а в народе пользуется таким уважением, что с его именем чуть ли не воду пьют. Никакому князю такое даже и не приснится! «Шабат, сам не зная, сыграл мне на руку, хотя я ругаю его последними словами, – надменно подумал Алхаш. – Он рассеял мои сомнения. Я лично всё видел и слышал в крепости, и понял, что с русскими нам не дружить. Но как подступиться к татарам? А вдруг они проведали о нашей поездке в крепость к гяурам? Тогда и мне не сносить головы...»

Взгляд Алхаша упал на младшего брата, выводившего со двора оседланную лошадь.

– Эй, куда так спешно собрался? – окликнул он небрежным тоном.

– Никуда, – сухо ответил Камащ.

– Если так, то поставь коня на место и пойдем со мной, потолкуем. Найди и пригласи Ларса. Есть дело.

Приглашенных Алхаш встретил в своей приемной комнате, стены которой украшали персидские ковры, дорогие кинжалы, пистолеты, турецкие ятаганы. Хозяин восседал, развалившись, на высокой тахте, застланной медвежьей шкурой.

– Как ваши дела, герои? – не без иронии поинтересовался он после того, как гости сели на приготовленные для них стулья. – Что нового? Кто из вас был в княжестве Садзрипщ?

– Я, – отозвался Ларс.

– Расскажи, что видел, слышал. Я должен всё точно знать, чтобы разобраться в наших делах. Пока ничего путного не вышло из того, что предлагает Шабат, вокруг чьего пальца вы крутитесь.

– Напрасно ты так говоришь о князе, – возразил Камащ. – Он ни в чем не виноват.

– А кто же тогда виноват? – спросил Алхаш и упер руки в колена. – Может, я?

«Только ты один!», – чуть не сорвалось с уст Камаща, и он красноречиво посмотрел на брата. Тот усмехнулся:

– Поговорим спокойно. Прежде чем ехать к большому князю Садзрипща, чтобы уладить дела, я должен подробно знать все обстоятельства.

– Обо всем тебе известно. Нам добавить нечего, – ответил Ларс.

Алхаш догадался, что его дурачат.

– Говорят, ты ездил в Садзрипш не один, а с абреком Маматом. Правда ли это? – напористо спросил Алхаш. – И если думаете его выручить, то я бы мог помочь. Я не глупее вас и в таких делах смыслю.

Друзья переглянулись, сомневаясь в благих намерениях и искренности Алхаша, зная его переменчивый и подленький характер. Но что-то необходимо было сказать, и Камащ, выгадывая время на обдумывание, уклончиво проговорил:

– Мы не знаем: попал в руки Дамдада абрек или нет. Если случилось худшее, то никто из крепости не вытащит Мамата, даже ты... Разумеется, если сам князь не изменит своего отношения, что едва ли случится...

– Согласен. А теперь слушайте! Первое. За то, что Мамат так легко попал в руки Дамдада, и вы потеряли не только его голову, но и полкняжества, – вас можно назвать самыми глупыми людьми на свете. Не исключено, что ваши головы окажутся под одним топором с его башкой. Второе. Приближается время, когда крымские полчища нагрянут на нас и Адам-Гирей совершит торжественный намаз в Мшыште. Подумайте о том, что я сказал. И объявите свое решение.

Встревоженные приятели покинули сумрачные покои.

– Он придумал что-то ужасное, что принесет всем нам беду, – сокрушенно сказал Камащ. – И не успокоится до тех пор, пока не наверстает упущенное.

– Нельзя так односложно осуждать его, – возразил Ларс. – Он заботится о народе. Этого у него не отнять.

– Чужими руками загребать жар легче, – с презрением заметил приятель. – И ты бы помогал людям, если бы тащил со всех сторон богатство. Он мне – старший брат, и мне не подобает его осуждать. Но я тебя считаю ближе, чем его, и потому говорю откровенно. Со мной он держится, как с чужим. Я также не знаю, зачем он затеял эту стройку. Но в мыслях у него нечто недоброе!

– А меня, понимаешь, в нем подкупает уверенность в своих силах, желание укрепить наш народ, – как бы оправдываясь, промолвил Ларс.

– Да, он старается ради народа... – Камащ повернулся к идущему рядом приятелю и придержал его за руку. – Старается, но как? Свое благополучие строит на костях людей. Вот почему он нуждается в народе, в княжеском титуле. А Шабат бескорыстно отдает свои

силы, ум и богатство, чтобы абазины жили в мире, благополучии и счастье. При желании он как князь давно бы стал самым богатым в долине! А княжеством он правит по законам справедливости и человечности, а не жестокости.

— Да, ума у него больше, чем золота, — подтвердил Ларс.

— Князь Басках, несмотря на серьезные разногласия с моим братом, терпит его, не выдает и не угрожает, чтобы не внести в народ раздоры. Теперь же, боюсь, между ними ляжет пропасть. Алхаш не простит ему свою неудачную поездку. Он считает, что Шабат рекомендовал его с умыслом, чтобы ослабить на всю долину. Я знаю, что это совсем не так. И сердце сжимается от боли! Впрочем, нам надо подумать и дать ответ...

15

Алхаш собирался в поездку, как на великий праздник. Он надел белую черкеску из тончайшей шерсти, серую каракулевую папаху, а на ноги — сафьяновые светлые, с узорами, сапоги. Дополняли наряд позолоченные газыри и пояс, на котором висел дорогой кинжал. Белый цвет одежды и отблеск золота далеко не красили его грубое и свирепое лицо.

К нему подвели белого высокого тонконового коня, с широкой грудью и небольшими ушами, которыми прядал он, прислушиваясь к каждому звуку. Седло и сбруя были из золоченого серебра, к задней луке из слоновой кости привязана скрученная бурка. Он осмотрел, как приготовлен для поездки конь, ища изъяна, но придраться было не к чему. В чем-чем, а в лошадях он знал толк. Это в крови у него от знаменитых предков-коноводов. Он сам не помнил, когда впервые сел на коня, как говорят в таких случаях, — голова не доставала до стремян. С той поры до сегодняшнего дня он живет с мыслями о лошадях, а в последние годы непрерывно следит за торговлей на ярмарках, покупая скакунов лучших пород. Несмотря на природную жадность, Алхаш готов отвалить за понравившуюся лошадь баснословную сумму. Благодаря неустанным стараниям и опыту, он улучшил знаменитую трамовскую породу, выведенную его предками, пользовавшуюся известностью далеко за пределами Мшышты. Его скакуны продавались на базарах и приносили немалые доходы.

Вот и теперь, собираясь в дорогу, он потрепал жеребца за шею и по привычке обругал коновода. Увидев брата на его половине, он изменился в лице, нахмурился и властным голосом приказал слуге:

– Передайте ему, чтобы немедленно зашел ко мне.

Камащ не заставил себя ждать.

– От вас ни слуху ни духу, – жестко проговорил Алхаш. – Я собрался в дорогу. Если есть, что сказать, – говори. И не морочь мне голову, расскажи, что на самом деле с Маматом.

– Кроме добрых дел, он ничего не совершал. И когда освобождали Ларса, здорово нам помог. И почему он сам сдался в руки Чачуа, никто не знает... Алхаш, если ты считаешь меня братом, и ради памяти отца, прошу выполнить одну просьбу.

– Ну? Что ты хочешь?

– Лично мне ничего не нужно. Вырви этого человека из лап черной смерти. Мы, Трамы, обязаны помогать Жихам, а он последний из их рода. Ты не раз сам говорил, что они для нас сделали много добра. Ты сможешь, я точно знаю.

– Уж выручишь его... Он стоит в сто раз дороже, чем ты думаешь.

– Сколько бы ни стоил. Я буду платить тебе всю жизнь, не прося денег даже на иголку.

– Ты так волнуешься за него, точно оба родились от одной матери, – ехидно усмехнулся Алхаш. – Надо подумать.

– Нас всех роднит материнское молоко, ты всё же – абазин!

– Хватит! – прикрикнул Алхаш. – Можно подумать, что Дамдад ждет и выглядывает: когда мы приедем к нему? Да Мамата, пожалуй, уже нет в живых.

От этих слов Камащ вздрогнул. Ничего не говоря друг другу больше, братья расстались.

За короткий срок Алхаш со своим отрядом добрался до перевала, разделяющего Северный и Южный Кавказ и названного в честь Дамхура. Это имя легендарного предка, прославившего род Трамов, носят еще высокая горная гряда и бурная река, берущая свое начало с вечных ледников. С судьбой Дамхура неразрывно связана и Мамхур, его любимая жена, мать Аджара. Алхаш хорошо знает свою родословную, гордится ею и чтит традиции. С тех пор род князей Лоу и Трамы всегда были неразрывны. И он ни разу не брался за большие дела, не посоветовавшись с Шабатом, не лез напролом сломя голову. Мудрые советы князя ни разу прежде не

подводили, а неудача в переговорах с русскими довела их теперь до полного разрыва.

Здесь, за время короткого привала на берегу шумной Дамхурдз-реки, Алхаш еще раз припомнил свой спор с Шабатом и снова пришел к мысли, что единственно правильным решением будет налаживание добрых отношений с турками. Но сделать это не так-то просто. Ни в Мшыште, ни в лежащих поблизости адыгских княжествах такую идею не поддерживают. Эти народы сотни лет борются с исламом, навязанным чужестранцами, остерегаются и чураются его, как страшной болезни. Ему не привыкать бороться! Пусть кто хочет, станет его личным врагом, пойдет против него, но он добьется своего! Нужно лишь найти умный и гибкий подход в решении этой проблемы, чтобы не вызвать к себе враждебного отношения соплеменников.

И еще подумал Алхаш в минуты недолгого отдыха об одном своем человеческом долге. У Трамов давняя родовая клятва – платить за добро Жихов только добром. Разве не Мсыр Жихи вытащил из живота Мамхур ребенка, нарек именем Аджар, поставил на ноги и сделал из него человека? Да какого еще! «Если Лоу мы обязаны становлением, то Жихам – своей жизнью», – вспомнил Алхаш, отдавая должное тому трагическому событию. И вот настал час выполнить клятву рода. И он сделает всё, чтобы выручить абрека из беды. Ни в богатстве, ни в уме Алхаш не уступает садзрипщскому князю. «Собака собаке лижет морду», – гласит поговорка, и они с этим князем не раз успешно торговали, деля барыши, немало вместе поели хлеба-соли. При этом, случалось, он обводил Дамдада вокруг пальца. У Алхаша – натура неумная. Ему всё мало! Богатство должно течь к нему, как горные реки, он наживает его на горбах своих рабов и грабежами. Вот только не удалось пока использовать состояние в нужном направлении – добыть княжеский титул. И теперь он пустился в рискованную поездку не ради наживы, а чтобы испытать силу своего богатства. Настало время!

Но Алхаша ждало разочарование. Недаром говорится, что князь не любит гостить там, где есть более почитаемые, чем он. В крепости Дамдада на первом плане был сын крымского хана, а на долю Алхаша остались крохи внимания и пищи с княжеского стола! К тому же, у крымчаков дела куда важней, чем у незваного гостя. Во-первых, они готовят нашествие на русские земли, а для этого ждут,

чтобы к их и без того большому войску присоединились горцы, принявшие ислам. Во-вторых, пора закончить проволочки с решением судьбы Мамата. Особенно ненавистным он был ханычу, поскольку и прямо, и косвенно участвовал в расстройстве его свадьбы с Даримас. Поэтому ханский сынок и намерился вывезти виновника своих невзгод в Крым, чтобы там совершить возмездие. Сам Дамдад порхает вокруг будущего зятя. Калым, обещанный ханом, вполне устраивает князя, поскольку будущий родственник не скупится, даёт еще больше, чем увели разбойники. Да и затребованное ханом подкрепление в три тысячи воинов, садзрипщский князь намечает собрать в своих владениях за неделю.

Но Алхаш отлично знал, что князя, ослепленного блеском золота, ждут немалые трудности. Тех, кого он собрал под свои знамена, своим примером научил инакомыслию Мамат. Весть о его беспримерной храбрости и неповиновении распространилась не только в Садзрипще, но облетела большие и маленькие княжества в горах и на берегу моря. И не исключено, что найдутся влиятельные люди, которые примут сторону мятежника, что для Чачуа и хана грозит нежелательными последствиями. Вероятно, поэтому Дамдад и не решается казнить Мамата, заручившись поддержкой крымчака.

Кто уверовал в свою силу, не заглядывает вперед. Нечто подобное произошло с ханом, его сыном и князем. И Алхаш одной породы с ними, но он не знает, как сблизиться. Он чувствует, что его здесь принимают не от души, а приличия ради. Не ускользнул от него и вопросительно-настороженный взгляд князя, за которым скрывалось недоверие. Нет сомнений в том, что перед его глазами мысленно маячил «Рауан», бесстыдно выманивший из его рук жену и сына разбойника. Нет ничего удивительного, что он похож на Камаща, но Дамдад почему-то тянул с прямым вопросом.

Когда гость, решившись, открыл перед хозяином цель своего приезда, тот несказанно обрадовался.

— С этого и надо было начинать, — воскликнул он, оживляясь. — Земли, на которых вы живете, хотя и высоко в горах, но принадлежат туркам. Пусть их власть там пока и не установлена. Ты всё правильно решил! Это гораздо лучше, чем они напоят о себе мечом и кровопролитием. Их религия — не чета христианской, она крепко держит уздечку, накиннутую на других. Это, друг мой, то, что нам и надо.

– Про уздечку ты хорошо сказал... Но не будут ли они нас самих вести под уздцы да еще и понукать? – осторожно спросил Алхаш.

– Что ты говоришь?! Скажу по секрету, если у тебя на плечах умная голова, то сам будешь на них кататься! Отдай им то, что полагается, хвали их могущество, преклоняйся и тверди красивые слова и – они твои. Не только поднимут твой авторитет, но и станут так оберегать, что птичка не пролетит над твоей головой.

– Каким образом поднимут мой авторитет, если он и так высок? – засомневался гость, хотя слова князя ему понравились.

– Ох, уважаемый, не будь самоуверен! Не они ли назначили меня главным князем над всеми садзами, живущими вплоть до морского побережья?

– А за это содрали с тебя три шкуры, оставив взамен лишь старую шубенку, – грубовато пошутил гость. – Вот это да!

– Не без этого. Пришлось кое-что подкинуть, – подтвердил Дамдад, отмечая для себя жадность собеседника. – И советую не спорить с ними, отдавать то, что требуют. То, что ты имеешь, хватит и им, и тебе на века.

– На то, что я имею, много охотников.

– Почему ты не хочешь пожертвовать одно зернышко, а получить десять? Я сведу тебя с сыном хана. Как раз время самое подходящее. Если ты сможешь выставить тысячу всадников, хан поднимет тебя до небес.

– Ты никак забыл, что я всего-навсего большой дворянин, а не князь. И войско собрать не в состоянии. Такие вопросы решает даже не князь, а старейшины.

– Им нужен человек действия.

– Я могу обещать только то, что в моих силах, – возразил Алхаш. – И не беру на себя ответственность за то, что моим соплеменникам придется проливать кровь.

– Этого не избежать, если ты не сделаешь того, о чем я тебе сказал, – произнес Дамдад с ноткой сожаления. – А если вас закабалят русские, это лучше, что ли?

– А если к ним добровольно присоединиться?

– Ха! Как только русские ступят на вашу землю, которая является, по сути, турецкой, они будут разбиты войском хана и янычарами в пух и прах. А заодно пострадает и ваше княжество! Объясни это своему народу и вразуми его. Я знаю, ты приехал с открытой душой.

Тут только припомнил Алхаш, что не послушался младшего брата и не сообщил русским о готовящемся на них нападении. Тогда он просто «позабыл» о самом главном, обозленный холодным приемом. Хотя русских, очевидно, просто не заинтересовали никчемные переговоры. Легко отделался неудачливый посол и от Шабата, обвинив русских в нежелании выслушать его.

В конце концов, они решили посоветоваться с ханычем. Алхаш не желал глубоко влезать в политику, это ему ни к чему. Он намеривался, приняв ислам, обойти крымчаков и напрямую приобщиться к туркам, чтобы спасти свое княжество. Вот почему он, никому ничего не говоря, начал сооружение мечети, точно такой же, какую видел в селении Джанай.

Сын хана, с которым встретился Алхаш, повторил слова большого князя, точно слышал их разговор.

— Ты можешь ехать к кому угодно, но для принятия ислама мало бесплодных слов. Они должны быть подтверждены делами, — вперив черные раскосые глаза в приехавшего абазина, высокомерно заговорил ханыч. — Только кровью проверяется истинность слов. Укрепи нашу армию, и мы воздадим тебе должное. Что на это скажешь?

Алхаш бросил неприязненный взгляд на толмача, старательно переводившего разговор, и замаялся. То, что требовал крымчак, было ему не по душе. Но отвечать он был вынужден, и потому начал издали:

— Чтобы собрать войско, нужно знать для какой цели это делается. Людям необходимо всё разъяснить. Таков неукоснительный обычай в наших краях. Уважаемый потомок Гиреев, если я правильно понял, прежде чем вступить в твоё войско, мы должны принять магометанство?

— Если ты мусульманин в душе, то этого пока достаточно. Война не ждет, — сурово напомнил ханыч. — Говорят же у вас: куда течет начало реки, туда же несет свои воды и конец.

— В Мшыште я далеко «не начало реки».

— Мы постараемся, чтобы им был именно ты, — раздраженно пообещал крымчак.

— Тогда другое дело, — радостно встрепенулся Алхаш от того, что мечты его начинают сбываться. — Кто меня удостоит такой чести: хан или сераскир?

— Я сам могу утрясти этот вопрос, чтобы ты никуда зря не ездил и

не тратил попусту времени, – после недолгого молчания заключил татарин.

– Кого мы должны держаться? К кому быть ближе?

Этот вроде бы невинный и простой вопрос заставил ханского сына призадуматься. Он, впрочем, даже не знал, где находится эта Мшышта. Давно в долине и в прилегающих адыгских княжествах не ступала нога чужеземца-завоевателя, хотя с южной стороны зарились на них крымчаки и турки, а с севера – русские. Если бы грехи Камаща и его отряда не взял на себя Мамат, то хан в знак возмездия, безусловно, уже испепелил бы ее...

– К нам! – рявкнул раздраженно ханыч.

Алхаш пожалел, что связался с ханской семьей. И теперь он лихорадочно обдумывал, как выкрутиться, чтобы заручиться поддержкой турок, которым подчинялись сами татары. И выход нашелся, когда он вспомнил совет Дамдада, что татары любят, когда их хвалят и льстят самолюбию.

– Твой глубокий ум, твои слова, о сын владыки Крыма, убедили меня в могуществе ислама. С твоего благословенного позволения я хочу поехать в крепость Мап к главному эфенди и присягнуть на его Коране.

– Это хорошо, что у тебя появились такие благие намерения, – тотчас отозвался ханыч. – Я лично подведу тебя к нему. Подожди только дня два-три...

Хотя Алхашу и его охранникам в крепости был отведен отдельный дом, его бесило раболепство хозяев перед ханычем, спесивым самодуром. Алхаш ругал себя за то, что «снюхался» с этим болваном. Оставаясь наедине со своими размышлениями, он прокручивал в голове возможную поездку в Турцию. Предстояла очень важная встреча с турецким наместником, заметной фигурой в политике, которая может сыграть в его личной судьбе и всего народа ключевую роль. Алхаш решил подарить ему трех скакунов с седлами и сбруей. И для этого послал своих помощников домой, возвращения которых с нетерпением ожидал со дня на день.

В самом княжестве Садзрипщ ощущалось напряжение и затаенная тревога. Людей в войско хана набирали где силой, где обманом,

а то и посулами, что каждый, кто пойдет на войну с неверными, получит от хана надел земли, скот и другие привилегии. Ханский отпрыск, довольный тем, что у него появилось мощное подкрепление, отправился в путешествие, везя молодую жену в свое ханство. На сей раз он не боялся нападения абреков, охраняемый огромным отрядом. За авангардом тысячного войска следовали нагруженные фургоны, и в одной из них сидела Даримас. Среди людей Дамдада находился и Алхаш, их веселую кавалькаду сопровождала песнями и выстрелами свита. Он ехал с грустной улыбкой на лице, думая о том, что личная жизнь его до сих пор не устроена. У него богатства хоть отбавляй, но нет титула, как у ханского сына, а если бы он был, то женился бы на первой красавице-княжне. Он видел прелестниц, не уступающих своей внешностью Даримас, но свидания эти были мимолетными, без объяснений и признаний. Его знали все именитые люди в округе как крупного работоторговца и коновода. И в этих делах Алхаш, действительно, преуспел. Он любил участвовать в сделках по купле и продаже, вести торги, споры с покупателями и знатоками. У них особенный интерес вызывала трамбовская порода лошадей, на которую все права имел только Алхаш. Однажды он с небольшим табуном приехал на ярмарку в Туапсе, где познакомился с князем шапсугов Заноканом Канаматом. Тот подошел к нему, когда у продавца осталось несколько лошадей и выбрал серую, в темных крапинах, красавицу-белоножку. Алхаш расхваливал лошадь на всех известных ему языках. Но князь Канамат охладил его пыл:

– Я не просил, чтобы ты превозносил кобылу. Мне интересно, какой она породы?

– Эта порода выведена лично мной от маток знаменитой трамбовской линии.

– Я знаю одно, что внешне лошадь безупречна. Даже не к чему придраться! – улыбнулся Занокан.

По манере говорить, по надменному тону и дорогой одежде Алхаш смекнул, что перед ним далеко не простой человек. И не сдержал своего бахвальства:

– Говорят, и скотина иной раз может походить на своего хозяина!

– Если у лошади происхождение княжеское или дворянское, то и ты, несомненно, похож на нее, – согласился знатный покупатель под смех людей из своей свиты.

Но и Алхаш не растерялся, ответил с иронией:

– Выбранная тобой лошадь, дорогой покупатель, княгиня среди

всех прочих. Лучше она падет от моей руки, чем на нее сядет недостойный всадник в куцей шубенке, — подчеркнул торговец, показывая, что он из сословия, с которым нельзя не считаться.

— Ни один уважающий себя князь не будет сам торговать на ярмарке, — заключил князь шапсугов. Затем повернулся к свите и горделиво приказал:

— Заплатите, сколько он запросит, и приведите всех лошадей в мой двор, раз он так хвалит свой товар.

Тут же перед торговцем возник приземистый человек, с умными глазками, и затараторил:

— Нашему большому князю, славному и храброму Заноку Канамату приглянулись твои лошадки. Сколько просишь за них?

Алхаш развел руками:

— Такой знаток и любитель лошадей, как князь, достоин еще лучших!

— Какие же изъяны в твоих лошадях не заметил мой высокочтимый хозяин? — с недоумением спросил княжеский конюшенный.

— Вероятно, вы меня превратно поняли, — заулыбался Алхаш, от волнения пританцовывая на месте. — Мои лошади не имеют недостатков. Но князь достоин необыкновенных скакунов, которые у меня есть.

— Так покажи их нам! — воскликнул Занок Канамат, поодаль любующийся лошадьми.

— Самых лучших сразу раскупают, — признался Алхаш со вздохом, стараясь расположить к себе князя шапсугов. — Я предлагаю вам самим выбрать в моих табунах лошадей, которых еще не касались мужские взгляды.

Канамат снова подошел к расторопному и разговорчивому торговцу, желая познакомиться поближе.

— Я никогда не возвращаю то, что купил, — сказал он дружелюбно. — И рад принять у себя такого ценителя лошадей и создателя чудесной породы. Будь, уважаемый, моим гостем!

Так Алхаш попал в дом шапсугского князя, где познакомился с тремя его очаровательными дочерьми: Хабидой, Хацадой и Хакуной. Все были в таком возрасте, что хоть сегодня замуж! Но тогда он не думал о семейной жизни, ему просто понравились княжны, происходившие из знатного рода.

С тех пор минуло три года, и вот теперь, когда дорога в крепость Мап проходит по землям Канамата, о той встрече вспомнилось Ал-

хашу. Веселье вокруг тяготило его. И было досадно и завидно, что татарину всё так легко давалось, и вот возвращается счастливчик в ханство, как герой, везя красавицу Даримас, которую уже считает своей женой.

«Нужно обзавестись семьей, — всё настойчивей волновали Алхаша размышления. — Как только вернусь от турок, сразу же заеду к Канамату. Скажу прямо, что хочу с ним породниться. Может быть, приглянусь кому-нибудь из его дочерей. Он меня знает и уважает. Впрочем, тогда он сам намекнул на это, но остановило различие в религиях. Он — мусульманин, а мы — муртаты, как зовут нас. То есть люди без определенной веры. А народу нашему религия необходима, как защита. Он должен находиться под ее спасительным крылом. Да ниспошлет Аллах свое благословение! — Алхаш ненадолго приободрился, но пугающие сомнения подступили снова. — Вот только до нас ли туркам, когда они воюют с персами? Если путешествие в Мап окажется бесполезным, поневоле придется налаживать отношения с проклятым крымским ханом. Рано или поздно ему откроется всё, что мы творили против него. И тогда снежной лавиной сойдут в пропасть богатство, мечты, а заодно с ними и собственная голова. Нет! Только Мап! Только поддержка турок может спасти меня...»

Его вдруг потряхнуло — и он догадался, что лошадь под ним споткнулась, споткнулась первый раз в жизни. Это привело его в гнев, и он стал осыпать ее ругательствами. Советник, служивший ему и толмачом, решил успокоить хозяина:

— Ничего страшного. Дорога тяжелая, каменистая. Наверное, острый камень ранил копыто.

— Чтоб она сдохла, эта шелудивая скотина! — бранился Алхаш весь голос. — На ходу спит, проклятая. Примета плохая!

Постепенно его мысли перекинулись на дела домашние, и он с тревогой вспомнил об оставшемся без его контроля богатстве, о брате, находящемся под влиянием Шабата, который настроен против него. Алхаш срочно потребовал к себе людей, которые ездили в Мшышту за лошадьми, предназначенными туркам в подарок.

— Что нового в нашем княжестве? Стены мечети возведены уже? Камащ ничего не передавал? — забросал он помощников вопросами.

— Ничего такого, о чем можно тревожиться, мы не заметили, — сообщил старший в группе. — Строительство мечети идет полным ходом. И Камащ спросил только, что слышно о Мамате. Ну, мы и рассказали ему то, что знаем...

– Что именно?

– Да ничего особенного. Сказали, что для сына хана снаряжается войско, что он собирается забрать свою невесту, Мамата и поехать к отцу в Крым.

– Я разве разрешал вам, безмозглые, трепать языками? – закричал Алхаш так, что на шее напряглись жилы.

Он был неспроста озадачен тем, что Камащ узнал о намерениях ханского наследника. Мамат стал другом его брата, и он его обязательно постарается выручить, хотя это маловероятно: ханского сына сопровождает внушительная охрана, сам Мамат помещен в крытую повозку и со всех сторон окружен крепкотелыми аскерами. Алхаш терялся в раздумьях. Какая участь ждет абрека, знает один хан. И если брат попытается освободить его, то, наверняка, всего лишь сложит голову. Впрочем, Алхаш от всей души и желал этого! Тогда бы он навсегда стал независимым, освободился бы от всяких притязаний на богатство. Однако Камащ способен на любое сумасбродство, которое может причинить вред и ему, старшему брату. Страх нарастал как на дрожжах. И в пригодных для нападения местах, – на поворотах, склонах, в теснине, лесной чаще – он настораживался, готовый кинуться в укрытие. Обычно, как сам он научил брата, Камащ атаковал в сумерки. В это время лучше всего застать врасплох ничего не подозревающих путников. Здесь всё решает храбрость, внезапность нападающих, и они могут многого добиться, пока противник придет в себя. А в случае неудачи легче скрыться в наступающей темноте. Важно сразу ударить по главным силам, которые растянуты на узкой горной дороге и не могут дать достойный отпор. Это было отлично освоено Камащем, и не раз его выручало.

Алхаш не ошибся. Когда караван добрался до тесного ущелья, с двух сторон поросшего лесом, а солнце скрылось за высокой грядой гор, на узкой дороге разгорелся ожесточенный бой. В одну минуту в оглушительный шум смешались воинственные крики, ржание лошадей, выстрелы, звон стали, грохот сбрасываемых со скал камней. Алхаш понял всё сразу. Он с запасной лошастью, приготовленной заранее для турецкого наместника, подскакал к фургону ханского сына:

– Скорей на лошадь! Нападение абреков!

Тот с передка повозки довольно умело прыгнул в седло, выстрелил вверх и, пренебрегая опасностью, понесся к фургону своей невесты.

– Вы что, спали, негодяи?! – кричал он, обращаясь к своим воинам, которые крутились рядом, не зная, что предпринять.

Под натиском нападающих охрана ханыча была смята и перебита. Воспользовавшись суматохой, Алхаш и его люди успели скрыться по едва приметной тропе.

Мощной атаке, как и предполагал Алхаш, подверглась центральная часть походной колонны, где находились фургоны с Маматом и Даримас. Ездовые стали хлестать лошадей, стараясь оторваться от преследования, но путь им преградили поваленные деревья. Татары, поняв свою обреченность, огрызались с отчаянием затравленных волков. Камащ и Ларс, командуя своими отрядами, пробивались к фургонам, главной своей цели. Их воины дрались, как львы, круша врагов и сбрасывая их на землю. Наконец перед Ларсом оказался ханыч, искусный рубака и умелый наездник. Поединок длился долго, но Ларсу удалось изловчиться и плашмя достать крымчака по голове своим мечом. Тот, оглушенный, свалился наземь. Ларс остановил коня у фургона и, рванув дверцу, окликнул:

– Даримас!

Встревоженный блеск ее огромных карих глаз сменился радостным выражением.

– О, это ты, Ларс!

В это мгновенье сверкнул кинжал, – и Хамыщ, родной брат княжны, нанес свой разящий удар. Ларс поник и стал медленно соскальзывать с коня. Последним усилием воли он успел опереться коленом о подножку фургона и, бездыханный, упал головой на колени возлюбленной.

Даримас от ужаса не смогла даже закричать, – не повиновался голос. Она, объятая горем, лишь неотрывно всматривалась в бледнеющее лицо сраженного воина и шептала:

– Ларс! Любимый мой!.. Открой глаза! Неужели ты оставляешь меня этой волчьей стае?..

Сочащаяся из раны кровь стекала на платье, обдавала теплом ее колени, но она не замечала этого, звала по имени того, кто уже никогда не произнесет ее имени...

Спустя некоторое время, будто очнувшись, она выдернула из груди Ларса кинжал и вперила свой ненавидящий взгляд в брата, который презрительно бросил:

– Не связывайся с тем, кто не достоин и ноготка твоего мизинца! Говорят, ярость придает силу. За свои двадцать лет Даримас не-

мало натерпелась в крепости отца обид и принуждений, но ни разу не брала в союзники безрассудную злость. А теперь, вложив всю свою силу, она мощным выпадом пронзила брата. Тот от неожиданности округлил глаза и, всхлипнув, упал. Только теперь Даримас зашлась рыданиями. Она не могла перенести такого несчастья, свалившегося на нее, точно камнепад. Хладнокровие и силы стали покидать ее. Она приставила острое кинжала к груди и подняла голову, привлеченная возгласами воинов:

– Ларс! Где ты? Что с тобой?

Один из всадников разрубил войлочную крышу фургона. Даримас встала во весь рост, выпрямилась. Словно свет луны в сумерках, взгляд её озарил воинов и – погас! Она нажала на рукоять. И никто из бросившихся на спасение не успел остановить ее...

Ошеломленные воины застыли в скорбном молчании. К ним подошли Камац и Мамат. Первым нашелся легендарный абрек.

– Теперь уже ничего не поправить. Нужно забрать живых и мертвых и поскорей покинуть это ущелье. Вперед, друзья!

– А Даримас? – спросил Камац, не пряча впервые в жизни прослезившихся глаз.

– Если не случилось на этом свете, то пусть соединятся на том, – ответил Мамат.

– Нет, – возразил один из воинов. – Нужно отвезти ее домой, к родителям. Так положено!

Подумав, Мамат согласился.

– Ты прав. Поступай, как считаешь нужным.

Войско Мшышты, собрав погибших и раненых, спешно отступило в горы, а затем по тайным узким тропам спустилось в небольшую долину. Угроза преследования ханского войска была очевидной. Впереди предстояла трудная обратная дорога. И Мамат твердо предложил:

– Место воина там, где он упал. Если вы, братья, согласны, мы здесь со всеми почестями похороним наших героев.

Но Камац с вполне оправданными опасениями проговорил:

– Если об этом пронюхают татары и Дамдад, они сотрут с лица земли захоронения.

– Человек, хоть немного уважающий себя, не станет глумиться над могилами воинов, – убежденно заключил Мамат. – А эту долину назовем именем нашего боевого друга Ларса.

Пусть покоится в родной нашей земле, в земле предков-абазин!

Алхаш с отрядом вырвался из опасного ущелья и, поднявшись на лысую гору, спокойно наблюдал, как там, внизу, шло сражение. Его не особенно волновало, кто победит, а кто проиграет. Главное, надо выждать время, пока не завершится жестокая схватка. Когда звук трубы, донесшийся снизу, возвестил об отходе соплеменников, он дал команду спускаться обратно в ущелье. Там уже разбирали завалы из деревьев и камней, с двух сторон горели многочисленные факелы из древесной смолы. Слышались хлесткие, точно удары бича, возгласы на татарском и абазинском языках. Сердце Алхаша тревожно сжималось. Раскрыт его секрет или нет? Жив ли ханыч? Лучше было бы увидеть его мертвым...

Все страхи и опасения оказались напрасными, когда он предстал перед наследником. С перебинтованной головой тот стоял на возвышении, в свете факелов, и бранил своих вояк. Насколько мог понять Алхаш, ханыч требовал до утра изловить разбойников и перебить всех до одного.

– Вот кого не покинуло мужество! – выкрикнул воевода, когда Алхаш приблизился к нему. – Когда мои телохранители клевали носом, он первый подскочил с конем и предложил помощь. Свое спасение после Аллаха я вижу в его действиях, хотя на нем такая обязанность не лежала.

Эти слова несказанно обрадовали Алхаша, но из осторожности он еще не решался выказывать свое настроение. Лишь убедившись, что шапка на его голове удержалась в очередной раз, он подобострастно произнес:

– Будь нашим щитом, высокочтимый потомок Гиреев! Ты сто раз прав, что идущие впереди должны проявлять больше бдительности. А это дикое место всегда грозит нападением абреков.

– Какая там бдительность! – снова вспыхнул ханыч. – Разве они воины? Скоты, сони и раззявы. Сил у них, как у мухи, а сердце – заячье. Немедленно принимайтесь за поиск моего пленника и доставайте его хоть из-под земли!

Вскоре уныло запищала труба – вестница спешных сборов. И командиры развели свои отряды в разные стороны, выполняя приказ. А крымчак подошел ближе к Алхашу и посетовал:

– Пока я не потушу огонь в очагах твоих соплеменников, я не положу голову на подушку. Ну, и «герои»! Коварные трусы! Если

ты мужчина, то выходи на бой честно и открыто, а не кусайся, как шакал.

– Ты, как всегда прав, мудрейший воевода! – подхватил Алхаш угодливым голоском. – Какая разница между ними и бешеными шакалами? Их нужно уничтожать! Я вижу, и тебя достали зубы этих подлых зверей?

– Немного поцарапали... Ну, им это так не пройдет!

Алхаш взглянул на забинтованную голову ханыча. Впрочем, если бы того вообще изрубили на куски, то это только бы облегчило задачу. Тогда бы он сразу отправился к турецкому наместнику. И вот теперь приходится поддакивать каждому слову, желая понравиться.

– Не опасна ли рана? – обеспокоенно уточнил Алхаш. – У меня есть отличная мазь. Я всегда ношу ее с собой.

– Ничего, она скоро заживет. У меня другая рана в душе. Она не исчезнет, пока я не увижу пепел от трупов моих врагов!

В этот момент холод сковал сердце Алхаша. Он подумал, если брат со своими приятелями захватил княжну, то она может обо всем рассказать Камашу и Мамату. И тогда он пропал неизбежно! И, спеша рассеять свои тревоги, он спросил:

– А Даримас здесь?

– Ее больше нет в живых, – пробормотал ханыч.

– Какое несчастье! Ее убили?

– Она заколола себя собственной рукой.

– Сочувствую тебе, храбрейший воин, – сказал на этот раз Алхаш вполне искренне. Только человек с каменным сердцем мог бы не пожалеть прелестную девушку. И чтобы не рассердить невзначай крымчака, он со вздохом посоветовал: – Бог дал, бог и взял. Не теряй присутствия духа, крепи свое сердце.

– Я уже семь раз спасался с помощью Аллаха, и сейчас он не оставит меня без своего благословения. Жаль только ее родителей, они любят и уважают меня. Ведь моя невеста покончила с собой, чтобы не попасть к абрекам. Тем самым доказала свою преданность мне.

Кто-кто, а уж Алхаш точно знал, как она «любила» ханыча. Но говорить об этом сейчас было неуместно. Наоборот, надо проявить особую заботливость.

– Сын великого хана, если я могу помочь твоему горю, то готов это сделать немедленно.

– У меня нет никакого горя. Есть желание собственным мечом

отомстить за свою кровь. И потому мы тут еще задержимся. Как мог, ты поддержал меня, а теперь лучше будет, если ты самостоятельно доберешься до крепости. Будешь нужен – найдем тебя, бесстрашный абазин!

Именно этого и хотел Алхаш. Ему нужно было поскорей отделаться от крымчаков. Сейчас он безошибочно предвидел, что произойдет в ближайшие дни: ханыч будет кружить со своим отрядом по окрестностям, но никого не найдет; воины из княжества Дамдада, набранные силой, разбегутся по своим домам, а собрать их снова вряд ли удастся после того, как князю привезут труп дочери. Пока всё уладится, он уже будет у турецкого наместника. И, облегченно вздохнув, Алхаш двинулся своим путем.

И снова удача сопутствовала ему! Вняв просьбам Алхаша и почувствовав свою выгоду, турки взяли Мшышту под свое покровительство и обещали защиту от врагов. Но для этого требовалось обратить всё население в магометанство. И ему, Алхашу, была поручена задача по установлению ислама в крае. Следствием такого решения явилось и то, что на обратном пути его сопровождал турецкий отряд, сардар, эфенди, а также войско шапсугов, с которыми собирался наладить тесные отношения, ибо они пользовались большим влиянием по всему побережью. Тут не обошлось без помощи Занока Канамата, к кому он завернул по дороге к туркам. А теперь наместник поручил именно Канамату, поднаторевшему в таких делах, оказать помощь абазинам. Права, данные турками, окрылили Алхаша. У него твердое слово, сильная воля, и он справится с возложенными на него обязательствами!

По возвращении Алхаш устроил в своей крепости трехдневный пир. Гости были поражены его богатством и размахом, тому, с каким почтением относились к нему подчиненные. Но больше всего их восхитила мечеть, точная копия заноконской, но еще более массивная, с искусной отделкой и позолотой, устланная коврами. Тогда же и состоялось открытие мечети и принятие ислама. Всё было обставлено с такой помпезностью и обдуманностью, что ни у кого не осталось сомнений: всё исходило из крепости Мап. Алхаш первым прикоснулся к Корану и поклялся быть до конца дней своих верным всемогущему Аллаху!

После этого дела пошли еще лучше, счастье и везение благоволили Алхашу. В шапсугском морском городке Порте его авторитет

пустил глубокие корни. Он сблизился с большим адыгским князем, что дало возможность в будущем породниться с Канаматом, взяв в жены его дочь Хабибу. Алхаш решил, как только страсти улягутся, он зашлет сватов к большому князю. Но, чтобы не возникло непредвиденных препятствий, необходимо, чтобы в долине все жители приняли ислам.

Увы, на открытие мечети многие из приглашенных князей, живших по соседству, не явились. Отсутствовал и Шабат, кому он особенно желал показать мощь новой религии и своих новообретенных друзей. Никто не мог толком объяснить, куда девался потомок Лоу. И Алхаш сделал вывод, что тот, скорей всего, направился к русским с такой же миссией, с какой он ездил в Мап. И то, что он опередил князя, взял над ним верх, радовало и придавало уверенности. Между тем в душе не унималось неясное беспокойство, смутное предчувствие недалекой беды.

18

Для Шабата не было секретом, куда и зачем отправился Алхаш со своим отрядом. Он знал, что втайне тот своими покровителями выбрал турок. Но тогда у князя не было возможности остановить своевольца или противостоять ему. И эта безысходность после осмотра строящейся мечети заставила Шабата вспомнить о деревянном ларце, окованном медью, — наследии его предков. Он спешно вернулся к себе, но извлечь заветный ларец оказалось не так-то просто. Он лежал в огромном сундуке с семейными богатствами и реликвиями. Князь стал поочередно открывать многочисленные замки, которые с большим трудом поддавались из-за длительного неиспользования. И вот, затаив дыхание, он достал священный ларец из красного дерева, красиво расписанный и отделанный медью, который уместился на двух ладонях. Шабат не только никогда не заглядывал в него, но даже не брал в руки, так как не было необходимости. Он и сейчас не чувствовал абсолютной уверенности в том, что пришло время обращения к семейной реликвии, ибо завещано было: «В начале дня или в конце его, когда для твоего народа и тебя самого не будет иного пути спасения, открой его. Когда настанет час, передай его по наследству тому, кому доверяешь, кто будет с

честью хранить и беречь его».

Шабат с благоговением смотрел на святыню, решившись, отбросил крышку ларца – и в глаза ударил ослепительный блеск золота и самоцветов, сверкающих разными огнями и оттенками. Это было зрелище неповторимое и прекрасное! «Это намного дороже любого богатства, – подумал князь. – Какие умные люди были наши предки! Это скажет больше, чем целый народ, и сделает больше, чем всё княжество. Много раз священный оберег приносил нашему народу счастье и благополучие. Предки мои не раз становились свидетелями его силы!»

Шабат долго рассматривал золотой крест, советовался с ним, словно с опытным собеседником. Он вдохнул в него небывалую уверенность, словно воскрес его отец и дал мудрые наставления.

Это был тот самый крест, который тысячу лет назад Юстиниан надел на шею Абазга Абсида. Побывал он позже и у великого русского царя Иоанна Грозного. Возможно, тогда крест спас абазинский народ от чужеземного нашествия и впервые подружил с русскими. Ведь до сих пор абазины живут свободно, не завися ни от татар, ни от турок, ни от кого другого.

Дружба, говорят, никогда не стареет. Наоборот, со временем она крепнет, становится глубже и шире, если ее поддерживают. Она похожа на огонь в очаге, – нужно постоянно подбрасывать поленья, чтобы не погасла. Нить дружбы, некогда протянувшейся между абазинами и русскими, оборвалась сама собой, так как забыли про нее, не придали ей должного значения. Такие, как Алхаш и подобные ему, кроме собственной выгоды не видят ничего, а если каждый заботится только о себе, то добрые отношения не сохранишь. Вот почему в Терсакане русские не оценили приезд абазинской делегации.

Еще долго сидел Шабат в раздумьях, а затем, точно очнувшись от тяжелого сна, снова взглянул на золотой крест, лежавший на мягкой бархатистой подушке, спешно закрыл сундучок и убрал на место. Не приведи бог, чтобы и его, князя, унизили, как Лоу Сарлапа, когда тому возложили на шею крест. Цену этого символа христианства, его значение и мощь мог по достоинству определить только один человек – русский царь. И, решив так, Шабат договорился с бесленеевским князем Канок Джанхотом, который также не хотел прихода крымских татар, и без промедления они вдвоем отправились в русскую крепость.

Отсутствие Шабата оказалось на руку Алхашу, облегчило его положение и придало ускорение его действиям. Будь князь в ауле, то не преминул бы воспротивиться «новшеству», которому в народе, по правде сказать, не только не рады, но и брезгуют, как страшным мором. Он знал, что люди ругают его, но Алхашу это было все равно: «Собака лает, лошадь пасется». Где скажется, там и остается. Он опасался только брата, потому что ничего не выполнил из того, о чем он просил. Алхаш надумал побеседовать с ним и уладить отношения. Разве не он, Алхаш, хозяин здесь? И не в его ли руках бразды правления?!

Впрочем, пока он удалил Камаща вместе с отрядом охранять перевал Дамхур. После трагедии, произошедшей с Ларсом и Даримас, младший брат выглядел подавленным, раздражительным и похудевшим. Почти каждый день Камащ навещал Мамата, укрывшегося в новом убежище. И только в разговорах с абреком находил утешение. Но дошедшая до него весть о том, что брат подмял свой народ турецким сапогом, довела Камаща до бешенства.

Он вскочил на своего коня и гнал его в Мшышту, не разбирая дороги, до тех пор, пока не въехал во двор. Передав взмыленного скакуна слуге, чтобы выводил его, Камащ, как был в дорожной пыли, направился к большому двухэтажному дому. Алхаш, сидевший у окна, еще издали заметил состояние младшего брата. Бледный как стена, с остекленевшими глазами, тот шагал твердо и порывисто, и ничто не могло остановить его сейчас, даже смерть. Алхаш слишком хорошо знал нрав своего брата. В такую минуту лучше с ним не встречаться. Гнев – его советчик. И надо попытаться уйти от беды...

Он сдернул со стены маленький коврик из козлиной шкуры, бросил на пол и стал на него. В этот момент отворилась массивная двустворчатая дверь, и в ее проеме показался Камащ. Брат в длинном голубом халате стоял на коленях и, полусогнувшись, шептал слова священного писания. Камаща словно пригвоздили к порогу. Но клокотавшее в груди бешенство требовало выхода, и он презрительно выговорил:

– С каких пор эти поганые турки стали молиться на запад?

Алхаш безмолвствовал, – тот, кто стоит на намазлыке⁵, не смеет отрешиться от беседы с аллахом. Хотя молитва и была притворной,

⁵ Намазлык (абаз.) – молитвенный коврик, козлиная или овечья шкура, на которой совершается намаз, молитва.

но она спасла его от неминуемой грозы. Впрочем, это было лучше и для самого Камаща, который сгоряча мог натворить что угодно. Необходимо крепкое терпение, если дело, за которое берешься, касается не тебя одного, а целого княжества. Камащ постоял еще некоторое время, глядя на широкую спину молящегося брата, мысленно посмеиваясь над ним и жалея, а затем тихо прикрыл дверь и удалился к себе.

Совершив намаз, Алхаш впервые в жизни, пренебрегая своим старшинством, сам пришел к брату. Прежде Камаща он всегда вызывал к себе через слугу, разговаривал с ним тем же грубым тоном, которым общался с воинами или конокрадами, – не просил, а приказывал.

Алхаш постучал в дверь жилища брата рукояткой плетки, украшенной серебряной насечкой, и властно крикнул:

– Эй, открой! Спишь, что ли, средь бела дня?

Каждое его слово, как дробь, вонзалось в сердце Камаща. Он неохотно отворил дверь и, встревоженный неожиданным визитом брата, спросил:

– Что случилось?

– Ты же видишь, я пришел к тебе в гости, – переступив порог, ответил Алхаш с натянутой улыбкой. – Можно ведь хоть разок?

Он прошел в скромно убранную светлую комнату и нарочито долго рассматривал обстановку, ковры на стенах и развешанное на них оружие. Затем, запахнув полы халата, сел в плетеное кресло, стоявшее в углу.

– Не похоже, что тут обитают люди. Прикажи, пусть принесут какой-нибудь напиток. Может, легче будет говорить.

– Мне не о чем с тобой разговаривать.

– Так ты приходил, чтобы сказать, что неправильно молюсь? – задиристо бросил Алхаш.

– Если будешь делать то, что не надо, и не такое может случиться...

– Вода сильнее пламени, – назидательно проговорил старший брат и добавил: – Что может быть вредней бесплодного гнева?

Камащ сдержанно ответил:

– Если твои слова верны, то содеянное тобой не имеет оправдания.

– Как это? – ухмыльнулся Алхаш.

– А так! Разве не твоя злоба леденит сердца наших людей? Разве

не твое сумасбродство заставляет тебя отбивать поклоны и читать чуждые молитвы, отвращая народ от его исконной веры? Разве не ожесточенное сердце является твоим постоянным собеседником и советчиком? Разве не твоя ненависть оскорбляет, изводит, уничтожает меня, брата твоего единокровного, к которому ты впервые в жизни переступил порог?.. – заводясь все больше и больше, запальчиво выкрикивал Камащ, позабыв о том непреложном факте, что перед ним стоит его старший брат. Наверно, он говорил бы еще долго, пока из разгоряченного сердца не выплеснулось все, что накопило за многие годы, но остановил окрик брата:

– Довольно, безумный! Если недоволен тем, что я из тебя сделал человека, иди и бейся головой о скалу. Воистину: сотворивший добро ответного добра не дождался.

– Я говорю то, что прежде ты уже сказал самому себе, – возразил Камащ, желая обернуть поговорку против самого брата. – Ты решил ни в чем не повинный народ поставить на колени перед чужеземцами, и это записываешь себе в заслугу?!

– По-твоему, лучше, стоя по пояс в крови, погибнуть всем нам? – выкрикнул Алхаш, краснея. – Здесь мы одни, и можем высказаться начистоту. Если тот же хан, которого ты незаслуженно наказал уже несколько раз, и большой князь Чачуа Дамдад, в чьих жилах течет такая же, как у нас, абазинская кровь, объединятся и станут мстить, спасешься ли ты?

– Поевший соли, попивает воду, – усмехнулся Камащ и посуровел. – Хана и Дамдада сделал нашими врагами ты и больше никто! Они творили зло и понесли за это расплату. А рискнут воевать с нами, то пусть на снисхождение не рассчитывают!

– Ты хочешь против ста тысяч всадников выставить свою жалкую тысячу и при этом уцелеть? – высокомерно воскликнул старший брат.

– Я – абазин. И умру абазином! А на колени готов встать только перед своим народом.

– Вот именно! – подхватил оживившийся Алхаш. – Я и стал на коверик, чтобы спасти свой народ. А ты за это упрекаешь меня. И ты должен терпеть и всё понять, если любишь свой народ, как говоришь...

Камащ покачал головой и жестко бросил:

– Нет, ты продал принадлежность к абазинскому народу. Если

хочешь жить по-турецки и под их началом, то уезжай туда и оставь свой народ в покое, не отбирай у него веру.

Алхаш готов был вскипеть, но вовремя сдержался, поняв, что ни старшинство, ни привычка приказывать на брата уже не действуют. И он, приняв серьезный вид, поучительно сказал:

– Так пробившийся на поверхность ключ прокладывает себе дорогу, а по этому руслу бежит остальная вода. Если это верно, то я – старший, и ты должен следовать за мной, чтобы не обманули тебя пустомели. Я иду по пути, указанному нашими предками, следую их заветам: «Не теряй свой род, свой народ, защищая его...» Разве я не оберегаю его? Теперь управлять Мшыштой будет не твой дружок, «старый тулуп», а мы – Трамы. Что тебе еще надо? Кроме того, земля, на которой мы живем, – турецкая. Это, действительно, так. Если мы не примкнем к туркам, то всем народом погибнем из-за таких, как Басках Шабат и Жихи Мамат. И, наконец, турки никого не заставляют насильно принимать ислам.

Каждое слово старшего брата, точно заноза, вонзалось в сердце Камаща, но он, не перебивая, всё выслушал до конца. В сплошном мраке предсказаний, нагромождении черных туч и бед блеснул маленький, еле заметный лучик надежды на то, что князь Шабат привезет из русской крепости хорошие вести. И, наверное, этот отдаленный призрачный свет дал Камащу силы сказать следующее:

– Ты лично можешь принимать какую угодно религию, хоть сатаны, но не трогай людей, не мути их. Для меня начало и конец реки – это мой народ. Хотя ты мой брат, но нам не по пути. Мы не сможем дальше идти одной дорогой.

– Если так, – можешь ходить хоть вверх тормашками! – возопил Алхаш, поднявшись. – Вон со двора, чтобы глаза мои тебя не видели!

– Если считаешь, что всё принадлежит тебе одному, я уйду со двора.

– Да, мне одному, так как ты отрекся от брата!

– Значит, каждый скачет на своей лошади и – в разные стороны? – запальчиво уточнил Камащ.

– Да, да! Посмотрим, кто пожалеет. Куда бы ты ни поехал, а вернешься сюда, в Мшышту. Здесь я – главный! Запомни это хорошо...

Алхаш подскочил и метнулся из комнаты. Камащ проводил брата угрюмым взглядом и захлопнул за ним дверь.

Как бы там ни было, но Алхаш успешно пробивался к своей цели.

Чуть свет первым порог мечети переступил муэдзин, который по крутым каменным ступенькам с четырьмя квадратными оконцами взобрался на крайний, угловой минарет и протяжным заунывным голосом начал петь шалиуат – призыв к утренней молитве. Работавшие немедленно оставили свои дела, те, кто был дома, выскочили во двор, и каждый со страхом и со странным чувством, похожим на брезгливость, слушал непонятные слова на чужом языке. А те, кто хоть немного разбирался, поняли, что призыв муэдзина – это обман, принуждение к принятию чуждого по духу магометанства. Многие старики и мужчины поспешили к кузне, – месту, где испокон веку справляли обряды своей религии.

Когда голос муэдзина набрал полную силу, пение его вдруг оборвалось на полуслове. Ни в одном из четырех окон не стало видно его. Позже подозрение людей оправдалось: стрела, пущенная умелой рукой, навсегда оборвала его возгласения, приводившие слушателей в уныние. Наиболее рьяные приверженцы религии предков утверждали, что это – дело карающей руки Джандры. Хотя Алхаш поднял всех своих людей на ноги, никто из них не напал на след злоумышленника, и никто из жителей аула не пожелал идти к новому храму.

Алхаш, однако, силой и угрозами заставил аульчан и немногих приезжих слушать в мечети уаз⁶, проповедь турецкого эфенди, тут же переводимую толмачом.

Иноземец елейным, хорошо поставленным голосом пообещал на этом свете всем присутствующим хорошую, красивую жизнь, а на том – открытые врата рая. Но того, кто поднял руку на верного слугу аллаха, ждет суровая кара. Он будет найден и сожжен за то, что прервал священный шалиуат. И доля вины за злодеяния пала на весь аул! Правда, тем, кто примет ислам и будет свято соблюдать его каноны, улучшат питание, выдадут новую одежду, а работникам и воинам повысят жалование, отпустят соль, материю и домашнюю утварь. Стоит всего лишь произнести имя аллаха, положить руку на священный Коран и жить по его заповедям.

– Ислам, созданный всемогущим Аллахом и ниспосланный на

⁶ Уаз – проповедь

землю его пророку Мухаммеду, – вера истинная и непоколебимая, – заключил эфенди. – И тот, кто понял это, может подойти к писаной черными чернилами священной книге и принять клятву, возложив на нее руку!

Мечеть молчала, словно из нее вихрем выдуло всех присутствующих. Вероятно, безмолвие продолжалось бы и дольше, если бы Алхаш не подал свой голос. Положив правую руку на Коран, лежавший на трехножном круглом столике перед рыжебородым эфенди, он окинул злым взглядом собранных в мечети людей и отрывисто произнес:

– Я уже давно принял ислам и принял к сердцу всё, что написано в этой священной книге. Я – мусульманин, а кто не поддерживает меня, тому со мной не по пути!

«Куда козел, туда и отара», – говорят в народе. У людей не осталось выбора, как только последовать за большим дворянином.

Мусульманская религия, пришедшая в Мшышту благодаря Алхашу, какие бы препятствия ни встречала, больше не отступила. А с годами крепла и еще глубже пускала корни. Верней сказать, люди принимали не саму новую для них религию, а «религию Алхаша», потому что те, кто отвергал ислам, лишались всего – от соли и лепешек до одежды – и, влача жалкое существование, невольно завидовали мусульманам, имевшим необходимое. Алхаш, вопреки своей природной алчности, одаривал всех, кто посещал мечеть.

Укреплению «мусульманства Алхаша» способствовало два события. Во-первых, его свадьба с дочерью князя Занока Канамата, которая удалась на славу и удивила жителей семи долин. С помощью аллаха и крупного калыма Трам Алхаш стал зятем влиятельного человека, хотя сама невеста, Хабиба, открыто говорила о своей не любви к нему. Он же души не чаял в своей жене, окружал таким почетом и уважением, что не позволял палец окунуть в холодную воду, а куда ни ступит – стелют ковры. Ничего, когда-нибудь придет конец ее капризам, высохнут и слезы, которые льет днем и ночью. Чем больше плачет, тем скорей надоест: когда зима снежная, весна приходит рано.

Вторым событием стало возвращение Шабата. Нет, он не соскучился по князю и не побежал к нему с поздравлением о благополучном возвращении. Более того, Алхаш был заинтересован в том, чтобы не встречаться с ним вообще и избегать какие-либо объ-

яснения. То, что и князь не приглашал его к себе, ему же на руку: «Пусть обижается и сердится, но ничего более не предпринимает. Доля обиженного сладка, а разгневанный не способен на мщение».

У Шабата были свои причины, вынуждавшие обуздывать свой гнев. Хотя русские приняли его с большим почетом и богато одарили, поблагодарили за желание продолжить дружбу и за предупреждение о готовящемся вторжении крымчаков, но от разговора о турках уклонились, — между двумя государствами было установлено временное перемирие. Но в подтверждение своего обещания помочь в борьбе с татарами они всё же двинули свои войска с Дона к адыгским землям. Оставалось ждать извещения о нападении, но оно пока откладывалось. А вот турецкая петля была уже накинута на шею мшыштовцев, и русские здесь, — увы! — ничем помочь не могли.

По возвращении князя домой Камаш и вызволенный из плена Мамат подробно известили его о произошедших событиях. Шабат отклонил их предложение выступить против религиозных нововведений. Алхаш крепко стоит на ногах, и нужно все просчитать, выждать и ударить только в том случае, когда будет уверенность в победе. К тому же, недалек тот день, когда хан решится выместить свой гнев и отомстить за пролитую кровь его воинов. И, когда это начнется, надо будет во что бы то ни стало донести сообщение до русского царя. А до тех пор пусть Алхаш упивается своим положением.

И Алхаш не был бы самим собой, если бы упустил выгоды сложившихся обстоятельств. Дни и ночи слагались в недели и месяцы, и они одаривали его счастьем, радостью и почестями. Богатства текут к нему рекой пуще прежнего, он живет в свое удовольствие: ездит в Туапсе к тестю Заноку Канамату, с большой выгодой торгует в Абаза-кале, Тумах-кале, Капе, выезжает на охоту вместе с эфенди...

Охота для Алхаша не простое времяпрепровождение, не развлечение и даже не источник преумножения богатства. Она — жгучая потребность с ранних лет, необходимая, как вода и воздух. Он любил похвастаться: «Медведь ждет меня на том месте, где я хочу его видеть», и эфенди неоднократно убеждался в правдивости этих слов.

В один из солнечных дней вместе с эфенди, подручными по охоте и гончими Алхаш углубился в лес по извилистой тропе, которая привела к подножью скалы у входа в заросшую густым лесом долину с названием «Медвежий угол». К схватке с «косолапым» Алхаш всегда готов: он умело стреляет из ружья, лука, в совершенстве владеет

кинжалом и арканом, а если понадобится, то одолеет зверя и голыми руками! В этом у него большой опыт и сноровка. Об охотничьих удачах Алхаша ходят легенды!.. Но этот день оказался омраченным неожиданным образом. Едва он приказал своим людям, с какой стороны начинать травлю, как вдруг заметил огромного тура, замершего над скалой. Опытный лучник натянул тетиву, вымерил расстояние, определив, как верней попасть туру в грудь, чтобы тот свалился прямо к ногам, и – пустил стрелу.

Но в это мгновение произошло нечто невероятное. Его стрелу опередила чья-то другая. И то, что тур упал рядом, не доставило Алхашу прежнего удовольствия, хотя случилось всё так, как он и задумал. Наверное, поэтому он не подбежал к туру и остановил окриком собаку, рванувшуюся к добыче. Сколько ни охотился, такое с ним случилось впервые. Он был похож на проголодавшегося человека, из рук которого вырвали лакомый кусок.

Приказав спутникам не двигаться, Алхаш стал осторожно приближаться к поверженному туру. Он хотел одного: встретиться с тем, кто оказался расторопней его. Горный козел лежал у подножья скалы. Спрятавшись в густом кустарнике, Алхаш долго ждал, но никто так и не появился.

Что за чудеса! – размышлял он, подойдя к истекавшему кровью туру, пораженному двумя стрелами. Алхаш долго рассматривал их и понял: добыча не его. Чужак попал именно в ту точку, куда он намеревался, а его стрела вонзилась пальца на три выше. Алхаш не находил себе места. И не потому, что в принадлежащем ему лесу охотился кто-то чужой, а из-за странного ощущения, что сегодняшняя неудача – предвестница большой беды. Возможно, возмездия за то, что навязал своему народу ненавистную чужую веру.

– Удачи тебе, меткий стрелок! – вдруг услышал Алхаш приветствие на адыгском языке и, обернувшись на голос, увидел двух молодых людей, вышедших из-за скалы.

– И вам удачи и метких выстрелов, коль проявляете такой интерес ко мне, – ответил Алхаш, приняв их слова за неуместную шутку.

– «Хорошему охотнику зверь смотрит в дуло его ружья», – говорят в народе. И мы свидетели справедливости этих слов, – доброжелательно проговорил черноглазый парень, выглядевший постарше. – Пусть тебе всегда покровительствует бог охоты Мазитх и не покидает удача!

– Если кто-то из вас двоих, действительно, бог охоты, то согласен, – холодно бросил Алхаш.

– Куда нам до него!

– Тогда, как вы добрались до моего леса, если способности ваши не столь велики?

– Бог нас привел – ноги помогли, – ответил черноглазый, желая перевести разговор в шутку, а его напарник по-прежнему молчал, не желая вмешиваться в разговор старших. – Если мы обидели, прости нас, хозяин. Увидев тебя, мы решили сделать подарок как старшему.

– Посчитали меня стрелком хуже себя?

– Такого и в голове не было, почтенный хозяин.

Алхаш раздраженно перебил:

– Кто вы такие и откуда? Что вы потеряли в этой долине?

– Прости, добрый человек, но мы не можем отвечать на твои вопросы. Не позволяют обстоятельства. Мы беженцы, – уходя от прямого ответа, проговорил парень. – Мы не из князей или дворян, но отец наш был человеком вольным. Меня зовут Заканом, а его – Заиром.

– Не знаю, какие вы беженцы, но смахиваете на абреков. Это видно... Забирайте свой «подарок» и пойдете, – приказал Алхаш тоном, не терпящим возражений, и показывая, что здесь повелевает он.

Братья переглянулись, не понимая: их приглашают в гости или пленяют? Но разбираться в этом времени не было. Младший из-готовил шест, а старший арканом из конского волоса подвязал к нему тура за ноги. Взяв палку с ношей на плечи, они понесли ее туда, куда указал Алхаш.

Тропинка оборвалась на большой поляне, где стояла крытая повозка и лошади. Настроение было испорчено, охота – сорвана, и Алхаш велел возвращаться. Он шел молча и даже позабыл об эфенди, с кем всю дорогу болтал на ломаном турецком. То ли он запамятовал, то ли по злобе своей, но не предложил братьям погрузить тушу на повозку, и они несли ее всю обратную дорогу на себе. Когда же прибыли во двор, он сурово выпалил парням, вытиравшим белыми войлочными шляпами пот с лица:

– Теперь, коль забыли, кто вы такие, скажу я! Отныне вы – рабы главного князя Мшышты. Ты, как старший, будешь прислуживать

за столом, а тебе поручаю колоть для печей дрова. А вздумаете неповиноваться или бежать – пеняйте на себя!

Братья покорно преклонили головы.

Ярмо, надетое Алхашем на несчастных парней, с каждым днем становилось всё тяжелей. Не столько унижительные обязанности, а сколько бесчеловечное обращение мучило их. Алхаш не выпускал братьев из поля зрения, будто нет у него иных дел, как только наказывать Закана и Заира без всякого повода, и каждый раз всё строже и строже. Хабиба с первых дней появления братьев на дворе отнеслась к ним сочувственно, как могла, опекала, а теперь открыто вступалась за них, защищая от произвола мужа.

Не только природная доброта, мягкое сердце и человечность сближали Хабибу с пленными братьями. Они были ее ровесниками и принадлежали к ее народу. Эти люди были для неё родными и по языку, и по крови. Ко всему этому добавилось еще одно непреодолимое обстоятельство, – она влюбилась в Заира.

– Не одни вы тут пленники, многие страдают, – призналась однажды Хабиба, улучив момент, когда они с Заиром остались наедине. – Я тоже такая же пленница, как и вы. Ваш плач – это и мой плач. Только прошу тебя, не считай меня сумасбродной женщиной, которая не в силах держать себя в руках.

День ото дня Алхаша стали одолевать сомнения, почему его супруга так заступает за пленных братьев? Своим звериным нюхом он почувствовал неладное, но пока не находил тому подтверждения.

И он решил сурово расправиться с новыми рабами! Сначала пришла мысль отвести их на невольничий рынок в порт Арт и продать. Они молодые, сильные, обученные люди, и за них можно взять неплохой барыш. Потом вспомнил сцену пленения, и его стали одолевать сомнения: они явно не те, за кого себя выдают; рано или поздно их хозяева обнаружатся, что сулит солидный куш. Но... когда это произойдет? И произойдет ли? Не лучше ли их просто отпустить, чтобы Хабиба ни о чем не догадалась, а потом убить из засады, и тела сбросить в пропасть?

Но Алхаш не учел одного: судьбой братьев озабочен был не один он, они и сами уже прикидывали, каким образом избавиться от тяжкого княжеского «гостеприимства». К тому же Хабиба стала их единомышленницей и отважилась бежать с ними. Оставалось

тщательно подготовиться, выбрать удобный случай и, обойдя расставленные Алхашем капканы, покинуть крепость.

После долгих и мучительных размышлений, поддавшись природной жадности, Алхаш всё же пришел к заключению, что лучше братьев продать, а не бросать на растерзание шакалам. Тут же был вызван поверенный в таких делах, который получил задание связать братьев и вывезти на невольничий рынок для продажи турецким купцам. Назначив за рабов цену, Алхаш приказал устроить всё это в строжайшей тайне.

Однако молодые люди тоже не дремали. Они подготовились к побегу и решили приступить к задуманному, едва муэдзин начнет призывать к вечерней молитве. Им на редкость повезло. В условленный час Хабиба подняла крик, что в ее спальню проникли шайтаны. Когда всполошившиеся служанки сбежались, она выскользнула и замкнула их снаружи. Тем временем Закан и Заир шмыгнули в кабинет Алхаша и вооружились снятыми со стены пистолетами, ружьями, саблями и кинжалами. В эти минуты у коновязи оказалось немало оседланных лошадей – выбирай любую. Хабиба своим разговором усыпила бдительность часового, которого братья связали, а рот забили кляпом. Оставалось раскрыть тяжелые дубовые ворота и пришпорить коней...

Побег обнаружился нескоро, и поверить в него слуги, поднявшие переполох, никак не могли. Когда же они опомнились и сообщили о случившемся хозяину, братья и вероломная жена были уже далеко, мчась во весь опор под покровом ночной темноты.

В крепости быстро организовали несколько отрядов для погони и пустили по разным направлениям, как и предполагали беглецы. И, хотя в ночной мгле далеко не увидишь, все равно скрыться от слуг Алхаша было довольно сложно. Для этого нужно придумать нечто особенное, что собьет преследующие отряды с толку. Когда беглецы достигли крутого спуска, который верхоконным не одолеть, они спешили и немного передохнули.

– Надо спешить, – с тревогой проговорил Заир. – Они не заставят себя долго ждать. Нужно оторваться от погони.

– Это не так легко, как ты думаешь, – ответил Закан и поторопил: – Вы идите, не тратя времени...

– Об этом и речи быть не может! – возразил младший брат. – Будем держаться вместе.

– Не оставляй нас! – подхватила Хабиба. – Будем только вместе.

– Не переживайте, мы встретимся, – ободрил их Закан. – Будет легко или трудно, но вы не останавливайтесь до тех пор, пока не окажетесь в наших краях. Я вас там найду.

Закан взял лошадь под уздцы и, кивнув на прощанье, повел ее обратно, в ту сторону, откуда приближались враги. Заир и Хабиба всё поняли без слов...

Вскоре он добрался до главной дороги, проложенной в Абхазию, затем окольным путем спустился в долину, где их с братом пленил Алхаш, и поднялся по дороге, ведущей к перевалу. Вскоре он услышал топот погони, а потом уже заметил и зажженные, мельтешившие тут и там факелы. Чтобы привлечь внимание, он намеренно стал создавать шум: говорил в полный голос, трещал сухостоем, как бы ненароком устраивал камнепады, а вдобавок к тому зажег факелы и укрепил в расщелине...

«Родившийся у воды умеет плавать с пеленок», – эта поговорка лучше других подходила жителям Мшышты, которым умение лазать по горным склонам, ходить по тропам вдоль обрыва передавалось буквально по наследству. Закан догадался, что отряд разбился на мелкие группы, которые перекрыли тропы и основную дорогу, отрезая путь к отступлению, а часть их двинулась к нему навстречу. Преследователи, хорошо знавшие местность, были совершенно уверены, что вырваться из окружения уже никто не сможет. Если и не удастся схватить затемно, то срока им, в любом случае, осталось не далее рассвета.

Закан меньше всего думал о своем спасении. Теперь единственной его целью было то, как дорожке отдать свою жизнь. Он переговаривался с несуществующими спутниками, время от времени менял местоположение факелов, перебегал от одного места к другому, одновременно стрелял из двух пистолетов, вводя карателей в заблуждение. И те посчитали, что в западне оказались все трое беглецов.

Рассвет Закан встретил на вершине горы, плоской площадке, с трех сторон окруженной гранитными выступами. И этот небольшой пятачок он превратил в неприступную крепость. Штурмовавших воинов он встретил пулями, а когда кончился порох, выхватил меч и бесстрашно отбивался от наседавших врагов. Приступ продолжался почти целый день. Его могли легко сразить пулей или стрелой, но

приказ Алхаша взять беглецов только живыми останавливал воинов, хотя потери среди них были значительны. Это заставило преследователей карабкаться по жердям, чтобы напасть со всех сторон одновременно. Закан заметил, как охотники за его душой лезли наверх с перекошенными от злобы лицами, с налитыми кровью глазами. И страшная усталость одолела его, но вовсе не страх. Собрал последние силы, он метнул свой меч и тот, огненно сверкнув в лучах заходящего солнца, вонзился в грудь уже ступившего на вершину усатого верзилы, который упал под ноги бегущих приятелей. Но схватить смельчака они не успели. Закан бросился со скалы вниз, туда, где его уже не ждали враги, в пучину стремительной реки, шум которой доносился издалека, – во имя любви двух сердец, во имя бессмертного подвига...

У человека, которому всё легко удастся, сердце наполнится радужными мечтами. Он не любит оглядываться назад, взор его направлен только вперед. Такой счастливчик быстро теряет голову и присутствие духа, когда настигает его неожиданная беда.

Алхаш, всемогущий, наводящий страх на других, богатый, именитый – и вдруг такой позор! – от него сбежала жена. И случилось это в тот час, когда он находился в мечети и взывал к всеильному аллаху, произнося его имя через каждые два слова молитвы. Может быть, это возмездие за то, что изменил вере своих предков и, присягнув чужой религии, угрозой заставил народ последовать его примеру? Хотя он принял ислам с большой охотой, и это принесло ему известность и увеличило богатство, но в душе таились сомнения в силе новой религии. В его рвении было больше показухи, чем истинной веры. Возможно, за это аллах вознегодовал на него, послав такое тяжкое и бесславное испытание? Это плохое предзнаменование. Алхаш чуял близость беды, и надежды на избавление от нее было не больше, чем размер игольного ушка. Единственное спасение – поимка Хабибы и возвращение ее в дом. С ней вернется прежняя уверенность и удача...

Поиски беглянки продолжались уже месяц. Люди Алхаша и отца ее, Занока Канамата, разбившись на группы, обшарили все аулы,

леса и горы, обошли все семь долин, но девушка и раб точно сквозь землю провалились.

Слуху, дошедшему до него, Алхаш верил с трудом. Утверждали очевидцы, будто бы сбежала она вместе с плененными братьями, которых он по своей злобе превратил в рабов, и которым уготована была страшная участь. Говорили также, что в тот момент, когда гору окружили, укрывшихся на ней беглецов подхватили орлы и вознесли в небо. Теперь эту вершину называют именем Закана. Люди, хотя и не верили в такое чудо, распространяли эту молву, вероятней всего, в отместку за былые грехи Алхаша и его злодеяния. Если таких болтунов уличали в суесловии, то жестоко наказывали. В эти непростые дни Алхаш подолгу разговаривал с главным эфенди, открывшим для него китаб, свод исламских обрядов и законов.

— Так великий и всемогущий аллах призывает к себе верных ему мусульман, у кого сердца чисты, как родниковая вода, кто не жалея сил, творит добрые дела, — поучал турок. — Хабиба, за которую ты беспокоишься, хотя и магометанка, но позволила обмануть себя иноверцу. У аллаха одна кара для тех, кто не верит в него, и для тех, кто обманывает. Вот почему орел выпустил из клюва того, кто менее грешен, а твою жену и второго гяура птицы унесли на пожирание. Такова воля аллаха! Он отомстил за тебя!

Краснобородый турок явно гнул в его пользу, но Алхашу не доставляло это ни малейшего успокоения, втайне от проклинал эфенди за то, что хулил Хабибу. Какой бы ни была, — она первая, кому он в сорок с лишним лет открыл сердце, кого впустил в свой дом хозяйкой. Он полюбил ее безоглядно. И хотя прежде Алхаш не задумывался, теперь, после утраты ее, ощутил и понял всю силу своей любви. Чувство это тяготило, не давало покоя. Но свою возлюбленную видел он в každоночных снах...

«Волк крадется с той стороны, которая предугадывалась», — говорят мудрецы. В один из дней, когда Алхаш в горестных раздумьях о судьбе сидел в своей комнате, до него дошла весть, которой он боялся пуще всего: «Идет несметное татарское войско! Надвигается,

как саранча. Уже преодолело перевалы Умфир и Дамхур...». По всей Мшыште раскатился колокольный набат, тревожный и властный, зовущий народ на защиту родного края. Ему вторили глашатаи в дальних и ближних княжествах. С минарета мечети людей утешал заунывный голос муэдзина, возвещавшего о том, что всё во власти аллаха, он всему порука, да сохранит Всемилосердный народ от грядущих бед!

И заволокло небо Мшышты черными тучами, и нависшая над ее народом смертельная опасность охватила сердца всеобщей тревогой. Не обошла горестная новость и Баскаха Шабата. Он собрал войско и готовит его к сражениям. Алхаш, напротив, уводит своих людей в мечеть, чтобы усердными молитвами умилоствитить аллаха, чтобы послал он чудодейственную помощь, как будто враг будет ждать этого! Алхаша до бешенства доводит этот мусульманский обычай. А зачем туркам волноваться и куда спешить? Если у него горит душа, а сердце обливается кровью, то у них горит только подол расписного шелкового халата!

Когда Шабат, Камащ и Мамат выступили со своими отрядами навстречу врагу, Алхаш со своими людьми еще молился в мечети. Наводившим скуку, елеинно-слащавым голосом, похожим на бред сонного человека, эфенди поучал тех, кто желал поскорей ринуться в бой с врагами, что надо повременить, не поднимать зря оружие, чтобы не пролилась кровь таких же мусульман, как они сами.

– Войско хана только утверждает ислам, – текла успокоительная речь турка. – Он действует по согласованию с нашим великим султаном. Как придет сюда ненадолго крымская армия, так и уйдет.

– Нет, уважаемый эфенди, – впервые за долгое время возразил Алхаш. – Кто заботится о религии, тот не нападает. У хана дурные мысли, иначе бы он не выслал свое войско. В Мапе мы договорились, что вы защитите нас при необходимости. Поэтому надо срочно сообщить сераскиру!

И он, вопреки словам эфенди, послал гонцов в Мап к турецкому военачальнику и своему тестю Заноку Канамату с просьбой прислать их отряды на помощь. С такой же задачей и Шабат отправил нарочных в другую сторону, на север, в донскую степь, где находились русские полки.

Одна цель была у обоих, – стоять насмерть против крымчаков, защищая родину. Но если для Баскаха Шабата это было делом чести и

долга, то Алхаш, прежде всего, боялся мести хана. Он знал наверняка, что ханыч не успокоится до тех пор, пока не развеет прах тех, кто ранил его, похитил невесту, а заодно унизил отца и князя Дамдада. И, в первую очередь, крымчак захочет рассчитаться с главным виновником своего позора – Жихи Маматом. Однако основной замысел нападения хана на Мшышту заключался в том, чтоб опередить турок и поработить народ, живущий в долине, и прилегающие к ней адыгские княжества. Приток новых людей, несомненно, усилил бы ханское войско в будущем походе на русские земли. Татары также хотели поработить абадзехов, джанайцев, басанаевцев и камгоев. Эти княжества, хорошо понимая уготованную завоевателями кровавую участь, с большой охотой поднялись на борьбу с иноземцами, когда Шабат оповестил их о готовящемся нападении. Они поддержали мшыштовцев, двинув свои отряды к наиболее опасным перевалам и укрепив свои оборонительные позиции.

В первое время татарам противостояла немногочисленная армия защитников, разделенная на три формирования, которыми командовали Шабат, Лоу Сарлап и Алхаш. Воины их заняли позиции на перевалах: Умпир, Хампир и Дамхур. Места эти труднодоступные и надежно укрепленные. Миновать их татары попросту не могли, потому что нет иных путей, ведущих в Мшышту. Отряды защитников состояли, в основном, из храбрых и опытных воинов, не раз доказавших врагам свое умение воевать. А скрепляющей их силой была вера в правое дело защиты земли предков. Кроме того, на их стороне была местность, которую они знали до камня.

Неисчислимы полчища татар одновременно атаковали все перевалы, не считаясь с потерями, но мало кто из них достигал вершины. Их встречали меткие стрелы и пули, острые пики и булатные мечи горцев. С воплями и криком бросались они вперед, но каждый раз откатывались вниз, оставляя на узких тропах, расщелинах и склонах убитых и раненых.

В первый же день войны Шабату стало известно от Мида, перешедшего на сторону мшыштовцев и возглавлявшего сторожевой отряд, что по долине, ведущей к перевалу Мамхур, движется большое войско садзрипшского князя Дамдада под командованием безжалостного головореза Сиды и младшего княжеского сына Балта.

Шабат, пригласив в свой шатер Камаша и Мамата, поделился с ними тревожными мыслями:

– Чачуа и крымчаки хотят одним выстрелом свалить двух зайцев: отомстить за свой позор и обиды, а затем использовать наших воинов в походе на Дон. Надо во что бы то ни стало продержаться до подхода русских!

– Продержимся, уважаемый князь, – ответил Мамат, уверенный в стойкости и храбрости защитников хорошо укрепленного перевала Мамхур. – А вот Миду необходима срочная помощь. Он со своим небольшим отрядом отражает превосходящие во много раз силы!

– Я могу послать ему на помощь половину своих людей во главе с Джанхотом, человеком опытным и надежным, – поддержал Камащ. – А с остальными я продержусь, на моем участке враг не пройдет.

– Не послать ли к ним на подкрепление басанаев и джанайцев? – обратился к своим единомышленникам Шабат.

– Они храбрые воины, но не знакомы с местностью, – возразил Мамат. – Уж пусть лучше останутся с тобой. Разрешите мне поехать к Миду!

– Нет. Основные бои развернутся здесь. И распылять силы не следует.

На совете решили, что к Миду должен отправиться Камащ со своим отрядом. Садзы родственны по крови, отличные воины и не считаются с этим было бы равносильно поражению. На сей раз они на стороне Дамдада и настроены против мшыштовцев весьма агрессивно. Когда на поле брани встречаются равные по силе и подготовке войска, предрешить исход битвы может простая случайность. Садзы, без сомнения, будут драться до последнего воина. Однако они также знали о стойкости и отваге защитников этой земли. И были реальны опасения, что в смертельной схватке между собой абазыны уничтожат друг друга.

Нет на свете советчика хуже, чем сомнение. Алхаш со своими воинами вызвался защитить выход на Хумпирский перевал, который лежал западнее, у самой границы Мшышты. Его отряд был одним из сильнейших, а о дисциплине и говорить не приходилось: прикази он прыгнуть со скалы, – ни один не дрогнет.

Как бы ни были подготовлены и бесстрашны воины Алхаша, но

с каждым днем ряды храбрецов редели, – татары во много раз превосходили их численностью. Уже небольшая горстка смельчаков сражалась со своим владетелем, а иноземцы напирали с новой силой, стремясь сбросить отряд Алхаша с перевала вниз, в долину. С трудом им удалось прорвать левый фланг обороны. Алхаш перенес свой командный пункт дальше в тыл, откуда наблюдал и руководил сражением. Его воины дрались как львы, ни один из них не показал врагу спины, не бросил своих товарищей. Алхаш, впрочем, наблюдал за кровопролитным зрелищем каким-то отрешенным, безучастным взглядом, скрестив руки на груди. Из задумчивости его вырвал голос командующего его охраной:

– Не пора ли нам вступить в бой? Еще немного и – всё будет кончено. Противник обходит слева наши ослабевшие ряды. Татары вот-вот перевалят через вершину!

– Ты считаешь, что нужно сбросить их вниз? Может, еще рано?

– Как рано? – с недоумением переспросил старший охранник.

– Может, хан по-доброму всё уладит? – снова возразил Алхаш.

– Тот, кто думает о добре, – в лоб не стреляет. И зачем нам его доброта, если всех нас поубивают?

– Тогда действуй! – проговорил Алхаш и тут же остановил храбреца. – погоди, видишь, скачет всадник? Давай узнаем свежие вести.

Осадив скакуна, отчаянный воин спрыгнул на землю и, несмотря на усталый вид, подошел к ним твердым шагом. Его лицо, с потеками крови, было покрыто пылью.

– Пусть удача будет на вашей стороне, уважаемые старшие. Меня прислал Басках Шабат.

– Что, прижали его татары? Взяли в клещи? – с нескрываемым злорадством спросил Алхаш.

– Нет. Он велел предупредить, что садзы подходят к Мамхурскому перевалу.

– Значит, и садзы против нас... – пробормотал Алхаш и вдруг изменился в лице, глаза его наполнились яростью, голос обрел силу. – Сбросить их с высоты! Гнать туда, откуда пришли!

Он, будто очнувшись от спячки, окончательно убедился в истинных намерениях и хана, и Дамдада! Теперь свой долг он выполнит, чего бы это ему ни стоило!

Положение осложнялось с каждым часом. Необходимо было предпринять что-то срочное, чтобы спасти оставшихся людей.

Шабат пригласил к себе всех командиров и предложил отвести защитников перевалов и укрыться в густых лесах долин до подхода русского войска. Эти слова вызвали бурные споры, но не согласиться с единственно мудрым решением они не могли. Под покровом ночи мшыштывцы отвели свои силы в более безопасное место.

Утром следующего дня татарские орды, не встречая никакого сопротивления, словно лавины с гор, неудержимо ринулись в долину, всё разрушая на своем пути. Несмотря на уговор, не отступил только Алхаш со своим малочисленным отрядом. Татары и садзы несколько раз атаковали перевал Хумпир, но каждый раз пятились, неся большие потери. Со стороны могло показаться, что погибшие защитники воскресают и снова становятся рядом с товарищами. Никто из них не отступил, не дрогнул, пока к ним не подоспели гонцы, посланные Алхашем в Мап вместе с турецким парламентом. Алхаш продолжал вести бой до тех пор, пока турок лично не поехал к татарам и не уговорил их поднять флаг перемирия.

— Теперь другое дело, — с притворной радостью проговорил Алхаш, встречая посредника. — Всемогуций аллах свидетель, что я верой и правдой служу и признаю лишь владычество Турции. Желание султана для меня и моего народа — закон. Во имя аллаха милосердного и единого я готов стоять по пояс в крови ради вас, наших защитников.

— Эх, хозяин Мшышты, — небрежно бросил турок. — С обеих сторон это было бесполезное и ненужное кровопролитие. Ошибся хан, погорячились и вы, забыв, что все мусульмане — братья.

— Как это «погорячились», высокочтимый?! — вспыхнул Алхаш. — Разве не должны мы были противостоять врагу с оружием в руках? У нас есть договоренность с Портой, и мы, как могли, подтвердили её, защищая с оружием в руках.

— Крымский хан делает то же самое. Он старается, чтобы повсюду взял верх ислам, — более дружелюбно заговорил парламентар. — Разницы никакой нет — и вы, и они — наши друзья. Хану и его сыну, по всему, не понравилось то, что в этих прекрасных местах всё еще силен дух безбожной веры, а некоторые хотели бы принять религию гяуров. А теперь, когда благодаря нам кровопролитие остановлено, вы должны объединиться и направить свое грозное оружие против России. Вот о чем надо думать.

– Да пусть великий Аллах вложит в твои уста справедливые и умные слова, – уже более рассудительным тоном ответил Алхаш. – Твоя речь для нас – путеводная звезда. Но там, где присутствуете вы, не должно быть власти хана и в помине.

– Обсудим и это, – был холодный ответ турецкого посредника.

Местом для переговоров выбрали мечеть. Здесь в большой комнате главного эфенди встретились главы враждующих сторон: Алхаш, ханыч и Балт, сын Дамдада, недавно вышедший из-под опеки отца.

Ханыч еще до начала переговоров понял, что поспешил с ничемной и кровопролитной войной. Они с отцом, сказать по правде, не столько поспешили, как безнадежно опоздали. По их расчетам турки еще не успели здесь пустить глубокие корни. Да и в способности Алхаша, подружившегося с турками, они не поверили. Теперь вся вина за вторжение в долину падет на него, сына крымского хана, ослепленного жадной мести. И турецкий посредник, и служители ислама, как видно, будут на стороне мшыштовцев. Эти догадки, точно клещи, давили сердце ханыча. Сколько раз они с отцом подсчитывали выгоды от присоединения Мшышты, сколько раз распределяли, какой аул будет платить ту или иную дань. А теперь всё рухнуло! Добейся они своих целей, – как бы выглядели перед султаном, как возвысила бы их победа в распространении ислама! А сейчас он, ханыч, похож на дерево с опавшими листьями. Близок локоть, да не укусишь. Невольно его сомнения и неудачи перешли в животный страх. Как смели крымчаки позариться на земли, принадлежащие Турции, которой они сами беспрекословно подчиняются?

Однако как ни старался, ответы на свои вопросы ханыч так и не нашел. Он был вынужден начать переговоры с извинений:

– Простите меня, уважаемые, если мы допустили ошибку. Но всё это сделано с единственной целью: поднять над Мшыштой зеленое знамя ислама, чтобы оно развевалось здесь вечно. Ведь ходят слухи, что на эту долину заглядывается русский царь, чтобы привить народу свою религию. Помимо этого, я должен был отомстить за пролитую моими братьями кровь и обиды, нанесенные мне лично.

– Какая причина заставила тебя пролить здесь кровь? – уточнил турецкий парламентар.

Крымчак подробно рассказал обо всём, что было, начиная с ограб-

ления фургона и кончая жестоким нападением на его караван в долине, когда лишился невесты.

– Вот сидит человек, который всё это видел своими глазами. В трудную минуту он бросился мне на помощь и подвел своего коня. Пусть скажет! – ханыч указал на Алхаша.

– Кто не достает до быков хворостиной, тот бьет по передку повозки, – поучительно сказал длиннородый эфенди. – Если на караван напали разбойники, то, спрашивается, причем вся Мшышта?

– Следы ведут в эти места.

– Разбойник на то и разбойник, чтобы напасть и скрыться, – усмехнулся посланник из крепости Мап. – Твои доводы слабы даже для подозрений. А что скажешь ты, сын славного Дамдада?

– Я могу сказать лишь одно, – произнес Балт, высоко подняв голову, подчеркивая тем самым свое княжеское достоинство. – Эти лесные собаки унизили моего отца, главного князя садзов, а моя луноликая сестра погибла из-за них. Разбойники сеют смуту среди наших подданных, а главный виновник всех этих бед – Жихи Мамат, нашел приют в Мшыште, скрываясь от справедливой кары.

– Если тебя ужалила оса, то не станешь же ты убивать всех подряд, на которых она сядет, – заметил с улыбкой второй турок, прибывший из крепости.

– Всё проясняется, – поддержал его посредник. – Если у этого Мамата не целая армия, думаю, он со своими дружками долго не продержится. Найдем их хоть из-под земли. Не так ли, хозяин Мшышты?

Алхаш встал и в знак уважения склонил голову, прижав правую ладонь к сердцу.

– Вы – гости аллаха, а после – мои. Вы – представители великой страны, чью светлую религию я принял. У меня один выбор: идти по пути, указанному исламом и вами. Каждый отвечает за свое дело. Но скажу прямо: я не стану ловить разбойников, но и на их защиту не пойду, – до них мне нет дела.

Говорить долго и попусту не имело смысла. Турки были заинтересованы только в том, что могло принести им выгоду. Поэтому, по-видимому, отложили решение вопросов, связанных с переговорами, на неопределенное время. Когда враждующие стороны немного успокоились, слово взял главный эфенди.

– Говорят, шедший для свершения хаджа в Каабу⁷ повернул обратно, когда до цели оставалось полдня пути. Тебе, достойный потомок Гиреев, как сыну хана, не подобает возвращаться домой, не выполнив хотя бы одно из начатых дел, иначе уподобишься тому человеку.

– Без вашего согласия, высокочтимые, я не могу предпринять что-либо, – смиренно ответил ханыч.

– Чтобы поднять и крепко держать флаг ислама в этой долине, надо установить законы тех, кому он принадлежит, – приказал эфенди.

Алхаш сразу понял турка: во всех аулах нужно установить магометанство. И тут без силы принуждения и грубого нажима не обойдешься. С этой же целью привел свои полчища и крымчак. Пусть попробует воздействовать на народ, заставит мшыштовцев принять ислам. А он, турок, тогда «чужими» руками будет рвать крапиву.

– Аллах прощает все грехи тому, кто усердно борется за установление ислама, – снова обратился эфенди к ханскому сыну. – Всемогуший простит и тебя, если начатое дело доведешь до конца. Железо куется, пока оно горячо.

– Готов на всё, только дайте свое разрешение! – самодовольно воскликнул ханыч, сияя от радости и появившейся возможности.

– Кто хочет творить добро, тот не спрашивает, а действует, – назидательно бросил турок. – Ты же не спрашивал разрешения, когда это требовалось.

Крымчак понял всё, что надо было. Забыв о своих неудачах, он прошелся по всем аулам «палкой» ислама, приняв ее из рук турецкого эфенди. Кто сопротивлялся, он запугивал, не пугался – уничтожал. Во всей Мшыште не наберется столько людей, сколько их в одной только крымской армии...

Хотя служители ислама с большим рвением взялись за его насаждение, ничего у них не получилось. Мшыштовцы убегали в леса, прятались в недоступных ущельях и пещерах, а те, кто не мог спрятаться, сопротивлялись иноземцам, как только могли. Многие

⁷ Кааба – мусульманская святыня в виде кубической постройки во внутреннем дворе мечети Масджид аль-Харам (Заповедная Мечеть) в Мекке: одно из основных мест, собирающее паломников во время хаджа.

вливались в отряды Шабата и других князей, которые продолжали бороться против татар в ожидании подхода русского войска.

К счастью жителей Мшышты, насилию и угрозам хана пришел скорый конец. Хан не уподобился человеку, который на повеление «Принеси голову» доставил шапку⁸. Он был из породы людей, которые одновременно притаскивали и голову, и шапку. Ни с чем не считаясь, крымчак с жестокостью голодного волка занимался выполнением приказа турок, и – позабыл об осторожности.

В негаданный день русские и кабардинские войска смерчем ворвались в Мшышту. Застигнутые врасплох татары даже забыли о сопротивлении. К освободителям присоединились скрывавшиеся отряды мшыштовцев и других княжеств. Татары, словно сорванные и подхваченные ураганным ветром листья, метались в животном страхе, но их настигали повсюду острые пики, стрелы, булатные мечи. Они прыгали с обрывов, прятались в зарослях, но нигде не было спасения. Оставшиеся в живых сдались в плен.

После бури всегда наступает затишье. Молчали аулы Мшышты и возвышавшиеся над ними горы. Хранили молчание победители, разбросанные тела мертвых крымчаков и живые пленники. Безмолвствовали мечеть и турки. Не размыкая уст, сидел в своей комнате Алхаш, покинутый и одинокий, за неделю растерявший все свое богатство. Не нарушали всеобщего молчания и Шабат с друзьями. Все они прислушивались к своим сердцам. Мало ли что могло сказать оно каждому из них?.. Одни радовались, другие рыдали... Такова жизнь.

⁸ У абазин бытует поговорка: «Ахъа глаг», – рхлварыквын, ахъылпа гларгит1» («Когда говорят: «Принеси голову», приносят шапку»), что свидетельствует о равноценности в народном сознании шапки и головы.

Часть четвертая

ЛАБА

1

Время не ведает преград. И в Мшыште оно не останавливалось ни на мгновение: ни для того, чтобы разделить чью-то радость или успокоить страждущего, ни для того, чтобы образумить заблудшего. И, не скованное ничем, следует оно своему предопределению.

Беспощадный жар огня одолевается водой, солнечный свет способно затмить облако... Сколько туч сгущалось над Мшыштой, сколько раз предавалась она пламени, но всегда, собираясь с силами, разгоняла невзгоды, гасила пожары, возвращалась к мирным будням. И ныне стоят здесь ясные дни, край расцветает, над домами аулов вьются мирные дымы, и вот уже лет двадцать – с тех пор, как отразили нападение турок и крымских татар, тепло очагов согревает жителей. Абазины Мшышты хранят признательность народам, помогавшим отстоять свободу, – русским, адыгам, кабардинцам – поддерживают с ними добрососедство, воодушевлены тем, что есть у них надежная опора.

Однако чем лучше становится жизнь людей, тем больше появляется у них завистников. Так изначально ведется в человеческом обществе. Один обладает всевластием, забирая себе десять свобод, а другой лишается и одной единственной. Обрести потерянное, вернуть отобранное – трудное, но необходимое условие бытия. И важней этого нет ничего на земле. И никто на белом свете не в состоянии уклониться от этой борьбы. Потому и приходится соблюдать осторожность, накапливать мощь. Никогда не забывали об этом Шабат Басках, Камащ Трам, Мамат Жихи и их собратья.

Своей прежней жизненной дорогой, стараясь добиться верховенства, следовал Трам Алхаш. Он уже не так могуч, как в былые дни. Да и откуда братья силам, если ему перевалило за шестьдесят? После разрушения его княжества Алхашу так и не удалось восстановить богатства и влияния, хотя очень хотелось жить по-княжески.

Чтобы обзавестись наследником, он создал новую семью. Заплатив большой калым, в жены взял дочь кабардинского владетеля, по имени Нанащ, прославившуюся красотой по всему Кавказу. У них родились две девочки и сын. Теперь его дочери-красавицы на выданье, и многие набиваются в зятья. Минуло пятнадцать лет и его наследнику Мустафе, которого называли в честь турецкого сераскира. Трам затаил мечту, чтобы сын стал умелым хозяйственником и предводителем, потому воспитывает его деспотичным, хитрым и безжалостным к людям, – с такими же взглядами на жизнь, как у него самого. И вот этот недоросль ныне на равных с отцом является управляющим в хозяйстве и судьей.

Хотя турки изгнаны из Мшышты, Алхаш поддерживает с ними контакты. Быть может, он и недолюбливал их религию, но соблюдает исламские законы и заставляет всех, кто в его власти, придерживаться этой веры. Алхаш полагал, что благочестие пригодится в будущем. Эта его хитрость была понятна людям. «Он умеючи далеко забрасывает аркан», – не скрывали они своей насмешки.

Когда Камащ женился на Сакане, дочери Шабата, то решил не оставаться не то что во дворе старшего брата, но даже в одном ауле с ним. Уже ничего не было, что могло бы их примирить. Камащ относится к двуличности брата столь непримиримо, что готов взяться за меч. Не настаивая на разделе имущества и не предъявляя никаких претензий, Камащ вместе с женой и людьми, связанными с ними дружбой, покинул аул. Однако поселились они неподалеку. В северной стороне Мшышты, в начале ущелья, выбрали место и принялись его осваивать. В этой окрестности, заслуженно поименованной «Медвежьим углом», прежде охотился Алхаш. Теперь у нее название – Закан, данное в память об адыге, не сдавшемся слугам Алхаша. И гора эта, и ущелье с горной рекой, длина которой составляет полдня пути, и живописная долина носят то же название. И, хотя еще рано говорить о каких-то значимых свершениях, аул стали называть Трамовским в честь Камаща, который первым забил здесь кол. Сначала селение насчитывало немногим более полусотни дворов. Все строения, расположенные вдоль высокого берега, возведены одинаково добротнo и красиво. Дом самого Камаща немного выше, но ничем особо не выделялся среди прочих. Если не считать примкнувших к нему четырех-пяти слуг, которым некуда было деться, он собственными силами управляется с хозяйством,

стараясь, чтобы его семья, включавшая жену и восьмерых детей, ни в чем не нуждалась. Хотя он женился поздно, трое старших сыновей выросли и стали ему надежной опорой. Первенца он назвал Ларсом в честь своего любимого друга. В память о Даримас была названа единственная дочь. Она, похожая на свою мать, выдалась красавицей и умело вела домашние дела. В тот же день, когда она родилась, ее обручили с Рауаном, сыном Мамата, в знак добрых отношений, сложившихся между родами Трам и Жихи и нерушимой дружбы между их отцами. Хотя Рауан старше ее на десять лет, она всем сердцем любит парня и очень довольна предназначенной ей судьбой. Это произойдет по истечении последнего дня ее восемнадцатилетия, через год с небольшим.

Мамат также живет в Трамовском ауле. Его жилище стоит у подножия горы Закан, поодаль и выше других улиц. Оттуда видно, как, соперничая в буйстве, сливаются быстроводные реки Закан и Ардз, шум которых отдается в ущелье и далеко разносится по долине. Выбор этого места не случаен. Именно здесь прятал Мамат свою семью, когда впервые оказался в Мшыште. Внимательно осмотрев пещеру, в которой прежде скрывались, он устроил здесь кузню, плавил добываемую в известных ему местах руду, а затем обрабатывал, ковал воинское снаряжение и необходимый хозяйственный инвентарь. Многих, включая сына Рауана, он обучал секретам своего дела на протяжении последних лет. Его мастерство славят в каждом доме аула. Правда, после Рауана у Мамата и Аицы долго не было детей. Теперь у них растет малыш, которому всего шесть лет. Хотя старость и болезни исподволь одолевают Мамата, он по-прежнему возлагает большие надежды на своего старшего сына.

Рауан стал вполне зрелым человеком, способным к общественной деятельности и борьбе. Его воспитание, начатое Дамдадом, продолжено прославившим свое имя отцом Маматом и жителями аула. Рауан не раз отправлялся с товарищами на помощь черкесским князьям, атакованным войсками крымчаков, и своей храбростью добился того, что гордые ашуги воспевали его в песнях. В последний поход, при защите княжества Басаней, он был ранен, пленен турками, но через год вырвался из неволи. Благодаря этим походам и испытаниям, он понимает адыгский и турецкий языки. Немало слов перенял и от русских, с которыми рядом сражался против турок. Вдобавок к тому, обладал он и хорошими знаниями

о природе. Мшышта порой бывает столь сурова и непредсказуема, что без смелости и опыта тут не сделаешь лишнего шага.

А Шабат, как ни грустно, состарился. Виски его выбелили невзгоды. За последнее время ноги его ослабли, щёки запали, хотя и были покрыты белоснежной бородой, прибавилось глубоких морщин. Он редко выходит из дому, да и то поблизости. Лишь неизменными остались в нем спокойные, излучающие свет глаза, в которых отражались умудренность и нестигаемая воля. Когда Шабат начинает говорить, хотя это дается нелегко, каждое его слово имеет вес. Авторитет князя только вырос! Достоинство и справедливость мудреца, известные не только в родном ауле, но и в соседних княжествах, заставляли относиться к нему с уважением даже своенравного Алхаша.

Несмотря на убывающие силы, Шабат сохраняет ясный рассудок. Немало усилий приложил он, прививая народу нравственные традиции, и теперь до глубины души доволен результатом этих стараний. Обрадован Шабат и возвращением сына Муджара, который с детства воспитывался у храброго абадзехского героя Мсауста Птыща. Теперь Муджар обзавелся семьей и управляет хозяйством отца, исполняя все его указания старательно и беспрекословно.

Словом, Шабат твердо верит в молодое поколение: оно сможет достойно жить и защитить себя. Но нерешенной проблемой, вставшей перед абазинами, он считает огонь мусульманской религии, который полыхал в Мшыште и не поддавался тушению. Без сомнения, языки этого пожара выбивались из дома Алхаша, распространяясь во все стороны. Доходили вести о том, что им охвачены не только аулы Мшышты, но и территории соседних народов. Турки и крымчаки, хотя и не вели в то время войн, отправляли проповедников ислама в северокавказские земли, через торговлю и другие способы налаживали отношения с горскими народами. Их целью была подготовка к войне с русским государством, чтобы завоевать Кавказ.

2

Мамат встал на рассвете и вывел из денника лошадь, самую спокойную среди других. Счастливый маленький Барцыц бегал рядом, вертя головой. Как было не радоваться: сегодня наконец на-

стало затянувшееся «завтра», день, давно обещанный отцом. Прямо сейчас на гнедой, которую оседлает Аба (так он называл отца), он самостоятельно поедет к дедушке Шабату. Он отвезет трость, сделанную отцом, и от дедушки, конечно, получит подарок за это, потом поиграет с тамошними ребятами в альчики. Поэтому к его ремню и подвязан кожаный мешочек, доверху заполненный костяшками.

– Если не удержишься и упадешь, я тебя отшлепаю и больше не позволю садиться на лошадь, – предупредил Мамат сына, которого легко поднял и усадил в седло. Потом, подумав, добавил: – Не позволяй никому тебя задерживать. Да смотри, не потеряй трость. И обязательно вернись до захода солнца.

Сказав: «В путь!», – Мамат ладонью ударил лошадь по крупу. Хотя он был уверен, что Барцыц справится с «поручением», но, тревожась, долго провожал взглядом маленького всадника: дорога, хоть и коротка, но опасна. Ему предстоит ехать через лес, а там много балок и урочищ. Кто знает, кого он может встретить на дороге: волков или людей. И все-таки в воспитании горца этим чувствам нельзя давать волю, нельзя поддаваться мягкосердечию. Если хочешь вырастить настоящего мужчину, с раннего детства приучай его преодолевать страх!

Воспитание Мамата проходило по таким же жестким правилам. И вообще это – традиция, которая выделяет среди других и, связывая поколения, объединяет род Жихи. Подумав так и несколько уняв тревогу, Мамат приступил к запланированным делам. Он спустился по ущелью, вдоль разбушевавшегося Ардза, в дальний лес, чтобы нарубить черноклена, используемого для изготовления посуды, и заодно разведать труднопроходимую местность.

Пока Мамат занимался заготовкой, солнце перевалило через зенит. Он погрузил на серого мула, превосходившего выносливостью любую лошадь, кленовые чурки и сколотые на ранее примеченной скале блестящие камни и – отправился домой. Придерживая мула за недоуздок, он медленно шел по узким заросшим тропам. Весь день он вспоминал о Барцыце, а сейчас ощутил тревогу: «Ай, рановато я отправил его в путь одного...» Но, вновь вспомнив о мужестве, которому с детства нужно учить горца, он осадил себя.

Горные сколки в походной сумке были не простые камни. Это богатство, которого хватит на всю жизнь. Если правильно их обрабатывать, то не только семья Мамата, но и весь аул будет жить в

достатке. Более того, богатства хватит на всю Мшышту. Это та самая руда, переплавляя которую, нарты делали плуги и сабли. На Закане ее найти нелегко, а здесь горы такой породы, состоящей из меди и свинца. Если обследовать окрестности, то они откроют неслетные залежи. Только с кем можно обсудить такие дела? Алхаш, как о нем ни говорят и каков он ни есть, осведомлен о плавке руды. Если он узнает о том, что кроется в недрах Мшышты, то не допустит к горам ни жителей аула, ни кого другого...

Размышляя обо всем этом, Мамат поднялся наверх. И вновь подумал о Барцыце: «В это время он уже должен вернуться...» Беспокойные мысли отвлек недолгий шум камнепада. Он остановился и внимательно посмотрел в сторону, откуда донесли звуки. Но ничего не приметил. Мамат знал, что по склону горы, откуда осыпались камни, тянулась глухая дорога, которую называли «старой Тамерлановой». Странно, там ведь никто не ходит. Мамата это заинтересовало...

Нет, ему не послышалось. Теперь он воочию видит: в Мшышту въезжает отряд всадников. Численностью, пожалуй, не больше двадцати человек. Он обратил внимание, что внешне они не похожи ни на один народ, проживающий в этих краях. У них особая манера держаться на лошади, чужая одежда, чужой способ носить оружие, и появились они здесь тайно. Они пришли с той стороны, откуда никто не ждал!

Над просторным ущельем, приютившим семь аулов, поднимаются снежные вершины, дающие разгон потокам рек. Они усиливают мощь Ардза, по мере того, как он всё дальше течет к северу, а лесистое межгорье становится тесней и глубже. Наконец ущелье делается таким глубоким, что не видно дна, а проход между двумя горами, проложенный бешеным потоком самой реки, превращается в узкую щель. Будто разозлившись на тесноту русла, Ардз, точно бы орел, размахивая водяными крыльями и ударяя ими о скалы, мчитсЯ вниз. Здесь уже ни одно существо не осмелится войти в воду ни вдоль, ни поперек реки!

Так откуда же появились эти люди? Что их привело сюда? Вдруг окатила тревога: «А если у чужаков злые намерения?» Но, взяв себя в руки, он стал рассуждать более спокойно. Чтобы лучше разглядеть всадников, Мамат поднялся на скалу, вдоль которой пролегал их путь. Там он укрылся в терновых зарослях, совсем близко к тропе.

Вот и они, идут, держа под уздцы коней, растянувшись журавлиным клином. Видно, что пришельцев угнетает страх. Как им не бояться: сверху и снизу горы, дорога настолько узка, что двоим не разойтись. Малейшая оплошность – и поглотит пучина Ардза.

Идущий впереди, судя по виду и движениям, был решительным и опытным человеком, внешне – узкоглазый, с пухлыми щеками, лицо темно-желтое. Слева на ремешке у него – широкая сабля, из-за пояса выступает рукоятка пистолета. И конь его снаряжен добротно: к седлу привязан лук, стрелы в походном полосатом мешке. А сам он, не умолкая, разговаривает с тем, кто идет чуть позади.

Пока Мамат прислушивался, знаком ли их язык, они прошли мимо него. «Кто они? – терялся он в догадках. – Вроде не турки, и не татары...» Вскоре приблизилась основная группа, следовавшая в полусотни шагов от первой. Как только взгляд Мамата остановился на воине, возглавлявшем колонну, по его выделяющейся одежде, шитой золотом, по богатому снаряжению и почтенному виду он понял: это предводитель. Бросилось в глаза, что человек этот, ведя правой рукой в поводу коня, левой помахивал тростью в такт своим шагам.

Страшная догадка обожгла Мамата: «Это моя трость из боярышника, сделанная для Баскаха. Именно та, которую я поручил отвезти Барцыцу! Но где же сынок? Где же сам Барцыц? Дела плохи... Эти всадники не внушают доверия...»

Сердце Мамата пронизал холод. На ослабевших ногах, задыхаясь, он с трудом добрался до аула.

– Где Барцыц? – спросил он у вышедшей навстречу супруги.

– Он еще не вернулся, – ответила она и, поймав взволнованный взгляд мужа, вскрикнула: – О, горе мне... Что же могло случиться?

– Надо подождать, – проговорил Мамат, пытаясь подавить охватившую его тревогу. – А Рауан дома?

– Его к себе позвал Камащ.

Мамат пережил много бед и невзгод, но никто не видел его в таком отчаянии. Ему стало неловко от того, что предстал пред женой в смятенном виде.

– Не переживай так, Аица. Если Рауан здесь, я пошлю его за братом.

– Он вернулся незадолго до твоего возвращения и сразу отправился к Камащу.

Не ответив, Мамат взял седло, уздечку и поспешил к другу. Когда

прошел небольшую балку и лесок, разделяющие их дома, он издали увидел сына, стоящего перед загородкой, сделанной из плетня. Рауан разделявал подвешенную тушу оленя. В сторонке лежали соединенные между собой два больших оленьих рога.

– Доброго дня тебе, Рауан! Хороша твоя жизнь, – приветствовал Мамат сына.

– И тебе доброго дня, отец! – отозвался Рауан, воткнув свой нож в оголенную оленью ляжку, и улыбнулся. – Это – удача Камащ...

– А где сам хозяин? – осведомился Мамат, скрывая свою взволнованность.

Как раз в эту минуту, распространяя аромат жареного мяса, из-за угла домика вышел Камащ, с рвущейся из-под коротко подстриженных усов улыбкой. Поставив на землю плоскую медную посудину, над которой поднимался пар, он развел руками.

– Очень вовремя ты пришел, дорогой. Пойдем в тень: говорят, что хороший человек приходит к накрытому столу.

– О-о, Камащ, друг сердечный, – поддержал Мамат его веселое настроение, – как может подоспевший к столу соперничать с тем, кто успел накрыть стол?!

Он не показывал своего беспокойства, обмениваясь с соседом шутками, до тех пор, пока не закончилась трапеза. Подождав, пока сын уберет столик, Мамат многозначительно посмотрел на хозяина.

– Идя сюда, я очень торопился. Как говорят, собирался за айраном, но, придя, спрятал миску. Теперь слушайте внимательно. Я поручил Барцыцу отвезти трость князю Шабату, а его до сих пор нет.

Рауан неотрывно смотрел на отца большими черными глазами. Его взгляд говорил о том, что услышанная весть встревожила его. Камащ нетерпеливо уточнил:

– Мальчик был один?

– Да, один. Он прожужжал мне все уши, настаивая, что должен ехать самостоятельно, – ответил Мамат, мысленно казнясь за уступку сыну. – Рауан, немедленно отправляйся за ним.

– Поторопись! – поддержал Камащ. – Мой конь рядом. Садись на него.

Затем, положив руку приятелю на плечо, успокоил:

– Раз он смог поехать, значит, может и вернуться. Не надо так сильно беспокоиться. Он – мальчишка смелый!

– Он не довез трость, Камащ, – напомнил Мамат.

– Что переживать из-за какой-то палки...

– Меня интересует не она, а возможные последствия. Сегодня я встретил отряд всадников. Они поднялись по старой дороге Тамерлана.

– Не может быть, – не поверил Камащ. – Там же сплошные обвалы и заросли кустарников. Этим людям наверняка пришлось нелегко. Впрочем, они могли снова сделать проходы в труднодоступных местах.

– Как бы то ни было, они пришли. Я видел их собственными глазами и насчитал семнадцать человек. Но внешне я не смог определить, к какому из народов их отнести.

– Кто бы они ни были, их интересует наша земля, – нахмурился Камащ. – Пока они еще не далеко, давай подумаем, что предпринять. Иначе они могут принести немало вреда!

– Численностью в несколько человек вряд ли они опасны, – возразил Мамат. – Здесь нужно подумать о другом. Я уверен, что это дозор, а за ним двигаются войска.

– Нужно их схватить, – предложил Камащ.

– Пожалуй, лучше взять одного-двух, чтобы выяснить, почему они здесь. А следить за ними будем постоянно!

3

Наметив, кому что делать, друзья оседлали лошадей. Оба знали: чтобы чужакам добраться до аула Мшышта, нужно идти тернистыми тропами, а затем одолеть густой лес. А им, местным жителям, было ведомо, как сократить путь. Мамат прикинул, куда могла добраться таинственная группа с того момента, как он ее встретил. Аульчане напрямик добрались до предполагаемого места. Они спешили на площадке, образованной лесными тропами.

– Чужаки еще внизу, – предположил Мамат. – Нужно их обойти. Похоже, они делают привал.

– Вряд ли путники отдыхают. Скорей всего, остановились на ночлег возле Орехового родника.

– Пожалуй, так, – согласился Мамат. – У них, по всему, бывалый предводитель. А если они – мусульмане, то не пропустят молитвы. Видимо, совершали предвечерний намаз до сумерек и решили поостеречься.

Так и оказалось. Вскоре, обнаружив чужеземцев, украдкой приблизились к ним.

Те расположились прямо посередине поляны, поросшей травой. Вокруг были разбросаны седла, оружие, вещи. Воины оживленно переговаривались. Лошади с надетыми на ноги путами паслись.

— Хоть бы сдвинулись к краю поляны, — вполголоса промолвил Камаш. — Ведут себя, будто дома.

— Без сомнения, ими командует бывалый человек.

— Похоже, это степняки. Видно, что они боятся леса. Как считаешь, Мамат?

— Я думаю, они видят, что меняется погода: вероятен дождь. Тот, кто знает о последствиях грозы, никогда не спрячется под деревьями — мишенью для молний, и не расположится вблизи ручья, потому что он может превратиться в бурный поток. А находясь посередине поляны, они могут заниматься своими делами и заметить приближение неприятеля.

— Ты прав, — согласился Камаш, удивляясь логике друга.

— Конечно, они не отправились бы в дозор без опытного командира, — добавил Мамат. — Вот я еще раз пересчитал их, и все семнадцать оказались у меня на виду. По обыкновению, посылают в разведку двадцать, пятьдесят или сто человек.

— Может быть, этих тоже было двадцать, когда они отправились в путь, а в дороге потеряли троих?

— Или на это повлияли трудности, связанные с преодолением горного перевала.

— Если учесть сложность троп, по которым они пришли, их осталось даже больше, чем могло быть. Что же они намерены делать?

Обсудив ситуацию, решили, что дозор выслан крымским воеводой. Чего бы чужеземцы ни искали, трогать их нет оснований. Но нельзя также упускать крымчаков из виду, позволить уйти из Мшышты северной дорогой, по которой пришли, ибо сородичи последуют их примеру и нагрянут в долину.

Камаш остался наблюдать за чужеземцами, а Мамат вернулся домой. У ворот был привязан взмыленный конь Рауана.

Вероятно, старший сын привез недобрую весть. Сердце горестно замерло, Мамат соскочил с коня. Рауан вышел навстречу, общил сдержанно:

– Барцыц не доехал до дедушки Шабата. Я осмотрел все развилки дорог, но не нашел...

– Ты должен был заметить след его коня, – перебил Мамат, пытаясь справиться с охватившей его тревогой. – Подковы новые... Наверное, ты смотрел невнимательно.

Мамат прошел к тому месту, где посадил на лошадь Барцыца.

– Вот здесь малыш сел на гнедого... Вот вмятины от подков, – указал он плетью на землю перед собой. – Нужно пойти по следу. Барцыц не съехал бы с дороги, если бы не случилась беда... Отправляйся, пока светло. Обязательно найди место, где следы сворачивают с дороги!

Рауан, не говоря ни слова, пошел по следу, держа коня под уздцы. Сам Мамат, успокоив и отправив в дом Аицу, подался в кузницу. Он счистил ржавчину со старой наковальни, которая висела на цепи, привязанной к дубу напротив кузни. Взял в руки молот. Только вот надо ли стучать? Как только народ услышит звон, все совершеннолетние мужчины с оружием соберутся сюда. Кузня является местом принятия важных решений для всех поколений со времен Джандры. Является ли делом всего народа повод, который привел Мамата к наковальне-колоколу? Его остановили раздумья: «Здесь связано личное и общественное. Если чужие люди, пришедшие в Мшышту, имеют плохие намерения, им надо помешать. Только стоит ли для этого поднимать шум? Достаточно семерых-восьмерых мужчин. Не перегну ли я палку, если весь аул ринется искать Барцыца? Получится, что я собираю людей для того, чтобы они помогли моей семье. Это легкомысленный шаг. Может, Барцыц прямо сейчас прибежит домой: хотя он еще и ребенок, но он не из тех, кто растеряется и заплачет из-за пустяка. «Пока не выяснишь, в чем дело, не берись за его выполнение», – говорят мудрецы. Только как можно спокойно жить, не зная, что случилось с твоим малолетним ребенком? Можно ли спать в обнимку со змеей, которая подползла к тебе? Терпение – вот что является лучшим советчиком. И мне сегодня необходимо им запастись: я должен стерпеть свою беду и заняться проблемой, касающейся всех...». Мамат не удержал в руке молот, и он упал на твердую землю около наковальни.

Всю ночь не смыкали глаз Мамат и мужчины аула. Одни вместе с ним караулили группу заезжих всадников, другие прочесывали лесные тропы, балки, подножия гор, разыскивая следы пропавшего мальчика.

Мамат был с теми, кто наблюдали из укрытия и пытались разобрать речь пришельцев. Те не сдвинулись ни на рассвете, ни после восхода солнца. Первым проснулся и встал верзила с тонкими висячими усиками и черной редкой бородой, который, посмотрев на солнце, зевнул и громко скомандовал:

– Эй-йа, подъем!

Воины быстро поднялись. Большинство из них спали не раздеваясь. Они действовали быстро и слаженно: натянув сапоги, бежали к ручейку в балке, потом зануздывали лошадей, а те, кто уже успел приготовиться, пошарив в походных сумках, доставали и жевали съестное.

Неизвестные снова продолжили путь. По-прежнему двое воинов следовало впереди, а остальные во главе с предводителем – на отдалении. Судя по направлению движения, чужаки стремились в Мшышту.

– Они вроде бы не представляют опасности, – успокоил Мамат товарищей, подойдя к месту сбора. – Джатгяр, ты все же наблюдай за ними. А Камац и я вернемся к дороге Тамерлана, чтобы найти способ, как ее перекрыть.

Чужеземцы, действительно, вышли к аулу Мшышта. Предводитель не стал задерживаться, дал команду. И двое всадников во весь опор помчались вперед. Джатгяр видел, как они, поднимая густую пыль, въехали в проулок. Основная группа, оставшаяся на месте, внимательно наблюдала. Посредине местности, открывшейся перед ними, возвышалась на берегу Ардза крепость Алхаша. Хорошо были видны ее стены, сложенные из бело-серого камня, стоявший во дворе двухэтажный дом. Высокие сторожевые башни, расположенные с четырех сторон, были внушительными и свидетельствовали, что здесь вершится кипучая и насыщенная жизнь. Чужаки, без сомнения, охотно внимали звукам азана, доносящимся с минарета мечети, расположенной в центре аула.

Вместе с разведчиками вернулся еще один всадник, который не имел к ним, пожалуй, никакого отношения: по манере держаться на лошади и одежде было понятно, что он абазин. Мшыштовец по-

здоровался за руку с предводителем и повернулся в сторону аула, будто бы призывая: «Добро пожаловать!»

И Джатгяр высказал предположение, что чужеземцев, видимо, пригласили старейшины аула. С этой минуты приезжие стали их гостями. Но что это за люди? Явились они ранней порой. Как говорится, «утренний гость, что утренний дождь». Быть может, они быстро решат свои дела и отправятся обратно? Или опровергнут слова поговорки, и окажется, что у них недобрая цель?

5

Возле ворот Шабата его люди встретили уставших всадников, помогли спешиться. И все прибывшие во главе с предводителем направились к седобородым старикам, собравшимся у ворот.

– Ассалам алейкум, – сказал предводитель, отыскивая взглядом самого почтенного здесь, и уверенно протянул руку худому высокому старцу с длинной бородой. Тот ответно подал свою широкую ладонь гостю и приветствовал его на родном языке:

– Добро пожаловать, уважаемые люди! И будьте вестниками всего хорошего!

Приезжий, всё поняв, благодарно ответил на своем языке:

– Спасибо, отец.

– Вы говорите по-турецки?

– Нет, – отрицательно покачал головой предводитель.

– Ты что, забыл, что у гостя не спрашивают, кто он, Катамыж?

Он сам скажет о себе, когда придет время, – поправил старейшину Шабат.

И Катамыж уважительно отступил в сторону. Гостей провели в предназначенную для них комнату. Хозяева, по традиции, ни о чем не расспрашивая, потчевали прибывших хлебом-солью. В первую очередь их угостили национальным винным напитком, бузой. Под рукой у того, кто обслуживал застолье, находился большой курдюк. Он наполнил деревянную чашу вином и протянул седобородому Катамыжу. Вторую чару подал самому старшему из гостей. Затем вручил наполненные сосуды гостям и хозяевам, сидящим по возрастному ранжиру.

– Пусть визит станет благословенным и для вас, и для нас, – про-

говорил Катамыж и, обращаясь к предводителю, произнес короткий тост на абазинском языке. – Пусть этот напиток придаст вам много сил, как материнское молоко. Пейте, уважаемые!

После этих слов присутствующие дружно осушили свои сосуды и поставили на стол. А обслуживающие опять наполнили их до краев.

Тамада поднял чару и повел рукой в сторону предводителя, показывая этим жестом, что дает гостю право произнести тост. Тот понял это. Его желание поблагодарить хозяев лишь усилилось от выпитого напитка. Однако, несколько растерявшись, он не знал, с чего начать. Больше всего в замешательство приводил язык: поймут ли его хозяева? И все же, понадеявшись на старика, который к нему обращался на турецком языке, взволнованно произнес:

– Мы, ногайцы, – мусульмане, с благословения Аллаха. Меня зовут Ятырбек. Я посланник Адисан-амана, сына хана Науруза. Нам было велено приехать сюда, чтобы осмотреть окраины наших владений, а также узнать, кем являются соседи. К вам, как ни удивительно, привела вот эта трость. Мы ее выловили в бурной реке, – мужчина поставил свою чару на стол, склонившись, взял трость, приставленную к краю стола, и показал ее. – Это очень красивая трость. Мы хотим вернуть ее хозяину. В то время, когда пробирались по опасной тропе, трое наших товарищей сорвались в пропасть.

– Большая беда вас постигла! – воскликнул Катамыж, выражая сочувствие от лица всех старейшин. – Пусть примет их рай! Настрадались вы из-за какой-то палки. Лучше бы забрали ее да уехали, раз бог дал ее вам в подарок...

Хотя старик в своей речи путал турецкие и абазинские слова, гости поняли его.

– Такова судьба воина, – попенял Ятырбек. – Мы воздали воинскую честь их памяти: совершили дуа, напротив места их гибели сложили из камней надгробие... Но мы не будем поддаваться трауру. Здесь у нас нет иной заботы, кроме вот этой трости.

– Да сбудется так, как сказано, – поддержал тамада. – Вы устали, испытали жажду, поэтому пейте, ешьте. А хозяин трости найдется, раз вода не унесла ее.

Шабат призадумался, почему высокий гость придал такое значение посоху? Мысленно он даже осмелел его: не к лицу мужчине вместо плети держать палку. Потом, когда предводитель подошел к нему, внимательно рассмотрел эту поделку.

Трость не могла не привлечь внимания. Древесина была обожжена до черноты и блестела, перемежаясь красными, как зарево, вкраплениями. Головка предназначена для широкой ладони. А ниже, по всей длине, искусно расписана черненым серебром и узорами. В конце – блестящий серебряный наконечник. Шабат за всю свою жизнь (а возраст его приближался к восьмидесяти годам) еще не видел такую изящную и богато украшенную вещь. Он вдруг вспомнил о Мамате, и сердце его встрепенулось. Тут же в ушах зазвучали слова, как-то сказанные мастером: «Твоя трость совсем невзрачная, Шабат. Так же, как у джигита должен быть хороший конь, почтенный человек должен обладать достойным посохом...»

С тех пор прошло больше месяца. А теперь сидящий перед ним ногаец утверждает: «Эта великолепная трость принадлежит кому-то из вас». При этом твердит, что его хан намерен наладить отношения. Может быть, не из добрых побуждений, а для того, чтобы разведать какие-то тайны?

6

В поисках пропавшего малыша все, у кого в ауле была возможность, – одни верхом, другие пешком, тщательно прочесывали уголки Мшышты, речные балки и долины. Остальные, собравшись на улицах, ждали от них вестей.

Мамат и Рауан второй день шли по следу коня Барцыца, обозначенному отпечатками подков. Они опасались одного, что жители аула ненароком опередят их и затопчут следы.

«Вот до этого места, до поворота, Барцыц ехал спокойным шагом, – рассуждал Мамат, пристально оглядывая дорогу. – А здесь он остановился, услышав какой-то шум, настороживший его, или что-то заметил. Значит, действительно, ему что-то угрожало. А почему не повернул назад, в аул? Пожалуй, решил уйти от опасности. Ответ на то, что его испугало, будь то зверь или человек, надо искать на той стороне. Это ключ к разгадке...»

Рассуждения Мамата подтвердились. Тот, кто заставил Барцыца свернуть с дороги, тоже был всадником. Остались следы его лошади: копыта крупные, без подков.

– Без сомнения, Барцыц именно тут встретился со злоумыш-

ленником – сказал Мамат, обращаясь к старшему сыну. – Дети чувствуют врага лучше, чем взрослые. У них это чутье от природы. И Барцыц, решив, что отберут трость и коня, пустился вскачь. Вот следы! И недобрый человек вдогон подстегнул лошадь. Когда Барцыц понял, что за ним гонятся, он стал петлять. Наверняка тот, кто поймал Барцыца, опытный абрек. Он прижал малыша к скале, поставив в безвыходное положение: вверху горы, а внизу – пропасть. Куда было деваться?.. Он соскочил с лошади и добежал, по крайней мере, вон до этого места. Находясь на близком расстоянии от своего врага, он бросил трость в пропасть...

– А сам Барцыц?!

– Этого и я не могу пока понять, – горестно ответил отец, глядя в глубь ущелья. – Откуда знать, что может натворить испугавшийся мальчик. Если абреку нужна была лошадь, а сам он доступен состраданию, тогда можно надеяться на лучшее. А если охотился за мальчиком, он мог хитростью заманить его и схватить. Знаю одно, Барцыца угрозой не покорить. Он бы отправился туда, куда бросил трость. Но правду знает только Ардз!

– А как быть с абреком? – не сдержался Рауан. – Неужели мы позволим ему покинуть Мшышту, кто бы он ни был?

– Если он человек без души, то уже давно добрался туда, куда хотел. Всё в Божьей воле. И при возможности мы сами отомстим злодею. Но нельзя сразу бежать сломя голову.

– Я его из-под земли достану! – в гневе выкрикнул Рауан. – Разреши мне, отец.

– Сначала надо найти Барцыца. Я не могу равняться с нашими богами, как бы ни рассуждал. А если все случилось иначе?

– Следы, по которым мы шли, сходятся здесь и направляются к перевалу Пхия. Там разгадка. Кони шли не рядом, а друг за другом.

– Значит, конь Барцыца стоял впереди? – озадачился Мамат.

– На тропе двое не поместятся. Чтобы не упускать мальчика из виду, абрек погнал нашего гнедого перед собой.

– Надо искать именно там. Впрочем, мы упустили, что Барцыц мог спрятаться в какой-то пещере. Надо проверить поблизости все подозрительные места. Смотри, сюда идут Камаш и его товарищи. Мы двинемся дальше по следам коней, а ты подбери ловких ребят и осмотри с ними пещеры и балки.

Поиски не прекращались до вечера. Но никто так и не смог при-

нести вести, — ни доброй, ни худой. Следы вели через перевал Пхию и терялись у подножия Санчарского перевала. Там, на старом снегу, отчетливо были различимы следы множества других лошадей.

— Злодеи перешли через Санчарский перевал, — проговорил Мамат, остановив своих товарищей. — Бог дал мне младшего сына, он же его и забрал. Уже темнеет. Поехали домой, братья мои. Завтра мы отправим на поимки группу молодых джигитов... У Шабата целая армия приезжих гостей. Ему тоже нелегко. Я благодарен всему аулу: вы совершили для меня все, что могли.

— Твой мальчик жив, Мамат, — твердо сказал Камаш не для того, чтобы успокоить друга, а как будто знал это. — С тех пор, как до меня дошла печальная весть, меня не покидает эта уверенность.

— Жизнь не обуздаешь. Тебе так хочется, дорогой мой, потому и появилась надежда, — дрогнувшим голосом обронил Мамат, садясь на коня.

— Нет, это не просто мое желание, — возразил Камаш, и Мамат не стал больше настаивать.

7

Уже третий день в доме Баскаха чествовали гостей. Главный пир намечен на вечернее время. Следуя традициям, все местные жители должны были участвовать в подготовке празднества, оказывая посильную помощь.

На закате началось торжество. Столы ломились от вкусных яств. В комнате Шабата вместе с гостями сидели самые уважаемые мужчины аула, а также Алхаш и имам Катрах. Шабат заблаговременно известил их о приезде ногайцев. Как бы там ни было, Алхаш не только дворянин, но имеет в обществе вес. Вполне вероятно, он владеет языком гостей, поскольку ногайская речь походит на турецкую, свободно общался он и с крымскими татарами.

Впрочем, в той или иной степени немало людей в ауле понимали турецкий. Знание это пришло вместе с исламом. В медресе при мечети, построенной Алхашем, наряду с религиозными канонами изучали и турецкий язык. И среди тех, кто находился в комнате, Алхаш имел в этом смысле превосходство. Он вовсе не скрывал некоторого пренебрежения к гостям, ради которых его пригласили.

И реплики, и поведение свидетельствовали о том, что он по праву занимает почетное место. Но что-то и другое заставляет Алхаша присутствовать здесь и подавлять свое высокомерие: «Кто же на самом деле эти узкоглазые? Может, найду выгоду в отношениях с ними? Надо всё выяснить и продумать».

Перед мужчинами высились столики-треноги. На них в изобилии – закуски и фрукты. И гости с любопытством разглядывали их. Пока приглашенные познакомились друг с другом, начали подавать горячие блюда.

Первой вошла внучка хозяина Даримас. Казалось, что девушка явилась из чудесной сказки, настолько отличалась юной красотой, одеждой и грацией. Почувствовав добрый луч, который она внесла в комнату, восхищенные мужчины встали, кроме самого Шабата и аксакалов. Она, держа перед собой серебряный поднос, уважительно остановилась перед старшими. Помощницы сняли с него посуду и поставили перед гостями.

Даримас не терпелось выйти из комнаты, настолько ее сковывали взгляды мужчин. Тем не менее обычаи должны быть соблюдены. Когда она отступила, дядя Муджар и брат Ларс прошли вперед, выражая свое почтение, и положили перед самыми старшими: Катамыжем и Катрахом-эфенди, – половинки бычьих голов, а перед предводителем гостей и Алхашем – половинки оленьих голов.

Родственники, сопровождавшие молодые прислужницы, вышли вслед за Даримас так же благопристойно, как и вошли. Однако и после этого мужчины простояли некоторое время в ожидании.

– Хорошо, присаживайтесь! – воскликнул Катамыж, обращаясь ко всем.

И предводитель ногайцев, точно очнувшись, сел в смущении, что не сдержал своей взволнованности. Он был не единственный, кто пришел в смятение при виде красавицы Даримас.

– Эта девушка – внучка хозяина дома, Шабата. – сообщил Катамыж ногайскому воеводе. – И это дает ей право на особый почет. Мужчина – сын хозяина, а молодой человек приходится девушке родным братом.

– О Аллах, счастлив человек, имеющий таких детей и внуков. Пусть Аллах сделает тебя свидетелем их счастья, Шабат! – воскликнул Ятырбек.

– Такое вот дело, – пробормотал Катамыж и поднял свою чару.

– Хотя у нас разные языки и вера, но, как вы уже заметили, наши земли граничат: мы – соседи. «Сосед, что сердце», – так считают у нас в народе. И пусть бог продлит соседские отношения, пусть они будут уважительными и мирными. Поднимем чары!

Вслед за этим последовали тосты, развлечения, танцы. Празднество вылилось в доброе соперничество между гостями и хозяевами: каждая сторона старалась лучшим образом показать мудрость и красоту своих обычаев.

Гостей, пировавших до рассвета, не беспокоили, пока они сами не встали. Вышедших из опочивален воинов приветствовали юноши и девушки с полотенцами и позолоченными кувшинами. Даримас встретила ногайского предводителя. Именно так было положено по абазинскому обычаю. Старшего возвышает забота о нем самой красивой и молодой девушки в доме хозяина.

Однако чужеземец это воспринимал по-иному. Временами он так впивался в нее взглядом, что девушка от смущения не знала, куда деться. Даримас не приходилось прежде сталкиваться с таким отталкивающим испытанием. Никогда еще не встречала того, о ком могла бы подумать: «Это плохой человек, мне он неприятен». И все-таки она понимала, что нужно стерпеть невзгоду, чтобы, не теряя достоинства, соблюсти обычаи до конца.

А посланник хана, забыв о том, что гость, продолжал вести себя развязно. Это заметили и Шабат, и другие, но свое возмущение они могут выразить лишь неодобрительными взглядами: гость есть гость. Ятырбек не понимает, что если его поведение выйдет за пределы дозволенного, ничего хорошего не жди. Вот опять, вытираясь полотенцем, которое подала Даримас, он пристально и долго смотрит на нее. Затем, налюбовавшись, благодарно кивает ей и подходит к Шабату:

– Аллах-аллах, чтобы ты увидел ее счастливой! У тебя красавица-внучка. Прямо скажем – она стоит целого ханства!

Эти слова не только не обрадовали князя, но обожгли, будто выстрел в сердце. Такое себе не позволит сказать хозяину, встретившему хлебом-солью, ни один абазин или адыг, если это не опустившийся человек. Выходку ногайца Шабат запомнил, но не показал вида. Таков обычай: хозяину нет дела до недостатков гостя.

– А теперь благодарность Всевышнего вам! – сказал Ятырбек

после завтрака. – Вы отнеслись к нам радушно и с уважением. Я прошу помочь разобраться с делом, которое привело нас в аул. Итак, дорогие, позвольте передать вам эту трость!

– Нет, мы не можем забрать у вас то, что послано богом, – возразил Шабат. – Хотя вещь невелика, она сотворила большое дело: мы узнали друг друга. Пусть и дальше приносит вам радость и удачу! А в знак добрососедства достанется в вашем ханстве тому человеку, которого вы посчитаете достойным. Наш обычай таков: пока в желудке не осядет угощение, не принято уходить.

Гостеприимство взяло верх над лукавством предводителя. После этого настроение Шабата улучшилось, и он забыл о тревожных мыслях, которые посещали его время от времени. Слушая гостя, он убедился, что соседи не представляют опасности для Мшышты, что исчезновение маленького Барцыца не связано с их приездом. Тем не менее он считал, что ногайцев привело нечто иное. Поэтому он хотел бы посоветоваться с Маматом и Камацем, которые в этот час вынужденно отсутствовали.

Ятырбек, несомненно, радуясь тому, что их отъезд откладывается, с нарочитым пафосом предложил:

– Тогда давайте вместе дойдем до начала реки, которая нас соединяет! Могучий хан Адисан-аман может спросить по возвращении, побывали ли мы у истока реки, из которой пьет воду. Он у нас очень строг!

Хотя в пожелании гостя не было ничего особенного, Шабат догадался, что в нем скрыт некий умысел. Но, следуя обычаю, ответил сдержанно и с достоинством:

– Гость может приказывать хозяину. Покажем и это, если будем знать, о какой именно реке идет речь.

Ятырбек поднял трость и посмотрел на нее, вероятно, вспоминая, как звучало это слово.

– Лаба, – выговорил он торопливо, будто сам придумал это название.

Хозяин догадался, что трость они выловили в потоке Ардза. И отправил ногайскую делегацию в нужную сторону, дав в сопровождение всадников-проводников.

В этот и на следующий день гости объехали все аулы и уголки Мшышты, показывая, что делают это с особым интересом, о котором никто, кроме них, не ведает. Подозрения по-прежнему не давали

покою Шабату. Трость тут ни при чем. Эти люди положили глаз на Мшышту! Они пытаются разузнать, насколько долина богата и каковы ее возможности. Их настойчивые расспросы, пожелания – все свидетельствует об этом.

В народе говорят: «Тот, кто много прожил, много знает». Не зря тревожился Шабат. После объезда долины ногайцы вернулись в мечеть Алхаша, где прежде молились. И обратили внимание Катареха-эфенди на то, что местные жители не привержены исламу, что должным образом не соблюдают его каноны даже теми немногими, кто считает себя мусульманами. Более того, ногайцы потребовали искоренить все отступления и следовать указаниям из их ханства.

Алхаш не преминул пригласить гостей в свой дом. Переговоры продолжались долго, а с их предводителем он говорил при закрытых дверях. Хотя Алхаш не видел выгоды в поучениях, что «жизнь в Мшыште нужно менять», они запали в его помыслы. Можно поверить или нет в могущество ханства, которым гости постоянно хвалились. Но, на всякий случай, Алхаш закинул «удочку»: добился их согласия лично познакомиться с ханом. Повторив несколько раз, что отнесется к словам Адисан-амана, как к заповедям Аллаха, он с почестями проводил их в обратную дорогу...

8

Солнце встает, не встречая преград, следует по небесной тропе и скрывается за высокими горами. И каждый раз, проделывая такой путь, уносит с собой день, отсчитывая время жизни в Мшыште. Минуло еще полмесяца. Но по-прежнему в аулах Трамкт и Басках не убывала печаль: ни в один из них не пришла весть о судьбе Барцыца – ни о том, что его больше нет, ни о том, что жив.

Однако Мамат не может смириться с общим унынием. Просит аульчан не поддаваться дурным мыслям, не избегать радостей. Ведь смерть и жизнь всегда рядом. И то, и другое нужно принимать как должное. Такова его мудрость. «Хватит, – говорит он, – Рауан и Ларс ищут его. Если малыш цел, они обязательно найдут ...»

Между тем Шабат и Камащ считали иначе. Если маленький наездник попал в чужие руки, то, скорей всего, его намеренно

похитили, чтобы наказать отца. Пусть врага его, Дамдада, и нет в живых, княжество Садзрипш не может остаться без наследника. Княжество Багуш, которое раньше входило в территорию Садзрипша, ныне отделилось. Им правит его старший сын Балта. Как учит народная мудрость, «скотина становится похожей на своего хозяина», и недаром идет молва, что он пошел в отца, унаследовал его жадную натуру. Об этом известно и Алхашу. «А не причастен ли сам Алхаш к исчезновению мальчика?» – не раз задавался вопросом Камащ. Поэтому с того времени, как возникло это подозрение, тайком от всех он вел собственное расследование.

Выяснилось, что брат за полмесяца до исчезновения мальчика побывал в Садзрипше. Камащ помнил, что тот никогда без дела не разъезжает, а если отправляется куда-то, то ради выгоды. Не случилось ли так, что он пообещал Балте Чачуа содействовать в похищении сына Мамата? Брат, без сомнения, способен на это. Добиваясь титула князя и богатства, он не раз предавал самого Камаща, а что для него маленький Барцыц? Эти мысли неотступно гложут Камаща. Когда-то он не придавал значения отдельным случаям, а сейчас, с высоты прожитого, ему постепенно открывается правда, и неважно, что все это унесено временем. Снова ожили воспоминания о жестокости и подлости брата. Не ошибается только бог, но он был уверен, что беду в дом друга принес Алхаш.

Первым делом Камащ расспросил тех, кто жил в поместье брата, и узнал, кого не было дома в тот день исчезновения Барцыца. Сведений набралось скудно. Попытался он выведать это у племянника, Мустафы. Но тот насторожился: «Ты хотел меня обмануть, разболтать? Как тебе не стыдно!»

Камащ решил прибегнуть к запугиванию. Но среди предполагаемых похитителей не нашлось трусов, хотя допрашивал он их в темном месте. Наконец Камащ выделил среди всех одного, готового на любую низость. Он зашел к нему и сказал напрямую:

– Бабух, уважаемый, я перед тобой не лукавлю, если и ты мне доверяешь.

– А кому мне доверять, если не тебе, – ответил тот, знавший о мужестве Камаща. – Для меня честь, если я смогу тебе угодить.

– Это, действительно, так?

– Да, как на духу...

– Это тебе, – кивнул Камащ и положил на столик-треногу кожаный мешочек, звякнувший своим содержимым. Хозяин вожденно

зыркнул на подарок. Разумеется, он распознал звон золотых монет.

– Говори, что нужно!

– Я хочу знать, кто похитил сына Мамата Жихи.

– Ты не мог прийти сюда, не слыша о том, кто это сделал.

– Говоришь пустое, любезный.

– Ты разве забыл, каков твой брат?

– И это лишнее...

– Жака-жач Биджба!

Перед Камашем сразу возник образ человека, служившего у Алхаша два десятка лет и который не раз отправлялся с ним на дело. Этот кривоногий и горбатый здоровила буквально вырос на спине лошади, у него уродливое злое лицо с тяжелым подбородком и кривым ртом. Он является главарем подручных Алхаша. Как говорится, где разбой, там и он. Если бы чудесным образом на земле прекратились грабежи и кражи, то именно он пострадал бы первым. Алхаш и он относятся друг к другу с особым доверием. Из-за множества шрамов на его теле хозяин говаривал: «Биджба, все раны на твоём теле благословенны».

Камаш, вспомнив обо всем этом, жестко спросил.

– Куда его отвезли?

– Я сказал все, что знаю... Ты меня не видел, я тебя тоже, Камаш-богатырь.

– Пусть бог будет доволен тобой, Бабух. Ты мне очень помог.

– Поверь моим словам, как словам Всевышнего.

Так Камаш выведал правду. Но эта радость, что малыш жив, никого не могла успокоить. К тому же, как предать огласке подлый поступок родного брата? Продолжение рода Трамов, после бога, являлось заслугой рода Жихи, и это злодейство могло стать причиной не только раздоров, но и кровной мести.

И Камаш был вынужден поддакивать Мамату, твердя: «Не сомневайся в том, что Барцыц жив: я уверен...» И всякий раз, когда безрезультатно возвращались его сын и Рауан, он давал им советы, направляя в близлежащие княжества, в места, где на рынках торговали людьми.

Вот и сегодня Камаш зашел в дом друга. Мамат сидел у входа в столярную мастерскую, стругая трость, точно такую же, как та, что досталась ногайцам. Вещица была почти готова. У Камаша это вызвало настороженность.

– Пусть твоя работа завершится скоро, Мамат! Бог в помощь! Я, наверное, не вовремя?

– А-а, Камащ... – улыбнулся Мамат и, вставая для рукопожатия, добавил: – Спасибо. Добро пожаловать. Садись вот сюда, на пенек, он чистый. Как видишь, изготавливаю посошок Шабату. Есть вести?

– Ничего нового, – вздохнул Камащ, садясь. – Рауан в отъезде?

– Да. Он так исхудал, а мы продолжаем гонять его туда-сюда.

Гость пристально посмотрел на Мамата, чье мужество и человечность высоко ценил, и к которому относился как к старшему брату. Его внимание было обращено к палке, с которой возился. Но по морщинистому лицу и согбенной фигуре было заметно, что горе на него давит и держится из последних сил.

– Вот так человек может сломаться, брат, – сказал Мамат, будто угадав мысли друга, и поднял голову. – Я знаю, ты сочувствуешь мне. Хватит, дорогой. Мы верим, что мальчик жив. Пусть же бог нам поможет его найти. Однако то, что происходит с его матерью, заставляет меня забыть обо всем. Не переставая, она плачет и причитает.

Говорят, тот, о ком идет речь, появляется на пороге. Пока Мамат говорил о ней, Аица показалась со стороны дома.

– А, Камащ, дорогой мой брат, я вышла в надежде, что ты принес нам новость.

Но тот потерял дар речи от сострадания. Аица заметно состарилась: ее лицо потемнело, глаза впали от слез, поясница была перевязана платком. Поняв, что гость пришел ни с чем, бедная мать запричитала:

– Бедный мой сыночек, исчезнувший с лица земли, как цыпленок, унесенный коршуном. Стал ли ты добычей воронов, упав с обрыва и призывая маму на помощь? Или жертвой шакалов в лесной чаще? Или какой-то абрек задумал зло, дитя мое? Бросил ли он тебя в воды Ардза безжалостными руками? Какая же я несчастная!.. Увидеть мне хотя бы твое бездыханное тело... Я бы смотрела на него, как на тебя живого... Куда же мне податься, Камащ?..

Мужчины, к которым приблизилась Аица, не знали, что делать. Сердца их сжались от боли, оба не смогли сдержать слез. Не дожидаясь, когда ее начнут успокаивать, несчастная скрылась в доме.

– Что ей сказать? Как утешить? – взволнованно вымолвил Мамат, посмотрев в глаза друга. – Легче, наверное, повернуть

вспять поток Ардза, нежели остановить слезы матери, потерявшей ребенка.

— Мамат, если она еще может услышать твои слова, уговори жену не оплакивать живого сына. Я не просто успокаиваю тебя, утверждая это, — решительно проговорил Камаш, ощутив, как невыносимо тяжело отцу и матери. — Если ты это чувствуешь сердцем, то я говорю, имея веские доводы.

— Вот так она постоянно рвет душу. Она даже грешит на великого бога Псатаха. И как унять ее страдания?

— Слушай меня внимательно! — повысил голос Камаш, не в силах более утаивать правду. — Человек, который осуждает брата, осуждает и самого себя. Но я тебя ставлю выше его. Я не мог сначала даже предполагать, что пропажа Барцыца дело рук Алхаша. До настоящего времени я не решался говорить об этом, опасаясь последствий. Теперь же от тебя зависит, как поступить и что предпринять. Я не знаю, что послужило целью его преступления. Уже много лет мы встречаемся всего лишь два-три раза в год. В душе его не исчезает, а только крепнет звериная жадность. Схватил и увез Барцыца его слуга, Жака-жача Биджба.

— Спасибо, дорогой мой. Пусть будут долгими дни твои! — воскликнул Мамат с просветлевшим лицом. — Чего не бывает в жизни. Твой брат нам обоим брат, будь он хорошим или плохим. Но не станем пока раскрывать эту тайну. Лишь бы мальчик был жив. И мать мы успокоим, убедив ее в этом... У меня будто гора свалилась с плеч!.. Вот и новая трость почти готова. Та принесла беду, а эта пусть станет вестницей добра.

— Да, прекрасная работа, — улыбнулся Камаш, взяв в руки изящную поделку. — Даже лучше той, что у ногойцев. Только я не понимаю, почему Шабат не взял ее, когда они хотели вернуть.

— Если вещь досталась без радости, то в ней нет проку. Он ведь не только не обрадовался ей, а увидев, расплакался. Шабат — великий мудрец.

— Всадники снова на горе! — выкрикнул Ларс и подбежал к отцу, который обвязывал свежее сено, погруженное на двухколесную

бричку. — По-моему, это те, которые недавно приезжали. Они опять поднимаются по старой дороге. Ты увидишь их, если поднимешься вон на тот склон, — показал рукой Ларс, только что пригнавший быков с водопоя.

Покрытая терновыми кустарниками невысокая гора находилась недалеко. В каких-то пятидесяти шагах от их угодья. Оба быстрыми шагами поднялись на склон.

— Это, действительно, те же самые, — подтвердил Камащ, с удивлением приглядываясь к растянувшемуся строю ногайцев.

Но теперь их было не семнадцать человек, как в прошлый раз, а около полусотни. Ехали они так, как возвращаются уставшие от долгой дороги путники к себе домой: пройдя узкое место у скалы, уверенно направились к аулу Басках.

— Что им надо, если зачастили сюда? — промолвил Камащ. — Тогда поводом для приезда была трость, а в этот раз...

— А в этот раз... — повторил было Ларс, но умолк, будто что-то застряло в горле.

— Говори, говори, — поторопил Камащ.

— Я подумал, что они нашли Барцыца, и едут, чтобы привезти домой.

— Нет, Ларс. Барцыца не унесла река. Скорей всего, им нужно что-то другое. Быстро обойди мужчин, проживающих в нашем ауле, и передай, чтобы шли к Мамату. Я тоже буду там.

Вскоре все, кого оповестил Ларс, собрались в кузне. Обсудив ситуацию, мужчины распределили между собой обязанности. Необходимо было соблюдать бдительность, пока в Мшыште чужие воины.

Отряд Джатгяра выследил, куда держали они путь. Как и предполагалось, след их привел к поместью Алхаша. Раз это так, ни у кого не осталось сомнений в том, что у людей с севера недобрые намерения.

Шабат, узнав о приезде ногайцев, тотчас созвал совет старейшин, пригласил на него Мамата и Камаща. В то время, когда они вели разговор, прибыл посыльный от Алхаша.

— Посол могущественного ногайского хана Уразгылды-оглы Ятырбек велел тебе срочно явиться к нему по очень важному делу! — обратился он к князю.

Шабат, никак не реагируя, почесал свою небольшую белую бороду и помолчал. Не спеша поразмыслил. Посол хана грубо нарушил тра-

диции. Не принимая во внимание, что он князь и глава аула, забыв о том, что ели его хлеб-соль, прибыл к Алхашу, которому не под силу решение вопросов общественной важности. А тот, не сказав: «Есть человек, кто старше меня» – оказывает прием бессовестным людям и пытается вместе с ними верховодить. Это пренебрежительное отношение привело Шабата в ярость, и он твердым голосом сказал:

– Если бы у меня было дело к послу хана Уразгылды-оглы Ятырбеку, я бы здесь не сидел. Иди, дорогой.

Посыльной поспешно ретировался. Пораженный, он передал ответ Алхашу. А тот – своему высокому гостю. От мысли, что посмели унижить его, столь важного человека, в душе ногойца перемешались удивление и злость, и не в силах справиться со своим тщеславием, он заорал на Алхаша, будто это он виноват:

– А что, разве твой князь обладает такой мощью, что может себе позволить неуважение к нашему светлейшему и могущественному хану?! Я сам поеду к этому старцу!

Высокомерный тон посланника не понравился Алхашу. Он жалел о том, что тот, приехав с отрядом в Мшышту, и его втянул в дело, к которому не имел касательства. Кроме того, он осознавал свою вину перед Шабатом. Как бы то ни было, случившееся не изменишь. Сопровождая группу из четырех человек, он тоже пожаловал к Шабату.

Ятырбек, более не таясь, напрямую сообщил князю Басках о том, для чего со своими воинами приехал в долину.

– Когда мы вернулись домой, то подробно рассказали обо всем, что услышали и увидели нашему светлейшему хану, – начал он высокопарным тоном. – И теперь я обязан передать его приказ, чтобы мы смогли договориться. Так вот, могущественный хан Адисан-аман выражает вам свое уважение и милость. Он рад тому, что вы оказались соседями достойными и миролюбивыми. Как свидетельство дружественного отношения и в будущем, он готов оставить в ваше пользование эту принадлежащую ему землю, которую называете Мшыштой.

Давая понять, что ему что-то не понравилось в речи посла, старик Катамыж намеренно закашлялся. Когда раздосадованный Ятырбек прервал речь, старец воскликнул:

– погоди, уважаемый! Я не понимаю вот чего. Когда и каким образом стали владениями хана земли, на которых абазины жили столетиями?

Послу перевели вопрос Катамыжа. Снисходительно посмеиваясь над словами старика, он громогласно заявил:

– Все эти земли принадлежат Крымскому ханству. А глава этого ханства Девлет-Гирей лично передал их в собственность нашему хану. Все долины, которые находятся между реками, текущими с обеих сторон до их верховьев, стали нашими новыми владениями.

– Спроси, где же они были до сих пор, – снова прервал ханского посла Катамыж, повернувшись к переводчику.

– Там, где были, нас уже нет! – отрезал ногоаец. – Мы посланы не для того, чтобы обсуждать историю. Прибыв сюда, не говорим: «Это наше!», чтобы прогнать вас с этих земель. Границы, которые показали нашему хану, простираются до снежных вершин. Если бы не трость, которую вы передали старейшине хана, мы бы не узнали, что есть такие прекрасные места... В тот день мы вместе с нашим великим ханом Адисан-аманом обследовали новые границы. Когда мы подъехали к самому краю глубокого ущелья реки, названной нами «Лаба»¹, и увидели неприступные горы, проводник сказал: «Начиная отсюда нет пригодных для проживания земель». Мы хотели уже вернуться. Но, когда Адисан-аман делал на берегу омовение, его взгляд упал на плывшую палку. Он велел нам вытащить ее из воды. «Кто сказал, что выше этого места нет земель?» – разозлился он и, ударив набалдашником трости проводника, свалил насмерть. После этого хан приказал: «Разузняйте, где находятся границы моей земли, осмотрите исток реки, из которой я пью воду, найдите того, кому принадлежит эта трость!». Сказав так, он поехал назад. А мы, как уже знаете, выполнили волю нашего владыки. Кроме того, хан поручил сосватать ему невесту. Когда он напоследок спросил, – «А что хорошего вы еще видели?» – мы назвали имя твоей внучки, Шабат, чья красота несравненна. И светлейший хан оказал вам высокую честь и отправил сюда нас снова, воскликнув: «Она должна принадлежать мне!» Назовите, каков калым, и давайте договоримся. Адисан-аман столь же милостив, сколь и мужественен: он обрадует вас большим богатством, не станет оспаривать принадлежность ваших земель. Более того, будет защищать так, что чужая птица не пролетит над ними. Разве это не великое счастье для всех вас?

О чем бы гость ни говорил, – нравилось им это или нет, – хозяева дослушали до конца.

¹Лаба (абаз.) – палка, трость, посох.

– Ну, что думаете? – обратился к присутствовавшим Шабат. – Каким бы ни было дело, им надо заниматься.

– Как же мы, седобородые, можем решать судьбу юной девушки. Объясните ему, что она уже помолвлена и поставьте на этом конец, – по праву старшего по возрасту рассудил Катамыж.

Никто не стал оспаривать слов старейшины. Шабат убедительно, с достоинством объяснил послу, что в вопросе о сватовстве ни он сам, ни его люди помочь ничем не могут:

– Мы с большим уважением относимся к вашему владыке, но просьба, с которой он обратился, невыполнима. Даримас уже помолвлена. А по нашим обычаям выдавать за кого-то другого помолвленную девушку это все равно, что пытаться оживить покойника. Если бы речь шла о чем-то другом, что в наших силах, мы бы сделали все возможное.

– Значит, вы считаете, что он не достоин ее руки, – помрачнев, заключил Ятырбек. Весь его облик приобрел угрожающий вид. Он, вероятно, считал, что люди, собравшиеся здесь, должны бояться хана.

– Вы настолько самоуверены, что пытаетесь унижить могущественного хана, который одним махом может поднять тысячу воинов?

– Нельзя так сурово разговаривать с посланником, – попытался снять напряжение Алхаш, обращаясь к односельчанам. – Вам объясняют, как обстоят дела. Их ханство поддерживает повелитель Крыма и турецкое государство. Тот, у кого есть сила, не остановится, пока не добьется своего. Это означает, что неминуема война...

Затянувшийся тяжелый разговор был остановлен Шабатом.

– Обдумав всё в течение одного дня и ночи, мы дадим окончательный ответ!

10

Ханский посланник не просто так угрожал войной. Разведчики, которые были отправлены Шабатом, донесли, что внизу, там, где начинается Тамерланова дорога, на берегу Ардза расположилось войско хана, многочисленное, как саранча.

Совет, собранный Шабатом, сколько бы ни обдумывал положение, в котором оказалась родина, никак не мог прийти к одному решению. Не то, что предложить вслух, никто даже подумать не

мог, чтобы вопреки ее воле Даримас отдали не за того, кого любит и который любит ее, а за старого чужеземца. Они сознавали, что такой шаг стал бы унижительным и оскорбительным для всех абазин. Но если поступить таким образом, честно и по обычаю, – народ постигнет страшная беда.

– Я не хочу, чтобы из-за моего сына пострадало все общество, – вступил в разговор Мамат. – Нельзя допустить, чтобы хан уничтожил княжество. Клянусь именем героя Джандры, с нашей стороны не будет обиды ни к кому: ни к Камащу, к которому я отношусь как к брату, ни к людям Мшышты. Принимайте решение, не беспокоясь о том, что пострадает род Жихи.

– В таком случае, – подытожил Катамыж, – главное – учесть мнение девушки. Молодой мужчина и сам может изменить свою судьбу. Пусть спросят у Даримас: согласна ли она стать женой хана. Ее слово и явится окончательным ответом. Мы слышали слова Мамата, пусть скажет и ее отец.

– У меня нет возражений, – произнес Камащ. – Однако если вы готовы учесть мнение девушку, послушайте и то, что скажет молодой человек.

К Даримас отправили посланцев во главе с Джатгяром и объяснили, что единственное спасение для родины заключается в том, чтобы она, отказавшись от Рауана, согласилась стать женой ногайского хана.

– Ради того, чтобы защитить от злого рока родину, я готова пожертвовать собой: пусть пуля, которая предназначена для моего народа, попадет в меня, – сказала она.

Никто не ожидал от Даримас такой рассудительности и смелости. Она была обыкновенной девушкой, чистой и скромной, которой в пору выходить замуж. Она так юна и прекрасна, будто распустившийся цветок. Именно это обстоятельство стало причиной горестного поворота судьбы. Хан, о котором сообщили, никогда не сможет стать ее возлюбленным. Для нее он сродни посланцу смерти, который приставил кинжал к горлу. Еще не дослушав до конца посетителей, Даримас вспомнила о дочери князя Дамдада, в честь которой ей дали имя. Именно эту историю, в отличие от других, она знала подробно. Теперь получается, что жизнь у нее складывается так же, как у невинной девушки. Люди, которые знали ту Даримас, утверждали, что она была столь же красива и умна. А теперь, вы-

ходит, и судьбы их будут схожи. Но у нее есть преимущество, благодаря которому чувствует себя вполне удовлетворенной: она выбрала путь страданий, чтобы защитить от беды своего любимого Рауана, а также весь народ Мшышты, который возлагает на нее надежды.

Рауану тоже сообщили о том, что происходит. Какой ни была весть жестокой и горестной, на его лице не дрогнула ни одна жилка.

– Зря меня спросили. Но коли так, то скажу, что каждый поступает в меру своих возможностей, – проговорил он мужественно, услышав слова старших.

Как обычно, Рауан был немногословен, но ответ его таил в себе скрытый смысл. Вынужденное решение обоих передали совету старейшин. Ничто не могло уже защитить любовь молодых. Когда начали готовить поездку Даримас к хану, парень покинул аул. Чтобы не оставлять друга одного в тяжелые дни, с Рауном отправились сын Шабата Муджар, сын Джаттыра Хохут и два сына Камаща – Ларс и Амиран...

Даримас вывели во двор. Она вся излучала свет и была одета, как кукла. Лишь иногда на ее лице проступала тень от глубокой печали, но теплые лучи ее карих глаз были ясны. Силу духа являла и спокойная улыбка на ее алых губах. Две богато одетые молодые женщины сопроводили ее к покрытому коврами носильному одру, приготовленному ногайцами.

По приказу Ятырбека четверо мужчин, с трудом подняв, принесли и поставили перед дверью Шабата два перевязанных коврами больших сундука. Кто мог знать, что в них? Даримас посадили в кресло носильного одра под дорогим балдахинном. Десять статных мужчин встали по краям.

– А теперь в путь! – приказал Ятырбек.

Когда слуги дружно подняли одр, он подошел к Шабату и учтиво склонил голову:

– О дне бракосочетания хан сообщит. Да хранит вас Аллах! Пусть родство станет долгим и счастливым. Я уверен, что вы не разочаруетесь.

Даримас вынесли со двора в сопровождении приставленного к ней охранником Мустафы, сына Алхаша, и группы всадников. Но ее проводы не сопровождались радостью, которая обычно бывает, когда девушку выдают замуж. Мужчины были задумчиво молчаливы, а женщины с грустью смотрели вслед, часть из них плакала,

концами платков вытирая слезы. Будто разделяя долю несчастной Даримас, черные тучи скрыли склонившееся к западу солнце, и сиротливая тень пала на Мшышту.

11

– Войско идет! Целое войско! – тревожная весть снова разлетелась по аулу Трамкт. Она достигла ворот Мамата, и – без промедления взорвалась долгим звоном наковальни, отдаваясь эхом у скал и в долине, где располагалось селение.

Весь аул пришел в движение. Все, кто мог держать оружие, собрались в условленном месте – в кузне. А остальные готовились перейти в укрытие, спешно завершая свои дела. Узнав о появлении ногайцев, Мамат отправил к Шабату вестового.

После этого начался совет, поиски спасения от внезапно нагрянувшей беды. Мамат и Камашц расспросили старого чабана Хака, который первым обнаружил ханское войско.

– Две их группы поднимаются по дороге Тамерлана, – сообщил Хак. – В первой больше ста всадников. Тот, кто ехал впереди, держал в руках белый флаг. Пока я смотрел им вслед, пытаюсь разобратся, много всадников скрылось в балке Адзын.

– Кто бы это мог быть? – встревоженно спросил Камашц. – Ногайцы ведь получили то, что хотели.

– По-моему, это они и есть, – высказался Мамат без сомнения в голосе.

– А для чего им вводить войска в наши края? – возразил Джаттыр.

– Мало ли поводов! – ответил Мамат. – Как говорят старики, волк не отстаёт от стада овец, в котором насытился... Группа, которая идет с белым флагом, видимо, готова к переговорам. Вероятно, они остановятся у Алхаша или подадутся к Шабату. Тогда и выяснится, в чем дело.

Слова Мамата оказались верными. Предводителем всадников, въехавших во двор Шабата, был Ятырбек, появившийся в Мшыште уже в третий раз. По серой повязке на голове было видно, что он ранен. Выглядел военачальник похудевшим и уставшим, а из глаз его от злости сыпались искры.

– Из-за оскорбления, которое вы нанесли благословенному хану

Адисан-аману и мне лично, вам нет прощения! – прокричал он сходу.

– О каком оскорблении ты говоришь? – с недоумением проговорил Шабат. – Что произошло?

– Не притворяйся, что ничего не знаешь! Приказ моего великого хана, чтобы вы сами немедленно привезли к нему Даримас. В противном случае все ваши аулы обратятся в пепел!

– У нас была только одна Даримас, мы ее отправили с вами. Другой у нас нет, – строго ответил Шабат. – Я не ребенок, и ты не вправе таким тоном разговаривать со мной.

– А позволительно издеваться над ханом, который явил вам милость? – выкрикнул Ятырбек, краснея и покрываясь потом.

– Я прошу тебя, не превращай мирный разговор в оскорбление друг друга. Объясни толком, что стряслось.

– Сначала принять гостя с хлебом-солью, а когда он уходит – натравить на него собаку. Таковы, что ли, у абазин обычаи? – возмущенно бросил Ятырбек. – Ты знаешь обо всем, хотя притворяешься.

– Мы не травили тебя собакой, а дали в сопровождение лучших людей. Если такой обычай тебе не нравится, то тогда объясни, почему ты хочешь нас уничтожить, – не отступал и Шабат, обретя обычную уверенность.

– Я уже сказал, что хотел. Вы сами должны привезти Даримас, раз согласились отдать ее за хана.

– Нет, Ятырбек. Если вы не сумели доставить мою внучку туда, куда надо, тогда сами найдите ее и верните, откуда забрали, – жестко потребовал Шабат.

– Твои люди напали на нас и похитили ее.

– Быть не может такого! – не сдержавшись, повысил голос Шабат. Именно в эту минуту князя осенила догадка. Вот уже три дня, как в отъезде его сын, уехавший вместе с Рауаном. На поиски пропавшего мальчика отправились и сыновья Саканы. Не они ли натворили это?

– Значит, молодые люди обошлись с вами недостойно? – спросил Шабат, принимая и на себя вину за случившееся.

– Без указания старших, без их внушения, молодежь не стала бы так вести себя, – обиженно произнес Ятырбек.

– Хочешь, верь, хочешь, нет, но утверждаю, что никто из старших не знает о произошедшем. Если бы это было так, то Даримас привезли бы домой.

– Значит, нужно ее отыскать!

– Найдем, если она не превратилась в иголку, – заверил Шабат.

– Если дело обстоит так, как ты говоришь, надо искать не только Даримас, но и ваших воинов, по чьей вине случилось это...

Люди, которых Шабат и Алхаш отправили на поиски молодых, не нашли даже их следа. Выяснилось, что группа всадников напала на ногайцев, забрала Даримас, взяла в заложники охранников, сына Алхаша Мустафу и канула в неизвестном направлении.

– Поверь, народ не имеет никакого отношения к тому, как поступили сорвиголовы в отношении вас, уважаемый Ятырбек. Правда и то, что за отпущенное время мы не смогли их найти, – признал Шабат, обращаясь к ногайскому посланнику. – Вам решать: воевать или нет. Но будет справедливо, если ты сообщишь хану, что нашей вины здесь нет. Возможно, он рассудит, что нельзя из-за каких-то неосмотрительных юношей винить все население долины. А мы будем продолжать поиски до твоего возвращения. Даже тот, у кого ястреб забрал цыпленка, не теряет надежду вернуть его. Все, кто повинен в случившемся, – наши люди, поэтому мы непременно их разыщем.

Мудро сказал Шабат. И Ятырбек вынужден был с ним согласиться. Однако все эти три дня он думал только о разбойниках, пленением которых оправдается перед ханом. Их было всего девять человек, но они смогли похитить невесту у его слуг, превосходивших вдесятеро. Более того, злодеи подрезали каждому воину левое ухо и потребовали убраться восвояси. Теперь и он с мерзким шрамом. Разве не позор это для избранных воинов, которые призваны стать опорой благословенного хана? Впрочем, и такое унижение можно было пережить, если бы не то, что за этим последовало. Сто лучших воинов три дня и ночи пытались прорваться в Мшышту. Но как ни атаковали, все их попытки оказались безуспешными. Немало ногайцев пало на этом подъеме, не один сорвался в воды Лабы. Ятырбек не мог поверить в то, что их сдерживает горстка абазин. Поэтому он обратился к хану с просьбой направить дополнительные силы в обход. И пока это войско не добралось сюда через адыгское княжество, в Мшышту его воины так и не смогли попасть. Такова действительность, и она заставила Ятырбека призадуматься: «А как справиться, если против нас поднимутся все жители Мшышты?!» В конце концов, он собрался с мыслями и уступил:

– Хорошо, если хан смирится с этим, взяв во внимание неразумное лихачество...

12

По правде говоря, Ятырбек обрадовался тому, что нужно ехать домой. Если бы он начал войну, ему пришлось бы несладко. Он собственными глазами видел, как жители аулов основательно готовились к защите своей земли. Сколько бы их ни было, это не такой народ, который можно легко запугать. Они знают, что такое война. И отстоят свое правое дело не колеблясь и никогда не станут на колени ни перед кем.

Розыскная группа, которая отсутствовала в эти дни, вернулась вместе с Даримас. Рауан и его друзья осознали, какая угроза нависла над родиной. По всем приметам проникшее обходным путем в Мшышту ногайское войско было готово к боевым действиям.

У ханского посла лицо так засияло, словно наступил его личный праздник. С видом человека, нашедшего свою похищенную дочь, он обратился к Шабату:

– Что теперь скажешь, уважаемый? Неужели они были не в Мшыште, а где-то за ее пределами? Не обижайся, что я так говорю. Теперь между нами не должно быть никаких раздоров: мы забираем ханскую невесту и уезжаем. Не так ли, князь?

Шабат сдержался, хотя ему хотелось резко ответить бесцеремонному ногайцу. «Ничего хорошего нет в грубых словах», – трезво подумал он и парировал:

– Мы разберемся с нашими людьми сами, без чужого вмешательства. Где бы они ни были, обо всем расскажут сами.

Пока он говорил, во двор выбежала Даримас и со слезами кинулась к бабушке. Весь ее строгий вид свидетельствовал об одном: «Я готова пожертвовать собой ради своего народа. Пусть они выводят войска с нашей земли, если приехали за мной...» И Шабат, поглаживая ее по голове, ведя в дом, ласково утешал:

– Входи, милая, входи... Не бойся ничего, пока мы живы. Как скажешь, так и будет.

Он позвал того, кто был старшим среди ногайских охранников,

и подробно расспросил о том, что случилось. Тот подтвердил рассказ Ятырбек.

Кто бы ни был виноват, но предстояло снова отправлять Даримас в чужое ханство. Дом Шабата омрачили печаль, слезы, причитания. И лишь Даримас светилась, словно маленькое солнце. Как и в первый раз, она за своим внешним спокойствием скрывала боль, терзающую душу. Все провожали, не отрывая от нее пристальных взглядов, восхищаясь ее беспримерным мужеством.

Неизбежно уготована ей несчастная участь. Но она должна разделить судьбу народа, у нее нет иного выхода. Как сообщили Даримас, ханское войско, готовое начать войну, действительно, выведено из долины. Разведчики Шабата подтвердили, что ногайцы покинули Мшышту, задержалась лишь группа Ятырбека.

В эти же дни Рауан добрался до владений Адисан-амана и первым делом осмотрел дорогу, по которой повезут Даримас. Он решил встретиться с ханом и убедить его, что нельзя лишать человека счастья. Это было опасно, но Рауан пошел на крайние меры. Если бы не ответственность перед своим народом, он давно бы похитил возлюбленную и увез...

Негаданно он заехал в глухое место. Спешился и, ведя коней в поводу, оседланного и запасного, добрался до скалы, в начале тесного ущелья. Он надеялся, что на той стороне есть перевал, позволяющий попасть в княжество Басаней. Но стемнело, и пришлось тут заночевать.

Рауан привязал коней к дубу, чтобы уберечь от зверей, а сам расстелил бурку в пещере. Голоса и звуки дикой природы, чувство тревоги и сбивчивые мысли долго мешали ему уснуть.

Он не помнил, сколько прошло времени, когда его разбудил шелест листьев. Всю ночь не умолкали такого рода отзвуки с разных сторон. Где-то раздавались шорохи мышей или ежика, где-то лесные птицы или зверушки, спавшие на деревьях, неловко шевелились. Мало ли... Но этот вкрадчивый шелест, прервавший сон, отличался от всех иных. К нему примешался шумок дыхания. Если бы это был зверь, то кони разбудили бы ржанием, как крепко ни спал. Рауан уловил запах человеческого тела. Пришелец был почти рядом. Он должен открыть глаза и встать: злодей уже поднял над ним кинжал. Рауан не шевелится: лежит на спине, как и раньше. Кинжал летит прямо ему в сердце... острие коснулось

кожи... В этот миг он рванулся и схватил руку. Резко вскочил и – кинжал упал к ногам. Рауан ловко подхватил его и забросил в кущи возле речки. Заметив человеческий силуэт, который в этот момент промелькнул на фоне нарождающейся зари, он снова прилег на свое место.

Испуганный, крепкого телосложения незнакомец, поддерживая здоровой рукой поврежденную, застыл, как камень. Рауан презрительно сказал:

– Убирайся отсюда!

Нападавший, боясь, что этот бесстрашный джигит может выстрелить из пистолета, бочком двинулся к выходу. Подтверждая догадку Рауана, что тот не один, ногаец предупредил кого-то:

– Оставь!

Рауан встал на ноги и увидел, как второй злоумышленник в спешке отвязывает его запасного коня.

– Эй, уважаемый, не тронь!

Но тот, кого он окликнул, уже успел взять в руку уздечку.

– Эй! Настоящий мужчина не садится на лошадь без седла, возьми его! – крикнул Рауан вдогон конокраду, пустившему лошадь по тропинке.

– Стой! Он убьет тебя! – завопил и незадачливый убийца.

Но того и след простыл. Рауан поднес седло к своему коню. Крепыш от страха вытаращил раскосые глаза.

– Как тебя зовут? – будто ничего не случилось, спросил Рауан.

– Ка... Караясом, – ответил ногаец и подбежал, прижимая обе руки к груди. Трудно было понять, радуется он или просит о пощаде.

– Твоему приятелю очень нужен конь? – поинтересовался Рауан.

– Не убивай его, он мой брат!

– Если ты этого хочешь, то садись, дружок, на коня вместо меня, – произнес дружеским голосом Рауан. – А я вас здесь до полудня подожду. Только хорошо подумай!

Ногаец, вконец растерянный, снизу вверх посмотрел на богатыря, который протянул ему уздечку. Наверняка этот человек хозяин своему слову. Нельзя не подчиниться ему...

– Бери, Караяс, – поощрительно усмехнулся Рауан и вложил уздечку в руку парня. – А теперь ступай за мной. Забери свое оружие! – Рауан кивнул на кинжал, вонзившийся в ствол дерева. – В следующий раз не замахивайся на спящего человека.

Поняв, что кинжал слишком высоко и ногойцу не достать, Рауан сам выдернул его и отдал владельцу.

– Ты, слава богу, не убил никого. Вложи обратно в ножны – еще пригодится.

13

Еще солнце не успело подняться над деревьями, а Караяс уже вернулся и привел с собой украденного коня.

– А где же брат? – поинтересовался Рауан.

– Он отказался прийти.

– Что же с ним случилось? Он такой недоверчивый?

– Не знаю, то ли страх не велит, то ли мучит совесть.

– Скорей всего, ему стыдно из-за того, что ускакал без седла. А я ему хотел отдать и свое седло, – шутил Рауан. – Вам, наверное, нужна верховая лошадь?

Парень повинно опустил голову и промолчал. Но, решив, что нельзя без ответа оставлять вопрос такого достойного человека, смущенно признался:

– Да, нужна...

– Ясно. Но в любом случае из-за коня нельзя убивать человека, если считаешь себя мужчиной.

Караяс поднял голову и присмотрелся к тому, кто с ним так серьезно разговаривал. Выглядел этот смельчак вполне представительно. От серой остроконечной каракулевой шапки до кожаных чувяков на нем была форма ногойского воина высокого чина. Можно было подумать, что он только что покинул дом владыки, получив ответственное задание. Однако то, что принадлежал он к другому народу, можно было безошибочно определить по чертам лица. Тем не менее Караяс решил, что Рауан находится на службе у правителя ханства. Поэтому и не смог сразу ответить. Чтобы снять напряжение, Рауан доверительно улыбнулся:

– Не бойся, Караяс: я не служу у хана и не злодей-абрек.

– Тогда, кто ты?

– Мужчине не принято задавать такой вопрос. Я забрался на дно ущелья не для того, чтобы болтать.

– Даже если ты молчишь, о многом говорит твоя одежда, – заметил Караяс, осмелев.

Рауан, вспомнив, что в ногойской форме, невольно вздрогнул. И тут же укорил себя за оплошность, – ведь даже перед черным джином ни одна черточка лица не должна шевельнуться. Он должен быть твердым, как Мсыр, мужество которого являлось примером. Вдруг его осенило: «Не кони нужны были этим парням, а моя смерть!» Чтобы убедиться в догадке, он спросил:

– Зачем вам нужны кони?

– Мы хотели убраться прочь, чтобы не видеть тебя.

– А-а, вот что... Тогда скажи, Караяс, что я тебе плохого сделал.

Тот промолчал и остановился. Потом, подумав, развязал свернутую в виде пояса ткань, снял кинжал, задрав рубашку, показал спину. Рауан встрепнулся от увиденных ран, поняв, что хотел этим сказать Караяс: «Я тот, кто уже пострадал от жестокости хана»

– Эти два коня, считай, стали вашими, – твоим и брата, – объявил Рауан. – Проводишь меня до дороги и возвращайся.

Пока шли до того места, куда указал Рауан, они еще больше узнали друг о друге. И Караяс убедился, что храбрый воин не верноподданный хана. Эта вера укрепилась в нем после того, как Рауан протянул ему уздечку.

– Бери. Всего хорошего тебе и твоему брату!

Хотя Караяс и был обрадован, он несколько растерялся. Как можно посреди дороги оставить пешим такого щедрого и мужественного джигита, даже если он проявляет сострадание. Парень вслух высказал эти мысли:

– Нам хватит одного, хороший человек! Пусть аллах убережет меня от греха забрать коня у того, кто отнесся ко мне с человечностью. И тебе тоже счастливого пути!

– Не переживай, я без коня не останусь.

– Если ты настаиваешь, чтобы приняли коней, тогда и мы обязаны ответить добром. «Тот, у кого есть железные ворота, нуждается и в железных гвоздях». Если можем быть полезными чем-нибудь, только скажи!

– Это другое дело, – согласился Рауан. – Ни в чем не нуждается только покойник. Мне нужны десять всадников, одетых точно, как и я, для исполнения ногойской свадебной песни.

– Всадников можно найти, – ответил Караяс, подумав. – Но мне просто не по душе видеть твою форму, уже не говоря о том, чтобы найти такую же.

– Форма есть. Я покажу, где она спрятана. И всадники будут вознаграждены, как следует. Они должны помочь мне в исполнении ногайской свадебной песни для одной невесты. Петь мы будем прямо на дороге.

– А-а, для той абазинской девушки, которую никак не могут довести до хана?

– Да, Караяс, – подтвердил Рауан и посмотрел на собеседника серьезным взглядом.

– А если ее вновь похитят до того, как довезут сюда?

– Кто же ее похитит?

– Тот, кто уже похищал, ее жених Рауан, – выпалил Караяс и посмотрел испытующе. Его взгляд точно спрашивал: «Не хитрец ли ты, не готовишь ли нам ханский капкан?»

– А откуда тебе известно?

– Эта весть облетела все ханство. «Они вернулись в нижнем белье, меченые абазинами», – возмутился хан и бросил в яму для пленных всех ее охранников.

– Ты, Караяс, ответь определенно, приведешь завтра всадников или нет?

– Я уже сказал о том, что в моих силах.

Верхом они добрались до подъема старой дороги. Там спешились.

– Когда сюда вернутся эти кони навьюченные, приступай к выполнению того, что пообещал. Возьми кожаный мешочек. Это для твоих людей: золото, – сказал Рауан и, ведя скакунов в поводу, поднялся к своему укрытию. Там увязал на их спины форму для десяти воинов, снятую с ногайцев во время похищения Даримас, и направил вниз. Сам же продолжил путь в сторону аула Трамкт, чтобы обзавестись новыми лошадьми.

Караяс, дождавшись коней, окончательно убедился в том, что человек-орел, с которым познакомился, и есть Рауан.

А тот, не прошло и дня, на вороном коне, имея при себе еще запасного, вернулся к месту укрытия у дороги. Сюда должны были также прибыть всадники Караяса. И не ошибся! То ли золото поманило, то ли молва о доблестном Рауане, но вместе с Караясом явилось не менее полусотни человек. Они были из группы Аман-

хора, который стал врагом хана и жаждал кровной мести. Именно их искали Караяс и его брат.

В военную форму обрядились десять абреков, которые умели исполнять ногайскую свадебную и знали обряды.

– Думаю, колонна доехала сейчас до условленного места, где невесту будут пересаживать с лошади на ханскую арбу. Если вы запоете свадебную, они ее услышат. Ваше дело – петть не оставливаясь. Не обгоняя сопровождающих, станьте впереди. У поворота дороги услышите мой выстрел. После этого немедленно уходите, а дальше уже мое дело, – давал подробные указания Рауан ногайским абрекам, хотя непросто было общаться на мало-знакомом языке.

Рауан встал рядом с исполнителями «свадебной», взяв в руки ханский флаг. Повернувшись к солнцу, закрытому в предвечерний час тучами, они затянули свадебную песню. Разыграв обряд сопровождения невесты, не вызывая ни у кого подозрения, Рауан отделился от группы. Никто не обратил особого внимания и после того, как он сравнялся с полуоткрытой арбой, подумав, что молодой всадник хочет украсить ее флагом с полумесяцем.

Наклонившись, он показался Даримас. Действительно, воткнув флаг в сиденье возницы, он в следующий момент подхватил Даримас, которая сама бросилась ему в руки. Сидевший рядом с ней Мустафа, испугавшись, вскрикнул. Тут же раздался выстрел Рауана. И, свернув с дороги, похититель пустил коня по узкой тропинке, разведанной заранее.

Призыв Ятырбека, во главе всадников следовавшего за арбой невесты, раздался запоздало:

– Не стреляйте! Преследуйте его!

Заглушая крик, грянули поспешные выстрелы, раздались возгласы, зазвенели скрестившиеся сабли. Ногайских воинов охватила суматоха. Но все развилки дороги охранялись абреками до тех пор, пока они не убедились, что Рауан успел скрыться.

Разве мог простить хан такое издевательство над собой! В третий раз отправил он своих людей в Мшышту, передав суровый приказ:

«Пусть привезут девушку прямо ко мне в дом или пришлют человека, который стал моим соперником».

Посланником, который прибыл в Мшышту с этим ультиматумом, был уже не Ятырбек, которому за неисполнение ханской воли отрубили голову.

Теперь интересы Адисан-амана представлял новый предводитель войска, человек мускулистый, грубый и несдержанный в словах.

– Отдайте мне хотя бы одного из них, – без обиняков заявил он, войдя в дом Шабата, на плечи которого упала тяжесть случившегося. – Достаньте хоть из-под земли. Даю вам три дня!

На такой срок не расщедрился бы ханский посланник, если бы Рауан и Даримас находились дома. Побег их произошел накануне вечером. И тотчас по прибытии в аул ногайский отряд ринулся на их поиски.

Местным жителям также было велено принять участие в поисках пары. Ларс нашел Рауана и Даримас и на словах передал им ханский ультиматум.

– Да, не от болвана исходит такой приказ, – сделал вывод Рауан. – Не опоздав ни на мгновение, к исходу третьего дня я буду у ворот хана. Сообщи это ногайцам. А если нарушу слово, пусть делают со мной, что хотят. Но я приеду туда не как провинившийся, а как посланник Мшышты.

– Рауан! Им нужна я: и ехать мне.

– Нет, Даримас. Ты уже дважды приносила себя в жертву. И я не стал тебе возражать, – отклонил ее слова Рауан. – Настал черед мне пожертвовать ради родного народа. Ты, Ларс, выполнил свой долг сполна, забирай сестру и возвращайся. Спрячьте ее до моего отъезда. Пусть домашние не беспокоятся обо мне, а готовят в дорогу лошадь и лучшую одежду.

Ханский посланник обрадовался предложению и согласился со всем, кроме одного условия. Он твердо заявил, что не уедет без Рауана.

– Ничего страшного, – сказал он Ларсу, сообщившему ему об этом. – Поехали, теперь уже нечего скрываться.

Рауан вернулся вместе с Ларсом, привел себя в порядок, успокоил отца и мать. На следующий день он снарядил в дорогу любимого коня с белой звездой на лбу, надел национальную абазинскую одежду. В это время собрались его близкие люди, чтобы проводить.

– Нельзя отправлять его одного, Мамат, – взволнованно сказал Камащ.

– Я один нужен хану, – напомнил Рауан, услышав это. – Не беспокойтесь, дорогие...

Оставаясь верным слову, он в срок прибыл к воротам хана Адисан-амана. Его не могли не заметить предводители ногайских аулов. Для них абазин был похож на сказочного героя и по одежде и по красивой манере держаться в седле. Повсюду люди останавливались и любовались им.

– Я – Рауан Жихи. Приехал из Мшышты по приглашению хана Адисана. Донесите ему об этом, – объявил Рауан, подойдя к караульным у ворот.

Один из них отлучился и, не говоря ни слова, снова встал на свое место. К Рауану вышел солидный придворный, одетый в велюровый кафтан, шитый золотыми нитками.

– Ассалам алейкум, – приветствовал он и грузно оперся на трость. – Как мне сообщили, ты и есть Рауан Жихи?

– Да, – с достоинством ответил приехавший, остановив взгляд на сделанной его отцом поделке.

– Тогданими оружие.

– Если могущественный владыка хочет пленить меня, то пусть сделает это сразу!

Сановник отправился к хану, чтобы передать ему пожелание Рауана, и вскоре возвратился.

– Нет, тебе ничто не угрожает. Хан желает видеть тебя без оружия.

– Иди и спроси еще раз у своего повелителя: он хочет, чтоб я предстал перед ним неполноценным мужчиной?

Придворный вновь удалился. Вернувшись, он объявил:

– Светлейший сказал так: «Если его мужество заключается только в оружии, пусть не снимает его».

Рауан больше не стал упрямиться, поняв, что хан не совсем уверен в себе. Сняв с себя черкеску, боевой меч, пояс с пистолетом, он остался в одном атласном кафтане. Бородатый сановник повел его к двухэтажному дворцу. Во дворе находились различного рода постройки, вплоть до мечети с позолоченными полумесяцами.

Наконец ноги Рауана коснулись мягкого ковра. О достоинстве гостя говорил не только горделивый взгляд, но и изящная одежда,

подчеркивающая его стройную фигуру. Высокому росту соответствовала темная каракулевая шапка, короткий блестящий национальный кафтан с воротником, богато убранный пояс с серебряными язычками и искусно отделанным маленьким кинжалом, шитые серебром легкие кожаные сапоги – каждая деталь была учтена и безупречно сочеталась.

Провожатый остановился: судя по его обеспокоенному виду, он приблизился к покоям хана. В этот миг украшенная орнаментом большая дверь отворилась. Не говоря ни слова, сановник показал рукой, чтобы гость вошел. Рауан понял это и шагнул вперед.

Скользнув глазами по ковру, Рауан сосредоточился на углублении, похожем на михраб² в мечети. Там он увидел силуэт человека, одеяние которого переливалось серебряным и розоватым блеском. Его борода была такой же длинной и острой, как и соболья шапка, заостренная кверху. Кончик бороды касался разукрашенного столика, на котором находился Коран. Пухлые, похожие на темный воск, щеки бородача выделялись на белом фоне. Прикрытые глаза и бледное лицо делали его похожим на мертвеца.

– Добрый день, уважаемый хан Адисан, сосед Мшышты! – проговорил Рауан по-тюркски мужественным тоном, переступив порог и остановившись в трех шагах от него.

Хотя Рауан и прислушивался гораздо дольше, чем требовалось для ответа, никакого отзыва не последовало. Более того, ни одна черта лица хана не дрогнула. Рауан подождал еще. Потом еще. Потом сверх того... Хан не проронил ни единого звука, даже не оглянулся, чтобы посмотреть: то ли собака зашла, то ли человек. Тогда только Рауана стало брать сомнение: перед ним живой хан восседает или каменная статуя? Он хорошо знал, что по мусульманскому обычаю обязательно нужно ответить на приветствие и слуге, и господину: живого человека необходимо удостоить хоть сердечным, хоть пренебрежительным словом. Или потому хан себя так ведет, что обратились к нему не так, как принято у мусульман? Тогда пусть объяснит. А если он глуховат? Даже если и так, Рауан не собирается дважды повторять одно и то же: «Глухому молитву дважды не читают».

Молчание затянулось надолго. Рауан стоит, как памятник, не шевелясь, едва переводя дыхание. Полуденные лучи, освещавшие деревья, когда он вошел, успели скрыться, а тени достали до ног.

² Михраб: место внутри мечети, откуда мулла читает молитвы и проповеди.

Наступило предвечернее время. Наконец приподнялась острая борода хана. Он посмотрел в сторону Рауана.

– А-лей-кум-о-салам! – сказал владыка тонким, но напористым голосом, будто выпавшим из пасти дракона. После этого опять отвернулся и умолк. Чуть погодя принялся снимать позолоченные сапоги. А Рауан, уже не обращая внимания на его молчание, решил внести ясность, как того требовал обычай.

– Это я – Рауан Жихи, которого ты призвал к себе. Я приехал с благодарностью за оказанную мне честь, уважаемый хан.

Хозяин продолжал свое дело, делая вид, что ничего не слышит. Разувшись, он доковылял до места, где лежал коврик, стал на него и начал молиться, повернувшись в сторону Киблы³ и подняв к мочкам ушей растопыренные ладони: «Ал-лаху-акбар, ал-лаху акбар». Наверное, он намеренно растягивал слова, чтобы продлить намаз, а после этого безмолвно вернулся к своему креслу. Сел и все свое внимание устремил на раскрытый Коран. Прошла еще одна пора молитвы, и раздавался только шелест переворачиваемых страниц. В помещении, где находились двое упрямых мужчин, не было уже солнечных лучей. Будто подстраиваясь под эту печальную тишину, ночной мрак сгущался все больше. Хан вновь резко поднял свою бороду, точно проснулся, увидев страшный сон, или вспомнил о чем-то очень важном. Посмотрел в сторону Рауана, будто хотел узнать, стоит тот все еще или нет. Рауан оставался в том же положении, в каком он его видел раньше.

– А-а, ты пришел, богатырь Рауан Жихи? – как бы удивился хан и снова начал готовиться к молитве.

– Я не богатырь, но приехал. Скажи, зачем я тебе понадобился, многоуважаемый хан Адисан?

Владыка, не воспринимая слов, встал и провел вечернюю молитву. Опять сел в свое кресло и обратился к Корану. Таким образом, читал он до ночной молитвы, и позже – до полуночной, до тех пор, пока трижды не прокричали петухи и не забрезжил рассвет. А Рауан стоял, терпел испытание, которое ему учинил владыка.

Свет от ламп, стоявших перед ханом, побледнев, стал незаметным на фоне лучей восходящего солнца, проникших через окна.

³ Кибла - направление в сторону священной Каабы в г. Мекке в Аравии, соблюдаемое всеми мусульманами во время совершения пятикратных ежедневных молитв и отправления ряда ритуалов

Подшло к концу и состязание мужчин. Шелест страниц Корана, перелистываемых ханом, становился все более медленным и тяжелым, пока совсем не прекратился.

15

На этот раз разбудил Адисана, похоже, собственный храп. Он резко вскинул голову, опустившуюся над страницами Корана, и потряс ею. Затем открыл, словно испугавшись, глаза и уставился на Рауана, который продолжал стоять с невозмутимым видом. Не выдержав, старец моргнул. Это означало, что допустил оплошность в присутствии соперника. Хан приподнялся со своего кресла и заговорил с Рауаном:

– Отведи на водопой моего коня, Рауан-богатырь!

– Если ты выкупил меня в качестве раба...

– Мне нужно знать, годишься ли ты в рабы, – безо всякой паузы на этот раз ответил хан.

– Я отведу на водопой твоего коня, если он, действительно, достоин хана, – парировал Рауан, усмехнувшись.

Владыка поковылял по мягкой ковровой дорожке и рукой указал на дверь. Они миновали строй охранников, по сонным лицам которых было видно, что ночью они не сомкнул и глаз, и пришли по двору к длинной конюшне.

В ее сумрачном помещении ощущался знакомый с детства запах лошадей, слышались воинственный храп и ржание. Здесь был целый табун!

По велению хана коней перевели в просторный манеж с каменной оградой. Насколько мог понять Рауан, там держали необъезженных дикарей.

– Мой конь – вон тот вороной, – указал хан, протянув тяжелую руку. Потом приказал конюшенному: «Дай ему уздечку!»

Рауан сразу приметил коня, которого выбрал хан. Это был породистый, чистокровный жеребец. Не только сильный, а еще и необъезженный. Несомненно, это – «дикарь», окрепший на летних травах и на осеннем зерне, к которому еще не приближался ни сам хан, ни табунщик. Все его тело в упругих мускулах, а шерсть лоснится черным блеском.

Как можно поймать такого ретивого с обычной уздечкой? Но коноводческие хитрости были известны Рауану с детства. Он безо всякого труда справился бы с поставленной задачей, будь у него под рукой изготовленная специально для отлова лошадей жердь с петлей. Было бы еще проще, если б конь относился к знакомой породе, с которой уже приходилось иметь дело.

Как бы там ни было, – отступать нельзя. Рауан взял уздечку и шагнул к табуну. Хан и его приближенные наблюдали за тем, как смело и неспешно шел гость на близком расстоянии от лошадей, и они нисколько его не пугались. Вот так, начав на восходе, Рауан прохаживался и прохаживался между лошадьми, пока солнце не приподнялось на две-три хворостины. И хан, и его приближенные зорко следили за абазином, не понимая, что означает его медлительность. А конь, которого ему показали, стоял в стороне настороженно, приняхиваясь к какой-то понравившейся ему кобылке. Рауан обхаживал красавца, то приближаясь к нему, то отдаляясь, пытливо изучая повадки. Наконец Рауан, скрываясь за привыкшей к нему, смирно стоявшей лошадью, неожиданно появился перед жеребцом и крепко схватил его за ноздри. «Дикарь» пришел в бешенство, глаза у него загорелись! Но, как ни рвался, не смог одолеть крепких, точно капкан, рук человека. Тут же Рауан применил другую хитрость: заломив шею вороного, он положил его на землю. Затем, накинув уздечку на его голову, продел удила в пасть. Теперь не составляло большого труда «отвести коня на водопой». Как только встал «дикарь» на ноги, Рауан вскочил на него. Еще долго строптивый жеребец прыгал, брыкался и рвался в разные стороны, становился на дыбы, но силы у него убывали: он понял, что человек сильнее его.

– Откройте ворота! – крикнул Рауан тем, кто смотрел на него разиня рта.

Они тотчас выпустили всадника. Весь день Рауан отсутствовал и вернулся только перед закатом. Взмывленного, уставшего и покорного коня он лично сам завел в конюшню.

– Ты, действительно, принял меня за раба и такого хорошего коня заставил объездить без седла, несравненный хан! – полушутя заметил Рауан после того, как передал уздечку прислужнику.

– Накройте для него стол и поставьте угощения в честь того, что смог отвести моего коня к реке, – распорядился хан, далеко не с радостным видом.

До сумерек отдыхал Рауан в комнате для гостей. Но вот к нему снова пожаловал посыльный.

– Светлейший желает, чтобы ты поборолся с его богатырем, – объявил он, сурово глядя на чужеземца.

Рауана проводили в просторный манеж с каменной оградой, предназначенный для состязаний. Вот и ханский «богатырь» ковыляет навстречу. Это не просто борец, а огромный откормленный медведь. Рауану известно, что в домашних условиях звери становятся намного сильнее и проворнее, чем их лесные сородичи. Встретиться с таким «мишкой» без оружия, все равно, что собственными руками выкопать себе могилу. Его когтей остерегаться надо больше, чем зубов. Рауан мгновенно вспомнилось о маленьких ножнах для кинжала, украшавших ремень. Он распоясался, взял ножны в руку и встал перед медведем, который, мотая косматой головой и рыча, приближался. Нельзя было медлить ни секунды. И Рауан вогнал свой кулак с ножнами в открытую пасть и поставил их точно капю, не позволяя зверю сомкнуть челюсти. А тот, выпустив когти, в отчаянии начал рвать его грудь и плечи передними лапами. Рауан понимал, что всё надо кончить, пока борьба не отняла сил. Поднапрягшись, он добрался до места, где лежал ремень, и, схватив его, обвел вокруг звериной шеи и до упора затянул, – и передние лапы, которые рвали тело, опустились. Медведь еще некоторое время сопротивлялся, дергался, а потом бездыханно рухнул. И сам Рауан был настолько обессиленным, что готов был упасть на него сверху. Но, вспомнив, что хан наблюдает, нашел в себе мужество: «Нет, нельзя ему показывать, как я слаб». Рауан достал из пасти ножны, сдернул ремень и закрепил его на поясе. В разорванной одежде он подошел к хану и, испытывая от кровопотери головокружение, успел произнести:

– Каждый выбирает богатыря по себе.

– Отведите и бросьте его в темницу за то, что он осмелился высмеять моего богатыря! – приказал хан, трясаясь от малодушной злости...

Рауан очнулся, ощутив, как давит спину подстилка из плетня. Вокруг сгустился мрак. «Нет, я чувствую запах не земли, – подумал Рауан, стараясь понять, где находится. – Так пахнет каменной породой. Темница пристроена к скале. И вряд ли возможен побег...»

Не замечая времени, проявляя терпение, он покорно лежал. Когда же почувствовал, что сил накопилось достаточно, встал на ноги. Обеими руками провел вдоль тела: на нем было немало ран и застывшей крови. Вся одежда оказалась сырой: наверно, его обливали водой, чтобы привести в чувство. Осторожно ступая, узник подошел к железной двери, над которой пробивалась полоска света.

Пока он стоял у входа, раздался шум, и дверь вдруг отворилась.

— Аллах милосерден, а после него свою милость к тебе проявляет мой великодушный хан, — возвестил появившийся на пороге слуга. — Он освобождает тебя из заточения до дня твоего суда!

В сопровождении двух воинов Рауан долго шел по узкой тропинке, петляющей вдоль горы.

— А теперь сворачивай направо и ступай вверх до окончания тропы. Там можешь размещаться. Все, что найдешь, — твое, — пояснил один из охранников.

Склон, по которому пришлось подниматься, был настолько высок, что с головы падала шапка. Тропа привела Рауана к просторной пещере. В углу располагался настил для сна, рядом с ним — большая желтая кубышка. Над ней, на деревянном крюке, висел лук со стрелой. Он обнаружил еще кое-какие полезные вещи, но нигде не нашел того главного, что искал глазами. Он поднял кубышку и заглянул вовнутрь: в ней была вода.

Он тщательно обследовал пещеру и окрестность. И лишь после долгих поисков обнаружил, где находится пища. Высоко над ним, куда было не достать, под потолком висел белый бурдюк. «Разместили для издевательства, — подумал он с усмешкой. — Хотят, чтобы умер с голоду, глядя на еду...»

Рауан не понаслышке знал, что вид пищи усиливает чувство голода, подтачивающее силы. Тем не менее когда выходил из пещеры, невольно смотрел на бурдюк, обдумывая, каким способом его можно снять. Мысли рожают другие мысли. Когда однажды с луком в руках он не дождался ни одной пролетающей птицы, то с досады прицелился в бурдюк. И вдруг обнаружил, что тот подвешен на тонкой веревке к забитому в скалу крючку. «Именно для этого дан мне лук, — догадался он. — Если не попаду единственной стрелой, они будут смеяться надо мной. Будет счастье, если не промахнусь».

С этого времени Рауан, прицеливаясь помногу раз в день, тер-

пеливо тренировался, чтобы рука не дрогнула. И когда ощутил решимость, он выстрелил из лука. Бурдюк упал у входа в пещеру и от удара лопнул. И оказалось, что на земле еще есть для него хлеб-соль!

– Устройте ему пир на три дня и три ночи, да хорошенько лечите его! – повелел хан своим подданным, когда убедился в остроте ума, мужестве и отменной меткости Рауана.

Пусть только хан прикажет...

Рауану отвели отдельный дом, вылечили раны, привели в порядок одежду, устроили в его честь празднество. Молодой организм вскоре обрел прежние силы. Однако эти счастливые дни быстро пролетели. Слуга вновь отвел его к хану. Как и в первый день своего приезда, Рауан переступил порог и остановился у края ковра.

– Добрый день, высокочтимый хан, – поздоровался он уверенным голосом.

– Алейкум-салам, – ответил хан вместо приветственных слов: «Добра тебе» или «И тебе доброго дня!» – Проходи и садись.

Рауан подчинился. Тут же владыка впился острым взглядом в его лицо. Затем позвонил в колокольчик. Вбежал маленький старик с морщинистым лицом и подал хану длинную трубку. И сразу же выскочил вон, кланяясь и бормоча что-то.

Трубка, которую зажег хан, была кривой и доставала до его груди. Он затянулся два-три раза и выпустил клубы табачного дыма, которые дурманили.

– Положи свою левую руку на столик, – велел он Рауану.

– Если ты меня считаешь малышом... – ответил тот со снисходительной улыбкой.

– Нет, я хочу проверить, сколько в ней силы, – ухмыльнулся Адисан, подстраиваясь под тон разговора гостя.

Рауан опустил руку на столик. Головы их настолько близко друг к другу, что дыхания смешиваются. Дым, который выпускает молодой хан прямо в лицо Рауана, имеет нестерпимый запах. Он, усиливаясь зловонием изо рта, не только ощущается носом, но и разъедает глаза. Но Рауан не показывает вида, по-прежнему проявляет выдержку. «Он опять придумал мне дурное испытание», – понял Рауан, собираясь с духом.

Хан только раззадорился. Весь горячий пепел из трубки, в которую помещалась половина кисета, он высыпал на ладонь Рауана.

Велел принести табаку второй раз и снова тлеющей смолкой ожег руку непокорного абазина. Однако и этого хану показалось мало, чтобы положить конец терпению упрянца!

Выкуривая трубку одну за другой, сидел он в течение дня, ссыпая горячий пепел на ладонь Рауана. Как ни изощрялся, но посланец Мшышты не изменился в лице и не произнес ни единого слова. С озлоблением смотрел владыка на руку Рауана, которая становилось все краснее, покрываясь ожоговыми пузырями.

Это была пытка, которую он проводил не раз, и еще не было случая, чтобы кто-то ее выдержал. Но теперь выдумка Адисана стала испытанием для него самого. Когда табак ударил ему в голову, и затошнило, хан звоном колокольчика позвал слугу.

— Быстрее лечите гусиным жиром руку этого героя! — сочувственным голосом приказал он, отворачиваясь.

В течение многих дней Рауана потчевали снадобьями и травяными отварами. И тяжелая рана стала затягиваться, краснота постепенно исчезла.

— Ты настоящий мужчина, достойный сын своих родителей, Рауан, — похвалил хан, вызвав его к себе. — И я отныне буду относиться к тебе, как к сыну. А теперь проси, о чем хочешь, я сделаю все, что в моих возможностях.

— Высокоchtимый хан, нет ничего зазорного в том, чтобы просить, но если бы я приехал с этой целью, то сразу бы стал на колени перед тобой, — ответил, улыбнувшись, Рауан.

— Нет, герой-упрямец, я имел в виду то, каким подарком тебя обрадовать.

— Подарок — это желание того, кто его делает, и потому он решает сам.

— Тогда я сделаю три подарка! Я отпускаю тебя домой. Я не буду больше соперником по отношению к Даримас, с которой ты помолвлен. Ради тебя я не трону народ Мшышты и земли, которые принадлежат мне. Ты доволен такими подарками?

— Да, доволен, если ты их считаешь подарками, — ответил Рауан, с некой двусмысленностью.

Ничего больше не говоря, хан зазвенел колокольчиком. На переливчатый звук вышел с приветствием уже знакомый сановник, опираясь на трость. Рауан неотрывно смотрел на поделку, изготовленную отцом. Будто угадав его мысли, хан подвел придворного к

Рауану. Тот встал из уважения к старшему по возрасту.

– Вот эта вещица, – сказал Адисан-аман, взяв трость, – сотворена мастером из Мшышты. Сделал он ее для добра. И она привела к добру. Пусть наше добрососедство будет долгим, несмотря на то, что посох этот короткий. Его нам принесла река, которую мы называли Лабой. Слышал, что новая трость, сделанная для Шабата, меньше, чем эта, и потому другую реку Мшышты мы будем называть Малой Лабой. Как ты думаешь, Рауан?

– Почему бы и нет, высокочтимый хан, – в знак согласия преклонил голову абазинский посланник.

– Наилучшим образом подготовьте для гостя и подарки, и проводы! – обратился хан к придворным и, привстав с кресла, пожал Рауану руку. – Пусть ваш общий очаг с Даримас всегда дает тепло.

– До свидания, многоуважаемый владыка!

Ханские посланники, везя большие подарки от своего владыки, проводили Рауана до самого аула Трамкт.

17

Возвращение героя и вести, которые он привез с собой, стали для Мшышты праздником. Молва облетела аулы, и над ними рассеялись тучи тревоги, омрачавшие жизнь последнее время. Люди приезжали к Мамату не только из аулов Трамкт и Басках, но и из многих других селений. Благодарили, произнося поздравления и добрые пожелания в адрес Рауана и Даримас, которые уберегли их от войны. Отдельно выражали они свое уважение родителям, которые их взрастили и воспитали.

Облегченно вздохнул и Шабат, с плеч которого будто упала тяжесть горы. Он лучше других понимал, насколько опасны настоячивые угрозы Адисан-амана. Своим мужеством Рауан смог укротить необузданность ногойца, готового без серьезной причины начать кровопролитие. Кто же тогда герой, если не Рауан Жихи? «Даже медведь чувствует того, кто мужественен», – молвится в народе. Ум и бесстрашие Рауана спасли Мшышту от бед, открыли пути к добрососедству.

Люди от души радовались тому, что над родиной засияло небо. Но больше всех были счастливы Рауан и Даримас. Они доказали,

что готовы пожертвовать собой ради других. К ним с новой силой вернулась любовь. Что может быть лучше такой участи! Девушка в родном доме, и он тоже. Конечно же, им очень хочется найти возможность увидеться хоть на мгновение. Рауану было легче переносить испытания ногайского владыки, чем ожидание встреч с любимой...

В честь ханских посланников, которые провожали Рауана, устроили пир. Когда гости убыли домой, Шабат собрал всех, кто имел отношение к сватовству Даримас.

— Дайте возможность молодым людям создать семью, не мешайте им больше, — сказал он без всяких предисловий. — Не думайте, что я поглупел на старости лет из-за того, что говорю об этом. Уже пора решить вопрос, они это заслужили. Вы видели собственными глазами, насколько решительной и умной оказалась наша девушка, о которой все беспокоились. Даримас смогла повести себя достойно, значит, она уже не ребенок. С другой стороны, у границ Мшышты неспокойно. Откуда знать, какие перемены может принести время. Нет ничего лучшего, чем помочь сердцам, любящим друг друга. Не стоит больше тянуть.

Шабат оглядел собравшихся и, взяв свою трость, медленно направился к двери. Его проводили вставанием. И никто больше не стал возражать князю. То, что настало время свадьбы, подтвердили минувшие события, они же и обозначили срок. Самые уважаемые люди аула после ухода Шабата посоветовались и распределили свои обязанности по случаю торжеств.

Для подготовки к свадьбе отвели месяц. Это было минимальное время. Ведь другие девушки до полугода могут ожидать свою свадьбу. Кроме того, нужно было успеть сообщить о бракосочетании в дальние аулы, приготовить напитки для застолья. Все единогласно договорились о том, что это торжество станет праздником для всех жителей Мшышты.

Вот и миновал месяц, отпущенный для подготовки свадьбы Рауана и Даримас. Настало преддверие торжества. И этот день безостановочно прошел, — утихли мелодии и хлопанье руками в ритм

плясунам, наполнявшие ущелье, на которое смотрит Храм с вершины горы Закан. Солнце закатилось, и на округу легла прохладная тень. Вечер оведал нежной грустью, будто бы прощался с чем-то так необходимым. Невольно ощущая состояние природы, замерли и ждали чего-то люди, весь день суетившиеся во дворе у Камаща. Угомонились даже дети и, широко раскрыв глаза, смотрели на стоящих перед домом красиво одетых всадников и разукрашенный фаэтон, в который были запряжены нетерпеливо бьющие о землю копытами кони: «Что же сейчас произойдет?»

Наконец начались проводы Даримас из родительского дома и препровождение ее во временное жилище накануне свадьбы.

Один из всадников выехал вперед, обернулся к товарищам, махнул сложенным вдвое кнутом и голосом, долетевшим до склонов Закана, затянул свадебную «Уаридаду». Когда же он закончил вступительную часть, остальные всадники хором поддерживали солиста. Отчетливо прозвучавшие слова певца и проникающий в душу сильный хор его товарищей поведали, что послужило причиной светлой печали природы и людей. Красавица Даримас, мужественная дочь Камаща, умное и чистое душой дитя Саканы, покидает родительский дом, в котором родилась и выросла. Не грустите, родители, не грустите близкие! У вашей Даримас – завидная судьба: ее забирает не хищный коршун, ее не сносит к пропасти злой ветер. Ее не продают хану за золото. Прекрасная дочь аула Трамкт нашла свое счастье. Красавица Даримас вскоре выйдет замуж за народного героя Рауана Жихи!

Даримас вывели из дома. Ее сопровождали две солидного вида прислужницы. Вместе они спустились с каменной лестницы, и женщины взяли с обеих сторон девушку под руки, будто вели младенца, только-только начинающего ходить. Если сравнить с тем, как она садилась на одр, когда ее выдавали за хана Адисан-амана, и то, с каким настроением сейчас впорхнула в приготовленный фаэтон, разница была огромной. Отличалось и настроение провожавших: тогда ее живой оплакивали, а теперь веселились, не сдерживая улыбок и растроганных слез.

В поведении невесты не было никакого притворства. Она была столь же чиста, какой создал ее бог, и вела себя скромно и с достоинством, которое в ней воспитали родители. Понятно было, что долго ждать нельзя, и запряженные кони двинулись вперед. Всадники, не

прерывая «Уаридаду», усиливая мощь своего хора, двинулись следом.

В жизни человека имя его произносят трижды, говорится в народе, – когда он рождается, когда создает семью и когда умирает. Вот и в этот вечер имена Рауана и Даримас произнесли во второй раз: приблизилась пора, когда они должны выполнить свой человеческий долг, пустив новую ветку жизни, создав свой семейный очаг.

19

Когда на земле мир и благополучие, время идет быстрее. Подготовительный к свадебным торжествам месяц завершился. Наступил торжественный день, к которому все аулы Мшышты готовились как к большому событию.

Весь просторный двор Мамата у подножья горы Закан заполнен людьми. Всадники проскакивали то в одну, то в другую сторону, на крышах и на валунах склона развевались установленные на них яркие флаги. Учитывая, что поблизости нет соседей, как для старших, так и для молодежи в разных уголках двора на скорую руку построили несколько длинных навесов, крытых камышом, землю под ними покрыли циновками и войлоками. Под навесами в тени стояли столы и скамейки, в том числе круглые столики, сделанные из дерева и сплетенные из лоз. Тут разместили односельчан с учетом возраста и общественного статуса. Множество уважаемых гостей приехали не только из аулов Мшышты, но и из соседних княжеств.

В этот день важнее всего был обряд первого вступления невесты во двор жениха. До дня свадьбы она пребывала в доме Джатгяра, к которому Мамат относился с большим уважением.

Невесту сопровождали юноши и девушки, разместившиеся на повозках. На телеге, располагавшейся за фаэтоном Даримас, находились музыканты, игравшие на зурне, деревянной гармонике, трещотках, а также исполнители свадебной «Уаридады».

Путь невесты почетен и обставлен старинными обычаями. Безудержным весельем, казалось, заворожены даже лесные звери! А Даримас волнительно: обрывалась ее девическая жизнь и начиналась новая, взрослая. И вот фаэтон уже вблизи двора Рауана, которого

любит всем сердцем. С сегодняшнего дня она будет находиться в этом дворе: теперь это ее дом, здесь она будет жить. Даримас надеется, что именно этот дом станет для нее родным до конца жизни. Такие же слова содержатся в «Уаридаде», исполняемой в ее честь, об этом говорится и в пожеланиях, которые высказывают находящиеся во дворе люди.

Когда фаэтон остановился, к лучезарной Даримас бросилась старшая из распорядительниц, чтобы помочь сойти на землю, и поспешно намазала угольком черные пятнышки на ее лбу и щеках.

— Это для того, чтобы уберечь тебя от дурного глаза, дитя мое, — объяснила она свои действия. Затем, держа мешочек, украшенный серебром, трижды обнесла вокруг головы невесты: — А это для того, чтобы уберечь пищу в твоём доме от злого умысла.

Даримас, в золотой шапочке, с блестящей шелковой накидкой, вели к дому жениха, и толпа расступалась перед ней, открывая дорогу. Впереди, то прыгая, то дергаясь, отпугивая плетью тех, кто зазевался, шел кривляющийся и горланящий шут, подтанцовывая в такт мелодии зурны.

Когда перед домом остановили невесту на заранее условленном месте, шут, разгоняя толпившихся людей, освободил просторный круг для танца. Здесь он начал представление, показывая свое мастерство: стал хозяином веселого зрелища. Криками подзадоривал музыкантов, чтобы играли веселей, поддакивал зрителям, чтобы хлопали громче, бил плетью по ногам тех, кто без приглашения вылезал на площадку.

Больше всех потешнику мешали всадники, которые нарушали порядок в танцевальном кругу. Уж сколько раз он их выпроваживал, помогая выиграть флаги и украшенные яствами «шапки» ореховой халвы. Тем не менее они не могут уgomониться: врываются во двор, пугая девушек и детей. И каждый раз мужчины отгоняют их длинными палками из орешника. А те не уступают, отмахиваясь плетью. И всех забавляет состязания конных и пеших на ловкость и сноровку.

Представление продолжалось. Шут добился того, чтобы танцевали все, даже старики и старушки, гости и хозяева, вплоть до Мамата и Аицы. После этого, строго соблюдая старинный обычай, был исполнен обряд введения невесты в дом!

На западе Мшышты появился отряд всадников. Первым заметил их Биджба. Где только он ни рыскал, главный разбойник Алхаша – Жака-жача! Всю жизнь он провел в седле. Его, со сгорбленным, как колесо, телом, с кривыми ногами, прижатыми к брюху лошади, в одежде, цвет которой сливается с серой шерстью, люди видели повсюду: на горных дорогах и тропах, в ущельях и лесах. Возраст его перевалил уже за пятьдесят. Он износил немало чекменей, поменял множество лошадей. Но люди приметили, что и пояс, и обувь, и кожу, с серебряными украшениями сбруи, ему изготавливал один и тот же мастер.

Жака выбирал себе только серых лошадей. Кобылицы этой породы на редкость выносливы, преданны, их трудно заметить и в темноте, и при свете. Как не знать этого Жаке, если он с детства на протяжении многих лет был табунщиком у Алхаша! Когда хозяин впервые взял его с собой, отправляясь на разбой к абадзехам, именно такую и подарил. Даже облик его совпадает с видом лошади. И пушистая шапка, и черкеска, и башлык, и привязанная сзади в свернутом виде бурка – все это изготовлено из серой овечьей шерсти.

Из-за того, что Жака неразлучен с лошадей, один из односельчан-шутников как-то сказал: «Жака родился в седле, вырос в нем, в седле творит зло... И в седле же примет смерть».

По характеру Жака был скрытен для всех, кроме Алхаша. По слухам, которые доходили, он был ловкий, злой и бессердечный абрек. Но обычно Жака молчал, будто рот на замке, что-то высматривал, ходил угрюмый. Предпочитал одиночество. И обязательно водил с собой запасную верховую лошадь, такую же, как та, на которой ездил.

Где бы ни бродил, Жака всегда что-то выискивал, стараясь обрадовать Алхаша подарком или новостью. Кто знает, что он делал в тот день, направляясь к Хумпарским горам, когда увидел незнакомых путников, спускавшихся по горной тропе. Он подстегнул кобылицу, приблизился к склону и спрятался в лесной чаще, откуда просматривалась поляна. Все, кто проходит через Хумпарский перевал, делают здесь передышку. Вокруг трава, внизу бьет целебный источник под названием «Светлый родник Шаша».

Жака не ошибся. Вскоре на поляну высыпали мужчины. Они разнуздали коней и пустили пастись на лугу. Затем сняли с себя

оружие, верхнюю одежду и налегке начали прогуливаться, наслаждаясь свежим ветерком.

Жаке не составило труда определить, кто они. По одежде, по речи, по поведению он понял, что это адыгские князья и дворяне, правящие в Мшышту по какому-то делу. Однако не это взволновало его. Он не мог отвести взгляда от коней, которые приближались к нему, увлеченные пастьбой. Они сейчас были связаны попарно. Раз так, значит, в запасе у них есть еще четыре коня. Разве мог Жака упустить добычу? Он проверил тропу поодаль, где таились его лошади. Она настолько узка, что нельзя пройти рядом не только двум лошадям, но и двум пешим. Тропа вьется по густому лесу, вдоль зарослей. Если по ней идти в течение времени, равного четверти дня, попадаешь в ущелье Ахра. Там можно найти множество мест для укрытия. Если перейти через ущелье, то попадешь на дороги, ведущие в Псху, Садзрипш и в адыгские земли.

Жака не привык тратить время на раздумья, не боялся последствий. Если же не был уверен, то ничего не начинал, а если затеял, – не откладывал. Раз он положил глаз на лошадей, назад дороги нет, хотя красть у гостей считается позором. В этом отношении у Жака нет предрассудков: главное, чтобы не поймали.

Прячась то за одной, то за другой лошадей, которые стеснились в тени деревьев на краю леса, он угнал в лес четырех отобранных кобылиц. Разбойник был настолько алчен, что увел и пятую, отметив про себя, что хозяин ее доберется на одной лошади с кем-нибудь из товарищей. Жака поставил впереди свою запасную лошадь, и, связав между собой всех украденных, погнал их в ущелье Ахра. А после этого, как говорится, «ищи ветра»...

Гости Мшышты были оскорблены кражей. Одни из них, более решительные, вскочили на лошадей и пустились в погоню по тропинке, обнаружив на ней свежие следы копыт. Другие обыскали округу, но также безуспешно. Куда ни шло, если бы пропавшие кони были из запасных. Но пятеро всадников, князья и дворяне, остались без седел! По обычаю, это позор и унижение. Однако на сей раз адыгам пришлось отказаться от поиска лошадей, поскольку поняли, что действовал опытный конокрад.

– Абреки, что черные джины, они тебя видят, ты их – нет. Наши кони исчезли безвозвратно, – проговорил седой солидный мужчина, которого отличала богатая княжеская одежда. – Если бы поиск

лошадей был важнее, чем дело, которое нам предстоит уладить, мы бы не успокоились и достали бы вора, хоть из-под земли. Но у нас нет на это времени.

— Пусть долгим будет твое старшинство, как же ты приедешь к чужим людям без седла? — обратился к нему другой видный мужчина. — Это же бесчестие!

— Но мы должны стерпеть ради цели нашей поездки, которая в сто раз важнее. Пока доберемся до аула, стемнеет. Нас никто не увидит. Те, к кому едем, тоже люди. Объясним, что с нами случилось. Нас опозорили на их земле, их человек.

— Давайте сделаем иначе, — предложил их темноволосый статный товарищ. — Те, кто остался без седел, вернутся назад, а остальные продолжат путь.

— Это мудро, — подумав, поддержал седоволосый. — Те, у кого украли коней, — князья. Без них переговоры невозможны. Вор был не глуп, он выбрал лучший товар.

Его предложение поддержали еще несколько человек. И адыгские князья с полной экипировкой верхом отправились в Мшышту.

Перед аулом Басках им навстречу выехал всадник. Это был Жака. Солнечные лучи уже коснулись вершин Хумпарских гор. Когда длинные тени приезжих приблизились к нему, соблюдая обычай, Жака взял вправо и освободил им дорогу, спешил. Также, по обычаю, нельзя верхом проезжать мимо старшего по возрасту и положению, мимо того, к кому относишься с уважением. Помимо всего, если князь, мимо которого ты прогарцевал, пожалуется твоему владельцу, за этим следовало суровое наказание. Хотя Жака редко соблюдал этот обычай, на сей раз он выполнил все неукоснительно. Вероятно, проявленное с его стороны почтение подкупило гостей. Они остановились. Старший из них, в богатой одежде, обратился по-адыгски:

— Добрый вечер, достойный человек!

— И вам доброго вечера, уважаемые гости! — ответил Жака на том же наречии, на котором его приветствовали. Впрочем, адыгским он владел лишь в объеме повседневных выражений. В Мшыште было достаточно абазин, которые, как и он, знали многие языки.

Вероятно, по этой причине почтенный гость не удивился. И среди них многие говорили на абазинском, потому что немало абазинских княжеств и аулов находилось ближе к ним, чем Мшышта. Оба на-

рода поддерживают друг с другом добрые отношения, исстари в адыгских аулах проживают абазины.

После короткого замешательства Жака как бы опомнился и добавил:

– Добро пожаловать!

– Пусть у тебя будет много гостей, уважаемый, – продолжал седоволосый князь. – Как видишь, мы – вечерние гости. «Не сомневайся, что вечерний гость останется на ночь», – учит поговорка. Похоже, что у тебя ситуация другая: ты отправляешься в путь. Про таких, как ты, у нас говорят: «Днем и птички поют. Настоящий мужчина путешествует ночью». Продолжай свою дорогу, доброго пути. Однако не расскажешь ли ты о новостях Мшышты?

– Я не собираюсь далеко. И важнее, чем гости, ничего нет! Теперь я ваш слуга, располагайте мной. В Мшыште новости хорошие, проходит свадьба. Если не ошибаюсь, для участия в этих торжествах вы и едете?

– Пусть у тебя всегда будут радостные события! О каких торжествах ты говоришь?

– Дочь Саканы, внушка Шабата Басках, вы говорите – Лоу, выходит замуж. Все аулы там!

Всадники переглянулись. Эти люди наверняка направлялись к Шабату, чтобы погостить или решить какой-то вопрос. И уж точно сообщат о том, что у них украли коней, и попросят организовать поиски. Недаром на их лицах задумчивость.

– Пожалуйте в гости! – воскликнул Жака, пытаясь скрыть свои мысли – В ауле проживают и такие, кто получше, чем Басках...

– Кого ты имеешь в виду? – уточнил князь.

– Алхаша из рода Трамов... Вы думаете, что он не сможет принять вас, как подобает? Всякий уважаемый человек, приезжая в аул, первым делом посещает его.

– Если бы мы ехали к Алхашу, мы бы назвали его имя, – отрезал князь. И ничего больше не добавляя, двинулся вперед.

А Жака провожал всадников неприязненным взглядом. Втайне он злорадствовал, что увел у них лошадей, а они ни в чем его не заподозрили. Однако адыги, отъехав довольно далеко, вдруг остановились и окликнули его.

– Низкий вам поклон, дорогие гости! Вам необходима помощь? – выдавил из себя Жака, с притворством опуская голову.

– Да, нам нужно сделать некоторые покупки, – ответил с расстановкой князь, не скрывая, что ему не нравится просить незнакомого человека. – Достань доброго коня с седлом и девичий наряд.

Жака смекнул мигом. Значит, они ехали к Шабату, ничего не зная о радостном событии в его доме. И теперь им понадобились подарки для жениха и невесты. Разве такие видные люди позволят себе приехать с пустыми руками?! Для жениха – конь, а для невесты – наряд.

– У моего хозяина кони лучшие из лучших! – подхватил Жака с живостью. – А каких только товаров у него нет! Вы у него найдете все, что нужно без всякой платы.

Гости догадались, кого Жака называл «своим хозяином». Но не пожелали ничего слышать о нем. К тому же, внучка Шабата была дочерью родного брата Алхаша.

– У твоего хозяина, по обычаю, ничего нельзя приобретать, – напомнил кто-то из гостей. – Ты не можешь раздобыть в другом месте?

– Понял, понял, – почесал куцую бородку Жака. – Я просто думаю о том, что за срочные покупки запросят втридорога.

– Ты найди, а платить нам! – строго произнес адыгский князь.

– Сколько времени вы даете?

– В крайнем случае, до утра.

– Куда мне доставить? – засуетился Жака.

– Мы будем у Шабата Басках.

– А деньги?

– Назови цену и возьми сейчас. Если ты порядочный человек, значит, не обманешь.

– Хорошо, – ответил Жака, удивившись тому, что ему доверяют. А про себя подумал: «Если бы вы знали, кто я на самом деле, вы бы посадили на кол мою голову...»

Всю ночь не сомкнул глаз Жака. Проход в пещеру, находившуюся на краю Хаджрат-балки, где он спрятал лошадей, был тесным. Он завел их туда по одной, а потом, чтобы не выбрались, завалил вход камнями и старыми пнями. А одну из лошадок отвел к знакомому конокраду из аула Локт, обменял ее на очень хорошую лошадь. Так

же легко купил он и девичий наряд. Не уезжая далеко, у купцов Алхаша он нашел прекрасное платье, позолоченную шапку, золотой нагрудник и такой же пояс.

Жака выполнил все, что обещал адыгам. И, передав им лошадь и девичье праздничное убранство, отправился по своим делам, насмехаясь над теми, кого смог так ловко, а главное, выгодно для себя провести.

Радовались и гости, не думая о прочем. «Тот, кто отправился за кислым молоком, спрятал свой бурдюк», – гласит поговорка. Они не стали говорить Шабату о постыдном приключении. Наряду с другими, адыги преподнесли Рауану и Даримас подарки. С приподнятым настроением, с красивыми танцами, с веселыми песнями и тостами они соблюдали все, что следовало по обычаям.

И Шабат с открытой душой отнесся к гостям, которые, проделав трудный путь, разделили с ним радость. А как же иначе? Ведь они из княжеств, с которыми он поддерживал добрые отношения. Самым старшим из гостей был владетель княжества Кямгуэй Баракай Кургоко, вторым был владетель княжества Баслян Баслануков Уарыс, третьим – глава княжества Джанай Асланмурза Анчоко. Четвертого князя Шабат видел впервые. Как ему потом объяснили, это был Касбулат, сын великого князя Мацала, с которым был знаком и который помог встретиться и провести переговоры с русскими.

В кармане шило не утаишь. На четвертый день уважаемые гости не смогли скрыть то дело, которое привело их в Мшышту. Они попросили Шабата собрать старейшин аула. Вскоре те, кого пригласили, сошлись в кузне, где обсуждаются общественные дела. Гости и сам Шабат тоже отправились туда. Алхаш не явился. В эти дни он был в ссоре со всеми. А стычка произошла из-за того, что Даримас не выдали за хана, с которым наладил приятельские отношения. Он отругал Камаща, попытался даже выдворить из долины род Жихи. Вследствие этого даже не прислал подарка. К тому же, он всё тесней сближался с турками.

– Как говорится, «покойника отодвигают и решают дела живого», – проговорил князь Баракай Кургоко. – В первую очередь, нужно было разделить с вами радость. Пусть бог вам ее продлит! Однако там, где жизнь, появляются и неприятности. Мы должны принимать это как должное и бороться, чтобы защитить себя.

– О том, каково положение, лучше всего знает главный князь

Кабарды Касбулат, сын Мацала, который к нам приехал из крепости Терсакан, объявил Шабат.

Касбулат встал с видом, подчеркивающим его мужественность и достоинство. Этому соответствовали и слова, с которых он начал:

– Народы наши не спокойны, отцы мои и братья. Мы не можем благоденствовать, пока враг стоит у порога. Каждый из вас помнит, сколько пришлось терпеть от чужеземцев. И снова наши земли манят турецких правителей. Одних запугивают они оружием, других подкупают и обманывают. Все мы неоднократно убеждались, что ничего хорошего ждать от них не приходится. Османы упорно продвигаются вдоль берега моря, укрепляя свои позиции. И мы в их планах! Разом соберут всех нас и выставят против русского государства. В этом противостоянии могучих стран мы погубим свои народы. Чтобы избежать этого, необходимо принять чью-то сторону. По мнению наших старейшин, мы лишь тогда сможем защитить себя, если станем на сторону русского царя, относящемуся к нам благосклонно и кому доверяли наши предки. Чтобы заручиться поддержкой русских, следует добиться их доверия. В ближайшее время турки и крымчаки, объединившись, нападут на Россию. Нам это известно достоверно. Поэтому, если мы обращаем свои надежды на русских, то должны помочь им всем, что в наших силах. Таково наше мнение. Затем мы и приехали, чтобы посоветоваться с вами. Наши отряды уже готовы. Среди тех, кто с нами, калмыки, астраханские ногайцы и чеченцы. Я сам не раз убеждался в силе и надежности России. Русские – не тот народ, который позволит покорить себя. Даже если мы и не станем на их сторону, не сомневайтесь, что победа будет за ними. Однако не ошибся тот, кто однажды сказал, что «слону становится легче, если стряхнуть упавшую на него соломинку». Если от нашей помощи им станет легче, то нам пользы от этого будет еще больше. Так что, надеемся на вашу поддержку, старейшины Мшышты!

Слова Касбулата были понятны, трогательны до глубины души. Хотя абазины Мшышты видели его впервые, они были наслышаны о мужестве и удивительных подвигах сына легендарного Мацала. Никто из присутствующих не добавил ни слова, ни у кого не возникло вопросов, и все согласились с ним.

– Это так... Верней не скажешь, – заключил Шабат и от имени всех ответил. – Сотворишь добро, с добром и встретишься. То, что

сделаешь для русского царя, просто так не пропадет. Не теряя времени, нужно известить все аулы.

И вслед за словами князя зазвучал колокол-наковальня! Этот звон, отзываясь эхом в горах и долинах, пронесся по главному аулу Мшышты. Набат встревожил жителей. Вскоре они заполнили двор кузни.

Ничего не утаивая, Шабат взволнованно произнес:

– Садитесь на лошадей все, кто считает себя настоящими мужчинами!

Немного погодя и сам князь присоединился к тем, кто собирал дружины, и вместе с ними обошел аулы. Война не сулит ничего хорошего. Лучших сынов забирает она. Осознавая эту горькую правду, абазинские аулы собрали тысячное войско.

Радостное событие в ауле сменилось печальным. Однако это никак не отразилось на настроении Рауана. Он первым пришел к месту сбора войска. Старшие и друзья уговаривали его остаться. Но тот был непреклонен. Как бы тяжело ни было его родителям и не успевшей снять свадебный наряд Даримас, никто не заметил, чтобы хоть слезинка появилась у них на глазах. И молодая жена, и мать с отцом были тверды духом, как и Рауан, которого провожали. «Оплакивают заживо того, в мужестве которого сомневаются», – твердил в свое время Мамат.

На третий день аулы покинули вооруженные всадники. Их могло быть и больше, но не брали тех, кто не имел запасного коня. Таким было условие князя Касбулата. Воины каждого аула имели предводителя-односельчанина. Отряд из аула Басках возглавил Муджар, сын Шабата Басках, дружину из аула Локт – Дындык, сын Сарала Лоу, а воинов из аула Трамкт – Рауан, сын Мамата Жихи...

Объединенному войску Касбулата предстоял долгий путь. Князь намеревался пройти к реке Дон и, вступив в армию русского царя Алексея Михайловича, атаковать две опорные крепости турок и крымских татар – Азак и Бахчисарай. Поэтому многотысячные силы русских и кавказских народов были разделены на две части. Их целью было не дать османскому султану Магомеду развязать войну и – разбить его полчище.

Русскими воеводами был разработан план. Основная задача была возложена на Касбулат. Нападение должно быть осуществлено внезапно. Но получилось так, что турки и крымские татары раньше узнали о предстоящих действиях противника. Не было сомнений в том, что оповестил их Алхаш Трам. Его осведомители узнали о тайном собрании в ауле Басках. Якобы обидевшись на то, что его проигнорировали при обсуждении важного общественного дела, он через Дамхурский перевал явился к командованию турок в крепости Капа.

Турецко-крымские войска продвинулись далеко вперед и укрепились возле дорог, по которым должны были следовать русские. Этим они намного упростили себе задачу: появлялась возможность внезапно и мощно ударить по врагу, что, конечно, способствовало бы его разгрому.

Но турки и крымчаки просчитались. Донские казаки разузнали маршрут Касбулата. К тому времени ими был уже получен царский приказ, повелевающий присоединиться к кабардинцам и вместе атаковать крепость Азак. Дозорные, осмотрев местность и дороги, ведущие к крепости, доложили обо всем атаману Корниле, который направил к Касбулату свою сотню, чтобы сообщить данные и предупредить его. Казаки сопровождали кабардинцев до указанного места, где их встретил сам донской атаман.

Ночью Корнила и Касбулат обсудили план атаки. А наутро казаки и стрельцы русской армии спустились вниз по Дону, обойдя с тыла затаившиеся вражеские засады. А воины Касбулата окружили их с другой стороны.

На заре следующего дня русские атаковали врагов с двух сторон и тем самым быстро получили преимущество. Турки и татары, не понимая толком, что произошло, с отчаянными криками убегали куда глаза глядят. Сам же Касбулат, громко крича «Ура», с мечом в руке, первым атаковал оборонявших крепость. «Это вы хотели меня перехитрить?» – вопрошал он, орудуя своим тяжелым мечом, разя врагов. Отовсюду доносились поддерживавшие его возгласы. Не смолкали свист, скрежет сабель, слышалось, как сраженные оружием враги падали с криками: «О Аллах!»

С наступлением дня противник предпринял контратаку. Турки и крымчаки обстреливали из луков, с поднятыми саблями ломились вперед, горяча лошадей. Точно неисчислимая саранча, выскаки-

вая из укрытий, янычары копьями доставали казаков, русских и кабардинских воинов.

Рауан, находясь впереди односельчан, двигался рядом с Касбулатом и валил врагов снопами. Он левой рукой держал рукоятку лука, находившегося под мышкой, а правой рубил мечом. «Давай, бей, бей, Рауан! Бейте, марджа⁴!..» – доносился голос Касбулата. Вдруг взгляд Рауана ослепил блеск кривой сабли над кабардинским князем. В следующий миг он увидел, как конь Касбулата повалился на землю. Мгновенно стрела Рауана впилась в бок турка и выбила его из седла. Рауан спешил и помог встать товарищу. Его телохранитель подскочил с запасным конем. Касбулат снова запрыгнул в седло. «Мащ-щала⁵, абаз джигит! Не расслабляйся!..» – призвал он и высоко поднял свой меч.

Это сражение было невероятно ожесточенным. В толчее смешавшихся армий трудно было распознать, где свой, где противник. Среди тех и других воевали одетые и вооруженные одинаково, похожие друг на друга кабардинцы, ногойцы, абазыны. Отличались по форме лишь турки и татары. Более того, Рауану показалось, что среди врагов есть земляки. Вскоре случай развеял его сомнения. То, что бой идет к концу, стало понятно из возгласа Касбулата: «Бейте, братья, победа приближается!..» В это время рассеянная группа всадников, отрезанная казаками, спасаясь от плена, ринулась к крепости Азак.

– Не упускайте их! – отдал приказ Касбулат.

Рауан с товарищами бросились вдогон. С другой стороны к ним присоединились и кабардинцы.

Было опасно преследовать воинов, ослепленных страхом. Они мчались во весь опор, безудержно, будто сорвавшийся со скалы камнепад. Рауан, обернувшись на ходу, предупредил:

– Не атакуйте сразу, окружайте! Муджар, поспеши!

Началось сражение. И вдруг Рауан и его товарищи обнаружили, что бьются с односельчанами. Все, кто заметили это, стали опускать оружие. С противоположной стороны донесся голос Муджара:

– Стойте, мшыштовцы! Не будем убивать друг друга! Бросьте оружие. Марджа, не будем проливать кровь. Слышишь, Алауайт?!

Рауан также опустил свой меч и во всю силу молодого голоса крикнул:

⁴ Марджа (марджба) – клич, призыв, обращение.

⁵ Мащала (мащалах) – восклицание от сглаза.

– Остановитесь, братья! Сзади вас нагоняет непобедимая армия. Марджа, стойте!

Многие из отступавших, одумавшись, начали придерживать коней. Но было немало и тех, кто торопил скакунов. Алауайт оглядывался, зыркал по сторонам и истошно орал:

– Не сдавайтесь неверным! Навстречу нам идет подмога!

Рауан подстегнул лошадь. Он решил догнать Алауайта, военачальника Алхаша, которого знал лично и который прежде уговаривал его вступить в свою дружину. Обгоняя воинов с обеих стороны, он приблизился к Алауайту:

– Уважаемый, не губи людей! – потребовал Рауан. – Остановись, пусть я буду твоей жертвой!

В это время боль обожгла его плечо. Лук, который он держал с левой стороны, упал на землю. Рауан успел заметить того, кто в него стрелял: это был Биджба. Со всех сторон не смолкали призывы: «Остановитесь, братья! Остановитесь...» Эти слова постепенно обретали силу: ряды подчиненных Алауайта редели. Рауан и Муджар не выдержали и начали останавливать односельчан по одному, хватаясь за уздечки их лошадей.

Таким образом, отступавших осталась лишь горстка. Рауан догнал Алауайта и, схватив за верхнюю часть кольчуги, попытался вытолкнуть из седла. Опасность подстерегла нежданно: ни кто иной, как вновь Биджба, дальним выстрелом убил под Рауаном лошадь. Но тот, удерживая военачальника, вместе с ним рухнул на землю, а затем, вскочив, запрыгнул в седло его коня. За это время Жака Биджба успел удалиться. Его уже никто не преследовал, кроме Рауана.

Жака мог бы сдаться, как и его товарищи. Для него это приемлемо. И хотя прежде он ни разу не моргнул от страха, сейчас абрек боялся Рауана, как черного джина. Он мчался туда, куда несла его серая лошадь, всегда спасавшая его. Однако понимает, что конь, на котором Рауан, тоже не из слабых. Снова пришлось прибегнуть к хитрости. Слегка сдерживая кобылицу, он подпустил односельчанина на расстояние полета пули. Нажал на курок. Но вышла осечка. Видно, не досыпал пороху. Пока снова готовился к выстрелу, Рауан выхватил из-за пояса свой пистолет и тоже пальнул. Лошадь Жаки споткнулась и повалилась замертво. Всадник, оказавшись на земле, опять схватился за пистолет, который, увы, и

во второй раз дал осечку. К тому времени «черный джин» подбежал и застыл над ним.

– Не убивай, Рауан! Ты победил меня, – взмолился абрек, встав на колени.

– Если ты так хочешь жить, зачем приехал сюда? – грозно спросил Рауан. – Разве я просил милости, когда ты стрелял в меня?

– А я прошу. Не бывает человека, который не ошибается.

– Если тебе дорога жизнь, говори, куда ты отвез моего брата, – жестко проговорил Рауан, пытаясь удостовериться в своих подозрениях.

Куцая борода Жаки затряслась. «Действительно ли он знает всю правду?», – размышлял он лихорадочно. Затем вскинул руки и забормотал, увиливая от ответа:

– Лжет тот, кто в этом обвиняет меня.

– Жака, это война. У меня нет времени с тобой болтать. Ты скажешь или нет? – помрачнел Рауан.

– Это не я.

– Нет, ты. Говори!

– Если не убьешь меня...

– Отвечай на вопрос.

– Это я, Рауан. Но вина не моя. Я живу жизнью, уготованной Всевышним...

– Где мой брат?

– Он жив. О нем хорошо заботятся.

– Я спрашиваю, где он...

– Он в Садзрипше. Я сам отвез его к Балте Чачуа. Мальчику уготовано большое счастье. Говорят, что его усыновит богатый турок.

После этих слов Рауан сосредоточенно замер, раздумывая. Его отвлёк перебор копыт позади. Касбулат и Муджар с группой всадников осадил лошадей.

– Что-то ты в плохом настроении, герой! – окликнул Касбулат. – А это кто?

– Он из Мшышты, – подсказал Муджар.

– А-а! – усмехнулся Касбулат, давая понять, что узнал торговца. – К тому, кто совершил хорошее дело, возвращается добро. Этот человек оказал мне услугу. Пусть идет к своим сдавшимся приятелям. Нам же, Рауан, предстоит завершить свое дело. А его найдешь и дома, если понадобится.

Взятие Азака не составило большого труда. Почти не встречая сопротивления, воины царя и Касбулата вихрем ворвались в богатую цитадель. В течение двух дней и ночей они вывозили трофеи, освобождали пленных – русских, кабардинцев, абазин, женщин, – которые находились в темницах. Приказ царя был выполнен успешнее, чем предполагалось. После этого разгрома турки долго не решались нападать на Русь.

А Касбулат поблагодарил всех, кто участвовал в сражении, раздал имущество и вручил награды. Отдельно он отметил выходцев из Мшышты и пообещал оказать помощь, если они попадут в беду. Князь позвал своего ашуга и велел ему сочинить песню, посвященную Рауану, проявившему в бою беспримерное мужество и героизм.

Мало кто из воинов Мшышты пал на поле боя. Потерь бывает меньше в той армии, которая, вступая в бой, имеет преимущество в дисциплине и храбрости. Именно в соблюдении этого закона войны заключалась сила Касбулата, мудрого и мужественного военачальника.

23

Шли месяцы. Но Рауана по-прежнему не покидала тревога. Все видели молодого героя угрюмым, чего раньше с ним не бывало. Он уже не стремился бывать среди людей. Обычные разговоры давались ему нелегко. Но никто не пытался напрямую выяснить у него, чем озабочен. Все считали, что он скорбит по погибшим товарищам...

Отношение же Даримас было иное. Хотя она с пониманием относилась к состоянию мужа, но искала причину и в себе самой. Быть может, любимый остыл к ней, заметив какой-то недостаток, или со стороны ее родственников был неверный шаг? К тому же она беременна. Но Рауан молчит, будто равнодушен. Если она начинает его расспрашивать, то уходит от разговора отвлеченными словами, пытается убедить жену, что такой же, как прежде.

Как узнать, отчего угрюм Рауан, если сам скрывает? А причина одна! Занят ли каким-то делом, ложится ли отдыхать, все время у него перед глазами его маленький брат. Его лишили покоя слова Жаки: «Он

в Садзрипше...» Эту страшную правду Рауан скрывает. Даже если и откроется, то чем ему помогут, разве что посочувствуют? Он не привык просить, когда проблема касается его самого. Но как жить спокойно и радоваться, когда Барцыц в пасти дракона? Он сам должен вызволить брата из беды! Сердце подсказывает, что задуманное осуществить ему удастся. Но сдерживает то, что без веской причины непозволительно покидать аул. Если откровенно поведает, в чем дело, его не отпустят, если сбежит – это мальчишество, недостойное его семьи. А солжет – предаст себя. С тех пор, как мать родила его, Рауан не солгал даже в мелочах. Ему нужно найти повод и отправиться на поиски брата. Об этом день и ночь гложут его мысли. И все больше душа его требует возмездия, наказания Алхаша и Биджбы.

Несомненно, Рауану под силу лишить их жизни, и они этого заслуживают. Оба привыкли не только красть скот и грабить, но и похищать людей, торговать ими. Эти злодеяния стали для них правилом. Обоих не останавливает даже ислам, который навязывают людям, хотя эта религия запрещает воровство и другие преступления. В этом отношении они не испытывают страха ни перед великим богом Псатахом, ни перед аллахом, ни перед людьми. Поэтому Рауан считает, что их не должно быть на свете!

И всё же – это порыв, вызванный разгоряченными мыслями. Рауан никогда не поддавался гневу, это чувство не было его советчиком. Он должен показать им свою силу иным образом. Творимые Алхашем и его разбойниками безобразия не могли укрыться от глаз старейшин. Что может быть позорнее того часа, когда с мечом в руках идут друг на друга жители одного аула, представители одного и того же народа, в чьих жилах течет одна кровь?

Между тем Алхаш, не винясь, требовал от Шабата вернуть его людей. И справедливо поступил князь, отказав. Общественный совет старейшин подтвердил: или они переходят к тому, кто их пленил, или хозяин внесет за них соответствующую плату. И тот скрепя сердце вынужден был согласиться на второе.

«Кто долго думает о возможных последствиях, не сможет отомстить за отца и мать», – учат мудрецы. Не пытаясь заглядывать слишком далеко, Рауан зашел в кузню посоветоваться с отцом.

– Для того, кто таит переживания, они становятся тяжелей в десять раз, – такими словами встретил его Мамат. – А если поделишься, – станет намного легче.

– Я бы хотел отправиться на службу, – неуверенно сообщил Рауан. – На три-четыре месяца...

– Ты же недавно завершил службу, – удивился отец.

– Я еду не на военную службу. Обещал князю. Тому кабардинскому, который командовал нами.

– Касбулату?

– Да.

– Раз обещал и у тебя есть желание, то поезжай. Где бы ты ни был, главное, чтобы сохранил свое достоинство.

– Я беспокоюсь о том, что скажет мать.

– А разве она не понимает, что ты не будешь до седин держаться за ее подол? Она пережила и то время, когда ты был на войне. Я сам все объясню.

Рауан промолчал. Несмотря на то, что удалось убедить отца, на душе легче не стало. Он направился к выходу таким же мрачным, как и вошел. Разве мог не заметить этого Мамат?

– А ну-ка, постой!

Рауан замер и медленно обернулся.

– Сейчас ты находишься в кузне. Огонь, который здесь горит, это огонь бога Молнии Афа. Дух железа исходит от бога Шаша. Здесь давал клятву Джандра. Он ушел в этот огонь, не нарушив ее. Здесь место клятвы нашего народа, где говорят только правду. Сюда никто не вносит и не выносит лжи. И ты не должен нарушать этот закон, сын мой.

Рауан не стал больше сопротивляться своей совести.

– Я виноват перед всеми богами, – заговорил он взволнованно. – И заслуживаю любого наказания, которое ты сочтешь нужным. То, что я сказал, войдя сюда, – неправда.

– Если даже ты внес сюда ложь, она все еще остается здесь. Говори начистоту!

– Я молю богов Афа, Шаша и Джандру простить мне мою ошибку. Касбулат не звал меня на службу. Я собираюсь ехать в другое место.

– Говори, сынок.

– Мне известно, что Барцыц жив.

– Я также осведомлен об этом, – признался Мамат. – Только неведомо, где он находится.

– Я знаю, где!

– Ты заслуживаешь подарка за такую добрую весть!

– Я солгал только ради того, чтобы не сказать этого.

– Почему же ты так решил, сын мой?

– Нельзя разглашать...

– Возможно, ты, сынок, прав, – задумался Мамат. – Значит, он находится там, где так просто его не отдадут. «То, что вылетает из одних уст, влетает в сто других...» Кто еще слышал об этом? Наверное, Биджба сообщил тебе?

– Да.

– Не получится ли так, что абрек проболтается?

– Если только ему надоело жить... «Не говори Алхашу, что я сказал тебе об этом» – так меня просил он сам. Как же он может отрубить сук, на котором сидит?

– Мне ты можешь сказать.

– Барцыц в Садзрипше. Его купил князь Чачуа. Так утверждает абрек. Я хотел поехать туда и забрать его...

– Это нелегкое дело, – покачал головой Мамат и вздохнул. – Балта такой упрямый человек, к которому трудно подступиться. Мне он хорошо известен. Если только выведал, что Барцыц принадлежит к нашему роду, то ни на миг не оставит без присмотра. Он не примет никакой платы за освобождение малыша.

– Я найду подход к нему, только дай мне возможность. Больше меня ничто не волнует.

После этого Мамат надолго умолк. Видимо, он обдумывал положение Барцыца и то, какие советы дать старшему сыну.

– Поезжай, дорогой, – решительно напутствовал Мамат. – Человека ждет успех в деле, в которое он верит. Чтобы не раскрывать твою цель, причиной твоего отъезда мы назовем то, о чем ты сказал. Эта неправда, которая защитит справедливость. Вот единственное, что я хочу тебе посоветовать: не делай ни одного шага в гневе и в отчаянии. Что бы ни случилось, владей собой. Доброго пути, сын мой!

Рауан отправился в путь, твердо усвоив наказания отца. Ранним утром он преодолел Дамхурский перевал и добрался до крепости Абаза, находившейся на берегу Черного моря. Они с отцом решили, что нужно навестить проживающих там родственников и Данакая Шашба.

Крепость Абазу стала центром, связующим княжество Садзрипш с Портой многими узами. Князь Балта Чачуа принял мусульманство, рассчитывая на то, что могущество турок станет ему защитой и поддержкой. В последнее время он укрепил отношения с чужеземцами, оказав большую услугу муфтию мусульман всего Кавказа Расулу Аббасу.

Алхаш, также мечтая о дружбе муфтия, старался, прежде всего, сблизиться с Балтой. Как-то Аббас обмолвился, что турку нужен для воспитания мальчик богатырского происхождения. Тут же сердце подсказало Алхашу: «Для Балты подойдет младший сын Мамата: мальчик красив, еще наивен, но голова у него светлая... И схватить – нетрудно. Его часто приводят к Шабату...»

С того времени Биджба, прячась в лесу между аулами, постоянно высматривал мальчика. Когда в его руки попался Барцыц, абрек выполнил приказ хозяина: перевез его через перевал и отдал Балте.

Жака так и не узнал о том, как прошли переговоры и торг между Алхашем и князем Садзрипша. Через два-три месяца они снова встретились в районе Капы. Тогда Балта и похвастался, что получил большую выгоду, купив мальчишку. Алхаш пришел в ярость от мысли, что князь оказался хитрей. И как бы в отместку, проговорился, что малыш, подаренный турецкому служителю, является сыном того самого Мамата Жихи, которого князь долго искал и не смог найти. Для Балты это стало сильным ударом. Ведь он собственноручно одарил счастливой жизнью отпрыска своего злейшего врага. Но предпринять что-то было уже поздно. Так и остался он ротозеем, впустую пальнувшим из ружья.

Обо всем этом Алхаш поведал Жаке. А тот, оказавшись перед лицом смерти, впервые нарушил клятву. Теперь в крепости Абаза Рауану нужно было убедиться в достоверности слов абрека. Он обследовал владения Балты вдоль и поперек, то верхом на лошади, то пешком. Богато одевшись, часто бывал он в порту, расхаживал вблизи княжеского дома, выведывая, когда и куда выходит его хозяин.

Все единодушно считали, что Чачуа по жестокости и злодеяниям превосходит своего отца Дамдада. Редко выезжает далеко. А когда делает это, то маскируется и усиливает охрану. Поэтому трудно его застать врасплох. Иногда князь ходит на большой рынок возле порта. Как прежде отец, самозабвенно торгуется в тех местах, где

продают людей и лошадей. Балта хорошо разбирается в их породах, достоинствах и недостатках.

Рауан стал завсегдатаем этого рынка. Туда он приводил своего запасного коня. Это был очень выносливый иноходец, которого в свое время он объездил, из породы лошадей рода Трам. Конь завораживал взгляды ценителей красотой и силой. Постоянно подходили желающие купить. Кто бы ни спрашивал, ответ у Рауана был один: «Не продаю. Держу в ожидании одного человека».

Балта пожаловал на пятый базарный день. С ним были охранники и придворный конюх. Рауан со своим гнедым спокойно стоял возле коновязи. Балта двигался темной тучей, нигде не задерживаясь, но тут оцепенел на месте. Не сводя с коня глаз, начал расспрашивать:

– Ты, наверное, из-за перевала?

– Да, я живу там, – ответил Рауан.

– Я по твоему коню это понял.

– А что, уважаемый князь, тебе он чем-то не понравился?

– Прошло время, когда ценились трамовские лошади, – усмехнулся Балта. – Уже давно спрос на них упал. Сейчас в цене лоовские. Смотри, какой он угрюмый!

– Каждый знает, какой конь ему подходит, – доброжелательным тоном парировал Рауан. – Конь что человек. Наверно, он чувствует, что я хочу его продать, поэтому так невесел.

– Твой ответ хорош, дорогой. Для настоящего абазина добрый конь – добрый друг. Но я не нахожу в твоём гнедом ничего особенного, – говоря так, хитрец старался снизить цену так заинтересовавшего его иноходца.

– Уважаемый князь, я не знаю, как садзы определяют качества коней. А у нас больше ценятся возможности лошади, чем ее внешний вид.

– Тогда вам подходят ослицы! – мелко рассмеялся князь. – Видимо, ты так слабо держишь уздечку из-за того, что у твоего коняги те же качества, что у вислоухого...

– Мудрый владетель, ты можешь оценить этого коня, если устроишь скачки. Пусть он сравнится с твоим конем в деле!

– С моим красавцем? – немало удивился князь и оглянулся на своего скакуна, которого держали слуги. Он тоже был отменно статен и силен. – Ты знаешь, что это за лошадь?

– Да, многоуважаемый Балта Чачуа. Чистокровная арабская порода.

– Прекрасного коня видно сразу. Твой же годится только для черни. Я хотел купить его для объездчика моих полей, потому и остановился. Сколько за него просишь?

– Я отдам его бесплатно, если на спор выиграет твой конь.

– Ты говоришь о скачках?

– Да. Впрочем, можешь довериться своему лучшему наезднику, – предложил Рауан, всем видом показывая серьезность намерения.

– Я еще не такой старый, чтобы уступать седло кому-то другому! Ладно... Сегодня соревнуемся на короткой дистанции, а завтра – на длинной.

Подождав, пока князь заберется в седло, Рауан следом вскочил на коня. Поблизости было отведено место для испытательных заездов – беговая дорожка вокруг рынка. Один круг считался коротким расстоянием. Балта и Рауан поравнялись и по команде ринулись вперед. Князь сразу оказался впереди на длину корпуса лошади. На таком отрыве держался он до последнего поворота круга. Судьи и зрители, которых собралось немало, замечали, что Рауан умышленно придерживал своего коня. Это стало очевидным после того, как он рванул повод и подстегнул гнедого. Тот прибавил ходу и оказался впереди, первым пересек финишную черту...

Князю нечего было делать, как надеяться на следующий заезд. Балте подвели другого скакуна, резвей прежнего. По велению князя, скачки на длинное расстояние перенесли в другое место. Стартовав от южной окраины крепости, всадники должны были достичь ближайшего аула и вернуться обратно. Балта не хотел, чтобы кто-то еще присутствовал кроме судей. Проигрыш накануне явно задел его самолюбие.

Скачки начались. Замелькали балки и пригорки. То князь Чачуа вырывается вперед, то его соперник. Они отделились от крепости. Вдали показался аул Ахудар, который означал половину пути. Неподалеку шумела река Шача, от которой в сторону перевала Дамхур уходила дорога. Именно в этом месте Рауан догнал князя, схватил за уздечку его коня и осадил.

– Великий князь Садзрипша, поскачем на подъем! – крикнул Рауан. – Проверим лошадей!

Балта с недоумением подумал: «Почему он уводит меня от аула

на каменистую дорогу, изрытую потоками? На ней мой неподкованный конь поранит копыта, а его сможет выиграть...»

– Не тебе хватать мою уздечку, невежа! – рявкнул Балта и ударил Рауана по плечу. Но тот не отпустил уздечку княжеского скакуна, пока они не добрались до поворота в ущелье.

– Светлейший, плетью бьют норовистую лошадь! – заметил Рауан и стеганул по крупу княжеского коня. Тот изо всех сил рванулся вперед. Придержав гнедого, Рауан вслед добавил: – Возврата сюда не будет. Погляди, каково место скачек для твоих слуг!

Балта вскоре понял, что значит «это место». Наезднику переносить подъем намного легче, чем лошади. Как ни пытался Балта остановить скакуна, ему это не удавалось, – сзади подгонял Рауан. Перед ними оказался крутой спуск. В ущелье, куда они заехали, лес стал еще гуще.

– А теперь остановись! – потребовал Рауан. – У твоего коня неплохая выучка. Ты оказался победителем... Пора потолковать! Скажи, главный князь, без утайки и словоблудия, кому отдал моего маленького брата Барцыца? Если скажешь правду, то сохранишь и свою жизнь, и коня моего получишь.

Князь побледнел, охваченный и страхом, и гневом. Однако жить очень хотелось! И он подробно рассказал обо всем, не имея иного выхода.

В действительности, Алхаш и он заключили сделку. После чего Балта отвез в Капу десятка два детей, в их числе и Барцыца. Турок выбрал именно его. Видимо, тот выделялся и возрастом и внешностью.

– Беру этого, а с остальными делай, что хочешь, – объявил муфтий.

– Он в твоём распоряжении, великий служитель ислама, – хитро улыбнулся садзрипшский владетель. – Ты не ошибся в выборе: в нем течет чистая абазинская кровь.

Балта сразу убил «двух зайцев»: получил от Аббаса уйму подарков и услышал много хвалебных слов, еще более укрепивших дружбу.

Барцыц находится в Капе, у муфтия, не имеющего наследников. Турок называет мальчика приемным сыном, но не может сблизиться с ним ни по-хорошему, ни по-плохому. Кроме слов «отправьте меня домой», своевольник ничего больше не говорит. К тому же, скрывает, сколько ему лет и из какого рода. Этому его недаром учил Мамат:

«Если у тебя будут спрашивать, кто ты, то называй только свое имя. Если скажешь, как зовут отца, враги найдут и убьют меня...»

Пока Алхаш не проговорился, князь даже не подозревал, что Барцыц сын Мамата Жихи. Обе стороны – ни продавцы, ни покупатели – не утруждают себя знанием происхождения людей, которыми торгуют. Им известны лишь новые имена и фамилии, которые дают хозяева.

– Теперь тебе понятно, кто я и зачем приезжал, – сказал Рауан, завершая разговор с князем. – Ты рассказал мне то, что нужно. И пускай держишь зло на моего отца и на меня, я обещаю тебе, князь, что не буду мстить. Я не требую и того, что заплатили за моего брата. Давай поступим по-простому: ты меня не видел, я тебя тоже. Если согласен, поклянись!

– Клянусь, настоящий мужчина из абазин Рауан, сын Мамата Жихи, клянусь Аллахом, веру в которого принял!

– Пусть продлится долго твое княжеское правление! Надеюсь, пока я не закончу своих дел, ты в Капе не появишься. По случаю взаимной клятвы мы меняемся лошадьми. Мой конь, которого ты выиграл в споре, становится твоим. А своего одолжи мне на время. Скоро он вернется к тебе!

25

Рауан остановился в шапсугском ауле, у Анзора Анфоко. Это был не просто знакомый, – много раз вместе они делили хлеб-соль, прошли череду испытаний.

Минуло уже три года с тех пор, как воины познакомились. Тогда с целью обратить в ислам и включить территорию в состав Порты турки атаковали Шапсугское княжество. Жители его поднялись, чтобы отразить нападение. По их просьбе на помощь пришли адыгейские, кабардинские и абазинские княжества. В числе двухсот воинов баскаховцев в этой жестокой войне участвовал и Рауан. Там он во второй раз проявил свою воинскую доблесть.

Это противостояние длилось около месяца. В часы затишья воины, собравшиеся здесь, состязались в силе и ловкости, в верховой езде. Благодаря одному из ратоборств и сблизились Рауан с Анзором. Никто из воинов не мог побороть одного мускулистого адыгейца,

даже Хохут, сына Джаттыра, и Дындык Лоу. Когда увидели это абазины, они попросили Рауана включиться в состязание, и тот одолел грозного соперника. После схватки он услышал, что адыгейца зовут Анзором Анфоко, что известен он не только, как богатырь, но и мужественный ратник. Парень также заинтересовался, кому впервые удалось взять над ним верх. Узнав, что это Рауан Жихи, он больше не стал расспрашивать, — об этом герое давно был наслышан.

Настоящий мужчина не завидует тому, кто сильнее его. Анзор подошел к Рауану и снова пожал ему руку, представился. Они, как близнецы, были похожи друг на друга и возрастом, и ростом, и телосложением. Лишь с близкого расстояния можно было заметить разницу: Анзор сухощав, круглолиц, у Рауана лицо продолговатое, глаза черные, слегка раскосые. Не успели они перекинуться двумя словами, как турки зашевелились, и они вынуждены были сесть на коней.

Следующий бой оказался затяжным. Сил у турок и крымских татар прибавилось, и ситуация осложнилась. В этом сражении Рауан воевал двумя мечами до тех пор, пока в плечо не вонзилась вражеская стрела. Войско, в рядах которого он бился, прижало турок. Их главные силы бежали к крепости. Баскаховцам было приказано преградить туркам путь отступления. В этот день Рауан совершил подвиг. Оставшись пешим, весь окровавленный, он выбил ближайшего турка из седла и вскочил на его лошадь. Ему удалось проникнуть в крепость и открыть ворота своим товарищам. Кровавый бой был скоротечен. Многие янычары нашли смерть, а те, кто остался в живых, сдались. Эта победа принесла шапсугам свободу.

Но турки не успокоились. Из засад начали нападать на воинов, возвращавшихся домой. Анзор и раненый Рауан оказались в неволе.

На первых порах обоим было тяжело. Но Рауан слыл мастером на все руки: знал кузнечное и ювелирное дело, столярничал, имел опыт в домостроительстве. Турки поручили ему возвести дом для коменданта Мапы. Набрав себе помощников-земляков, Рауан и Анзор начали строительство. Однако днем и ночью не покидали их мысли о том, как освободиться. Наконец наступил подходящий момент. Пока османы восхищались построенным домом, ослабив за пленными наблюдение, Рауан и Анзор вместе с группой земляков ночью совершили побег. Теперь они вновь вместе и обнимаются как братья, интересуются жизнью и здоровьем друг друга.

Ни адыгеец, ни абазин никогда не спрашивают у гостя о том, что его привело, пока тот сам не скажет. Но вместо принятых трех дней Рауан на этот раз гостил всего один. Он без утайки рассказал другу о том, ради чего приехал. Оба долго думали, советовались, что предпринять.

К муфтию, по словам Анзора, подобраться трудно. Шапсуги, проживающие на побережье, находятся под властью Порты с того времени, когда завоевали их земли. Но жители не хотят принимать ислам, за это с них собирают дань. На непокорных власти держат зло, поэтому шапсугам не доверяют служить в Порте, а если и попадают туда единицы, к ним относятся неприязненно.

Друзья, поразмыслив, решили воспользоваться испытанным способом: начать наемными работниками. Была, впрочем, опасность, что откроется их побег пятилетней давности. Чтобы избежать этого, друзья поменяли имена. Рауан стал Абузаром Хамыш. Родом он якобы из Абадзехии.

Сначала они работали на окраинах крепости и постепенно добрались до порта. Там они познакомились с людьми и разузнали, что когда-то наспех построенная небольшая мечеть стала для населения тесной. По указанию муфтия, приехавший эфенди Солман Хабиб будет возводить новую мечеть.

Когда ее начали закладывать, Анзор остался работать в порту, а Рауан устроился на новой стройке столяром. День за днем он начал показывать свое мастерство, умение вырезать узоры и орнамент, удивляя турецкого мастера-строителя, у кого был подсобным.

Рауан надеялся, что его заметят и повысят в должности. Тем более, что к тому времени имя его стало известно главному архитектору, руководившему строительством. Но, опасаясь быть узванным, «Абузар Хамыш» отпустил небольшие усы и бороду.

Изо дня в день друзья не прекращали поисков и наблюдений. По мере того, как поднимались стены мечети, росло и уважение к Рауану, благодаря его мастерству и сноровке. Теперь ему точно известно, что муфтий Аббас проживает в крепости, в которой пленным строил дом для турецкого начальника, и что сыном муфтия считают его маленького брата. Барцыц уже не испытывает страха перед «отцом», как раньше. Муфтий до глубины души любит приемного сына, за руку водит с собой повсюду. А когда мальчик возвращается домой, встречает его лично. Люди говорят, что «сын» Аббаса очень

способный, сильный и решительный. Сейчас он, якобы, уже хорошо читает Коран.

Увидеться с братом у Рауана долго не появлялось повода. К тому же, нельзя допустить случайной встречи. Мальчик, увидев его, наверняка бросится в объятия, и – тайна будет раскрыта. Однажды это едва не произошло!

Когда стены мечети поднялись уже высоко и люди начали приходить, чтобы посмотреть на нее, вместе с Хабибом пришел и муфтий. Рауан, работавший на втором ярусе минарета, случайно глянул вниз и увидел братишку. Тот тоже устремил взгляд в его сторону. Из рук Рауана, который ни разу в жизни не вздрогнул от боли, выскользнул топор. В тот же миг Барцыц, испугавшись, что-то сказал. Он неотрывно смотрел вверх. Но мужчина, заинтересовавший его, став спиной, укладывал доски. Тогда он опять что-то сказал «отцу» и начал вырываться. Наверное, хотел отнести топор строителю. Но «отец» не разрешил: если тому нужно, пусть сам спустится...

Рауан долго не мог избавиться от волнения, охватившего его в тот час. То и дело перед его глазами вставал преобразившийся в «турчонка» Барцыц. Однако нельзя поддаваться случайным чувствам, которые могут только помешать.

И вновь пришлось ждать, прислушиваться, наблюдать. Друзья распределили обязанности. Задача Рауана в том, чтобы сблизиться с братом и скрыться с ним, а Анзор должен замести их следы. Меж тем на стройку стал приходить пузатый турок с черной редкой бородой, который не был связан со строительством. Уходит ли куда Рауан, возвращается ли, – этот толстяк, будто прогуливаясь, неприязненно пялится на него. Сомнений не осталось. Это был охранник ювелирной мастерской, из которой они с Анзором сбежали из плена. Поэтому Рауан стал избегать встреч, отворачиваться, не позволяя сыщику рассмотреть свое лицо.

Наконец «отец» и «сын» снова пришли на стройку с эфенди Хабибом. Рабочее место Рауана теперь было на один этаж выше. Он прикреплял к окнам узоры, выполненные из дерева. Пока мальчик искал глазами запомнившегося ему строителя, Рауан оглядел двор и вернулся к своему делу. Он работал, насвистывая мелодию. Барцыц настороженно прислушался к ней, похожей на ту, какую насвистывал его старший брат, когда рукодельничал. Мальчик слушал, застыв на месте, пока не раздался шум от ударившегося

о землю предмета. Если в прошлый раз Рауан случайно уронил топор, то сейчас он намеренно бросил его.

Барцыц вырвал руку из ладони отвлекшегося «отца», которому эфенди объяснял что-то, и подбежал к топору. Поднял его и крикнул «отцу»:

– Я отнесу наверх, ата.

– Он грязный. Брось его и иди сюда, Джабраил.

– Я хочу подняться и посмотреть оттуда, ата.

– Лестница надежная, он не упадет, – успокоил муфтия Солман Хабиб.

– Поднимайся и не задерживайся там. Нам пора уходить. Близится время намаза. Будь осторожен, – наставлял муфтий «сына», который бежал к входу.

Весь этот разговор до последнего слова услышал и понял Рауан. Если, будучи в плену, он кое-как понимал турецкую речь, то теперь даже разговаривал свободно. И с братом, который, задыхаясь, взбежал к нему, Рауан заговорил по-турецки:

– Ай, хороший мальчик, спасибо, – похвалил он, взяв свой инструмент, и погладил его по голове. Рука, которой он коснулся шелковистых детских волос, невольно задрожала. Но, пересилив волнение, Рауан обнял малыша за плечи и подвел к окну.

– Эй, ата-а! – позвал мальчик и помахал рукой, что означало: видишь, куда я поднялся.

– Хватит, Джабраил, спускайся.

Братья отошли от окна. Рауан, достав из кармана и протянув свисток, сделанный им самим, попросил:

– Ты не свисти в него, пока не вернешься домой, Джабраил.

– Хорошо, у меня тоже был такой свисток, – широко раскрытыми, умными глазами «турчонок» рассматривал заросшее лицо мужчины.

И вдруг взволнованно признался:

– Ты похож на моего брата.

– Кто твой брат? Я слышал, что у тебя нет братьев?

– Если я скажу имя, его найдут и убьют.

– Почему?

– Когда я был маленьким и ничего не понимал, меня похитили у отца. Я не называю его имени. Тот человек, который сюда меня привез, сказал, что убьет его.

– А чем я похож на твоего брата?

– Глазами, носом, голосом. Он умеет насвистывать так же, как ты. Я по нему очень соскучился.

– А ты сможешь узнать его, если увидишь?

– Конечно.

– А если я скажу, где он, ты не проговоришься своему новому отцу?

– Нет! Он у меня много раз спрашивал, но я не сказал.

– Как только услышишь такой же звук, как у твоего свистка, то завтра приходи сюда тайком. Не проболтайся никому, о чем мы говорили. Если скажешь, меня тоже убьют. Хорошо, Джабраил?

– Мое настоящее имя – другое.

– Об этом потом расскажешь. Там тебя зовет новый отец. Беги!

– А тебя как зовут?

– Узнаешь после...

– Никому не скажу.

– Иди, хороший мальчик.

Радости Рауана не было конца, когда вернулся домой. Однако Анзор не на шутку озадачил его.

– Нам нужно ускорить свое дело! Турки зашевелились. Как бы в скором времени не затеяли опять войну.

– Почему ты так считаешь?

– Порт закрыли. С завтрашнего дня туда уже не пустят рабочих. По слухам, на всех кораблях они везут войска. Не сегодня-завтра, флотилия прибывает. Вероятно, хотят напасть на Русь, от которой в прошлом году потерпели поражение.

Промолчав, Рауан кивнул:

– Придется ускорить! Но, прежде всего, мы должны предупредить наши народы и русских об угрозе. Завтра мы осуществим то, что наметили.

Солнце уже стояло высоко, когда Барцыц, с сияющими глазами, прибежал к Рауану. Тот осмотрелся и, не заметив никого, крепко прижал к себе маленького брата.

– Ты меня не узнаешь, Барцыц?

– Ты Рауан.

– Да, это я, – улыбнулся тот и, поцеловав брата, вытолкнул из его руки книгу. – Твой «отец» знает, где ты?

– Он думает, что я в мечети.

– Как ты меня узнал, Барцыц?

– Твой свисток верещит так же, как наш лесной дрозд, и похож на звук свистка, который был у меня дома. Правда, его вчера забрал «отец».

– Почему?

– «Тот, кто сделал это и дал тебе, – безбожник, он соперничает с Аллахом», – сказал он мне.

– Ладно, Барцыц. Скажи, ты хочешь вернуться домой?

– А новый «отец» меня отпустит? – вскинул свои большие глазенки мальчик и опечалился. – Он сказал, что через три дня начнется война, поэтому мы уедем в Стамбул.

– Когда он это сказал?

– Когда отобрал у меня свисток, и я заплакал.

– А тебе хочется туда?

– Если я не делаю того, что требует «отец», он меня бьет.

– Я разыскал тебя, чтобы забрать домой. Тот, которого ты называешь «ата», вовсе не твой отец. Он заставил своих людей украсть тебя! Но ты не турок, ты – абазин. Мать и отец все время плачут с того дня, когда тебя похитили.

– Забери меня так, чтобы не видел ата.

– Хорошо, Барцыц! Подожди меня, – проговорил Рауан и побежал к сараю, где прятал свои инструменты. Оттуда он принес большой дорожный мешок.

– Быстро скинь одежду и надень вот эту, – поторопил Рауан и высыпал из мешка простенькую детскую одежду.

Барцыц ловко выполнил все, что велел брат, и огляделся.

– Эти вещи совсем не по мне...

– Мы после найдем то, что тебе понравится. А теперь надо спешить. Иди следом, не отставая, будто не знаешь меня. Потом мы сядем на коней, – проговорил Рауан и забросил турецкую одежду брата в мешок.

Переговариваясь и шутя со строителями, Рауан прошел мимо них. Барцыц, делая вид, что он случайно забредший малыш-«ротозей», тоже выскользнул со двора будущей мечети. В это время муфтий вместе с эфенди Соломоном торопливо шагал в сторону стройки. Вероятно, он узнал, что «сына» нет в медресе, и отправился его искать.

Барцыц плелся, оборачиваясь. Заметив это, Рауан предупредил:

– Не смотри назад, а то нас остановят!

Ускорив шаг, они добрались до двора, где ждал Анзор. Там все

трое вскочили на коней и поскакали по заранее выбранной дороге. Барцыц был грустен. Наверное, ему было жалко расставаться с человеком, который больше года говорил с ним ласково, рассказывал интересные сказки, учил красивым песнопениям, кормил изысканными блюдами и заботился о нем безмерно. А может, боялся, что их настигнут.

Весь день всадники гнали коней. Они уже не опасались погони, потому что добрались до поворота к перевалу. Отсюда Анзор должен был вернуться.

– Все так, как договорились, брат мой, – подтвердил Рауан, расставаясь. – Ты мне сделал столько добра, что не забуду, пока жив. А после будет помнить вот этот «похищенный». Не так ли, Барцыц?

– Да! – весело ответил мальчик.

Они условились, что по пути домой будут сообщать о готовящейся войне: Анзор известит адыгейцев, которые не подвластны туркам, и донских казаков, а Рауан – абазин и кабардинцев.

– Не переживай, я успею, – успокоил Анзор. – Шапсуги, живущие на берегу моря, знают, что представляет собой Турция. Пусть бог их защитит! Счастливого пути!

Братья обняли Анзора как родного...

26

В доме Мамата Жихи – долгожданное счастье. Перед возвращением мужа Даримас родила сынишку. Вот уже больше недели люди идут в дом с поздравлениями. И сам Мамат будто помолодел, обрел былую силу и ловкость. Однако внешне сохранял спокойствие. Лица же, наоборот, не скрывала от вернувшихся сыновей переполняющего ее счастья. Она, не сдерживая светлых слез, по очереди обнимала и целовала их, без конца расспрашивала. Летала туда-сюда, будто появились крылья, накрывала на стол самые вкусные кушанья, обнимала всех, кто приходил с поздравлениями, и высказывала им в ответ добрые пожелания.

Рауан не решался поведать отцу о планах османов, чтобы не омрачить его настроение. Но куда денешься? Нужно донести правду, какой бы горькой ни была. Тем более, что известие это касалось всего народа. Мамат заметил беспокойство сына.

– Ты хочешь что-то сказать, Рауан?

– Мне нужно сообщить Шабату важную весть.

– Я тоже поеду к бабушке! – подхватил Барцыц.

– Хорошо. Так положено: он старший. Вы должны оба навестить его.

– Если я поеду к нему, он меня отругает, – засомневался и вздохнул сорванец.

– Зачем ему ругать тебя? – удивился отец.

– Из-за того, что я потерял его трость.

– А-а, трость, которую ты ему вез? – понял Мамат и улыбнулся.

– Разве ты потерял ее? Ее унесла река.

– Нет, не унесла. Я сам ее туда бросил, – признался Барцыц. – Иначе бы ее отобрал у меня абрек...

Мамат не стал больше расспрашивать. Чтобы подбодрить малыша, он улыбчиво проговорил:

– Поезжайте, седлайте коней. Трость мы, Барцыц, вытащили из реки. А бабушка по тебе очень соскучился.

Лицо Барцыца просветлело, как звездочка, показавшаяся из-за туч. Перед тем, как выйти, Рауан всё же сообщил отцу о готовящейся войне.

– Разве можно было это скрывать?! – воскликнул Мамат. – Нужно оповестить аулы. Еще неизвестно, на кого турки собираются напасть: на нас или на Русь...

Шабат с радостью встретил навестивших его братьев. Он даже не принял во внимание, что Рауан несколько скован. Наоборот, настраивал его, чтобы вел себя так же непринужденно, как до свадьбы. Ведь у него во дворе, считай, прошло детство Рауана. И всем обычаям его наставлял сам Шабат. И теперь мудрец беседовал с ними, подробно обо всем расспрашивал.

Барцыц любовался тростью, которая покоилась у ног бабушки, сидевшего в кресле. Шабат заметил его взгляд и, протянув руки, позвал: «Подойди и обними меня еще разок». Мальчугану только и нужно было это, – он бросился к бабушке в объятия.

– Ай, перехитрил тебя какой-то злодей, олененок ты мой, – пробормотал Шабат и поцеловал его покрасневшую щеку.

– У него было кривое лицо, – поведал Барцыц, имея в виду «злодея».

Шабат помолчал, очевидно, припоминая человека с «кривым

лицом». Он не знал, что исчезновение мальчика было делом рук Алхаша и Жаки-жачи.

Рауан не стал больше медлить. По обыкновению, коротко и толково сообщил о готовящемся нападении турок.

– Да, положение очень серьезное. Нужно, чтобы об этом знал весь наш народ, – наставил Шабат, и свет его глаз померк, будто набежали тучи.

– Ата, у которого я был, тоже сказал, что будет война, – подтвердил Барцыц, играющий с тростью.

– А у кого ты находился, Барцыц-герой? – поинтересовался князь, который не мог наглядеться на своего любимца.

– У того, кто живет там, где меня нашел Рауан...

– Малыш находился у муфтия, в Капе, – ответил Рауан. Он не стал прикрывать ложью правду, которую по наивности открыл братишка.

– Ладно, сын мой. Такова жизнь: то радость приходит, то печаль. Пустые жалобы не принесут никакой пользы. Нужно предупредить также соседей о надвигающейся беде, отправить гонцов к адыгейцам, кабардинцам и русским. Возможно, они ничего еще не знают.

– Если можно, я отправлюсь в Кабарду, – предложил Рауан. – Прямо к князю Касбулату. Русские тоже находятся там. К адыгейцам поехал уже гонец.

– Мы найдем, кого послать в Кабарду, – не согласился Шабат. – Тебя, настолько уставшего, можем отрядить в аул сына Басляна. Это недалеко.

– Глубокоуважаемый князь, разреши поехать в Кабарду! По дороге мне нужно выполнить еще одно поручение, – настойчиво попросил Рауан.

Мудрец не стал больше отговаривать его. Кто переживает за дело, – добивается результата.

Тому, кто слаб, приходится нелегко. У него появляется множество недругов, желающих получить выгоды. У Мшышты и так было достаточно недоброжелателей. Кто-то приходил в долину с требова-

нием, чтобы выплатили выкуп за свободу; затем чужеземный князь пытался управлять здешними людьми. Ногайский хан утверждал, что Мшышта находится «на его земле». Еще кто-то совершал набеги с оружием и отбирал имущество у людей и при этом со злостью угрожал: «Если вы не примете моей религии, сожгу вашу долину!» И вот снова, когда жители долины зажили мирно, на них надвигается великое несчастье!

«Кто не достает до быка, попадает по передку арбы», — говорят мудрецы. Так и турки: раз не смогли одолеть Русь, то нужно захватить Северный Кавказ, будто им принадлежат по праву все живущие там народы. Как донесли лазутчики, на этот раз османы «положили глаз» на княжества, помогавшие русским, намериваясь их поработить. Янычары закрепились сначала в приморье, покорив садзов, убыхов, абадзехов, шапсугов. После этого закабалили княжества, верные русскому государю.

Князья и старейшины Мшышты призывали соплеменников на защиту родной земли. Пока к ним на помощь будут добираться русские, адыгейские и кабардинские формирования, необходимо выставить отряды, способные удержать перевалы. И мшыштовцы, заняв позиции, приняли вызов!

Алхаш, очевидно, сделал вывод из своего прошлогоднего поражения. Сам отправился к Шабату, посоветовался и взял на себя охрану Хумпарского перевала. Сложность его защиты заключалась в том, что он не был таким труднопроходимым, как другие.

Силы были несоизмеримы. По меньшей мере, каждый абазинский воин вынужден был противостоять двадцати вражеским. Турки были не только хорошо вооружены, но формировали новые соединения за счет покоренных народов. И эти воины были наиболее опасны для защитников перевалов, поскольку знали особенности ведения войны в горах.

Дни сошлись, будто черные тучи. И каждый был отмечен в Мшыште страданиями. Защитникам перевалов придавали преимущество занятые ими позиции. Иногда тропинка была сравнима с крепостью. Но сил было всё же недостаточно, чтобы сдержать турецкую армию, вцепившуюся, подобно голодному хищнику, в Мшышту. Османы несли порабощение басанейцам, джанейцам, кимгойцам. Поэтому представители этих народов стояли на защите перевалов рядом с абазинскими воинами.

Позже прибыли кабардинцы. Выяснилось, что русский царь приказал, чтобы армия Касбулата, конница калмыцкого тайши Аики, стрельцы и казаки Дона, запорожцы атамана Серко, как в прошлом году, по двум направлениям атаковали позиции и крепости неприятеля. Во-первых, захват сел разорит вражеские тылы. Во-вторых, основные силы захватчиков, узнав об ударах сводных войск, вынуждены будут вернуться для защиты оккупированных земель. В-третьих, если турки потерпят поражение и на Кавказе, и на своей территории, то надолго потеряют желание «мстить Руси». В Мшышту как раз на помощь подоспели Айдар Алягуко и его сын Канок с тремя тысячами воинов.

Но Рауан считал, что этих сил мало, и по дороге из Кабарды заехал к Адисану. Владыка встретил его с большим почетом, обрадовался без всякого лицемерия. Когда ногаец начал давать указания по организации пира, Рауан остановил его:

– Я очень прошу, уважаемый хан, не усложнять ничего. У меня нет времени. Я приехал по срочному делу.

– У кого теперь покой, мой абазинский друг? Пусть Аллах тебе поможет, говори, раз так!

– Когда ты предлагал свое участие, – у меня не было нужды. Сегодня такая необходимость есть. Я не сомневаюсь в твердости твоего обещания, – начал издавека Рауан. – Пусть ко мне снизойдет твоя милость. Над моей родиной нависла опасность. Я прошу тебя помочь в ее защите.

Ногайский хан вынул изо рта трубку, задумался. Когда турки и крымские татары приняли решение напасть на Русь, его тоже призвали в союзники. Но хан занял нейтральную позицию. Что заставило поступить его именно так, не опасаясь последствий, знал лишь он сам. Большая часть ногайцев кочует по русской земле. Они живут по законам этой страны, служат ей. Адисан не сомневался, что их соплеменники станут на защиту царя. Как же он мог свою армию выставить против братьев? Крымский хан Мурат-Гирей, разозлившись на своевольника, устроил набег на его села и разорил их.

Адисан хорошо осведомлен о том, что происходит вокруг его ханства. Ему не выгодно принимать чью-то сторону. Да, он затаил обиду на крымчаков. Однако весьма рискованно присоединиться к соседним княжествам. А если победят турки? Тогда не жди ника-

кой пощады! Если бы на Мшышту напал кто-то другой, он бы, не задумываясь, выполнил просьбу.

– Ай, дорогой, ты заставил меня крепко подумать, – промолвил Адисан, вздохнув. – Да, я сказал тебе, что твой враг – мой враг. Это правда. Но я не вправе выступить с оружием против султана и крымских татар. Они вероломно прислали свои войска и разорили мое ханство из-за того, что я не послал им в поддержку воинов. Да и сам я остался в живых только по милости Аллаха.

– Я понял, досточтимый хан, – ответил Рауан, решив на этом завершить разговор. – Нельзя винить того, у кого нет возможности помочь. Мне пора ехать.

– Подожди, не спеши, упрямец, – мрачное лицо хана осветила улыбка. – Я не сказал, что не смогу пойти тебе навстречу. Просто объяснил, насколько трудным является мое положение. Но я не из тех, кто отказывается от своего слова. Я бы хотел кое-что обсудить с вашими князьями...

– Если надо, я передам. Или же сам приезжай!

– На месте ваших князей я не стал бы проливать столько крови.

– Ты хочешь сказать, что абазины поехали и сами напали на турок?

– Не совсем так.

– Тогда о чем речь? Я внимательно слушаю, уважаемый Адисан.

– С такой армией, как ваша, я бы воздержался воевать с могущественной страной. Вы напрасно губите свой народ.

– Что же нам делать? Положить головы на пень и ждать?

– Я о том, что ваши народы разобщены и у вас нет поддержки сильного государства. Если бы ваши правители решили эту проблему, вы смогли бы одолеть турок.

– Мы союзники с русским царем. С тех пор прошло сто двадцать лет, – напомнил Рауан.

– Тогда где его армия? Была бы с вами, – завоеватели убрались бы восвояси. Говорят, ты был свидетелем того, как русские вместе с кавказцами овладели крепостями Хан-Сарай и Азак.

– Да, почтенный Адисан, я воевал там. И в этот раз произойдет то же самое. Но нам нужно время, чтобы продержаться!

– Аллах вам в помощь, и старайтесь сохранить воинов. Ногайцы, присягнувшие русскому царю, забыли о тяготах войн.

– Тогда почему вы не присоединитесь к государству, которое приютило соплеменников?

– Была бы у нас такая возможность! Если сегодня мы присоединимся к Руси, завтра нас уничтожат османы, чью религию мы исповедуем.

– Пусть лучше враг споткнется о нас и падет, нежели позволим поработить себя. Подумай, многоуважаемый хан. Я должен добраться к своим как можно быстрее.

– Хорошо, Рауан, я не стану удерживать. А завтра к вам прибудет тысяча моих вооруженных всадников, на следующий день – столько же пеших. Мужчина должен отвечать за свои слова!

28

Бои на вершинах становилось все кровопролитней. Обороняющиеся сбрасывали турок с круч и склонов, по которым те карабкались, сбивали рукотворными камнепадами, устраивали заслоны на узких тропах.

Несмотря на это, захватчики упорно рвались на перевалы, палили по горам из пушек. Мамат, Камац, Джатгяр, Муджар, князья лоовских аулов сражались рядом со своими воинами, показывая беспримерное мужество. Даже князь Шабат, забыв о почтенных годах, объезжал на коне позиции односельчан, подбадривая их и проверяя боеготовность.

Но день ото дня ситуация в долине становилась все тревожней. Шабат дал указание жителям покинуть аулы. Они должны были на время укрыться в безопасных местах.

Напоследок князь отправился к защитникам Дамхурского перевала. Там находился и его сын. Муджар командовал односельчанами и ногойскими стрелками. Шабат, который пешком преодолел подъем, ведя в поводу лошадку, добрался обессиленным.

– Ты поступаешь опрометчиво, отец, пользуясь тем, что старший, и не слушаешь никого, – попенял ему только что вышедший из боя Муджар.

– Это не важно, дорогой. Как у вас здесь дела?

Муджар, расстилая на траве бурку, сдержанно ответил:

– Плохо ли, хорошо ли, но мы не пропускаем врагов. Не хватает только продуктов и снаряжения.

– Знаю, война тяжела. Враги не прерывают атак, чтобы отнять

у вас силы и терпение, – наставлял Шабат сына и собравшихся вокруг воинов. – Они на это рассчитывают, как на главное оружие.

Немного отдохнув, Шабат двинулся к боевым позициям.

– Отец, не ходи туда! – окликнул его Муджар.

Шабат, не обращая внимания, сделал еще несколько шагов. Он посмотрел на вершину, вознесенную впереди, и остановился. Возможно, вспомнил легенду о своем предке Аджаре Лоу. И в это мгновение в грудь вонзилась стрела. Он схватился за нее рукой и оглянулся. Сын бежал к нему за тем, чтобы увести назад, но успел только подхватить. Он на руках принес отца в укрытие и положил на бурку, попытался вытащить стрелу.

– Оставь ее, сынок, – невнятно сказал Шабат, с трудом открывая глаза. – Будь мужественным... Будьте, дорогие мои, мужественными... Доставьте крест... наших предков... царю русскому...

Шабат навеки умолк, завершив жизнь, наполненную борьбой за счастье своего народа. Скорбью по нему были охвачены все воины вокруг: молодые и пожилые, его земляки и прибывшие из соседних княжеств...

Два брата, Алхаш и Камаш, командовали обороной Умпырского и Хумпарского перевалов. Вместе с ними сражались и войска адыгейцев. В отличие от других мест здесь было больше обходных тропинок и тайных путей. Поэтому противник подтянул сюда большие силы, приблизил для обстрела пушки. Нередко в ходе сражений возникала опасность рукопашной и вражеского прорыва.

Алхаш, боясь ошибиться, все время испытывал двойственное чувство. Командуя своими воинами, он в то же время не имел желания воевать против турок-мусульман. На его перевале отважней всего бились предводители адыгейских отрядов, которые в разгар боя становились впереди своих воинов и вдохновляли их личным примером, бросаясь на турок.

Однажды он нашел повод прийти к брату, когда тот со своими воинами сдерживал натиск врагов. Издалека слышался призыв Камаша: «Марджа, не дайте им подняться, бейте их!» Алхаш наблюдал за боем с нескрываемой насмешливостью. Он видел, что его брат еще силен и умеет отлично обращаться с мечом. Кольчуга делала его похожим на нартских богатырей.

После боя Алхаш подошел к брату, обсуждающему с воинами ход сражения. Выждав, когда его заметят, поманил пальцем:

– Подойди-ка сюда, дорогой.

Камащ, по всему, не обрадовался. Виделись они только во время похорон и по радостным поводам, и то чрезвычайно редко. Когда замуж выдавали Даримас, Алхаш притворился обиженным. Еще больше Камаща отдалило решение брата послать свой отряд к туркам, вынудив воевать своих людей против земляков.

– Если ты готов прислушаться ко мне, давай уступим этой могущественной турецкой армии, – напористо предложил Алхаш. – Давай решим, что мы сможем сделать.

– Ты что, обезумел? Что с тобой? – едва смог сдержаться Камащ. – Это же позор! Для тебя было бы почетней, если бы тебя унесли с поля боя погибшим!

– Моим людям я нужен живым, а не мертвым. А вот ты сошел с ума и не ведаешь, что творишь. Я старше. Каким бы ты ни был, – ты мой брат, и я учу тебя уму-разуму. Если не согласен, то иди и подставляй себя под их пули и стрелы, – заключил Алхаш с откровенной неприязнью.

Камащ с мечом в руке снова ринулся к товарищам, которые отбивались от наседавших врагов. Как и сказал брату, на перевале он сражался до конца, пока прорвавшие оборону турки не уничтожили всех его воинов-героев...

Алхаш отвел свой отряд в крепость. Те, кто наблюдали за отходом, подумали, что он будет за ее стенами держать оборону. Вопреки этому предположению, над минаретом взвился турецкий флаг со звездой и полумесяцем. После этого, отзываясь в ущелье и в горах, из окна мечети громко зазвучала скорбная молитва...

Ряды защитников Мшышты редели, а завоеватели все подтягивали силы. Через перевал, откуда Алхаш убрал свое войско, турки вступили в долину и ударили по обороняющимся с тыла.

Муджар Лоу до последнего не выпускал из рук оружие. На его глазах убили отца. Там же, на перевале, он вместе с односельчанами провел траурно-похоронный обряд, прежде чем отправить тело на родину. Шабата похоронили в ауле с почестями, как национально-го героя, и поставили каменное надгробие. После этого командир вернулся к своему отряду. Уважение и любовь к отцу, желание отомстить врагу, чья стрела унесла его жизнь – все это настолько укрепило дух Муджара и его воинов, что их позиции превратились в неприступную цитадель. И они, и воины Мамата на Мамхурском

перевале бились до тех пор, пока захватчики, зайдя с тыла, не окружили их. Ничего не оставалось, как совместно атаковать турок, чтобы пробиться в безопасные укрытия. У слияния рек Мамхурц и Дамхурц их отряды прорвали вражеское кольцо!

Вскоре герои достигли дороги, ведущей к перевалу Пхия. В бою был ранен Мамат. Пуля попала ему в предплечье. Рауан вместе с товарищами прикрывал отход защитников от врагов, преследовавших их.

Вот так в очередной раз была захвачена Мшышта. Снова чужеземная власть и религия пустила на ее земле свои корни. Османская империя накинула «петлю» на многие народы Кавказа!

29

Дальновидность Алхаша оправдала себя. Он услужил туркам не только тем, что открыл дорогу на перевале. В прошлом году также помогал им, выставив своих людей против сородичей, воевавших за «гяуров». Назло недругам построил мечеть и стал мусульманином. Вот и теперь он потчевал османов у себя во дворе, разукрасив его символами и зелеными знаменами ислама. Как сам говорит, «сделавший доброе дело, пожинает плоды добра». Алхаша назначили верховным князем Мшышты. У него ныне такое могущество, что заставляет всех «плясать вокруг своего пальца». Он как никогда ожесточился, а немногих жителей опустевших аулов заставляет принимать ислам, обещая горсть соли и немного продуктов, которых хватит лишь на приготовление ужина.

Армия-победительница, наделившая Алхаша большой властью, оставила ему помощников: большую группу муртазаков и служителей ислама. Чтобы набить себе цену перед «хозяевами», Алхаш начал «княжить» с арестов и убийств. К этому влек он и своего сына Мустафу. Чтобы научить его хорошо толковать Коран, Алхаш открыл медресе и нанял турецкого служащего в качестве аталыка⁶, способного воспитать наследника сильным мужчиной и подготовить к службе янычаром.

Когда чужеземцы ворвались в Мшышту, многие защитники

⁶ Аталык – воспитатель княжеского или дворянского сына на стороне, в своей семье.

перевалов были захвачены в плен, иные ранеными остались в горах, а наиболее отчаянные ушли в лес абреками. Для всех них турецкими правителями был издан закон. Как говорится в исламе: «Аллах милостив к тому, кто к нему возвращается». Это значит: если человек, не веря в Аллаха, не выполняя его предписаний, совершил преступления, а потом, осознав вину, покаянно предстал перед Аллахом, он будет помилован. Ранен ли он, пленен ли, если поклянется на Коране, его не казнят, а только наложат штраф. При немедленной выплате его сразу же освободят, если же не смог этого сделать, — будут держать в рабстве, пока не найдет денег.

И некоторые жители долины начали пользоваться этой «милостью» ислама. Ее предпочли жестокой участи, которая их ожидала. Изо дня в день уменьшалось число пленных, которые умирали в застенках Алхаша. Такая доля уготована всем, кто не хотел принимать ни чужую веру, ни чужую власть. Часть из них планировалось перевезти через море, продать в рабство. А что предназначено самым непоколебимым из них, оставалось тайной. Это были пленные из числа тех, кого называли словом «Басках», кто был сторонником присоединения к Руси, противодействуя обращению абазин в ислам.

30

Среди пленников оказались Джатгяр и его сын Хохут, сын Камаща Амиран, сосед Шабата Сардар и еще многие, которых возненавидел Алхаш за то, что были против дружбы с турками. «Правитель» готовил им суровый суд, но отложил его до поры, когда сгладятся последствия войны. Ее страшный смертельный ураган разорил аулы, охватил их пожарищами и разогнал жителей в разные стороны.

Накануне зимы начали возвращаться беженцы, прятавшиеся в чужих селениях, лесах, пещерах. Их разрушенные и сгоревшие дома были разграблены, сараи для скота и урожай пусты, очаги погашены. Помимо имущества, многие навек потеряли близких людей. Кто погиб на войне, кто попал в плен, многие пропали без вести.

Под тяжелым гнетом, не имея такого предводителя, как Шабат, способного всех объединить, влачили существование в те дни абазины Мшышты. Ставший «князем» Алхаш принуждал земляков смириться с законами турок, заставлял работать до седьмого пота.

Полуживые и голодные, бродили они по лесам, охотясь на диких зверей и собирая плоды. А отчаявшись, посещали могилу Шабата и обращали к нему свою мольбу, как к богу. Обездоленные люди заходили и к его вдове Гураре, жалуясь, насколько тяжело им живется.

Почтенный Катамыж Багаш, бывший у Шабата главным советником, собрал старейшин и отправился с ними к Алхашу. Они попросили «правителя» освободить Джатгяра и молодых людей, находящихся в тюрьме, которым, по слухам, уготована казнь.

– Я никого не арестовывал, – резко ответил им Алхаш, притворяясь абсолютно невинным. – «Кто съел соль, тот пьет и воду...» Идите и просите тех, кто их схватил...

– Прояви снисхождение, среди них сын твоего родного брата, отпусти их, – продолжал настаивать Катамыж. – Пожалей детей, у которых еще на губах молоко не обсохло.

– Дети... – усмехнулся Алхаш иронически. – Если бы они были детьми, то прислушались бы к тому, что им советовали умные люди. Вы их вырастили нелюдями, а теперь пришли ко мне с прошениями, будто я в чем-то виноват.

– Они никем не мечены, ничем не выделяются, – в голосе Катамыжа стала ощутима обида. – Без твоего участия ничего не происходит, Алхаш. Тебя оставили править аулом «по-княжески»... У тебя есть все полномочия – отпусти их. Когда к ним попали твои люди, их освободили. Никого не тронули, хотя среди них были и такие, кто заслуживал наказания.

– Своих людей выкупил я сам, пес старый! – выкрикнул Алхаш, разгневанный тем, что Катамыж сказал горькую правду. – Это ты заслуживал сожжения на костре, но меня сдержала вера во всемогущего Аллаха!

– Если ты не лжешь, отпусти их. А меня суди каким хочешь судом, раз я виновен, – настаивал Катамыж. – А иначе пусть головой попадет в огонь тот, кто лжет.

– Судят того, кто чего-то стоит, – проговорил, мрачней, Алхаш. – Гнилой пень дымится без угольев. Когда разожгут костер для тех, за кого ходатайствуешь, то, раз так хочется тебе, приходи и попроси, чтобы и самого кинули в пекло...

– Твоего огня наш народ не боится, – сурово возразил Катамыж. – Ты забыл об Афе, он продолжает оставаться богом огня – нашим

богом. Они, наши герои, не станут предавать свой народ и свою религию, испугавшись пули и огня, как ты. Из-за своего самолюбия ты погубил братьев. И теперь продолжаешь делать то же самое.

– Убирайтесь с моих глаз! И прекратите выть, как старые собаки, – задохнулся Алхаш от злобы. – Ни один из тех, кто не преклоняется перед Аллахом, не является мне братом. Пусть каждый отвечает за свои поступки. А ты, язычник с кабаньей бородой, окажешься впереди тех, за кого здесь просишь, как та курица, которая из-под своей лапы достает свою смерть.

Когда старейшины вышли со двора, хозяин велел оседлать своего коня, сел на него и бросился вслед за Катамыжем, который шел по улице один. Алхаш догнал мудреца на последнем повороте, недалеко от его дома.

– Ты, старый козел язычников, посмотри сюда! – крикнул он, подъезжая сзади.

Катамыж узнал голос «князя» и понял его намерения: как только он оглянется, злодей выстрелит в упор. По обычаю, за настоящего мужчину не считают того, кто стреляет в спину человека. Катамыж не остановился и не стал отвечать.

– Стой, несчастный старик, если ты такой мужественный, как говоришь!

Катамыж продолжал идти, не обращая внимания. Его поведение взбесило «князя». Он подстегнул коня и догнал старика, ударив плетью по спине.

– Стой, я тебе приказываю!

Катамыж вздрогнул, но не оглянулся, а только проговорил:

– Пусть бог тебя накажет, вероотступник. У тебя хватает сил, чтобы одолеть меня?

Алхаш заехал наперед, поднимая пистолет. За мгновение до выстрела Катамыж успел отвернуться. Пуля попала ему в затылок. Падая, он хотел что-то сказать. Наверное, его последней мыслью было: «Вот и все, чего стоит твое мужество, Алхаш Трам...»

Мамат, Муджар и Рауан мучительно переживали разлуку с родиной. Их отряды находились в абазинских и адыгейских аулах, за

перевалом Пхия. Путь турецких захватчиков не проходил в той стороне. И как прежде Мшышта, этот край, отрезанный от остального мира, жил мирно. Абазины пришли туда более ста лет назад через Санчарский перевал, отделившись от племени айбга. Их большой аул растянулся вдоль берегов Дыкуа и Дзыш. И аулы поменьше также располагались по берегам этих рек.

Сородичи и местные карачаевцы с большим сочувствием отнеслись к жителям Мшышты, которых привела к ним беда. Изгоям помогали жильем и продуктами, заботились о больных и раненых. Когда Мамат поправился, он пригласил на разговор Муджара и Рауана.

— Мы отдали свой народ в пасть дракона, а сами прохлаждаемся. Я прошу вас, пока на перевалах не выпал снег, поезжайте в аул, узнайте, что там происходит, найдите свои семьи и позаботьтесь о них. В Мшыште не осталось никого, кроме нас, кто бы мог это сделать. Пусть с миром покоится Шабат! После него, своего отца, главным в долине остался ты, Муджар. Ты теперь — наш князь. И должен собрать своих людей и в эту тяжелую пору помочь им выжить.

— Я готов отдать жизнь за общее дело, уважаемый Мамат. Ты мне заменил отца, посоветуй, с чего начинать?

— С того, что завещал твой мудрый отец. Прежде всего, найди родовую реликвию. Завещание связано именно с ней.

— Что нам делать с Алхашем? — поинтересовался Муджар, не скрывая волнения.

— Ни в коем случае не связывайтесь с ним! Его сможешь найти и после, раз ты мужчина.

Всадники добрались до аула Трамкт поздним вечером. Подворье семьи Рауана, к которому подъехали, было объято тишиной, оттуда веяло холодом и запахом гари. Они спешили и, закинув уздечки на коновязь, вступили во двор. Даже следов не осталось от многочисленного скота и кормов. В хлеву держался смутный запах кизяков. Навес, сарай и дом были сожжены, и вокруг темнели обожженные стены. Рауан зажег лучину и осмотрелся.

– Да пусть кровь станет их одеянием! – проговорил Муджар, придя в ярость от увиденного.

– Так поступает всякий захватчик, приходящий с оружием, – печально заметил Рауан. – Я не удивляюсь последствиям войны. Думаю лишь о том, какой кары заслуживает враг, совершивший такое.

– Под этим камнем лежит то, что ты можешь взять с собой в подарок для царя России, – сообщил Рауан, касаясь камня ногой. А ну, подойди-ка сюда, Муджар. Я тебе кое-что покажу.

У входа в кузницу лежало большое каменное колесо, закрепленное в центре дубовым колом. К нему была привязана стальная наковальня Мамата, служившая колоколом. И прежде Муджар видел ее не один раз.

– Под этим колесом лежит то, что можешь взять в подарок русскому царю.

– О чем ты говоришь? – не понял Муджар.

– Не подумай ничего плохого, брат мой. Я тебе говорю на тот случай, если меня не окажется рядом. Поехали, посмотрим, остался ли кто живым в ауле.

Они снова заняли седла. Запах гари преследовал их. Враги сожгли весь аул. Только в окошке полуразрушенного дома мерцал бледный свет. Воины спешили, осторожно постучали в дверь. Свет тотчас погас.

– Кто-то из несчастных, который напуган, – предположил Муджар.

– Где ты теперь найдешь не напуганных, – ответил Рауан и еще раз постучал в дверь рукояткой плети. – «Тот, кого укусила змея летом, зимой боится и веревки...» Насколько я помню, здесь жил Бата Дзгуан. Старик меня знает, он не станет опасаться. А сын его Каца тоже был среди тех, кто защищал Умпарский перевал.

– Тогда подай им голос.

Рауан так и поступил. Его узнала хозяйка дома.

– Да быть мне твоей жертвой, сестра, прости нас, – обратился Рауан к женщине, которая появилась на пороге. – А старик дома?

– Да разве кто-нибудь выжил в ауле? У нас уже нет старика... Он умер от горя после гибели сына.

– Прости, сестра. Пусть и отец, и сын покоятся с миром. Мы не знали о том, что у вас такое горе.

– Вы ни в чем не повинны, Рауан, – вымолвила несчастная сквозь рыдания. – Во всем ауле нет ни одной семьи, которая бы не потеряла родного человека. Ведь из-за этого, от великого горя умерла и твоя мать... Все ее знали, как мудрую и добрую женщину, пусть же ее душа тоже покоится с миром.

Рауан едва устоял. Страшное известие ударило прямо в сердце, у него потемнело в глазах. Но через несколько мгновений он взял себя в руки. Скорбно застыл, не проронив ни слова.

– О чем она говорит? – встревожился Муджар.

Товарищ по-прежнему молчал.

– Ты сказала, что Аицы уже нет в живых, сестра?! – воскликнул Муджар, не скрывая огорчения.

– О, проклятье мне! Наверное, вы ничего не знали, – запричитала женщина. – Рауан, я думала, тебе известно... Пусть пуля, предназначенная тебе, попадет мне на язык. Да пусть я уйду вслед за ними, ведь я бросила камень в твое сердце...

– Ладно, сестра. Не ругай себя, – глухо отозвался Рауан, не выдержав крика женщины. – Пусть будет долгой твоя жизнь для детей. Лучше знать правду, даже если это так тяжело. Что ты еще знаешь о моей матери?

– Я всё сказала. Мне больше нечего добавить.

– Милость бога нисходит к тому, кто сообщает о чьей-либо смерти, сестра, – напомнил Муджар. – Мы ничего не знали, кроме того, что Аица вместе с сыном и невесткой уехала из аула.

– Почти все были беженцами, – вздохнула женщина и оживилась. – Мы заговорили о горе, и я забыла даже пригласить вас в дом. Заходите, братья мои, и в доме продолжим беседу.

Рауан отказался, чтобы лишний раз не причинять бедной женщине хлопот. И без этого ее жизнь была тяжелой.

– Достаточно будет, если ты расскажешь о том, как это случилось, и где ее могила, – сказал Рауан.

– Это произошло, когда мы вернулись из укрытий. Похоронили ее в вашем дворе. Наверное, она не смогла пережить испытаний и того, что от вашего дома остался только пепел...

– А не знаешь, где Барцыц и Даримас? – спросил Муджар.

– Помнится, после похорон Аицы, братья Даримас увезли их за перевал.

Всадники поспешили во двор Мамата. Рауан зажег факел, и

они нашли могилу его матери. Встав на колени, оба поклонились, как положено по обычаю. Рауан с нежностью и печалью говорил о матери, о ее душевной щедрости и помолился, чтобы покоилась на том свете с миром.

«Чтобы совершить одно доброе дело, нужно суметь выдержать десять плохих», – говорил Мсыр. Эту мудрость потомок рода Жихи вспоминает, когда сталкивается со злодеянием и горем. И не просто вспоминает, – сам Мсыр всегда с ним, как наставник, чье слово он никогда не преступит.

Рауан медленно поднялся первым.

– Пойдем, брат... На свете нет ничего дороже матери. Мой дедушка Мсыр говорил, что в таких случаях нужно постараться забыть об умерших, чтобы заботиться о живых.

– Мне Аица была такой же матерью, как и тебе. Но мы бессильны изменить что-либо. Пусть ее душа покоится с миром, как мы взывали в молитвах. Крепись, брат мой.

Они снова оказались в седлах. В доме рода Трам как хозяин должен был вести себя Муджар. Ведь Сакана – его родная сестра. Ей Рауан приходится зятем и, по обычаю, не может даже зайти в дом, не говоря о том, чтобы заговорить. Тем не менее, он был знаком с Саканой с детства, и она к нему относилась как к младшему брату.

Согласно обычаю, сначала они посетили могилу Камаща. Став на колени, помолились, чтобы Всевышний уготовил ему добрую долю на том свете. Потом Муджар постучал в окно, которое было освещено лучиной. Сакана быстро открыла дверь и пригласила в дом:

– Заходи, заходи, беспокойством о ком я измучена, брат мой единственный! Пусть я стану жертвой бога, который дал мне возможность увидеть тебя живым, – радуясь сквозь слезы, говорила Сакана. – А кто с тобой, солнце мое?

– Успокойся, дорогая, – проговорил Муджар и обнял сестру. – Мы живы. Это Рауан.

– Дитя мое, что же ты стал так далеко? – удивилась Сакана. – Не то время, чтобы все обычаи соблюдать, как положено. Того, кого видели вчера, можем не увидеть сегодня. Заходите, люди мои милые. Как видите, сожгли и опустошили наш дом...

Рауан безмолвно смотрел на Сакану, беседовавшую с братом. Былой её красоты, увы, не осталось. Потускнели глаза, прежде наполненные радостным светом. От бесконечных слез под ними

образовались темные пятна. Пока она оплакивала отца, погиб и ее муж. Не успела она пережить боль от этих двух смертей, как ей принесли известие о трагической судьбе сына. Кроме двух младших детей, бывших с ней, остальные родственники разбросаны невесть где. Опорой им остался один Ларс, предупредивший, что «только Рауану может быть известно, где мы находимся».

– Наверное, поэтому люди говорят: «большая семья – большое горе», – сказала она, вздохнув.

– Будем держаться, Сакана, – ласково обратился брат. – Если до нашего возвращения появится Ларс или кто-нибудь из товарищей, сообщки, что мы находимся у абазин за перевалом Пхия. В случае необходимости все вместе переезжайте туда. Ларс знает дорогу. Здесь вам нельзя оставаться. Турки могут забрать детей.

– Да пусть их самих заберет бог! – воскликнула Сакана гневно.

В ауле Басках губительный огонь обошел квартал, в котором поместье Алхаша. Уцелел и дом Шабата. Вероятно, турки не тронули его потому, что был княжеским, и чтобы впоследствии по-своему распорядиться им. В просторном дворе не было никого, кроме княгини. Мать Муджара отказалась покидать дом и бросить могилу мужа даже тогда, когда аульчане стали беженцами. Поговаривают, что приехавших за имуществом слуг Алхаша она прогнала так же, как это сделал бы сам князь.

Начало светать, когда воины въехали во двор, спрятали коней в сарае и направились к могиле Шабата. Пока они выполняли траурный обряд, из дома вышла сама Гурара. Она неподвижно наблюдала за молящимися. Когда же воины встали, печально проронила:

– Тот, о ком вы молились, уже больше ничего не скажет, сыновья мои...

Оба торопливо подошли к пожилой женщине, преклонив головы. А сердце княгини замирало от волнения, и она не могла ничего добавить к сказанному...

Весь день воины провели у гостеприимной Гурары. К счастью, выяснилось, что уцелела шкатулка со старинной реликвией рода Лоовых – в ней находился золотой крест, о котором Шабат указал в своем завещании. Мудрая княгиня, помня о том, какое значение муж придавал этой святыне, смогла сохранить ее. Разговор невольно коснулся Алхаша, от которого зависела судьба пленных.

– У него помутился рассудок! Он превратился в зверя, – с горечью

говорила княгиня. – У нечестивца нет жалости даже к Амирану, в чьих жилах течет его же кровь. «Это не мои прихоти, так предписывает ислам», – с такими словами он творит все, что взбредет в голову. Там, где нет людей, на гору поднимается кабан, говорят старики. Точно так же он поднялся и сел на шею народа.

Пока Гурара рассказывала о злодеяниях нового «князя», воины, не сговариваясь, приняли решение, которое не входило раньше в их планы.

– Не будет нам удачи, если оставим товарищей в пасти дракона и покинем аул, – взволнованно сказал Рауан, когда остался с другом наедине.

– И я думал об этом, – ответил Муджар. – Только как быть с предупреждением Мамата? Давай, прежде всего, возьмемся за главные дела.

– Нужно найти выход.

– Тогда давай, прежде всего, решим наши главные дела.

– Да, они касаются всего общества. Если даже тебе будет нелегко, выполни их один. А я займусь пленными собратьями.

– А если мы поступим наоборот

– Нет! Как сказал бы мой дед-герой Мсыр: «Я не хочу впутывать тебя в такое «абрековское» предприятие».

Они договорились, что кому делать. Рауану предстояло разыскать беженцев и освободить пленников. А Муджар должен тайком обойти аулы, узнать, каково положение людей. Затем выяснить у князей и глав княжеств Басаней и Кямгой, как они относятся к намерению обратиться за помощью к русскому царю.

33

Рауан начал ночную «охоту». Его главной целью было захватить врасплох Жаку или самого Алхаша, или кого-нибудь из тех, кто служит и обладает властью в доме «правителя». Чтобы добиться этого, необходимо найти знакомого, бывающего в доме брата. Но мелькали ночи, а дело не продвигалось.

Перед рассветом Рауан покидал аул, и все дни проводил в поисках беженцев, объезжая укрытия, годные для проживания. Проявляя «терпение Мсыра», он не прекращал поездки со свойственной

ему настойчивостью. И вскоре напал на след односельчан! В этом ему помогло знание характера Ларса. В сложных ситуациях тот становится особенно бдительным и изобретательным. «Читая», таким образом, окрестные места, Рауан завернул на территорию соседнего ханства. «Беженцы покинули тайные пещеры для укрытия, почувствовав приближение холода, – подумал он. – В Мшышту возвращаться им было опасно. А где найти жилье на зимний период? И Ларс припомнил о моей дружбе с ногайцами. Только какие узы он использовал: дружбу с ханом или с его врагом Аманхором? Скорей всего, Ларс обратился к Адисану от моего имени, и тот ему не отказал. Но... если и его ханство пострадало от войны? В любом случае, вряд ли Ларс решился бы отвезти к нему Даримас. Значит, пришлось пожаловать к Аманхору. Тот тоже человек, которому можно доверять, хотя и абрек. Он примет моих родных. Но... тот Ларс, которого я знаю, не допустит, чтобы женщины и дети находились среди одичавших абреков...»

Рауан исподволь, осторожными расспросами проверил свои предположения. К сожалению, война не миновала ногайского ханства. И больше всех пострадал сам Адисан-аман. «Ты не выполнил приказа своего повелителя, великого Мурат-Гирея! Хуже того, ты помог язычникам, не ведающим о всемогущем Аллахе, и свое войско выставил против турецкой армии», – таковы были обвинения, предъявленные ему. И на глазах у народа хану отрубили голову. Вместо казненного брата ханство возглавил Кази. Это известие очень огорчило Рауана. Выходило, что хан погиб из-за того, что откликнулся на его просьбу...

Хотя положение осложнилось, Рауан нашел своих родных именно в этом ханстве. Оказывается, когда Ларс узнал о том, о казни Адисан-амана, он нашел Аманхора. И тот укрыл абазин в ауле, расположенном в густом отдаленном лесу. Вот уже месяц, как жили они там вполне безопасно. Едой и всем, что необходимо, их снабжали братья-абреки Караяс и Алыпкяш.

Здесь и увиделись впервые Рауан и Аманхор. Ногаец был таким же высоким, сильным, стройным человеком, как и Рауан, и радовался тому, что новый знакомый мог свободно говорить на его наречии. Они многое обсудили, пока беженцы собирались в обратную дорогу. По приказу Аманхора до перевала их сопровождали абреки и местные жители.

Рауан вернулся в Мшышту. Въехав на коне в аул Басках вечером, он заметил в темноте силуэты двух всадников, которые двигались навстречу. Один из них говорил юношеским голосом. Беседа шла о каких-то скачках. «Лошадь похожа на красивую девушку – любит нежные слова», – отчетливо разобрал Рауан слова мужчины. «Завтра я сяду на белолобого коня», – хвастливо сообщил подросток в тот момент, когда поравнялся с ним. «Это же сын Алхаша!» – догадался он, и его осенила неожиданная мысль. «Не излечивается только смерть», – вспомнились слова человека, однажды сказавшего это, и его сердце наполнилось теплом. – В обмен на единственного сына Алхаш будет готов отдать не только одного-двух пленных, но и все, что у него есть...

Рауан решил как можно скорей похитить Мустафу. Впервые в жизни предстояло заняться торговлей человека, – занятием, которым брезговал. Он сознавал, что идет на преступление, и от этого был противен сам себе. В таком состоянии он доехал до дома Гурары. Ее сын все еще был в отъезде. Чтобы осуществить задуманное, Рауан должен был дожждаться его.

Несколько раз у него возникало желание посоветоваться с княгиней, но не решался. Возможно, его сдерживала известная народная поговорка «с женщиной никогда не держи совет». Сама же Гурара рассказывала о том, что наболело у нее на душе, как трудно людям и ругала Алхаша, вспоминая слова мужа. Однако ни прежде, ни сейчас Рауан не слышал, чтобы она жаловалась, и не видел у нее на глазах слез. Видимо, поэтому в народе говорят, что «слезы княгини – золотые слезы».

Рауан внимал ее мудрым рассуждениям, удивляясь твердости мыслей и глубоким знаниям религии. Все это было согрето добротой, свойственной Шабату. И когда он понял ее человечность, то открыл свои планы.

– О-о, сын мой дорогой, – вздохнула она в ответ. – Я слышала, как покойный князь говорил, что похищение маленького Барцыца было делом рук коварного Алхаша. Ты лучше меня знаешь, как это произошло. Поэтому греха на тебе не будет. Преступник не догадывается о том, что он преступник, пока его не накажут и не заставят заплакать. Пусть же и Алхаш ощутит то же самое, что испытал твой отец

– Для меня главное, чтобы бог Псатах не прогневался на

меня, – с волнением проговорил Рауан. – Пусть мне суждено быть жертвой для тебя, княгиня, – твои слова придали мне сил.

– Ты чист пред богом, сынок. Грешен тот, кто принял чужую веру и губит свой народ. Пусть успех сопутствует тебе в твоих мужественных намерениях!

Их беседу нарушило возвращение Муджара. Узнав друг у друга новости, воины отправились отдыхать, цenia каждую минуту.

Наутро Гурара не стала будить их рано и, по обыкновению, пошла на поклон к могиле Шабата. К этому времени первые лучи осеннего солнца уже коснулись гор. Аул просыпался, наполняясь утренним шумом. Когда-то его называли – Мшышта. Но позже так стали именовать весь здешний край. Аул получил название «Басках» в честь Шабата. Теперь же Алхаш требует, чтобы называли его «Большой Трамкт».

Вскоре из мечети раздался траурный призыв. Гурару охватило недоброе предчувствие. Кроме как по пятницам, голос муллы извещал о похоронах или о каком-то особом событии. Недаром и соседка Сардар в отчаянии прибежала к княгине.

– Светлейшая княгиня, о мое горе, ты еще не слышала о том, что случится?! Моего несчастного ребенка сожгут на костре... – запричитала она сквозь слезы.

– Объясни толком! – встревожилась Гурара.

– Да гореть мне в огне! Уже хворост для костра складывают, да пусть их самих Всевышний сожжет... Со вчерашнего дня ходят слухи, что пленных бросят в этот костер!

– Да нет среди них твоего сына, – возразила княгиня, успокаивая женщину.

– Так ли это?.. Кто же тот несчастный, который смотрит сегодня на белый свет в последний раз, уважаемая Гурара? – спрашивала в отчаянии женщина.

– Да кто же знает, чья очередь. Иди и занимайся своими делами, милая...

Вскоре стало достоверно известно, что казнят Джатгяра. Днем на окраине аула, где и раньше находилось место для казни, поднялось багровое пламя, яркостью напоминающее солнце. Большая толпа стеснилась вокруг, будто греясь у огня. В ней затерялись приехавшие воины.

Вот с их товарища сняли оковы. Джатгяр разбросал в стороны

муртазаков, которые пытались затолкать в костер. Поведение героя говорило о его невероятном самообладании. Он повернулся к людям и во всю мощь своего голоса крикнул:

– Не поддавайтесь обману чужих шакалов!

Больше ничего не добавив к сказанному, Джатгяр шагнул в бьющее полымя! Так же, как и его мужественный предок...

Великих усилий стоило Рауану и Муджару сдержаться. Благо, Алхаш там отсутствовал. Они увидели только Мустафу. У подростка было приподнятое настроение, как будто казнь была для него любопытным зрелищем. Он болтал со своим турецким наставником, что-то спрашивал и, громко смеясь, наблюдал за происходящим. Именно поведение «княжича» больше всего разозлило воинов: он стал точной копией своего папаша.

– Пока он еще молод, надо хорошенько проучить, – не сдержался Муджар. – Но его трудно достать из толпы.

– Мы схватим его, Муджар. Я вижу вон там одного человека. Идем!

Далеко за спинами людей, на своем «Серке» сидел Биджба, одинокий здесь всадник. Это его неизменная привычка, он очень редко слезает с коня. Воины подошли к абреку незаметно, пока тот озирался по сторонам.

– Дорогой, сойди-ка с коня на минуту, – вдруг потребовал Рауан, подняв голову.

Как только увидел Рауана, всадник побледнел и беспрекословно повиновался.

– Ты что-то хотел? – спросил Биджба заискивающе, будто обращался к старому другу.

– Да, мы встретили тебя кстати. Ты нам нужен. Давай отойдем и поговорим.

Только теперь абрек обнаружил, что здесь и Муджар. Не сказав ни слова, он взял коня за уздечку и повел в ту сторону, куда указали.

– И ты, и мы – мужчины, – начал издавека Рауан. – Между нами не должно быть недоразумений. Ты согласен?

– Конечно. А куда мне деваться? – ухмыльнулся абрек.

– У тебя нет другого выхода, – подтвердил Муджар.

– Говори, Рауан. Я не люблю разного рода ухищрений.

– Выбирай, что тебе сделать легче. Либо передашь нам в руки

Мустафу, сына своего хозяина, либо поможешь освободить наших братьев, которых ждет гибель, как Джатгяра.

Жака нахмурился. Оба этих дела были очень опасными: никогда в жизни ни с чем подобным он не сталкивался. Пока абрек думал о том, что выбрать, Рауан пояснил:

– Мы не желаем зла Мустафе. Как только освободим наших братьев, вернем его целым и невредимым.

– В таком случае, – решилсЯ Жака, – давайте обсудим, как произвести обмен. И я завтра приведу мальчишку на охоту в балку Аджара. Только и у меня есть к вам одна просьба. Сделайте так, чтобы меня никто не заподозрил.

– Так и поступим, если ты нас не подведешь. Останешься «верным слугой» своего хозяина, – заверил Рауан. – Приезжайте на охоту с несколькими охранниками. Незаметно для них ты приведешь Мустафу к роднику Адзычкя. Больше нам от тебя ничего не надо. А позже ты выступишь посредником в обмене пленных на Мустафу. По рукам?

– Да, Рауан. Я в тебя верю, как в единого бога.

...Тех, кто приехал на охоту в балку Аджар, всего было пятеро. Муджар и Рауан, привязав коней к деревьям вблизи тропы, спрятались в зарослях бересклета. Все произошло именно так, как они планировали. В тот момент, когда Мустафа, опустившись к роднику, пил воду, они схватили его и Жаку. Пока возились с Жакой, затыкая ему рот кляпом, «княжич» бросился к лежавшему рядом оружию. Но Муджар наступил на ружье ногой и крепко прижал к земле. На весь лес раздался пронзительный вопль Мустафы:

– Почему вы связали Жаку?! Отпустите...

Он не успел договорить. Подростка также связали и закрыли рот кляпом. Услышав суматоху, охранники бросились к роднику с криками: «Мустафа! Мустафа!» Друзья не спешили, им требовалось, чтобы слуги Алхаша стали свидетелями похищения. Рауан сокрушительными ударами уложил двух верзил-телохранителей, напавших на него. А третий охранник, отстреливаясь и не подпуская к себе близко, пробрался к лошадям. Тем не менее Рауан «пометил» его выстрелом, когда тот вскочил в седло. Пуля попала в руку удирающему, но это только придало ему прыти. Секунда – и он исчез из леса! Рауан привел белолобого коня Мустафы к роднику. Муджар разговаривал со связанными пленниками.

– Вы видите, кто мы, поэтому говорим то, что хотим. Садитесь на коней, поезжайте и объясните своему хозяину, что мы вернем Мустафу только в обмен на пленных, наших братьев. Пусть иного не затевает, а то будет хуже. И еще передайте, что мы, как всегда, верны своим словам.

Алхаш оказался в ловушке. Он хорошо знал характеры похитителей. Не прибегая ни к какой хитрости, не провоцируя конфликта, он вынужден был выполнить все их условия ради единственного сына, «княжеского» преемника.

Муджар, Рауан и односельчане, которых они выбрали поименно, скрытой дорогой завернули в аул Трамкт. Там они отодвинули большой камень, лежавший перед кузницей Мамата, забрали спрятанные драгоценности и ушли за перевал Пхия.

Мамат обрадовался возвращению воинов и вызволенным из тюрьмы односельчанам. Рана у него почти зажила, и настроение стало бодрым. Но Рауан ходил сам не свой, будто черные тучи застилали глаза. Он не решался сообщить отцу о смерти матери и Джатгяра, опасаясь, что эта весть подкосит Мамата, и он не сможет решать неотложные общественные дела. Видимо, так думал и Муджар.

– Ну, рассказывайте, сыновья мои, – обратился Мамат, заподозрив, что они о чем-то умалчивают. – Вашим замыслам сопутствовал успех. Вы отыскиали родных, освободили из плена товарищей. А как дела в аулах?

Муджар подробно поведал о том, что видел на родине и о результатах переговоров с князьями по поводу поездки к русскому царю. А затем, не сдержав волнения, с какой-то особой теплотой проговорил:

– Низкий поклон тебе, уважаемый Мамат. Моего отца больше нет в живых, но есть ты. Не сердись на нас. В аулах очень тяжелое положение. Мы не знаем, сообщили ли тебе... А мы побывали на могиле Аицы...

– Сыновья мои, мне об этом сообщили беженцы. Не совладаешь с безжалостной смертью, – сокрушенно произнес Мамат и опустил повлажневшие глаза.

– И Джатгяр тоже погиб, – добавил Муджар.

– Что?! – воскликнул Мамат, вскинув голову.

– Мы видели, как подобно герою Джандре, он сам шагнул в пламя костра...

Мамат на минуту закрыл ладонью лицо, потрясенный потерей близкого человека. Долго они сидели безмолвно.

– Такова жизнь, сыновья мои. О живом человеке можно забыть, о мертвом не забудешь, – раздумчиво сказал Мамат, – Такой груз нести тяжелей, нежели самому оказаться лицом к лицу со смертью. Пусть Джатгяр покоится с миром на том свете! Пусть его прекрасный сын Хохут проживет долгую жизнь! Если мы не будем сидеть сложа руки, то сможем снова зажить благополучно... Ты должен поехать к царю, Муджар. Тем более, что и другие достойные люди поддерживают тебя.

Муджар достал из походной сумы какой-то предмет, завернутый в синюю шелковую ткань.

– Это наша родовая реликвия, о которой в завещании упоминает мой отец. Я не знаю, что здесь находится, и в руки взял ее впервые, – проговорил Муджар, кладя сверток на столик. Затем осторожно развязал узел платка. В нем оказалась шкатулка с резным черно-красным орнаментом по периметру, отливающим лаком. Рядом с замком был прикреплен ключик.

– Ты – старший, поэтому посмотри, что в ней, – попросил Муджар, испытывая неведомый страх и какое-то отталкивающее чувство.

– Нет, дорогой, – возразил Мамат. – Она принадлежит тебе. Открой своими руками и ничем не брезгуй. К счастью бедного Шабата и к нашему счастью, ты стал его наследником. Овцы и то ставят впереди себя вожака. Пусть бог прибавит к твоей жизни те годы, что не прожил отец! Пусть поможет тебе осуществить дела, которые не успел Шабат!

Муджар поднял крышку шкатулки. Тотчас в глаза ударил ослепительный блеск золота. Даже Рауана, стоявшего у двери, озарил этот благородный свет. Но вид золотого креста Муджара не обрадовал, – он лишь вздрогнул с презрением. И Рауан тоже ощутил неприятие в душе. Мамат понял, что они охвачены отчужденностью, хотя у самого появилось другое чувство – чувство надежды. Крест из чистого золота был отлит мастерской рукой, с четырех сторон украшен дорогими алмазами, а по длине помещался на мужской ладони. Реликвия, хранившаяся несколько веков, выглядела именно так.

– Вот золотой крест, на который покойный Шабат возлагал большие надежды, – проговорил Мамат и перевел свой взгляд на

Муджара. – Твой отец только раз взглянул на него, но не осмелился тронуть рукой. Видимо, он так же, как и вы, испытывал к нему недоверие и не принимал сердцем. Это неудивительно, дорогие. Это символ другой религии, и поэтому вы относитесь к нему отчужденно. Шабат хранил этот крест и возил к русскому царю как залог дружбы, как свидетельство того, что мы хотим присоединиться к его государству. Тогда он сослужил хорошую службу. Царь воздал должное и помог своими войсками освободить абазинские земли от захватчиков. До последнего времени этот союз обеспечивал безопасность Мшышты. Настал час снова возить этот крест царю и просить его о поддержке. Именно таков смысл завещания твоего отца, Муджар. Нельзя оставить людей беззащитными перед турками и крымчаками, которые нападают, когда вздумается. Отправляйтесь в далекую Москву. Этот крест скажет даже то, что вы не сможете. Ты – князь, и готовься в путь.

– Разве долго нам собраться? – заметил Рауан.

– Поездка даже в чужой аул имеет большое значение, не говоря уже о посещении царя, – поучительно сказал отец. – Важно то, какое впечатление останется у него после встречи с вами. И Шабат, и тот, кто ездил с ним к царю Ивану, достойно представляли Мшышту. Своими словами и поведением вы должны являть честь и мужество абазинского народа. Особый смысл имеет и подарок русскому государю: это знак внимания и доброго отношения к нему и к его стране. Этот подарок уже готов: верховой конь с золотой сбруей и одежда абазинского воина. Вам не придется краснеть... Запомните, каждый должен иметь по две-три лошади. Вам понадобится полтора-два месяца только для того, чтобы добраться до Москвы. Если вы тронетесь через неделю, то обратно доберётесь лишь к весне. За это время наши люди станут на ноги и восстановят силы.

– Помолчав в раздумье, Мамат добавил: – Если царь согласится на заключение союза, вы должны дать клятву в том, что и наш народ готов преданно служить ему. В храме, где эта клятва произносится, не показывайте своим видом недовольство. Мы заключаем союз не с христианской религией, а с русским народом. Думаю, что сначала нужно поехать в крепость Терсакан, где вам укажут прямую дорогу, дадут переводчика и сопровождающих. В добрый путь! И пусть к нам снизойдет благословение царя!

Все мужчины-абазины, которым предстояло ехать к русскому

государю, подготовились так, как требовал Мамат. С Муджаром отправились Рауан, Сардар, Ларс, сын Джатгяра Хохут. К ним присоединились князь Джанхот Лоу из лоовского аула Лагиду, князь Урус Кантемир из аула Беслан-ипа, князь кямгоевцев Анчоко Каныху. Когда добрались до Терсакана, их встретили там верховный князь Кабарды Касбулат, начальник русской крепости, переводчик и проводник.

34

В Мшыште не убывали безрадостные дни и тревожные ночи. Часть жителей оставались беженцами, другие разбойничали, прячась в лесах. Те, кто вернулись в аулы, жили впроголодь, без тепла в домах. Были и такие, кто гнули спину на Алхаша, чтобы выжить, приняв ислам. Все они с надеждой ждали известий от тех, кто отправился к великому царю русского государства.

Как кукушка, которая каждый день выбрасывает из своего гнезда по камешку, так и Мамат на своей трости, изготовленной из боярышника, ежедневно ставил метины. Дошел он уже до шестидесятой, но вестей от гонцов так и не поступало. В конце концов он не выдержал и, когда рана окончательно зажила, вернулся в аул Трамкт, не опасаясь ни турок, ни Алхаша. Он с большой охотой занялся восстановлением своего дома и весенними работами.

Вслед за Маматом в аул стали возвращаться и где-то задержавшиеся беженцы. Они приступили к ремонту и переустройству жилищ, сгоревших во время войны. И сам Мамат, и старейшины, которых он объединил, ходили по аулам, пытаясь приободрить сородичей, вселить в них надежду, говоря, что не сегодня-завтра родной край будет освобожден от турок, что никогда больше не вторгнутся на их земли чужеземцы. Большой опорой им была и княгиня Гурара. Они ее навещали отдельно, бывало, собирались у нее на совет и большой группой.

Алхаш слышал обо всем этом, но долгое время не трогал никого из окружения Мамата. Возможно, он ждал распоряжений турок. Но постепенно у него накопилось немало причин, чтобы не давать покоя Мамату. Во-первых, он знает, что муфтий из Капы разыски-

вает Барцыца и того, кто его похитил. Поэтому приставил к его родственникам «охотников», следящих за ними. Но тот, кто роет могилу для других, первым туда попадает. У него самого похитили Мустафу и поставили на колени. И чувство мести из-за этого не покидало «князя».

И Алхаш не стал ждать! Посоветовавшись с имамом и муртазаками, он арестовал Мамата и четырех старейшин. Их обвинили в том, что они наносят вред Порте, благословляемой Аллахом, вносят в общество смуту и призывают к содружеству с русским государством. Алхаш разворошил старые истории, доказывая, что Мамат Жихи всегда противостоял религии турок и их империи. И на этот раз он отправил к русскому царю послов с просьбой о помощи. Чтобы подтвердить это, его допрашивал высокопоставленный военный, вызванный из крепости Санджа. Это был не просто допрос. Мамат не из тех, кого можно заставить заговорить. Да и турецкий чиновник не новичок в подобных делах. Он приказывал привести арестованного, когда вздумается, пытал его изощренными способами, требуя сказать, где сыновья.

Очередной допрос завершился неожиданно. В комнату следователя привели, поддерживая с двух сторон, закованного в тройные цепи Мамата. Его небольшая седая борода и усы были красными от застывшей крови. А крепкие ноги, закаленные верховой ездой, все время подкашивались, не в силах выдержать тяжести кандалов. Некогда сильные руки, послушные в работе и в бою, теперь свисали за спиной. Все это свидетельствовало о том, что Мамата только что вывели из пыточной.

Турок, глядя на переводчика, начал с «доброжелательных» слов:

– У тебя множество преступлений. Они стали причиной всех твоих страданий. Но Аллах настолько велик и милосерден, что прощает прегрешения того, кто раскаивается и приобщается к нему. Отрекись от язычества и приникни к единственно могущественному Аллаху, поверни к нему тех, которых ввел в заблуждение. И мы дадим тебе волю!

– Раз связаны мои руки и ноги, связан и мой язык, – с усилием прошептал Мамат.

– Снимите с него цепи! – повелел следователь муртазакам.

Те расторопно выполнили приказ.

– А теперь слушай меня внимательно! – продолжил турок раз-

говор через переводчика, беря со столика Коран. – Обещай повиновение и дай клятву на Священной книге.

– Раз держат меня за руки, значит, они держат и мой язык, – снова тихо ответил Мамат.

– Отпустите его!

Муртазаки отошли от арестанта. Мамат покачнулся, но смог удержаться на ногах. Он поднял руку, вытер ею застывшую на лице кровь.

– Как мне говорить, если язык тоже в крови, – громче произнес Мамат и показал турку окровавленную ладонь.

– Принесите ему кувшин с водой и тазик!

Один из слуг выскочил из помещения. В это время Мамат попросил:

– Если можно, пусть очевидцем моей клятвы станет и «верховный князь» Мшышты.

– О Аллах, конечно! – воскликнул турок и обратился к последнему муртазаку. – Иди и немедленно приведи Алхаша!

Слуга вылетел стрелой. Мамат, едва переставляя ноги, начал сползать к углу, пытаясь опереться на стену возле двери. Турок вскочил и крикнул переводчику:

– Помоги ему!

Мамат вдруг, собравшись с силами, поднял снятые с него цепи, размахнулся и ударил в висок турка. Не успев произнести ни звука, тот рухнул на пол. Следом Мамат уложил толмача, кинувшегося к нему. И муртазака, вбежавшего с кувшином и тазиком, Мамат также сокрушил одним ударом. В ожидании Алхаша он оглянулся на стон, раздавшийся позади. Турок умирал, у него изо рта шла кровь. Рядом лежал, не шевелясь, муртазак. А переводчик, закрыв лицо руками, сидел на полу и покачивался от головокружения. Мамат вытащил из-за поясов следователя и охранника пистолеты, взяв их в обе руки.

Пока Мамат ждал того, кому хотел отомстить, в душе остыла ярость. «Зачем мне брать на себя смерть негодяя? – горько усмехнулся он. – Пусть турецкий «правитель» жесток и алчен, но в нем есть сила, он дает жизнь своей общине. Алхаш и османам присягнул не из-за большого желания. Он готов без зазрения совести принять не только христианскую, но и цыганскую веру, если в этом увидит выгоду или окажется перед реальной угрозой. Ай,

это злосчастное самолюбие – сущность князей и дворян. Не оно ли стравило людей и разобщило наш народ настолько, что он не может уже защищать себя?»

Мамата отвлек шум открывавшейся двери. Он резко поднял пистолет и выстрелил. Грузное тело того, в кого пальнул, упало через порог. Это был телохранитель турка. Видимо, тот не нашел Алхаша. А если и нашел, то «князь» отказался. Никогда прежде не было между односельчанами такой вражды, как сейчас, – Алхаш всячески избегал встреч с Маматом. Наверняка боялся бесстрашного воина или стыдился своих злодеяний.

Мамат вышел с высоко поднятой головой, держа в руке заряженный пистолет. Попытался прицелиться в охранника, которого встретил на пути. Но тот успел опередить его, вскинув ружье. Так прервалась жизнь человека, ставшего для абазин народным героем!

35

Кавказскую делегацию встретили в Москве с большим почетом. На следующее утро по приезде, после завтрака, князей посадили на богато убранных лошадей и сопроводили к царю. Муджар и товарищи удивлялись, глядя на дворцы, украшенные золотом, чей блеск слепил глаза, на купола церквей и многочисленные дома. Дорога привела к одному из православных храмов.

– Здесь ведет деловые беседы с приезжающими наш великий царь Алексей Михайлович, – сообщил через переводчика боярин, сопровождающий гостей.

Кавказцы приветствовали царя так, как этому научил их священник, приехавший вместе с ними. Этот же иерей назвал имена, титулы, кто из них какой народ представлял, перечислил подарки, которые предназначались царю. Самодержец земли русской, выражая уважение, поинтересовался их здоровьем, поблагодарил за оказанную честь и стремление заключить договор о союзе. После обстоятельной беседы высказал добрые пожелания и обещал удовлетворить все просьбы. А затем велел священнику зачитать указ о его ответных подарках: каждому князю или представителю народа подносили по золотой чаре, по расшитой золотыми нитками собольей шубе, пуховой шапке, по сто соболиных шкурок и по сто

рублей. Богатыми подарками и деньгами были одарены и всадники, охранявшие своих владетелей.

Русский государь, так же, как и его предок Иоанн Грозный, был заинтересован в продолжении дружеских отношений с народами Северного Кавказа, поэтому такой заботой окружил приехавших. На протяжении тридцати лет он являлся главой великой державы. И за это время ни разу не отказывал горским послам. Он особенно был рад нынешнему приезду горцев и поверил их клятве. Ведь последние годы их воины вместе с русской армией сражались против Крымского ханства.

— Я даю вам обещание, что недруга, который попытается отнять у вас свободу, буду считать и моим личным врагом, — во всеуслышание объявил государь всея Руси, подтверждая, что не оставит в беде дружественные народы.

Без промедления на Кавказ было направлено воинство, чтобы помочь в борьбе против турок абазинским и кабардинским княжествам. Подобный указ самодержец послал донским казакам, запорожскому атаману Серко, Касбулату и командующему крепости Терсакан.

Но пока в «Белокаменной» находились абазинские и кабардинские посланники, ситуация изменилась. Турки, узнав о переговорах в Москве, ускорили подготовку войны против Руси. С этой целью они начали стягивать войска к портам крепостей Абаза, Мапа, Санджа, Капа, как можно ближе к границам неприятельского государства.

То, что Порты зарится на русские земли, было известно на протяжении последних лет. Неслучайно предпринимались военные походы царской армии против Крымского ханства и турецких крепостей. Теперь же положение сложилось таким образом, что враг абазин и кабардинцев стал главным противником и самого русского государства. Поэтому царь направил гонцов к Касбулату с посланием, в котором подчеркивалось, что разгром турок будет способствовать защите Руси и освобождению абазинских и кабардинских княжеств.

Готовая к битвам государева армия продвигалась к рубежам, где располагались турецкие силы. В нее входили также отряды кабардинцев, адыгейцев, абазин, калмыков, астраханских ногайцев, северных татар. Касбулат со своим пятитысячным войском продвигался навстречу янычарам, захватившим крепость Азак,

нещадно грабящим абазинские и адыгейские селения. В составе сводного войска были и те, кто встречались с царем и подписали договор о присоединении княжеств к Руси. Кабардинский полководец поставил во главе сотен Муджара и Рауана, о воинской доблести которых знал лично. А некоторых направил в их родные княжества, захваченные турками, чтобы они тайком собрали отряды.

Касбулат вывел свое войско из крепости Терсакан и расположил там, где сливаются Лаба и Уруп. Для врага эта преграда оказалась неожиданной. Перед рассветом, когда янычары переходили реки, воины, таившиеся в балках и лесах, атаковали чужеземцев выстрелами из пушек и ружей, разили копьями и саблями. Османы, не успев опомниться, с криками разбежались кто куда, бросив оружие, обозы с продуктами и имуществом, коней, раненых и тела убитых. Бегство их продолжалось до подножий гор, до верховьев рек Ходз и Белая.

На этих рубежах остатки турецких соединений, получив подкрепление, попытались укрепиться. Но этого не удалось. По их позициям, не смолкая, били пушки. Взрывы были настолько мощными, что тряслись горы. Чужеземцы с ужасом осознали опасность своего положения: снизу атаковали с оголенными мечами воины Касбулата, а сверху, со стороны гор, наступали войска адыгейцев.

Растрепанные, плохо вооруженные турецкие части, терпя поражение в боях, метались в поисках выхода к черноморскому побережью. Многие из османов, чтобы сохранить жизни, сдавались в плен. Среди захваченных немало оказалось адыгейцев, абазин и ногайцев.

И снова Муджар и Рауан с горестью замечали среди пленных своих сородичей и односельчан, с которыми дышали одним воздухом, пили воду из одного и того же родника.

— Чем вы опечалены, герои? — спросил подошедший к товарищам Касбулат. — Разве вы не победители, братья мои? На белом свете нет счастливей воина, поставившего врага на колени. Разве не так, герой из рода Жихи абаза Рауан? Я видел, как ты один с мечом в руках сражался с целой сотней и обращал турок в бегство. Мне хотя бы тысячу таких воинов, как ты... Дай пожать твою богатырскую руку! И твою ладонь, сын светлейшего Шабата! Я обязательно сообщу русскому царю о вашем героизме, о мужестве абазинских воинов.

Касбулат был великодушен и весел, будто весь мир сейчас принадлежал ему. Он даже не догадывался, из-за чего поникли соратники. Одержанная сегодня победа была для него важнее переживаний и опасности будущих битв. Наверное, таким и должен быть полководец. Он хочет, чтобы и подчиненные испытали такую же великую радость от победы! Заметив, что мшыштовцев не воодушевили его слова, Касбулат унял веселость и сочувственно сказал:

— Я понимаю, почему вы грустны, братья мои. Это касается не только вас. Распри между нашими народами стали их бедствием. Вы думаете, я не вижу, что здесь немало и моих сородичей. И мечом своим я поразил немало тех, в чьих жилах текла такая же кровь, как у меня. Что поделаешь? Каждый, кто направляет оружие против тебя, становится твоим врагом!

36

Долгим был путь Касбулата. Его сильное, сплоченное соединение в составе русской армии изгнало турок и татар из крепости Азак, отстояло Киев, освободило земли Запорожья, оттеснило захватчиков к Черному морю, откуда те начинали вторжение. Если имя Касбулата прежде вселяло страх в крымских татар, то теперь и турки боялись его не меньше. Вот так, выходя из одного сражения и вступая в следующее, в течение года прокладывали свой героический путь ратники славного кабардинского полководца.

В конце концов османы вынуждены были заключить мирный договор. Султан и крымский хан отправили гонцов к Касбулату с просьбой, чтобы провел переговоры с русским царем, и князь с ответственностью отнесся к делу, которое ему доверили. Он понимал, что продолжение русско-турецкой войны было опасным не только для его сородичей, но нанесет большой ущерб и Руси. Поэтому сразу же отправился в далекую Москву.

Мирный договор, заключенный тогда между султаном и русским государем стал выгодным для обеих сторон. Но неожиданно обернулся несчастьем для абазин Мшышты. Алхаш, потерявший влияние за период затянувшейся войны, запаса золотом и отправился в Капу. Своими настойчивыми требованиями и подношениями он добился того, чтобы земли долины остались под турецкой властью. Представители

султана на переговорах настояли на том, чтобы это требование было включено в текст договора. Касбулат, посредник между сторонами, как ни пытался изменить этот пункт, оказался бессилён.

И вновь Мшышта попала под управление Алхаша. Когда Касбулат понял, что данное им обещание Муджару и Рауану невыполнимо, что они и их люди оказались под турецкой пятой, он снова обратился к царю.

— Мы не можем нарушить договор, подписанный с турками, — ответил русский самодержец. — Османы утверждали, что это их давнишняя территория. Но люди, которые поклялись в верности мне и моей державе, могут переселиться на земли, принадлежащие Руси. Если они согласны, то я не допущу, чтобы кто-то помешал им и возьму новых подданных под свою защиту.

Касбулат знал, что под Мшыштой, в долинах рек Зеленчук и Куба проживают абазины другой родовой ветви, искусные земледельцы, что там много свободных угодий. Кроме того, они под надёжной защитой московского государя. Однако убедить людей покинуть земли, обжитые ими в течение столетий, было крайне трудно. Касбулат встретился с авторитетными и мужественными людьми, которые вместе с ним воевали. Побеседовал с каждым по отдельности. Однако его никто не хотел слушать.

— Даже птица не покидает своего гнезда, — говорила княгиня Гурара, возражая Касбулату. — Но ведь мы не просто птицы, которые легко могут оставить гнезда. Как можно бросить могилы тех, кого недавно похоронили, дорогой Касбулат, которого до сих пор я считала мудрым? У нас говорят: «Дикая собака пришла во двор и прогнала домашнюю...» Зачем же нам, подобно этому, бросать согретые своим дыханием очаги и селиться в чужом краю из-за каких-то иноземцев, в тени которых мы оказались? Это все равно, что смерть! Пусть лучше тогда нас убьют у своих очагов, как это произошло с моим дорогим князем.

И другие говорили Касбулату то же самое, что и княгиня. Им подсказывали это опаленные невзгодами сердца! Но вместе с тем, нельзя было не заметить примет возрастающего насилия со стороны захватчиков. Судьба складывалась не так, как хотели мшыштовцы, а по законам турок. Осознание происходящего приходило к людям постепенно...

Первыми поняли это Муджар и Рауан, хотя поначалу были так

огорчены доводами кабардинского князя, что намеревались даже изгнать его из Мшышты.

– Подумай, брат Муджар, – обратился Рауан, когда однажды они остались наедине. – Скоро из Капы вернется Алхаш. Он начнет мстить, стоя по горло в крови, не вникая ничьим словам и не подпуская никого близко к себе. Наши предки все время наставляли: «Сохраните себя, сохраните свой род...»

– Всё так, – ответил Муджар, посмотрев товарищу в глаза. – Можно было бы пережить все тяготы переселения, если бы не обстоятельство, о котором ты сказал...

– Да, сложнее всего смириться именно с этим, – Рауан сразу понял собеседника. – Помнишь, что сказал отец, когда мы ему сообщили о смерти матери: «Покойника откладывают в сторону и притягивают живого...»

– Пусть в ином мире обретет покой славный Мамат! – проговорил Муджар, вздохнув. – Скорби об усопших, но защити живых – об этом свидетельствуют его слова и дела. Однако нельзя обижаться и на мою мать за то, как она рассуждает. Шабат Басках был для нее и смыслом жизни, и богом. А после смерти у нее осталось одно утешение – его могила да очаг. Как же я могу оставить ее, престарелую, и перебраться куда-то?

– С твоей матерью нельзя не согласиться, – поддержал Рауан. – Ведь ее упрямство не связано ни с капризами, ни с амбициями. Это – веление великого сердца. Но, как повторял мой наставник Мсыр: «Только смерть не имеет исцеления...» Мы с тобой не раз уже говорили, что находиться здесь твоей семье чрезвычайно опасно.

Против переселения, однако, была не только княгиня. Сторонникам исхода стоило огромных усилий переубедить людей, которые цеплялись за всевозможные причины. Это был единственный выход, чтобы сохранить себя и весь народ. Гурара ради сына все же согласилась переселиться вместе со всеми жителями на новые земли.

И настал этот мучительный для сердец день! Прощаясь с родными местами, люди забыли даже о последствиях войны. Телеги, арбы, брички, лошади, мулы – всё было готово, чтобы двинуться в далекий край. Путь изгоев на северо-восток предстоял длительный, лежал через горный перевал Пхия, высоко взметнувшийся под черным небом.

Аул Басках – в горькой печали. Женщины громко оплакивали

погасшие очаги и могилы родных, которые покидали навек! Слезы и крики детей, напуганных происходящим, раздавались с разных сторон, Обреченно выли собаки, оставшиеся в опустевших дворах. Старейшины и мужчины, собрав силы, с излишней грубостью увещевали, подбадривали людей, и их голоса резали слух.

Лишь во дворе княгини Гурары было тихо. Хозяева уже погрузили свое имущество на брички и мулов. Небольшое количество скота, собранное в стадо, уже выгнал со двора мужчина, помогавший в переселении.

Сама же хозяйка в черной, траурной одежде, к которой люди уже привыкли, привела сына и его семью к могиле князя Шабата. Став на колени, они почтили его память, обратились со словами печали и благодарности и помолились за него. Напоследок Муджар взял с могилы горсть земли и насыпал в походный мешочек. Потом произнес клятву, что всегда будет служить своему народу, как завещал отец. У надгробья осталась одна княгиня. Муджар, ожидавший со своей семьей вблизи ворот, был вынужден вернуться, чтобы поторопить мать.

Княгиня замерла, положив руку на тяжелую холодную плиту, не теряя достоинства, ничего не замечая вокруг, будто это ее не касалось. Она стояла, не шевелясь, будто превратилась в памятник своему супругу, князю Шабату! Задумчивая Гурара наверняка не слышала голосов односельчан, которые, не сдерживаясь, поливали дорогу слезами. Муджар, заметив состояние матери, отошел и покорно застыл.

Проходившие мимо переселенцы, глядя на княгиню, даже на расстоянии ощущали великую женскую скорбь. Они еще раз убеждались в том, что Гурара свято хранила верность мужу, с которым прожила до седых волос, белых как Аджарские вершины, что всем показала пример того, какой должна быть настоящая жена. Вот и в этот час, желая продлить расставание, княгиня спрашивает у мужа совета о том, как поступить...

Наконец она подняла голову.

– Ей-ей, сын мой, умудренный жизнью, я доставляю тебе большие страдания, – молвила Гурара, оторвавшись от печальных мыслей. – Не могу я покинуть своего Шабата. Как же быть, если слышу его голос, который говорит: «Не иди на чужбину». Как переселяться туда, где мне нет места?

– Пойдем, родная моя. Зачем гневить бога Псатаха, – уговаривал Муджар, обняв мать, с трудом пытаясь отвести ее от могилы. Но что-то твердое ощутил его локоть, прикоснувшись к широкому парчовому поясу матери. У Муджара это вызвало подозрение. Чтобы убедиться, он осторожно провел рукой. И нащупал маленькие ножны.

– Меня не принимает великий бог Псатах, которому я хочу покорно отдать свою душу! Прости, – сказала она, опережая вопрос сына.

– Как же ты могла задумать такое, моя достойная мать! – возмущенно проговорил Муджар и вытащил из-за края пояса серебряные ножны с кинжалом.

– Сын мой, лучше бы ты застал мою смерть, нежели то, что сейчас увидел. Всевышний будто держит меня за руку и внушает, что именно он дает и забирает душу. Я задумала недостойный поступок и тем самым опозорила тебя, – стала сокрушаться Гурара.

– Мы же обо всем договорились, мама?..

– Договорились... Но ноги не несут туда, куда не велит сердце, сынок.

Разговор матери и сына становился все более безрадостным. Хотя они не ругались, но и согласия не могли достичь. В конце концов слова Рауана, подошедшего к близким людям, положили всему конец. Он отвел Муджара в сторону и негромко предложил:

– Каждый знает лучше, что ему делать. Но, прости меня, если ты из моих уст услышишь что-нибудь обидное. Люди говорят о Шабате так же, как и при его жизни, приходят к могиле князя, чтобы исповедоваться или произнести клятву. Пусть же он будет с нами везде, куда приведет судьба. Давайте возьмем с собой прах Шабата!

– Быть мне твоей жертвой, Рауан! Благодарю тебя за такую праведную мысль, – сказал Муджар, воспрянув духом. – Пойдем, посоветуемся с матерью.

Когда княгине передали слова Рауана, по ее поведению стало заметно, что окаменевшее в горе сердце смягчилось.

– Это так, только смерть не имеет лекарства, сыновья мои! – сказала она. – Ты разумно придумал, Рауан. Нет греха в том, что заставляет нас делать тяжелое время...

Вот так, баскаховцы, приняв мудрое решение, взяли с собой прах славного князя Шабата и отправились через перевал Пхия на земли, принадлежавшие русскому государству.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От издателя.....	3
А. Дзыба. Художественное воплощение тысячелетней истории	5
У старого мудреца.....	9
Часть первая. Джандра и Яфат.....	18
Часть вторая. Дамхур и Мамхур.....	37
Часть третья. Алхаш и Шабат.....	116
Часть четвертая. Лаба.....	235

ДЖЕГУТАНОВ КАЛИ САЛИМ-ГЕРИЕВИЧ

ЗОЛОТОЙ КРЕСТ

Роман